СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ИСТОРІЯ

(1789 1900).

Подъ редакціей Ж. Жореса.

Т. XII.

ЛУИ ДЮБРЕЙЛЬ.

Коммуна 1871 года.

Переводъ Н. С. Тютчева.

Цѣна 75 коп.

БІБЛІЯТЭКА
Магілёўскага
дзяржаўнага
універсітэта
імя А. А. Кулешова

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
1908.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Оглавленіе.

I. Осажденный Парижъ 1
II. Парижъ внѣ закона 15
III. Восемнадцатое Марта 25
IV. Мэры и Центральный Комитетъ 33
V. Коммуна избрана 52
VI. Передъ неизвѣстнымъ 58
VII. Затрудненія 73
VIII. Тьеръ за работой 87
IX. Вылазка 3 апрѣля 92
X. Коммуна въ провинціи 105
XI. Послѣ вылазки 113
XII. Подъ стѣнами Парижа 124
XIII. Комиссіи и делегаціи 130
XIV. Миротворцы 140
XV. Политика Коммуны 149
XVI. На пути къ гибели 154
XVII. За баррикадами 174
XVIII. Трехцвѣтный терроръ 192
XIX. Нѣсколько замѣчаній 215
Важнѣйшія опечатки. 219

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Луи Дюбрейль.

ПАРИЖСКАЯ КОММУНА.

I. Осажденный Парижъ.

Своимъ возникновеніемъ Коммуна запоздала на полгода. Когда событія, и скорѣе обдуманные тайные происки ея противниковъ, чѣмъ сознательныя побужденія ея сторонниковъ, привели наконецъ къ ея провозглашенію, благопріятныя для нея условія уже миновали; и пролетарское движеніе было уже заранѣе осуждено на пораженіе, было обречено на гибель и бойню.

8-го октября и 31-го октября (н. ст.), въ осажденномъ пруссаками Парижѣ, кипящемъ, какъ кратеръ, въ Парижѣ, опьяненномъ святымъ гнѣвомъ и широкими надеждами, когда еще народная энергія клокотала и не была израсходована, для провозглашенія Коммуны былъ какъ разъ подходящій моментъ. Даже 22 января, несмотря на бомбардировку и питаніе населенія раціонами, несмотря на Шампиньи и Бюзанвиль, *) время не было еще упущено.

Но послѣ заключенія мира, сдачи фортовъ, послѣ того, какъ пушки непріятеля уже непосредственно господствовали надъ городомъ на всемъ протяженіи отъ Сенъ-Дени до Венсенна, когда всю провинцію вновь охватили апатія и животное прозябаніе, возможны были только героическій порывъ и грандіозная жертва, хотя и почти безполезные. Привилегированные классы могли безцеремонно смѣяться надъ безнадежнымъ возстаніемъ доведеннаго до крайности народа. Дѣйствительно, этотъ народъ могъ избѣжать пораженія, только бросившись подъ пяту пруссака, который—а въ этомъ они были патріотически увѣрены—вернетъ его имъ-же обратно, но разстрѣляннымъ и истерзаннымъ.

Припомнимъ другую Коммуну, первую Коммуну 92 и 93 г.г. Она пріобрѣла власть, увлекла за собою Конвентъ, а черезъ Конвентъ и всю націю, только потому, что хотѣла и сумѣла захватить и вмѣстѣ съ тѣмъ задушить въ своихъ крѣпкихъ объятіяхъ, какъ внѣшняго врага, такъ и внутренняго предателя. Она не отступала въ своей смѣлости и въ своей борьбѣ, и тѣ удары,

*) Неудачныя для парижанъ вылазки. Пр. пер.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

которые нанесены были ею 10 августа и 2 сентября у себя дома заговорщикамъ, и предыдущіе при Вальми и Жемапѣ,—которые она обрушила при помощи своихъ санкюлотовъ на голову завоевателя, имѣли въ виду одну и туже цѣль, приводили къ одному концу, къ сокрушенію того стараго міра, разрушеніе котораго Коммуна считала своей задачей, необходимой для завершенія революціи. Это-то двойное нападеніе и доставило Коммунѣ господство, оно позволило сдунуть, какъ соломинку, своимъ бурнымъ дыханіемъ, королевскую власть, дворянство, духовенство и основать новую Францію.

Точно также и для второй Коммуны поводъ для ея существованія и возможность импонировать, продолжать свою дѣятельность и побѣдить заключались только въ томъ, чтобы она, какъ революціонная Коммуна, одновременно возстала какъ противъ внѣшняго врага, завоевателя-пруссака, такъ и противъ внутренняго врага, буржуа-капитулянта, и однимъ и тѣмъ-же натискомъ напала на обоихъ. Ея спасеніе и торжество зависѣли отъ этого двойного дѣйствія, отъ этого одновременнаго нападенія, не различающаго капитализма въ остроконечной каскѣ, обрушивающагося изъ Германіи, отъ туземнаго капитализма, его соучастника, нетерпѣливо стремившагося къ подчиненію и капитуляціи, такъ какъ онъ прекрасно понималъ, что всякая побѣда Парижа была бы побѣдой пролетарской, побѣдой революціи.

Во время самой осады рабочій классъ болѣе или менѣе сознательно понялъ необходимость единоборства со всею совокупностью капиталистическихъ силъ, какъ національныхъ, такъ и иностранныхъ, и употребилъ всѣ усилія, дѣйствуя при помощи своихъ наиболѣе проницательныхъ и горячихъ элементовъ, чтобы вызвать эту борьбу.

Благодаря этому и произошли различныя инсуррекціонныя движенія батальоновъ рабочихъ кварталовъ Бельвиля и Монмартра, цѣлью которыхъ являлось изгнаніе изъ Ратуши (Hotel de ville) занимавшихъ ее буржуа, и установленіе диктатуры рабочаго класса, которая должна была явиться руководящей силой республики и власти.

Обстоятельства для подобной попытки складывались чрезвычайно благопріятно. Чтобы защищать Парижъ, обложенный съ половины сентября и ожидающій вскорѣ бомбардировки, необходимо было вооружить населеніе, призвать въ ряды національной гвардіи всѣхъ взрослыхъ, способныхъ носить оружіе. Въ первый моментъ попробовали было ограничиться извѣстнымъ подборомъ, тщательно отобрать 80 или 90,000 человѣкъ; но подъ давленіемъ ясно выраженной воли населенія, безпрерывныхъ демонстрацій предмѣстій, требованій мэровъ, побуждаемыхъ населеніемъ, правительство вынуждено было пойти до конца и снабдить всякаго гражданина обмундировкой, оружіемъ и патронами. Такимъ образомъ на ряду съ нѣсколькими тысячами крупныхъ буржуа, изолированно тонущими въ громадномъ цѣломъ, бокъ о бокъ съ нѣсколькими сотнями тысячъ людей, взятыхъ изъ лавокъ и конторъ, въ тѣхъ-же рядахъ оказались двѣсти или двѣсти пятьдесятъ тысячъ вооруженныхъ пролетаріевъ. Съ 1793 г. не видано было подобнаго рода зрѣлища: всѣ жители города, и какого города—Парижа-столицы, снабжены были двумя орудіями освобожденія: избирательной запиской и ружьемъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Понятны, конечно, поэтому правительственныя и буржуазныя опасенія, возникшія съ самого начала, и все усиливавшіяся боязнь и тревога, которыми сопровождались до самого конца совѣщанія „Національной защиты". Вооружить парижскій народъ—это значило то-же, что вооружить революцію и нарушить къ выгодѣ производителя и получающаго заработную плату то искусное равновѣсіе силъ, которое одно только и дѣлаетъ возможнымъ сохраненіе капиталистическаго неравенства.

А никто не былъ лучше знакомъ съ этимъ народомъ, чѣмъ три Жюля: Фавръ, Симонъ и Ферри, чѣмъ Пикаръ, Гарнье-Паже и всѣ ихъ статисты.

Народъ этотъ составляли ремесленники предмѣстьевъ Сентъ-Антоана и Тампля, а за ними стояли еще болѣе плотныя и компактныя массы болѣе отдаленныхъ кварталовъ, многочисленныя, рабочія массы Бельвиля, Монмартра, Гренеля, Ля-Глясьеры, уже захваченныя, въ лицѣ своей передовой части, соціалистической пропагандой прудонистовъ, Интернаціонала и бланкистовъ.

Начиная съ 1862 г. это населеніе, оправившись послѣ ужаснаго іюньскаго кровопусканія, объявило имперіи борьбу на смерть; оно находилось въ постоянномъ движеніи, всегда на сторожѣ, осаждая клубы, гдѣ раздавалось слово политическаго и соціальнаго освобожденія, собираясь на бульварахъ при всякой манифестаціи въ числѣ 10 и 20,000, участвуя въ количествѣ сотни тысячъ въ процессіи, шедшей за погребальной колесницей Виктора Ноара.

Правда, этотъ-же народъ сдѣлалъ Фавра, Пикара и другихъ своими представителями въ Законодательномъ Корпусѣ. Съ какою цѣлью? Потому что онъ думалъ, что съ ихъ извѣстными именами, ихъ знаменитостью, какъ адвокатовъ или писателей, они являлись лучшими снарядами, какъ говорили тогда, для бомбардировки твердыни Имперіи; но возлагать на нихъ свои надежды народъ пересталъ уже давно. Почти ежедневно между избранными и избирателями возникали тренія, т. к. первые удовлетворялись дѣтской игрою въ оппозицію, становившуюся все болѣе и болѣе платонической и лояльной, и готовились, быть можетъ, продѣлать, подобно Эмилю Оливье, полное обращеніе къ либеральной имперіи, а вторые стремились къ неизмѣнной, непримиримой оппозиціи, къ завоеванію республики силою.

Могли-ли послѣ этого Фавръ, Пикаръ, Симонъ, въ свою очередь ставшіе властью, довѣрять этому народу и не остерегаться его? Съ той поры они уже боялись его, съ тѣхъ временъ они уже ненавидѣли его. Къ тому-же они хорошо понимали, чего именно стремились достигнуть эти массы, они сознавали, что республика, о которой онѣ такъ страстно мечтали и которая была, наконецъ, у нихъ въ рукахъ, не являлась для этихъ массъ, какъ для нихъ самихъ, пустымъ призракомъ, простой каррикатурой режимовъ гнета и привиллегій, уже испытанныхъ ими въ теченіе восьмидесяти лѣтъ, но живой и дѣйствующей искупительницей, наставницей новыхъ временъ, ломающей свое копье о забрало всего прошлаго, несущей въ тяжелыхъ складкахъ своего пеплума всѣмъ ограбленнымъ и придавленнымъ трудящимся: спокойную увѣренность, благосостояніе, свободу; массы видѣли въ этой республикѣ побѣжденную и задавленную въ іюнѣ 48 г. демократическую и соціальную республику. Въ глазахъ будущихъ палачей, которые были прежде всего буржуа, а затѣмъ уже

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

республиканцами, если вообще въ нихъ что-либо еще оставалось отъ республиканскихъ идей, и эта вѣра являлась уже преступленіемъ, а подобныя надежды—смертнымъ приговоромъ.

Таково было положеніе 4 сентября и таковы были дѣйствующія лица начинавшейся драмы, эпилогъ которой долженъ былъ разыграться въ Коммунѣ.

Парижскій народъ, не захвативъ въ этотъ торжественный моментъ въ свои руки власть въ Парижѣ, и еще разъ отрекшись отъ нея, возложивъ на другихъ заботы о своей защитѣ, совершилъ ошибку и эта ошибка превратилась въ его наказаніе. Занявъ Законодательный Корпусъ, прогнавъ изъ него лакеевъ человѣка декабрьскаго переворота и объявивъ его низложеніе, народъ могъ сохранить за собою только что завоеванную власть. Увлеченіе, привычка, недовѣріе къ себѣ и къ своимъ политическимъ способностямъ явились причиной того, что народъ самъ себя отдалъ въ руки тѣхъ, которые оплачивали его трудъ, какъ будто-бы съ цѣлью узнать ихъ слабость и вѣроломство, и единственнымъ правомъ которыхъ было то, что они считались его избранниками, избранниками Парижа.

Во всякомъ случаѣ этотъ отказъ народа отъ власти не былъ полнымъ устраненіемъ: уже вечеромъ 4 сентября правительство „Національной Защиты", еще не успѣвшее взять въ свои руки правленіе, посѣтили первые делегаты рабочаго класса. Эти делегаты посланы были изъ Кордери и являлись уполномоченными парижской секціей Интернаціонала и Федераціи Рабочихъ Синдикальныхъ Палатъ.

Делегатовъ принялъ Гамбетта и выслушалъ ихъ заявленія. Делегація эта явилась сообщить тѣ условія, при которыхъ она и ихъ довѣрители согласны были бы оказать полное содѣйствіе новому правительству.

Условія эти были слѣдующія:

Немедленное избраніе въ Парижѣ муниципальныхъ совѣтовъ, спеціальнымъ назначеніемъ которыхъ, помимо обычныхъ административныхъ функцій, явилась бы быстрая организація батальоновъ національной гвардіи и ихъ вооруженіе.—Уничтоженіе префектуры полиціи и передача парижскимъ муниципалитетамъ большинства функцій, сконцентрированныхъ въ этой префектурѣ.—Принципіальное признаніе избираемости и смѣщенія всѣхъ городскихъ служащихъ и избраніе ихъ въ возможно скоромъ времени.—Отмѣна всѣхъ репрессивныхъ, ограничительныхъ и фискальныхъ законовъ, касающихся прессы; признаніе безусловнаго права собраній и союзовъ.—Уничтоженіе бюджета культовъ.—Отмѣна всѣхъ приговоровъ по политическимъ дѣламъ, произнесенныхъ до настоящаго дня; прекращеніе всѣхъ возбужденныхъ преслѣдованій и освобожденіе всѣхъ лицъ, арестованныхъ вслѣдствіе послѣднихъ событій.

Какъ мы видимъ, эта программа, помимо непосредственныхъ мѣръ, вызываемыхъ обстоятельствами, не шла дальше той программы, на основаніи которой самъ Гамбетта былъ избранъ годъ тому назадъ, т. е. Бельвильской программы 1869 года.

Трибунъ отвѣтилъ общими мѣстами, фразами и неопредѣленными обѣщаніями. Онъ говорилъ объ амнистіи и сослался на то, что свобода печати является уже осуществившимся фактомъ вслѣдствіе отмѣны штемпеля и залога; въ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

довершеніе онъ благосклонно обѣщалъ за себя и за своихъ товарищей обсудить сдѣланное предложеніе.

Настоящій отвѣтъ былъ данъ на слѣдующій день. Правительство, вмѣсто назначенія выборовъ, само назначило какъ главнаго мэра Парижа, такъ и мэровъ и ихъ помощниковъ въ двадцати округахъ, причемъ избранныя лица были изъ среды наиболѣе сочувствующихъ правительству и къ рабочимъ настроены явно враждебно. Напримѣръ одинъ изъ нихъ, г. Ришаръ, мэръ XIX округа, не стѣсняясь заявлялъ, «что въ іюнѣ 48 г. убито было недостаточно".

Это былъ явный и циничный вызовъ и Кордери приняла его. Рабочія организаціи, съ этого момента имѣвшія своимъ центромъ Кордери и вскорѣ затѣмъ расплывшіяся въ новыхъ, болѣе широкихъ организаціяхъ, болѣе тѣсно связанныхъ съ требованіями момента, внезапно наполнились массой гражданъ, и самопроизвольно образовался новый союзъ, болѣе гибкій и сильный. Этотъ союзъ, которому предназначено было сыграть крупную роль, конституировался подъ именемъ Центральнаго республиканскаго Комитета двадцати округовъ.

Этотъ Центральный Комитетъ былъ лишь общимъ выраженіемъ, о чемъ говорило и самое его названіе, окружныхъ комитетовъ, сорганизовавшихся одинъ за другимъ въ округахъ, органомъ для сношеній и согласованности дѣйствія этихъ мѣстныхъ группировокъ, которыя сами себя именовали республиканскими наблюдательными комитетами.

Наблюдательные комитеты выбраны были прямымъ народнымъ голосованіемъ на народныхъ собраніяхъ жителей каждаго округа. Ихъ задачей являлось собираніе всѣхъ предложеній и всѣхъ требованій гражданъ, касающихся администраціи и защиты. Помимо этого на ихъ обязанности лежали контроль и наблюденіе за всѣми служащими и агентами мѣстной администраціи, мэрами, ихъ помощниками и т. д., назначенными, какъ мы знаемъ, правительствомъ и обнаруживавшими сильное стремленіе несогласовывать свои рѣшенія и дѣйствія съ желаніями и нуждами управляемыхъ.

Каждый изъ этихъ комитетовъ выбиралъ четырехъ своихъ членовъ въ уполномоченные, которые вмѣстѣ съ делегатами остальныхъ девятнадцати округовъ должны были составить собраніе изъ восьмидесяти гражданъ и являться представителями цѣлаго, т. е. образовать Центральный Комитетъ.

Только что конституировавшись, Центральный Комитетъ уже заявилъ объ этомъ и вступилъ въ сношенія съ осажденной столицей, обнародовавъ плакатами декларацію, одобренную на его засѣданіяхъ 13 и 14 сентября; въ ней подробно изложены были мѣропріятія, принятыя по его иниціативѣ въ народныхъ собраніяхъ по кварталамъ и уже переданныя правительству, чтобы издать ихъ въ видѣ декрета; мѣры эти „имѣли цѣлью заботу о спасеніи отечества, а также окончательное установленіе истинно республиканскаго режима на основѣ постояннаго содѣйствія индивидуальной иниціативъ и народной солидарности".

Онѣ были разнообразны: мѣры общественной безопасности, мѣры, обезпечивающія средства пропитанія и жилищныя нужды, защиту Парижа и защиту департаментовъ.

Мы не будемъ останавливаться на мѣрахъ первой категоріи, потому что онѣ являлись повтореніемъ предложеній, сдѣланныхъ 4 сентября вечеромъ пра-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

вительству делегатами Кордери. Послѣднія два предложенія, касавшіяся защиты Парижа и департаментовъ, характерны были тѣмъ, что они вводили немедленное избраніе мобилизованной гвардіей всѣхъ своихъ начальниковъ, которые должны были вести ее въ огонь, на мѣсто тѣхъ офицеровъ, которые до этого времени назначались сверху, а также и требовали всеобщаго вооруженія всѣхъ гражданъ. Но наиболѣе типичными и важными изъ этихъ мѣръ были подходившія подъ рубрику: продовольствіе и жилища.

Вотъ что говорилъ по этому вопросу Центральный Комитетъ:

„Въ виду общественной необходимости необходимо экспропріировать всѣ съѣстные припасы и припасы первой необходимости, находящіеся въ данное время въ Парижѣ у оптовыхъ и мелочныхъ торговцевъ, и гарантировать послѣднимъ уплату за эти припасы послѣ войны на основаніи росписокъ о товарахъ, экспропріированныхъ и оцѣненныхъ по стоимости производства;

„Необходимо избрать въ каждой улицѣ, или по крайней мѣрѣ въ каждомъ кварталѣ комиссію и уполномочить ее составить описи предметовъ потребленія и объявить имена ихъ настоящихъ владѣльцевъ, лично отвѣтственныхъ передъ муниципальной администраціей;

„Необходимо распредѣлять съѣстные припасы, раздѣливъ ихъ предварительно по категоріямъ, среди всѣхъ жителей Парижа при помощи талоновъ, которые періодически будутъ передаваться имъ въ каждомъ округѣ соразмѣрно: 1) количеству членовъ семьи каждаго гражданина, 2) количеству съѣстныхъ припасовъ, опредѣленныхъ указанными комиссіями, и 3) предположенію о наивозможно большей продолжительности осады.

„Кромѣ того муниципалитеты обязаны обезпечить каждому гражданину и его семьѣ необходимое имъ помѣщеніе“.

Очевидно, если бы эти мѣры, являвшіяся къ тому же лишь началомъ, получили осуществленіе, онѣ повели бы не только къ значительно болѣе продолжительной осадѣ, но вызвали бы вмѣстѣ съ тѣмъ такія глубокія и радикальныя измѣненія въ отношеніяхъ между классами, что было бы затруднительно послѣ окончанія кризиса окончательно вытравить всякіе слѣды ихъ. Эти мѣры, составлявшія главную сущность деклараціи, предполагали, что призвавъ всѣ классы къ совмѣстной жертвѣ и къ участію въ сраженіяхъ, при общей нуждѣ и сообща раздѣленныхъ опасностяхъ, весьма скоро сотрутся вѣковыя противорѣчія роскоши и бѣдности, утонченности и грубости, образованности и невѣжества, сгладятся всѣ соціальныя различія и что такимъ образомъ соціалистическій порядокъ и республика равенства выкуются на наковальнѣ войны, подъ огнемъ непріятельскихъ пушекъ.

Весь духъ Коммуны уже обнаружился въ этихъ мѣрахъ, въ этой декларація, краснорѣчиво окрещенной именемъ „Красной прокламаціи“; если бы ея суровый призывъ былъ услышанъ, онъ могъ бы явиться исходнымъ пунктомъ полнаго возрожденія французскаго общества.

Мы сказали, что весь духъ Коммуны былъ тутъ, но были также на лицо—и это слѣдуетъ отмѣтить—и дѣятели ея. Среди тѣхъ 46 именъ, которыя подписались подъ прокламаціей, мы, дѣйствительно, встрѣчаемъ 11 лицъ, которыя въ мартѣ и апрѣлѣ были посланы народомъ въ Ратушу. Это были

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Клюзере, Демэ, Жоганнаръ, Лефрансэ, Ш. Лонге, Беноа Малонъ, Удэ, Пинди, Ранвье, Эд. Вальянъ, Жюль Валлесъ; и кромѣ того еще другія лица, имена которыхъ, какъ Гентонъ и Мильеръ, во время версальскихъ репрессій записаны были въ мартирологъ послѣднихъ защитниковъ краснаго знамени.

Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, потому что Центральный Комитетъ и Кордери являлись въ сущности центромъ объединенія для наиболѣе горячихъ, наиболѣе воинственныхъ и наилучше освѣдомленныхъ элементовъ, а также и для тѣхъ, которые всматривались наиболѣе опытнымъ и вѣрнымъ взглядомъ въ туманныя перспективы будущаго. Вся напряженная и безнокойная жизнь великаго осажденнаго города вливалась сюда, сконцентрировывалась и клокотала тутъ; ея смутное желаніе освобожденія и избавленія превращалось здѣсь въ сознательную волю; ея чаянія матеріализовались здѣсь въ рѣшенія и дѣйствія. Кордери засѣдала почти непрерывно. Делегаты двадцати округовъ ежедневно собирались тамъ послѣ полудня въ своихъ мундирахъ національныхъ гвардейцевъ, пѣхотныхъ полковъ или артиллеріи. Они приносили сюда свѣдѣнія изъ своей среды, обмѣнивались ими, сговаривались и принимали опредѣленныя рѣшенія; затѣмъ вечеромъ они возвращались въ свои округа, въ мѣста засѣданій мѣстныхъ комитетовъ, въ клубы квартала, и передавали здѣсь общія свѣдѣнія, почерпнутыя изъ вѣрнаго источника, знакомили своихъ довѣрителей съ потайными пружинами событій и сообщали имъ принятыя рѣшенія, имѣвшія въ виду предупредить увеличивающуюся опасность, измѣну, все болѣе и болѣе угрожавшую со стороны членовъ правительства.

Рабочій, соціалистическій и революціонный Парижъ жилъ такимъ образомъ этой общей жизнью въ теченіи пяти мѣсяцевъ, и подобная жизнь съ той поры пока еще не повторялась; городъ вибрировалъ въ унисонъ и сообща однимъ и тѣмъ-же гнѣвомъ и однѣми и тѣми-же надеждами, солидарный въ единой мысли и единомъ усиліи.

Клубы, наблюдательные комитеты и Кордери—ихъ центральный выразитель—были органами-генераторами всей этой постоянной и регулярной агитаціи. Они взяли на себя и исполняли функціи сношеній и агитаціи, являясь добавленіемъ традиціоннаго и обычнаго двигателя—прессы. Это не значитъ, что пресса молчала въ это время. Ежедневныя газеты выростали, какъ грибы; прежнія реакціонныя сохранились, а на ряду съ ними ежедневно появлялись новыя передовыя газеты. Всѣ, молчавшіе во времена имперіи, ссыльные, заключенные, имѣли каждый свою трибуну и говорили съ нея громко и энергично; однако ясное предвидѣніе событій и точное пониманіе необходимыхъ для спасенія дѣйствій отсутствовало даже у наиболѣе проницательныхъ и наиболѣе смѣлыхъ изъ нихъ, даже у тѣхъ, къ кому вслѣдствіе ихъ прошлой борьбы и понесенныхъ жертвъ, общество относилось съ довѣріемъ и уваженіемъ. Даже „Reveil“ Делеклюза, даже „Patrie en Danger“ Бланки не давали, по крайней мѣрѣ вначалѣ *), ни точнаго указанія, ни спасительнаго импульса.

*) Критика „Patrie en Danger“ и Бланки, бывшаго его обаятельнымъ и прекраснымъ редакторомъ, относится только къ періоду между 7 сентября и первыми днями октября. Съ этого момента Бланки ясно разгадалъ игру „защиты“ и сознавалъ, что до внѣшняго врага нельзя было добраться, не напавъ предварительно на его соумышленника внутри страны.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

„Прежде всего пруссаки“—говорилъ „Reveil“, тоже самое говорила „Patrie en Danger“, а отсюда до вывода, что первой обязанностью являлось наиболѣе тѣсное сплоченіе вокругъ правительства «Національной защиты»,—оставалось сдѣлать лишь одинъ шагъ.

Наоборотъ, Кордери говорила и кричала въ своихъ двадцати окружныхъ комитетахъ, и въ своей сотнѣ союзныхъ клубовъ: прежде всего Ратуша! сначала надо идти на болѣе близкаго врага, союзника и соучастника внѣшняго, потому что тотъ-же самый классъ въ стѣнахъ города, прикрываясь маской проливающихъ слезы адвокатовъ и болтуновъ генераловъ, парализуетъ защиту, а за стѣнами города, подъ сѣнью двуглаваго орла Вильгельма и Бисмарка, ежедневно все болѣе и болѣе стягиваетъ кольцо блокады и завязываетъ все крѣпче ту петлю, которая должна удушить Парижъ и республику.

Такимъ образомъ настроенная Кордери могла представлять собою только непрерывный заговоръ противъ Ратуши. Она и была этимъ заговоромъ.

Вначалѣ различные элементы, составлявшіе Кордери, были еще смѣшанными, но они быстро очистились. Менѣе серіозные, менѣе горячіе люди имѣвшіе склонность къ галунамъ, перекочевали въ батальоны, получивъ тамъ должности; другіе, робкіе и уравновѣшенные люди вошли въ различныя, учрежденныя при мэріяхъ комиссіи продовольствія, обмундированія, вооруженія, побуждаемые благородными намѣреніями быть полезными, дѣйствительно послужить «защитѣ», которая, впрочемъ, всякому, дававшему себѣ трудъ нѣсколько поразмыслить надъ нею, казалась позорнымъ обманомъ. Въ результатѣ всего этого въ Кордери весьма скоро остались одни лишь революціонно-соціалистическіе элементы, отборное ядро, очищенное отъ всякаго шлака, отъ всякаго патріотическаго угара, въ буржуазномъ значеніи этого слова, и день ото дня все болѣе пламенѣвшее энтузіазмомъ и смѣлостью.

Кордери съ самаго начала обнаружила обманъ «національной защиты». Возможно, что ей неизвѣстны были застольныя рѣчи генералиссимуса Трошю, сознававшагося въ интимной компаніи, что „осада является лишь героическимъ безуміемъ, героическимъ, пускай, но безуміемъ—въ этомъ нельзя сомнѣваться“; но Кордери во всякомъ случаѣ угадала ихъ. Въ виду этого она и обнаружила полное презрѣніе и злобу ко всѣмъ этимъ тартюфамъ; какой нибудь Жюль Фавръ восклицалъ: «ни одного дюйма нашей территоріи, ни одного камня нашихъ крѣпостей!» а подъ сурдинку велъ переговоры съ врагомъ и въ этихъ цѣляхъ отправлялъ Тьера прогуляться по всѣмъ дворамъ Европы; какой нибудь генералъ Дюкро, побѣдоносный вояка, восклицалъ, выходя изъ Парижа: «я вернусь или мертвымъ или побѣдителемъ!» но онъ возвращался живымъ и разбитымъ, не попытавшись даже испробовать до конца счастье, введя въ огонь войска, желавшія только одного—сразиться. Вѣрить въ Трошю, Тьера, Фавра, Дюкро и въ ихъ сподручныхъ, въ товарищей Базена, въ старыхъ прихвостней Эмиля Оливье—она не могла. Благодаря этимъ людямъ, ихъ трусливости и ихъ неискренности пораженіе и капитуляція являлись въ ея глазахъ неизбѣжными, а республика могла быть скомпрометирована и даже по всей вѣроятности могла погибнуть, если не противодѣйствовать этимъ людямъ и не наложить руки на измѣну, если не избавиться отъ трусовъ и неспособныхъ администраторовъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Все это измѣнилось-бы, если-бы народъ владѣлъ Ратушей и революціонная Коммуна вела за собой Парижъ и руководила имъ. Національная гвардія представляла собою неисчерпаемый источникъ комбатантовъ, изъ котораго въ теченіе одного или двухъ мѣсяцевъ можно было бы создать прекрасную военную силу, солидную, хорошо спаянную, выдающуюся по мужеству и настроенію. Эта сила—300.000 человѣкъ, 400 или 450.000 вмѣстѣ съ регулярной арміей, расположенной на укрѣпленіяхъ, которая послѣдовала-бы за національной гвардіей по привычкѣ къ дисциплинѣ;—эта сила, говорю я, смѣло и добровольно ринулась-бы на пруссаковъ. Она могла тревожить ихъ безъ устали и утомить ихъ постоянными вылазками и, конечно, прорвала-бы въ концѣ концовъ кольцо обложенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма тонкое. Пусть только представятъ себѣ впечатлѣніе отъ этого удачнаго нападенія, произведеннаго батальонами, водрузившими красное знамя на полѣ битвы, захваченномъ у завоевателя; пусть подумаютъ, какъ отозвалась-бы эта побѣда на провинціи, съ безпокойствомъ слѣдившей за всякимъ движеніемъ великаго города-крѣпости и ожидавшей, что Парижъ протянетъ ей руку надъ разбитыми, затоптанными въ грязь германскими орлами. Франція встала-бы тогда, отвѣтивъ на смѣлый порывъ столицы поголовнымъ ополченіемъ, и отбросила-бы завоевателя, преслѣдуя его по пятамъ вплоть до границы. Это было-бы повтореніемъ героической эпопеи минувшаго вѣка, вернувшейся подъ знаменемъ пролетарской революціи для учрежденія соціальной республики.

Фантазія! скажутъ на это. Кто знаетъ? Область реальнаго лежитъ въ иной плоскости, чѣмъ область возможнаго; то, что было, и то, что могло-бы быть. И эта фантазія, во всякомъ случаѣ, часто посѣщала дѣятелей Кордери, она питала ихъ надежды и воспламеняла ихъ мужество, она объясняетъ ихъ дѣятельность, ихъ обращеніе къ оружію послѣ каждой неудачи, послѣ всякаго новаго убѣдительнаго доказательства неспособности и измѣны „защиты,“ и она-же объясняетъ, наконецъ, и послѣднее обращеніе къ оружію, то, которое удалось, къ несчастью, только послѣ окончательнаго разгрома, когда уже было поздно: инсуррекцію 18-го Марта, Коммуну.

Въ планъ нашей задачи не входитъ дстальное описаніе движеній 8-го и 31-го октября и 22 января. Эти движенія были уже описаны и проанализированы Жоресомъ, потому что по хронологическому порядку они относятся къ періоду осады. Здѣсь-же упоминаніе о нихъ оправдывается лишь постольку, поскольку они освѣщаютъ общее положеніе въ Парижѣ, наканунѣ 18 марта, и показываютъ истинное соотношеніе классовъ и партій, вступившихъ въ борьбу во время Коммуны.

Первое изъ этихъ движеній, бывшее въ началѣ октября, было вызвано и организовано Кордери. Оно могло-бы удаться тѣмъ легче, что засѣдавшее въ Ратушѣ правительство еще ничего не опасалось и не предполагало, чтобы нашлись смѣлые люди, которые могли-бы оспаривать у него власть и даже прогнать его. Къ несчастію, попытка эта обнаружилась преждевременно. Центральному комитету поручено было посвятить въ это предпріятіе нѣсколькихъ батальонныхъ командировъ національной гвардіи. Одинъ изъ нихъ, Густавъ Флурансъ, незадолго до этого уже пожалованный Трошю въ нѣсколько акро-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

батическое званіе «маіора укрѣпленнаго вала», испортилъ все дѣло своей торопливостью или своимъ стремленіемъ лично выдвинуться. Движеніе назначено было на 8-ое октября, но уже 6-го Флурансъ явился въ Ратушу съ своимъ бельвильскимъ батальономъ, вызвалъ этимъ тревогу и далъ, такимъ образомъ, возможность правительству принять необходимыя мѣры предосторожности; онъ долженъ былъ отступить ничего не сдѣлавъ. 8-го, когда главныя силы должны были принять участіе въ дѣлѣ, благопріятный случай былъ уже упущенъ, и попытка внезапнаго нападенія превратилось въ простую демонстрацію.

31 октября разыгралось болѣе горячее дѣло. Одинъ день и одну ночь инсуррекція держала въ своихъ рукахъ мѣсто дѣйствія. Дѣйствительно, парижское населеніе, вплоть до самыхъ робкихъ лавочниковъ, почувствовало, наконецъ, что съ него довольно. Три извѣстія, одно за другимъ, вывели изъ оцѣпенѣнія даже самыхъ апатичныхъ людей: сдача Базеномъ Меца съ его 160,000 защитниками, непонятное отступленіе изъ Бурже послѣ одержанной побѣды, о которой сначала прозвонили на всѣхъ перекресткахъ, наконецъ, пріѣздъ въ городъ Тьера, съ разрѣшенія Бисмарка, для переговоровъ о перемиріи. Эта тройная катастрофа вызвала очень сильное и повсемѣстное возбужденіе, что и придало хаотическій характеръ этому дню. Личный свидѣтель, полковникъ Монтагю, помощникъ начальника генеральнаго штаба національной гвардіи, говорилъ впослѣдствіи слѣдственной комиссіи о возстаніи 18-го марта: „31 октября были сдѣланы три попытки совершить революцію, превратившіяся затѣмъ въ одну, три послѣдовательныхъ движенія, не имѣвшихъ между собою ничего общаго, предпринятыхъ людьми, которые не чувствовали другъ къ другу никакой симпатіи“. Напримѣръ, утромъ видѣли полковника Ланглоа, неизмѣнно консервативная роль котораго извѣстна, идущаго съ своимъ батальономъ во главѣ нападавшихъ. Толпа легко взяла приступомъ входы въ Ратушу и легко захватила членовъ защиты, какъ въ мышеловкѣ; но обычная толпа уже такъ создана, что думаетъ, что людей извѣстныхъ возможно замѣнить не только извѣстными людьми и знаменитостей не однѣми только знаменитостями. Съ 2-хъ часовъ дня до 9 часовъ вечера побѣдители сражались вокругъ столовъ записками, избирая новое правительство, причемъ Викторъ Гюго, Ледрю-Ролленъ, Распайль находили свое мѣсто въ спискахъ рядомъ съ Бланки, Делеклюзомъ, Феликсомъ Піа и Флурансомъ.

Такимъ образомъ, предпринятая Кордери попытка потонула въ безпорядочной и неопредѣленной агитаціи, которая не руководилась ни опредѣленной волей, ни намѣченнымъ заранѣе планомъ. Уже поздно вечеромъ дѣятелямъ Центральнаго Комитета съ трудомъ удалось на одинъ моментъ взять верхъ, чтобы извлечь изъ побѣды народа дѣйствительные и прочные результаты. Бланки оставшійся въ Ратушѣ въ единственномъ числѣ, или почти единственнымъ изъ числа лицъ, выбранныхъ въ новое правительство, вручилъ имъ свою отставку и въ то же время санкціонировалъ своей подписью прокламацію, провозглашавшую учрежденіе революціонной Коммуны, въ которую онъ входилъ, какъ членъ, въ товариществѣ съ большинствомъ прямыхъ представителей Кордери. Эта прокламація, составленная Вальяномъ, была отнесена надежнымъ посыльнымъ въ „Officiel“. Если бы она появилась, то движеніе имѣло бы

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

успѣхъ; но она не была напечатана: „Національная Защита“ владѣла попрежнему типографіей „Officiel“, и оставалась господиномъ положенія.

Дѣло произошло такъ: когда революціонные батальоны во второй половинѣ ночи вернулись въ свои кварталы, батальоны центральныхъ кварталовъ и бретонскіе мобили, тѣлохранители Трошю, вновь заняли Ратушу и принудили Бланки и его товарищей удалиться. При этомъ заключены были условія о передачѣ власти, въ силу которыхъ: 1) Никакое преслѣдованіе не должно было быть возбуждено противъ кого бы то ни было по поводу только что происшедшихъ событій; и 2) въ самый краткій срокъ должны были быть созваны избиратели для муниципальныхъ выборовъ. Въ ожиданіи ихъ „Національная Защита“ должна была по прежнему занимать Ратушу.

Въ результатѣ—попытка не удалась и на этотъ разъ. Трошю и Фавръ, за которыми стоялъ Тьеръ, вновь уѣхавшій для переговоровъ съ Бисмаркомъ, оставались господами положенія. Завоевано было только одно: сопротивленіе Парижа продолжалось.

Въ довершеніе всего правительство позорно нарушило свои собственныя обѣщанія. Подписано было около сорока приказовъ объ арестахъ главныхъ манифестантовъ 31-го октября, и изъ нихъ многіе вышли на свободу только послѣ капитуляціи. Съ другой стороны, вмѣсто того, чтобы назначить обѣщанные выборы, лидеры республиканцевъ, подражая человѣку декабря, рѣшили обратиться къ плебисциту. Плебисцитъ происходилъ 3-го ноября. Онъ далъ 321,000 *да* за сохраненіе правительства „Защиты“ противъ 54,000 *нѣтъ*. Эти 54,000 протестантовъ, группировавшихся главнымъ образомъ въ предмѣстьяхъ, представляли собою наиболѣе здоровую и активную часть рабочаго класса; но они оказались не въ силахъ сдвинуть рыхлую массу. Парижъ, несмотря на ихъ энергію, отрекался отъ власти и ему суждено было докатиться до самаго дна пропасти.

Почти три мѣсяца отдѣляютъ неудавшуюся попытку 31 октября отъ подобной же неудачной попытки 22 января.

Это были мѣсяцы траура и ужаса! Это были мѣсяцы страданій, лишеній и печали! Наступила зима, одна изъ наиболѣе суровыхъ зимъ столѣтія; населеніе, эти два милліона человѣческихъ существъ, запертыхъ въ городѣ, отрѣзанныхъ отъ всякихъ сношеній со всѣмъ внѣшнимъ міромъ, лишены были всего самого необходимаго: жизненныхъ припасовъ и топлива, хлѣба и угля. Голодъ и холодъ одновременно напали и терзали жителей.

Въ то время, какъ люди, одѣтые въ кепи національной гвардіи, ожидаютъ на укрѣпленіяхъ непріятеля, который не показывается, и тратятъ свое здоровье и свою энергію въ безконечныхъ караулахъ, вмѣсто того чтобы напасть въ полѣ прямо на врага, какъ подсказываетъ имъ мужество, женщины, дѣти и старики дежурятъ съ пяти часовъ утра, въ снѣгу, въ ледяной грязи у дверей булочныхъ, чтобы получить нѣсколько граммовъ несъѣдобнаго хлѣба. Такое же дежурство повторяется затѣмъ у дверей мясныхъ и бакалейныхъ лавокъ. Это происходитъ раздача раціоновъ; но не та раздача, которую требовала Кордери въ самомъ началѣ, которая уравняла бы условія жизни всѣхъ сражающихся и создала бы въ городѣ-крѣпости соціальную республику; эта

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

раздача раціоновъ подчинена суровому экономическому закону спроса и предложенія, это раздача раціоновъ бѣднякамъ, неимѣющимъ су, та раздача, которую предсказывалъ во времена *Красной прокламаціи* сердобольный буржуазный экономистъ Молинари *).

Среди столькихъ бѣдствій и столькихъ мукъ рабочій, превратившійся къ тому же въ національнаго гвардейца, конечно не находилъ уже возможности продавать свой трудъ. Служащій былъ въ томъ же положеніи. Немногимъ лучше была судьба мелкаго лавочника, который внезапно лишился своихъ обычныхъ покупателей. Нѣтъ больше работы, нѣтъ больше заработной платы, и мрачная нищета неумолимо садилась у очага каждаго пролетарія или мелкаго буржуа передъ потухшей плитой и пустымъ буфетомъ. Человѣку приходилось прожить на 30 су жалованья національнаго гвардейца и на 45 су, если у него была жена и ребенокъ: на эту ассигновку щедрая „Защита" въ концѣ концовъ согласилась, хотя и заставила долго просить себя объ этомъ.

Но, несмотря на все это, рабочій Парижъ не жалуется, Парижъ не ворчитъ. Онъ по прежнему непоколебимъ, стоиченъ, почти веселъ подъ снѣгомъ, падающимъ и окутывающимъ его, какъ саваномъ, подъ бомбами и снарядами, дождемъ падающими на его крыши и проламывающими стѣны его домовъ. Онъ вѣритъ въ свое непобѣдимое дѣло; онъ вѣритъ въ свои неприступные окопы. Онъ умретъ, но не сдастся. Онъ продолжаетъ нести караулы и всякія безконечныя, безполезныя службы. Онъ сокращаетъ свои 300 граммъ хлѣба и свои 30 граммъ мяса, чтобы лить пушки, которыя онъ желаетъ, чтобы были его собственностью и были оплачены его грошами. Онъ надѣется, вопреки всѣмъ силамъ природы и людей, сплотившимся противъ его усилій, противъ его выносливости, даже вопреки очевидной измѣны его вождей, его правителей. Онъ попрежнему стоитъ за войну до послѣдней крайности, за массовую вылазку, за „послѣднюю битву отчаянія".

Таково было общее положеніе, когда правительство Трошю Жюль Фавра рѣшилось разыграть послѣдній актъ своей комедіи обороны, такъ искусно разыгрывавшейся ими, начиная съ 4 сентября. Необходимо было послѣдній разъ удовлетворить всѣхъ этихъ „тридцать су", этихъ „до послѣдней крайности", доказать имъ рѣшительнымъ опытомъ, что всякое продолженіе сопротивленія являлось безуміемъ. Въ виду этого 19 января Трошю сдѣлалъ видъ, что ведетъ войска на Версаль черезъ Монтрету и Бюзанвиль, гдѣ, добросовѣстно давъ ихъ разстрѣлять до десятаго человѣка **), онъ отдалъ свой обычный приказъ объ отступленіи, очистивъ уже завоеванныя позиціи.

Это былъ конецъ. Капитуляція представлялась неизбѣжной, и правительство не считало даже нужнымъ скрывать это. Оно собрало мэровъ, чтобы сообщить имъ роковой срокъ и, такъ какъ мэры упрямились, Трошю повѣ-

---

*) Раздача раціоновъ, которую проектируютъ эти господа авторы „Красной прокламаціи", осуществится естественнымъ путемъ вслѣдствіе повышенія цѣнъ на товары, по мѣрѣ того, какъ на рынкѣ они станутъ болѣе рѣдкими. (G. de Molinari. Journal des Débats).

**) „Мы немножко *пообщиплемъ* національную гвардію, такъ какъ она этого хочетъ". Показаніе полковника Шане, пѣхотнаго полковника. Слѣдствіе о 4 сентября.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

далъ имъ, что и безъ того уже хорошо было, черезчуръ даже хорошо, что удалось продержаться пять мѣсяцевъ.

О себѣ онъ сказалъ, что „уже вечеромъ 4-го сентября онъ заявилъ, что было бы безуміемъ пытаться выдержать осаду противъ прусской арміи *).

Обстоятельства, такимъ образомъ, не позволяли откладывать еще далѣе дѣло. Въ виду этого Кордери сдѣлала попытку вызвать снова движеніе, попытку третьей инсуррекціи. На этотъ разъ дѣло подготовлялось исподволь, и обдумано было такъ, что, въ случаѣ удачи, оно неизбѣжно должно было повести къ провозглашенію революціонной Коммуны, которая при наличности громадныхъ средствъ, которыми въ данный моментъ еще располагала столица, несмотря на отрицанія и ложь „Національной Защиты", могла бы возобновить и довести до конца борьбу противъ завоевателя и его союзниковъ внутри страны. При подготовленіяхъ ничего не было предоставлено случаю. Комиссія изъ двадцати двухъ членовъ, завѣдывавшая дѣлами Центральнаго Комитета двадцати округовъ, уполномочена была назначить пять изъ своихъ членовъ съ порученіемъ организовать инсуррекцію, соблюдая въ самой строгой тайнѣ эти планы до момента ихъ осуществленія. Этими пятью членами, имена которыхъ до настоящаго времени оставались неизвѣстными, были: Cania, Тридонъ, Вальянъ, Левердэй и еще пятый. Тайна соблюдалась такъ строго, что самъ Бланки, съ которымъ Кордери очень сблизилась послѣ 31 октября, былъ извѣщенъ о ней только утромъ его старымъ пріятелемъ Флоттомъ. Бланки энергично высказался противъ попытки. Онъ говорилъ: конечно, вы войдете въ Ратушу, какъ по маслу; они будутъ очень рады свалить на васъ отвѣтственность за капитуляцію. Бланки, обыкновенно такъ ясно понимавшій положеніе, ошибся въ данномъ случаѣ.

Онъ явился все-таки на сборный пунктъ и помѣстился въ кафе Національной Гвардіи, напротивъ Ратуши. Делеклюзъ также пришелъ и находился у одного изъ друзей въ улицѣ Риволи. Въ то время, какъ Cania и Вальянъ направились съ сочувствующими батальонами Батиньоля и Монмартра на большую площадь Ратуши, Левердэй направился въ скверъ Нотръ-Дамъ, въ артиллерійскій паркъ, гдѣ ему поручено было захватить пушки и отправить ихъ на мѣсто дѣйствія.

Результатъ извѣстенъ. Въ то время, какъ внутри Ратуши Шоде, помощникъ Ферри, велъ переговоры съ делегатами батальоновъ, раздались выстрѣлы. Это стрѣляли по толпѣ мобили, помѣщенные за окнами, предварительно защищенными матрацами Городского Дома, который просвѣщенными заботами самого Шоде и Ферри былъ приготовленъ для защиты. Національные гвардейцы отвѣчали выстрѣлами, но новый залпъ, направленный во флангъ нападающихъ, раздался съ боковъ площади. Стрѣляли тоже мобили, безопасно помѣстившіеся въ окнахъ зданій общественной благотворительности. Этимъ залпомъ убиты были мужественный Cania и около тридцати гвардейцевъ. Послѣдніе все таки поджидали прибытія артиллеріи, но она не явилась. Комендантъ парка, Трейларъ-сынъ, обнаружилъ соумышленниковъ Левердэя въ паркѣ и замѣнилъ этихъ офицеровъ и канонировъ своими надежными людьми.

*) Слѣдствіе о 4-мъ сентября. Показаніе маіора Корбона.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Левердэй разсчитывалъ взять, но былъ самъ взятъ. Вслѣдствіе этого инцидента всякая борьба оказалась невозможной. Манифестанты въ безпорядкѣ удалились по направленію къ улицѣ Тампль. Національные гвардейцы XX округа, помѣщенные въ авеню Викторія, прикрыли ихъ отступленіе, помѣшавъ своимъ огнемъ мобилямъ выйти изъ Ратуши.

Такимъ образомъ, послѣднее усиліе, сдѣланное Кордери, потерпѣло неудачу. Желавшимъ подписать капитуляцію оставалось свободное поле дѣйствія. Въ полночь 27 января пушки на укрѣпленіяхъ умолкли. Фавръ и Бисмаркъ подписали условія перемирія на 15 дней, въ силу котораго нѣмцы занимали форты, а войска, солдаты и мобили, должны были разоружиться, за исключеніемъ одной дивизіи. 29 утромъ иностранное знамя уже развивалось на всѣхъ укрѣпленіяхъ внѣ городской стѣны. Національная гвардія сохранила свое оружіе. Ни Фавръ, ни Бисмаркъ не сочли возможнымъ отнять его у нея.

Одинъ изъ пунктовъ перемирія кромѣ того предусматривалъ немедленный созывъ Собранія, избраннаго страной, для отвѣта на единственный вопросъ: миръ или война?

Болѣе свободныхъ выборовъ со времени реакціи будто бы не бывало. Кого возможно было увѣрить подобной басней? какъ могли быть свободными выборы, произведенные на глазахъ и подъ давленіемъ побѣдителя, занимавшаго въ данный моментъ цѣликомъ или частью сорокъ три департамента и державшаго столицу подъ дулами своихъ пушекъ?

Выборы происходили 8-го февраля. Почти вся провинція отвѣтила: „миръ во чтобы то ни стало!“ Парижъ наоборотъ, кричалъ: „война до послѣдней крайности!“ И въ общее число всѣхъ своихъ 43 представителей, за исключеніемъ 5 или 6, изъ которыхъ двое, правда, были жалкіе—Жюль Фавръ и Тьеръ *), Парижъ выбиралъ только людей, принявшихъ мандаты высказаться за продолженіе войны; ни въ какомъ случаѣ они не должны соглашаться на то, чтобы миръ былъ купленъ цѣною территоріи.

Эти выборы—этого требовалъ историческій моментъ—имѣли, къ тому же, характеръ скорѣе политическій, чѣмъ соціальный. Парижъ, побуждаемый чувствомъ нѣсколько наивнаго благородства, сначала думалъ избрать тѣхъ, кого онъ называлъ *славными*, Луи Блана, получившаго наибольшее число голосовъ—216,530, Виктора Гюго, Эдгара Кинэ, Анри Мартена. Эти имена внесены были въ списокъ четырехъ Комитетовъ, въ который, несмотря на всѣ усилія Вальяна, который послѣ этого и самъ настоялъ, чтобы его вычеркнули изъ списка, въ высшей степени несправедливо не внесенъ былъ Бланки.

Бланки, Вальянъ, Тридонъ, Ранвье, Валлесъ, Лефрансэ помѣщены были въ спискѣ, составленномъ сообща Интернаціоналомъ, Федеральной палатой рабочихъ обществъ и Центральнымъ Комитетомъ двадцати округовъ. Этотъ списокъ, говорило воззваніе, которое слѣдуетъ удержать въ памяти, является „спискомъ кандидатовъ, предложенныхъ во имя новаго міра партіей обез-

*) Благодаря чуду, напомнившему лучшіе годы имперіи, Тьеръ, который наканунѣ оффиціальной прокламаціи объединилъ вокругъ своей фамиліи только 61,000 голосовъ и не былъ избранъ, увидѣлъ на другой день, что эта цифра достигла 103,000.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

доленныхъ... Франція возстановитъ себя но новому; работники имѣютъ право найти и занять свое мѣсто въ подготовляющемся порядкѣ вещей. Кандидатуры соціалистически-революціонныя обозначаютъ: отрицаніе за кѣмъ бы то ни было права оспаривать республику, признаніе необходимости политическаго участія въ управленіи работниковъ, паденіе правительственной олигархіи и индустріальнаго феодализма". Изъ этого списка пять лицъ были избраны въ депутаты: Гарибальди, Гамбонъ, Малонъ, Феликсъ Піа, Толенъ, потому что они были внесены съ ихъ согласія и въ списокъ четырехъ Комитетовъ. Бланки получилъ только 52,000 голосовъ, приблизительно то число, которое отвѣтило *нѣтъ* во время плебисцита 3-го ноября; эти люди должны были вскорѣ стать солдатами Коммуны.

II. Парижъ внѣ закона.

12 февраля только что избранное Собраніе собралось въ Бордо. Въ этотъ моментъ мы подходимъ къ извѣстнаго рода линіи водораздѣла. Два склона, или не прибѣгая къ образамъ, на лицо были два рѣшенія: успокоеніе или гражданская война. Парижъ и провинція, пойдутъ ли они на примиреніе, на соглашеніе, купленное цѣною взаимныхъ уступокъ и обоюдныхъ гарантій? Или же наоборотъ, они встанутъ на путь, который ведетъ къ неизбѣжному столкновенію, къ жестокому и кровавому поединку?

То и другое рѣшеніе было одинаково возможны.

Національное Собраніе, третейскій судья и господинъ даннаго момента, приняло рѣшеніе вопреки желанію провинціи, которая, безъ сомнѣнія,—что она и доказала во время и послѣ борьбы—отшатнулась бы съ ужасомъ, если бы знала, куда увлекаютъ ёе тѣ злобные и плутоватые люди, которымъ она вручила свою судьбу. Собраніе безъ колебанія встало на путь войны, сдѣлало ее неизбѣжной.

Парижъ, представляя собою одни обнаженные нервы въ томъ состояніи повышенной, болѣзненной возбудимости, въ которую онъ въ то время съ головою окунулся, понялъ это сразу, онъ ясно представилъ себѣ положеніе. То, чего въ теченіе шести мѣсяцевъ не могла сдѣлать „Національная Защита", если закрыть глаза на всѣ ея ошибки, слабости, неоднократныя измѣны, то сдѣлало Національное Собраніе въ одинъ день. Въ одинъ день оно открыло глаза самымъ близорукимъ людямъ, оно бросило ихъ въ ряды тѣхъ весьма рѣдкихъ предусмотрительныхъ людей, которые 8-го и 31-го октября и 22 января одни только видѣли ясно, предчувствовали, предугадывали событія.

Спектакль, развертывавшійся въ Бордо, дѣйствительно, не допускалъ никакой ошибки. Онъ черезчуръ наглядно оправдывалъ всѣ опасенія, всѣ предсказанія, высказанныя въ теченіе осады соціалистами, революціонерами, посѣтителями Кордери, все ихъ негодованіе и всѣ возмущенія.

Это было именно то самое, что предсказывалось. Пруссакъ уплачивалъ капиталисту плату за его низость. Оба сообщника уславливались о раздѣлѣ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

добычи. Мнѣ, говорилъ нѣмецкій капиталистъ,—куски живого тѣла, оторванные отъ твоей Франціи, которая прекрасно обойдется и безъ нихъ, и пять милліардовъ, которые су за су выпотѣютъ твои рабочіе и крестьяне. А тебѣ, французскій капиталистъ,—лакейская республика, распутная власть, разрѣшеніе совершать всякаго рода реставраціи и всякія реакціи, для покровительства и безграничнаго утвержденія твоего царствованія. При извѣстіи о ратификаціи статей этого позорнаго торга, Парижъ ощутилъ ударъ прямо въ сердце. Онъ подумалъ, что безъ сомнѣнія были правы дѣятели Кордери и другіе, которые въ дни осады полагали, что цѣлость отечества и сохраненіе республики зависѣли отъ смѣлаго возмущенія, отъ захвата власти; и почти весь Парижъ, за исключеніемъ какой нибудь четверти сотни денежныхъ мѣшковъ и рантьеровъ, почувствовалъ наконецъ потребность совершить то дѣло, которое онъ долженъ былъ бы сдѣлать еще шесть мѣсяцевъ до этого ради своего спасенія и спасенія страны и республики.

Одна за другой въ Парижъ летѣли удручающія и зловѣщія новости, почти невѣроятныя: на общее число 750 депутатовъ—450 настоящихъ прирожденныхъ монархистовъ, изъ которыхъ два принца Орлеанской фамиліи; Тьеръ, трансноненскій убійца палачъ, прежній фактотумъ Луи-Филиппа, вѣчный буржуа, наиболѣе полное воплощеніе коварства и жестокости правящихъ классовъ, назначенъ главою исполнительной власти и является абсолютнымъ владыкой въ данную минуту послѣ Вильгельма и Бисмарка; вся эта публика: — глава Исполнительной, министры, реакціонные депутаты, рвутся къ миру, заглушаютъ протесты депутатовъ оторванныхъ провинцій, выборныхъ большихъ центровъ, республиканскихъ городовъ и въ особенности парижскихъ депутатовъ, которыхъ третируютъ и къ которымъ относятся какъ къ зачумленнымъ, какъ къ сумашедшимъ и къ бунтовщикамъ. Оскорбленъ Гарибальди. Что еще? Ворота самого Парижа открыты непріятелю, потребовавшему у буржуазной и деревенской низости этого послѣдняго отреченія.

Никакой осторожности, никакой предосторожности, никакой заботливости по отношенію къ великому городу, такъ много потерпѣвшему и даже и теперь еще и духовно и тѣлесно страждущему. Французы, соотечественники, братья— они подумали-бы о томъ, чтобы перевязать его раны, залѣчить поврежденія, помочь его бѣдствію. Да, французы, но не эта деревенщина, отпрыски другого вѣка, законные наслѣдники несравненной палаты 1820 г., лакействующіе передъ церковью и руководимые ею. Что говорить о бальзамѣ для ранъ и ушибовъ? Они нальютъ на нихъ купороса, чтобы растравить и заразить ихъ. Закономъ о срокахъ платежей они присудили всѣхъ парижскихъ торговцевъ къ банкротству; закономъ о платежахъ за квартиры они выбросили на улицу всѣхъ работниковъ, лишивъ ихъ послѣднихъ пожитковъ, послѣдней мебели, — рабочихъ, служащихъ, мелкихъ ткачей, лавочниковъ, 150 — 200.000 семействъ. Даже болѣе, они проектируютъ лишить національную гвардію ея вознагражденія, т. е. ея куска хлѣба. Околѣвай, парижскій народъ, только бы право собственности было невредимо! Въ заключеніе всего великій городъ терялъ свое мѣсто, свои прерогативы столицы; Національное Собраніе окончательно рѣшило назначить свое мѣстопребываніе внѣ его стѣнъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Что ни рѣшеніе, что ни голосованіе, то демонстрація Собранія, то пощечина по адресу Парижа, то покушеніе на его право, на его свободы, даже на его существованіе.

Могъ-ли еще послѣ этого заблуждаться односторонній простакъ-патріотъ, кричавшій ранѣе «пруссаки прежде всего», а также и республиканецъ, просто республиканецъ, безъ всякихъ эпитетовъ, но который всетаки думалъ, что 4-го сентября вслѣдствіе паденія имперіи, все-же были достигнуты нѣкоторыя пріобрѣтенія, полезныя и благодѣтельныя, славныя для Франціи и сулящія плодотворныя послѣдствія?

Герои „Національной Защиты", скромные побѣдители, показывали патріоту расчлененную страну, границу, отодвинутую отъ Рейна къ Вогезамъ, оккупацію третьей части французской земли завоевателемъ, какъ гарантію уплаты 5 милліардовъ, наконецъ, Парижъ, который непріятель не могъ взять открытой силой и который онъ могъ лишь обложить и морить голодомъ, теперь былъ открытъ для непріятельскихъ когортъ, проходящихъ въ воинскомъ строѣ по что широкимъ западнымъ улицамъ, подъ его тріумфальной аркой Звѣзды.

Республиканцу же Національное Собраніе рекомендовало самолично, самый отборный и наиболѣе отталкивающій подборъ всякой древней ветоши, всякихъ призраковъ павшихъ режимовъ, всѣхъ легитимистовъ и орлеанистовъ, выползшихъ изъ своихъ дворянскихъ усадебъ и снабженныхъ папскимъ благословеніемъ, всей деревенщины, которая испытывала лишь единый страхъ—страхъ передъ городами и передъ столицей-Парижемъ, единую ненависть—къ республикѣ и твердо рѣшилась, подавивъ всякій стыдъ, спастись подъ каблукомъ пруссака и при его содѣйствіи задушить эту Бездѣльницу (La Gueuse) и возвести на тронѣ предковъ или Генриха V съ знаменемъ, украшеннымъ лиліями, или одного изъ Орлеановъ, уже пріѣхавшихъ въ кобленцкихъ каретахъ.

Патріотъ и республиканецъ присоединялся, по крайней мѣрѣ, на этотъ моментъ къ соціалисту и революціонеру періода осады и заключалъ съ нимъ союзъ.

Парижъ, хотя и изолированный, поднимался наконецъ въ защиту республики, какъ противъ внѣшняго, такъ и противъ внутренняго врага, готовый совершить или побѣдоносное 31-ое октября или побѣдоносное 22-ое января.

— Обратный ударъ, фатальный рефлексъ.

Этотъ рефлексъ, нѣкоторые изъ соціалистовъ учитывали и вложили въ него свою послѣднюю надежду; но зато другіе люди, это можно утверждать въ настоящее время, тоже предвидѣли и даже учитывали тотъ-же рефлексъ для совершенно иныхъ цѣлей.

Въ числѣ послѣднихъ были: наиболѣе сознательная часть реакціи, головка буржуазіи и плутоватые республиканцы „Національной защиты", ни за что не желавшіе простить Парижу его героическаго сопротивленія и того, что онъ вывелъ ихъ на свѣжую воду, отвергнулъ и бросилъ къ подножію своихъ урнъ, когда изъ всей ихъ шайки избралъ лишь одного Жюля Фавра, да и то послѣднимъ по числу голосовъ. А надъ всѣми ими и даже еще въ большей

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

степени, чѣмъ они, стоялъ новый глава исполнительной власти, старый пиратъ и бывшій палачъ, Тьеръ, убѣжденный по своей логикѣ буржуазнаго Тамерлана, что настали подходящія времена для хорошаго кровопусканія пролетаріату, въ цѣляхъ доставить своему классу возможность заключить новый договоръ съ властью и обезпечить его политическое и экономическое верховенство. Вслѣдствіе этого и происходили рѣшительные и сознательные вызовы и родился опредѣленный планъ довести Парижъ до инсуррекціи и до борьбы, чтобы затопить его въ крови, въ крови его пролетаріата и сдѣлать послѣдній неспособнымъ къ борьбѣ на 10, на 20 лѣтъ, если возможно—навсегда.

Главною мыслью Тьера, когда онъ бралъ въ свои руки управленіе дѣлами—для того, чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно познакомиться съ его показаніемъ, даннымъ слѣдственной комиссіи о возстаніи 18-го марта—было: «заключить миръ и подчинить Парижъ».

Подчинить Парижъ: что онъ понималъ подъ этимъ? Развѣ Парижъ былъ въ состояніи мятежа, когда этотъ зловредный гномъ интриги, надъ которой онъ работалъ въ теченіе всего правленія «Національной Защиты», попалъ наконецъ на арену дѣйствія, взобрался на сцену, на первый планъ? Парижъ былъ спокоенъ, онъ собирался съ мыслями, онъ ждалъ. Онъ испыталъ высшее оскорбленіе, незаслуженное оскорбленіе прусской оккупаціи; онъ перенесъ ее, не обращаясь къ оружію, принося себя еще разъ въ жертву Франціи, которая не хотѣла его знать, отказывалась отъ него и оставляла его, расплачиваясь его достоинствомъ, какъ передъ тѣмъ она расплатилась его кровью, его лишеніями и страданіями. Безъ сомнѣнія негодованіе терзало его, безпокойство грызло его, но онъ не пришелъ еще къ смѣлымъ рѣшеніямъ, не сдѣлалъ еще безповоротнаго шага. При общемъ успокаивающемъ и гуманномъ отношеніи къ нему, при политикѣ новаго главы исполнительной власти, ясно опредѣлившейся въ республиканскомъ направленіи, гражданская война была-бы, избѣгнута. Въ этомъ случаѣ спокойствіе возродилось-бы, страсти улеглись, раны зарубцевались и событія получили-бы иное мирное теченіе, возобновилась-бы мирная работа.

Было-бы лучше или хуже при подобномъ положеніи вещей, мы не будемъ здѣсь разбирать этого вопроса. Мы просто констатируемъ факты, а не изслѣдуемъ ихъ.

Но Тьеръ и Національное Собраніе сознательно исключили всякое умиротворяющее рѣшеніе. Жребій былъ уже брошенъ. Они думали, что держатъ добычу въ рукахъ и не желали упускать ее. Они хотѣли выкупаться въ крови своихъ соотечественниковъ, напиться ею полными чашами, поставить къ разстрѣлу этотъ пролетаріатъ, который на одинъ мигъ уже заставилъ ихъ затрепетать и съ этого времени, революціонными или легальными путями, не перестанетъ угрожать ихъ хищничеству и мѣшать ихъ господству.

Заключивъ съ Германіей миръ, Тьеръ тотчасъ-же принялся за вторую часть своей программы, за подчиненіе Парижа.

Повидимому вначалѣ глава Исполнительной разсчитывалъ дѣйствовать издалека. Онъ предпочиталъ такіе способы дѣйствія, такъ какъ при этомъ менѣе рисковалъ собственной шкурой. Онъ назначилъ бутафорскаго генерала,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Орелля де Паладина, какимъ былъ и Трошю, главнокомандующимъ національной гвардіей, давъ ему директиву сговориться съ губернаторомъ Виноа и съ бывшимъ жандармскимъ полковникомъ при имперіи Валентеномъ, назначеннымъ теперь префектомъ полиціи. По общему соглашенію они должны были разоружить Парижъ, взять у него сначала его пушки, а затѣмъ, если удастся, то и его ружья.

Воспитанный на прецедентахъ бонапартистскаго пандура Виноа, которому оставалось лишь распоряжаться Ореллемъ, началъ смѣло бить по наковальнѣ, обратившись къ Парижскому населенію съ прокламаціями, отзывавшими іюньскими и декабрьскими разстрѣлами, и запретивъ всѣ газеты: Vengeur, Cri du Peuple, Mot d'Ordre, Pere Duchène, Caricature, Bauche de Per, которыя говорили черезчуръ громко и прямо; все это онъ дѣлалъ на основаніи объявленнаго имъ осаднаго положенія, срокъ которому, впрочемъ, онъ не опредѣлилъ.

Однако, однихъ солдафоновъ съ ихъ черезчуръ наивной глупостью и черезъ чуръ примитивной грубостью оказывалось недостаточно. Тьеръ почувствовалъ тогда необходимость дѣйствовать лично и для этого рѣшилъ приблизиться къ Парижу, быть на мѣстѣ дѣйствія. Онъ постарался убѣдить въ необходимости этого собраніе но послѣднее боялось и отказывалось. Тьеръ разсыпалъ перлы своего дипломатическаго искусства, чтобы убѣдить собраніе. Оно соглашалось въ крайнемъ случаѣ переѣхать въ Фонтенебло, едва едва убѣдившись доводами о 80 километрахъ, которые отдѣляли бы его въ этомъ случаѣ отъ столицы. Но Фонтенебло не улыбалось главѣ Исполнительной, онъ хотѣлъ быть въ Версалѣ. Какими-же онъ руководствовался соображеніями? Соображенія эти ясно изложены въ его показаніяхъ слѣдственной комиссіи, въ которыхъ вполнѣ ясно выступаетъ его планъ рѣзни. Онъ говорилъ самъ себѣ и другимъ: «Мнѣ указывали на Фонтенебло, какъ на городъ, въ которомъ Собраніе могло-бы засѣдать въ безопасности. Я возражалъ на это указаніемъ, что мы были-бы отдѣлены цѣлыми пятнадцатью лье и всѣмъ протяженіемъ Парижа отъ позиціи Версаля, единственной дѣйствительно стратегической; что въ случаѣ, если-бы резервы, назначеніемъ которыхъ была защита Собранія, вынуждены были-бы выступить изъ Фонтенебло, чтобы направиться на мѣсто битвы, то разстояніе явилось-бы черезчуръ значительнымъ и положеніе ихъ весьма плохимъ; что слѣдовало Собранію переѣхать прямо въ Версаль и оттуда попытаться сохранить господство надъ Парижемъ. Мнѣніе это одержало верхъ въ Собраніи, и мы, дѣйствительно, перебрались въ Версаль".

Собраніе рѣшило собраться въ этомъ городѣ 19-го, что-же касается Тьера, то онъ немедленно лично отправился въ Парижъ — это было 16-го—и безъ промедленія занялся подготовленіемъ своего удара.

Каково было положеніе великаго города въ эти дни? Какія въ немъ преобладали мысли и чувства? Какія опредѣлялись теченія? Какія организованныя и родственныя силы сгруппировывались, имѣя въ виду сопротивленіе и необходимость дѣйствовать, что казалось все болѣе и болѣе неизбѣжнымъ и близкимъ? Для того, чтобы отвѣтить на эти вопросы, мы должны вернуться къ первымъ днямъ послѣ прекращенія осады, къ началу февраля.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Послѣ общихъ выборовъ и открытія національнаго Собранія Центральный Комитетъ двадцати округовъ разошелся или почти что разошелся. Вопреки мнѣніямъ многихъ лицъ, которыя предвидѣли неизбѣжный взрывъ народной ярости въ тотъ день, когда разсѣятся иллюзіи и измѣна обнаружится во всей своей наготѣ, и понимали, что битву вѣроятнѣе, чѣмъ когда-либо придется дать и выиграть въ Парижѣ, наиболѣе горячіе и извѣстные революціонные элементы, уступая внушеніямъ Бланки, отправились въ Бордо. Бланки думалъ, что возможно будетъ разогнать Національное Собраніе, и безъ пользы погибъ въ этой безплодной попыткѣ. Другіе элементы Кордери, главнымъ образомъ рабочіе, средства которыхъ не позволяли отлучиться изъ Парижа, вернулись каждый въ свой округъ, въ свои батальоны.

Такимъ образомъ, все это естественно привело къ тому, что болѣе умѣренные и болѣе неувѣренные элементы, сгруппированные въ національной гвардіи, взяли тамъ верхъ и опредѣляли направленіе движенія. Національная гвардія, вооруженный выразитель всего населенія, стала въ этотъ смутный и промежуточный періодъ тѣмъ водоемомъ, куда естественно стекались всѣ недовольства, всѣ возбужденія, всѣ страсти и экзальтація, какъ патріотическія и республиканскія, такъ и соціалистическія.

Въ этой широкой и слѣдовательно болѣе разжиженной средѣ одна мысль господствовала надъ всѣми другими, а именно сознаніе, что существованію республики, къ которой стремился Парижъ со времени имперіи вопреки желанію провинціи, что республикѣ, завоеванной имъ силою 4 сентября, безъ всякаго вмѣшательства со стороны провинціи, угрожаютъ теперь и эта самая провинція и ея Собраніе аграріевъ, засѣдающее въ Бордо. Передъ Парижемъ открывалась историческая миссія, диктуемая его достоинствомъ, которой онъ не могъ избѣжать въ силу долга, миссія сохранить, сберечь эту республику и этимъ взять своего рода реваншъ, даже надъ нѣмецкими завоевателями, навязавъ имъ сосѣдство и заразительную угрозу политическаго режима высшаго типа, чѣмъ ихъ собственный. Такимъ образомъ, чтобы сохранить и укрѣпить республику, Парижу было необходимо прежде всего сохранить свои ружья и пушки и быть въ состояніи при необходимости взять на себя роль недремлющаго стража новой идеи и завоеваннаго положенія. Необходимо было, слѣдовательно, чтобы національная гвардія не была разоружена, чтобы послѣ осады, какъ и въ теченіе ея, она оставалась вооруженной силой или, попросту,— силой.

Чистые патріоты, благодаря странной, хотя и понятной въ это время аберраціи, полагали, что Парижъ, какимъ онъ тогда былъ, могъ тотчасъ же возобновить борьбу съ завоевателемъ, что, избавившись отъ обманывавшаго его правительства, отъ измѣнявшихъ ему генераловъ, отъ Фавровъ и Трошю, Симоновъ и Дюкро, онъ могъ съ своей національной гвардіей возобновить войну и, опираясь на Центральную и Южную Францію, еще находившуюся въ колебаніи, отбросить пруссаковъ за Рейнъ. Фантастическая надежда, безумная галлюцинація, но она объяснима благодаря тому, что миръ заключенъ былъ до рѣшительной битвы, прежде, чѣмъ испытано было еще возможное послѣднее усиліе, котораго настоятельно требовали тѣ самые люди, которые

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

заранѣе готовы были на всякія жертвы, прежде, чѣмъ рабочій и революціонный Парижъ далъ на полѣ битвы пробу своего мужества и своего значенія.

Вотъ тѣ различныя идеи, тѣ разнообразныя. хотя и не противорѣчивыя тенденціи, потому что онѣ примирялись и сближались единствомъ намѣченной цѣли, которыя являлись преобладающими при возстановленіи кадровъ національной гвардіи и при образованіи ея Центральнаго Комитета. Эти идеи и тенденціи ясно обнаружились на большихъ митингахъ въ Во-Галлѣ. Онѣ объединили на одинъ моментъ въ единой волѣ и въ общемъ сопротивленіи все парижское населеніе и придали движенію, наряду съ соціалистическимъ характеромъ, которое оно сохраняло и которое вскорѣ должно было стать господствующимъ, характеръ республиканскій и патріотическій.

Необходимо сдѣлать нѣкоторыя замѣчанія, потому что въ событіи 18-го марта Центральный Комитетъ національной гвардіи долженъ былъ играть первую роль, да и, кромѣ того, этотъ же Комитетъ съ различными превращеніями и вслѣдствіе болѣе или менѣе благопріятно складывавшихся для него случайностей не переставалъ играть роли въ послѣдующихъ событіяхъ до самого конца, когда, наконецъ, революція была задавлена.

Первое собраніе національной гвардіи происходило въ Зимнемъ Циркѣ, 6-го февраля, подъ предсѣдательствомъ Курти, торговца III округа. Народа собралось много и рѣшено было собраться вторично въ Во-Галлѣ, вечеромъ 15-го февраля. Идея объединить всѣ батальоны національной гвардіи обнаружилась самопроизвольно, ее высказывали всѣ, такъ что выбрана была комиссія, которой поручено было выработать уставъ новой Федераціи. Комиссія эта составилась изъ лицъ неизвѣстныхъ, которыя, вынырнувъ въ этотъ день изъ анонимной массы, вернулись въ нее обратно на другой же день.

24-го февраля въ Во-Галлѣ происходило третье собраніе 2000 делегатовъ, единодушно принявшихъ слѣдующую резолюцію: „Національная гвардія протестуетъ черезъ свой Центральный Комитетъ противъ всякой попытки разоруженія и заявляетъ, что при необходимости она будетъ противиться этому силою оружія“. Послѣ этого 2000 делегатовъ направились всей массой на манифестацію, организованную на Бастильской площади. увлекая за собой на своемъ пути мобилей и солдатъ.

Манифестація эта была грандіозна, а въ слѣдующіе дни она повторилась въ еще болѣе внушительныхъ размѣрахъ. Какой-то неустрашимый человѣкъ водрузилъ красное знамя на самой вершинѣ колонны, на древкѣ пики, которую держитъ въ рукахъ геній. Батальоны народныхъ кварталовъ проходили другъ за другомъ со знаменами и барабанами, украшая рѣшетку и складывая на пьедесталъ памятника вѣнки изъ иммортелей. Къ манифестаціямъ присоединилась вскорѣ и армія, появились сначала отдѣльныя роты, а затѣмъ полки съ своими унтеръ-офицерами, иногда и съ офицерами. Прелиминарныя условія мира, заключенныя между Бисмаркомъ и Тьеромъ, сдѣлались извѣстными широкой публикѣ. Извѣстны также стали—проектъ мирнаго договора съ его позорными статьями и угрожавшее столицѣ вступленіе въ нее пруссаковъ, и поэтому негодующій протестъ національной гвардіи захватывалъ мобилей, а за ними и армію. Войска, отправляемыя Виноа для наблюденія или разсѣянія манифестантовъ,—братались съ ними.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

26-го распространился слухъ, что вступленіе пруссаковъ произойдетъ ночью, и безъ всякаго приказа 40.000 человѣкъ съ ружьями, съ полуночи до 4-хъ часовъ утра, двигались по аллеямъ Елисейскихъ Полей и Великой Арміи навстрѣчу непріятеля. Къ счастью пруссаки не явились, слухъ оказался ложной тревогой. Пруссаки должны были вступить въ числѣ 30.000 только 1-го марта, какъ объ этомъ и извѣстилъ населеніе афишами министръ Пикаръ. Эта отсрочка дала возможность делегатамъ національной гвардіи обсудить дѣло совмѣстно съ ихъ ротами. Почти всѣ роты, а нѣкоторыя единогласно, высказались за вооруженный отпоръ. Нужно было ожидать ужасной катастрофы. Одинъ выстрѣлъ по направленію пруссаковъ и, вѣроятно, даже навѣрное, возобновились бы враждебныя дѣйствія, произошла бы борьба на улицахъ, Парижъ былъ бы въ пламени и залитъ кровью. При такомъ положеніи вещей все, что еще оставалось отъ Центральнаго Комитета двадцати округовъ, совмѣстно съ Федеральнымъ Совѣтомъ Интернаціонала и Федераціей Синдикальныхъ Палатъ, короче говоря, соціалисты вмѣшались въ дѣло. Они доказывали національной гвардіи всю безполезность, все безуміе подобной авантюры. Они говорили, что еще помнятъ печальные іюньскіе дни, что всякое нападеніе въ этотъ моментъ, какъ и тогда, поставило бы народъ лишь подъ удары враговъ революціи, которые утопятъ соціальныя требованія въ потокахъ крови.

Этотъ голосъ былъ услышанъ. Временный Комитетъ національной гвардіи присталъ къ этому мнѣнію, единственно благоразумному и единственно допустимому при данномъ положеніи. Комитетъ даже смѣло заявилъ объ этомъ, признавая свое первоначальное заблужденіе. Въ своей прокламаціи Комитетъ писалъ: „Центральный Комитетъ, ранѣе высказывавшійся за противоположное мнѣніе, заявляетъ, что присоединяется къ слѣдующему рѣшенію: Вокругъ кварталовъ, подлежащихъ оккупаціи непріятеля, будетъ воздвигнутъ рядъ баррикадъ, которыя совершенно изолируютъ эту часть города. Жители мѣстности, лежащей въ предѣлахъ этихъ кварталовъ, должны немедленно эвакуировать ее. Національная гвардія въ согласіи съ арміей, образуя кордонъ вокругъ этой мѣстности, будетъ наблюдать, чтобы непріятель, изолированный такимъ способомъ въ раіонѣ, который не будетъ считаться нашимъ городомъ, не могъ никоимъ образомъ сообщаться съ частями Парижа, охраненными кордономъ.

Въ виду этого Центральный Комитетъ приглашаетъ національную гвардію оказать свое содѣйствіе для осуществленія мѣръ, необходимыхъ для этой цѣли, и избѣгать всякаго нападенія, которое поведетъ къ немедленному наденію Республики“.

Приказъ этотъ былъ въ точности исполненъ, и это устранило величайшую опасность.

Это обстоятельство доказало, между прочимъ, силу и увеличивающееся довѣріе къ этому новому учрежденію, къ Временному Комитету національной гвардіи, который въ особенно трагическій моментъ всталъ на мѣсто правительства и обратился къ населенію безъ обиняковъ, честно, откровенно, укротилъ его возбужденіе и склонилъ его къ поведенію, которое являлось и достойнымъ и благоразумнымъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Вильгельмъ Прусскій, ставшій германскимъ императоромъ, дважды въѣзжавшій въ Парижъ при аналогичныхъ условіяхъ, въ 1815 и 1871 г.г., могъ лучше, чѣмъ кто-либо судить о краснорѣчивомъ контрастѣ двухъ оккупацій. Въ 1815 г. бульвары радостно встрѣчали побѣдителей Наполеона; ихъ привѣтствовали букетами, улыбками и поцѣлуями женщины высшаго свѣта или полусвѣта. Никакой задней мысли, никакого сожалѣнія не замѣчалось у такъ называемыхъ высшихъ классовъ; у людей же изъ народа наблюдалось, самое большее,—индиферентность. Въ 1871 г. пруссаки встрѣтили мертвый городъ, когда они заняли часть Парижа, опредѣленную конвенціей, между Сеной, площадью Согласія, улицей предмѣстья Сентъ-Онорэ и авеню Тернъ; они не рѣшались и не могли выйти за эту черту. Улицы были пустынны, гардины магазиновъ и лавокъ были опущены и на нихъ можно было читать: „закрытъ по случаю національнаго траура", черныя знамена развѣвались на всѣхъ національныхъ и общественныхъ зданіяхъ и на окнахъ весьма многихъ частныхъ домовъ. Печаль и уныніе читались на всѣхъ лицахъ. Повсюду молчаніе и отчаяніе. Очевидцы этой сцены вполнѣ единодушны въ своихъ описаніяхъ. Вечеромъ, говорятъ они, Парижъ имѣлъ мрачную физіономію, нигдѣ не видно было свѣта, ни одного экипажа: ни фіакра, ни омнибуса; ни одного открытаго театра: ни одно изъ увеселительныхъ заведеній не открыло своихъ дверей; только въ мэріяхъ народные ораторы произносили рѣчи, утѣшая свою аудиторію. Такимъ образомъ, Парижъ, точно исполняя предписанія Центральнаго Комитета національной гвардіи, создалъ полную пустыню вокругъ побѣдителей. Оккупація продолжалась всего шестьдесятъ два часа. 3-го марта пруссаки удалились пристыженные и раздраженные такимъ смѣшнымъ тріумфомъ.

Въ эти немногіе дни Центральный Комитетъ завоевалъ поразительно выдающееся вліяніе. Въ противоположность къ нерасположенію по отношенію къ правительству за его пренебреженіе и злостную индиферентность, великій городъ смотрѣлъ на Комитетъ какъ на единственнаго уполномоченнаго и истолкователя своихъ чувствъ, какъ на ревниваго стража своей чести, на бодрствующаго и твердаго охранителя матеріальной безопасности города. Но въ этиже дни Комитетъ завоевалъ нетолько сильный авторитетъ, онъ завоевалъ или, вѣрнѣе, вновь отвоевалъ также и свои пушки, пушки національной гвардіи. Какимъ образомъ это произошло? Онъ увезъ ихъ, спасая тѣ 400 пушекъ, которыя забыты были правительствомъ и Виноа въ Ранела, въ паркѣ на площади Ваграмъ, т. е. въ той самой зонѣ, которую на завтра должна была занять непріятельская армія, или въ двухъ шагахъ отъ этой зоны подъ рукой у непріятеля. Однажды послѣ полудня были увезены эти прекрасныя орудія, отлитыя на деньги народа, собранныя по подпискѣ; на тареляхъ этихъ орудій вырѣзаны были названія батальоновъ, ихъ собственниковъ. Въ увозѣ ихъ участвовали всѣ: мущины, женщины, дѣти; каждый батальонъ бралъ свои орудія и увозилъ ихъ на рукахъ вплоть до высотъ Бельвиля и Монмартра.

Такимъ образомъ, Федераціи національной гвардіи оставалось лишь окончательно сорганизоваться, чтобы превратиться въ неоспоримаго хозяина положенія, вершителя судебъ города. Къ этому она и приступила, не теряя времени. 3-го марта произошло новое собраніе делегатовъ, имѣвшее рѣшающее

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

значеніе; на этомъ собраніи наряду съ представителями Центральнаго Комитета засѣдали и представители другой подобной-же организаціи—Федеральнаго Республиканскаго Комитета, явившіеся, чтобы сговориться о полномъ сліяніи. Собраніемъ принятъ былъ „Уставъ Республиканской Федераціи національной гвардіи". Въ соотвѣтствующихъ пунктахъ Устава значилось: „Республика, являясь единственнымъ правительствомъ права и справедливости, не можетъ быть подвергнута всеобщему голосованію, которое само является ея производнымъ. Національная гвардія имѣетъ абсолютное право назначать всѣхъ своихъ начальниковъ и увольнять ихъ, какъ только они лишатся довѣрія тѣхъ, кто ихъ избралъ". Этотъ существенный пунктъ былъ еще болѣе подчеркнутъ Варленомъ слѣдующей резолюціей, подлежавшей немедленному примѣненію: «Національная гвардія требуетъ абсолютнаго права назначенія всѣхъ своихъ начальниковъ и увольненія ихъ съ того момента, когда они лишатся довѣрія тѣхъ, кто ихъ избралъ. Для фактическаго закрѣпленія этого требованія Собраніе постановляетъ, чтобы начальники всѣхъ ранговъ подверглись немедленному переизбранію». Пункты устава, одобренные и затѣмъ, принятые опредѣляли организацію и составъ Общаго Собранія делегатовъ, батальонныхъ собраній, совѣтовъ легіоновъ и Центральнаго Комитета.

Въ слѣдующее засѣданіе, происходившее 13-го марта, делегаты отъ каждаго округа явились уже съ законными мандатами, скрѣпленными подписями фельдфебелей командъ. Изъ общаго числа 270 батальоновъ къ Федераціи присоединилось 215, т. е. четыре пятыхъ. Гарибальди назначенъ былъ главнокомандующимъ, Фальто и Жакларъ назначены начальниками легіоновъ, Шарль Люлье командующимъ артиллеріей. Эти четыре человѣка составляли Исполнительную Комиссію, уполномоченную дѣйствовать при всѣхъ случайностяхъ.

Парижъ въ этотъ моментъ фактически сливался, такимъ образомъ, съ своей національной гвардіей, опираясь на ея ружья и пушки, и можно сказать, что никогда еще, можетъ быть, не замѣчалось такого полнаго взаимнаго проникновенія элементовъ военнаго и гражданскаго, такой широкой и систематически организованной группировки солдатъ-гражданъ.

Тьеръ, прибывши на мѣсто дѣйствія, и рѣшилъ аттаковать эту силу; эту силу онъ рѣшилъ обезоружить, лишивъ ее сначала ея пушекъ; потомъ дѣло должно было дойти и до ружей.

Пушки, какъ мы уже выше упомянули объ этомъ, неоспоримо принадлежали національной гвардіи. Она заплатила за нихъ своими грошами. Въ теченіе осады всякій батальонъ пожелалъ имѣть свои орудія и въ виду этого въ каждомъ батальонѣ открыта была подписка.. Буржуа, безъ сомнѣнія, тоже давали деньги, но столько-же, если не больше дали и рабочіе. Оплаченныя ея деньгами эти орудія принадлежали національной гвардіи еще и потому, что она спасла ихъ отъ захвата пруссаками: 400 орудій, мы уже говорили объ этомъ, забыты были вслѣдствіе скандальной небрежности въ раіонахъ города, подлежащихъ прусской оккупаціи, и батальоны федералистовъ въ послѣднюю минуту увезли ихъ изъ Пасси и съ Ваграмской площади за черту французской линіи.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Тьеръ и генералы тѣмъ не менѣе заявляли, что эти орудія должны быть переданы націи, т. е. имъ самимъ, и что парижане, удерживая имущество, непринадлежавшее имъ, оказывались виновными въ воровствѣ.

Изъ этихъ орудій нѣкоторыя отвезены были въ паркъ Монсо, другія на Вогезскую площадь, а наибольшее количество поднято было на Шоманскія высоты, на Бельвиль, Монмартръ и поставлено тамъ на возвышенностяхъ. На Монмартрѣ траншеи вырыты были на высотахъ стараніями спеціальнаго комитета, который засѣдалъ въ № 6 улицы Розье и организовался—надо это отмѣтить—внѣ Федераціи и всякаго вліянія Центральнаго Комитета.

III. Восемнадцатое марта.

15-го, 16-го и 17-го правительствомъ предприняты были нѣкоторыя попытки отчасти при помощи убѣжденій, а отчасти хитрости и силы, захватить нѣкоторыя изъ этихъ импровизированныхъ парковъ особенно-же парки на Вогезской площади и на Монмартрѣ. Здѣсь мэръ Клемансо счелъ своимъ долгомъ вмѣшаться и надѣялся достигнуть полюбовнаго соглашенія. Одинъ моментъ, правда, можно было даже думать, что ему это удалось, но въ концѣ концевъ дѣло не выгорѣло. Иногда, правда, баталіоны вступали въ переговоры, но вскорѣ они одумывались.

Тьеръ, оскорбленъ былъ этими послѣдовательными неудачами, къ тому-же его понукали финансовые дѣльцы, непрестанно повторявшіе ему: „вы никогда не закончите финансовыя операціи, если не покончите со всѣми этими злодѣями, если не возьмете у нихъ пушки. Съ этимъ надо покончить, а потомъ можно будетъ обсуждать и дѣла“ *). Тьеръ рѣшилъ дѣйствовать энергично. Днемъ 17-го марта онъ собралъ министровъ, сообщилъ имъ свой планъ дѣйствія и отдалъ соотвѣтствующія приказанія генераламъ. Послѣдніе должны были въ теченіе ночи собрать свои войска и передъ разсвѣтомъ направить ихъ па высоты Монмартра и Бельвиля, чтобы силою овладѣть желанными орудіями. Винoа назначенъ былъ главнымъ руководителемъ всей операціи. Что-же касается національной гвардіи буржуазныхъ кварталовъ, то Тьеръ, мало довѣряя ей, предпочелъ совсѣмъ не трогать ея и сооообщилъ лишь обо всемъ ея генералу, д'Ореллю. Въ то-же время глава Исполнительной приготовилъ прокламацію къ парижскому населенію, прокламацію ненавистническую, въ которой вылилась вся низость его политики, вся его злоба и весь страхъ, который внушалъ ему рабочій и республиканскій Парижъ.

Въ этой прокламаціи прежде всего указывалось какъ на врага, на тайный, анонимный комитетъ, на Центральный Комитетъ національной гвардіи, который, впрочемъ, всѣмъ былъ хорошо извѣстенъ.

Она указывала далѣе на застой въ дѣлахъ, на невозможность ихъ оживленія, пока люди безпорядка будутъ владѣть и удерживать „пушки, похищен-

*) Слѣдствіе о возстаніи 18 марта.—Показанія Тьера.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ныя у государства"; оканчивалась прокламація такой скрытой угрозой: „Въ вашихъ собственныхъ интересахъ, въ интересахъ вашего города и всей Франціи правительство рѣшилось дѣйствовать. Виновные, которые домогались учредить правительство, будутъ преданы обыкновеннымъ судамъ," — это значило— „военнымъ судамъ". Затѣмъ послѣ циничнаго обращенія къ Республикѣ, которая «сама» должна получить пользу отъ предпріятія, прокламація заканчивалась по меньшей мѣрѣ рискованнымъ, какъ это показали послѣдующія событія, утвержденіемъ: «необходимо добиться какою-бы то ни было цѣною, не теряя ни одного дня, чтобы порядокъ, условіе вашего благосостоянія, возстановленъ былъ вполнѣ, немедленно и ненарушимо».

На разсвѣтѣ прохожіе могли читать эту прокламацію на всѣхъ стѣнахъ Парижа. Она отличалась хорошимъ шрифтомъ, но грубой провокаціей и во всѣхъ отношеніяхъ достойна была подписи Морни или Сентъ-Арну. Въ ней былъ только одинъ недостатокъ: она возвѣщала объ успѣхѣ, котораго на самомъ дѣлѣ не было. Вмѣсто побѣды бандиты и плуты записали на приходъ свое пораженіе.

На Монмартрѣ войска, въ числѣ 3000 человѣкъ, подъ начальствомъ генераловъ Сюсбьеля, Леконта и Патюреля, безпрепятственно взошли по склонамъ, захватили часовыхъ, перебили двухъ или трехъ захваченныхъ въ расплохъ національныхъ гвардейцевъ и на мгновеніе захватили пушки. Но благодаря выстрѣламъ національные гвардейцы и жители предмѣстья проснулись. Мущины, женщины, дѣти бросились на улицы, вступили въ непосредственное столкновеніе съ войскомъ, напирая на него, окружая и обезоруживая, убѣждая, что оно не должно стрѣлять въ народъ. Тогда произошелъ такой странный фактъ: солдаты 88-го пѣхотнаго полка бросились на своихъ офицеровъ, арестовали ихъ и, повернувъ ружья прикладами вверхъ, побратались съ народомъ. Федералисты, солдаты, мущины, женщины жали другъ другу руки, перемѣшались, цѣловались и плакали: это была незабвенная минута.

Такимъ образомъ, Леконтъ, одержавъ побѣду въ 3 часа утра, въ 8 часовъ былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Его начальникъ Сюсбьель, который не сумѣлъ или не хотѣлъ помочь ему въ нужное время, сбѣжалъ внизъ съ своими батальонами по скатамъ укрѣпленія и отступилъ на линію внѣшнихъ бульваровъ. Брошенныя пушки достались народу, который торжественно снова поставилъ ихъ на высотахъ.

На улицѣ Гудонъ конные егеря также отказались стрѣлять въ толпу.

Въ 9 часовъ утра, Виноа, благоразумно наблюдая за движеніями съ бульвара Клиши, отдалъ приказъ объ отступленіи и отступая, говорятъ, потерялъ даже свое кепи. Это былъ полный разгромъ.

Въ сторонѣ Бельвиля произошло почти то же самое, съ тою разницею, что генералъ Фаронъ, болѣе осторожный, чѣмъ Сюсбьель и Леконтъ, не довелъ своихъ отрядовъ до цѣли и могъ отступить, не оставляя дезертировъ въ рядахъ народа.

Уже въ 9 часовъ Тьеръ, все время находившійся въ Генеральномъ Штабѣ, зналъ роковую новость о неудачѣ и пораженіи на всѣхъ пунктахъ. Съ этого момента день казался ему безнадежно испорченнымъ. Но онъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

былъ человѣкомъ быстрыхъ рѣшеній и поэтому немедленно же принялъ опредѣленное рѣшеніе. Планъ его состоялъ въ немедленномъ оставленіи Парижа, въ удаленіи изъ его стѣнъ, причемъ за его особой должны были послѣдовать генералы, министры, чиновники. И пора было! Не слѣдовало терять ни одной минуты, пора было дать войскамъ вдохнуть чистаго воздуха, иначе предстояла опасность, что они растаятъ, какъ снѣгъ подъ лучами солнца, растворятся въ той возбужденной и горючей атмосферѣ, какую представлялъ изъ себя Парижъ, и мятежнически присоединятся къ 88-му полку. Оставить ихъ въ горнилѣ—это значило самому толкать ихъ на совмѣстное выступленіе съ народомъ.

Эта мысль объ отступленіи съ цѣлью подготовить нападеніе была кромѣ того, и не новой для главы исполнительной власти. 24-го февраля 48 г. онъ предложилъ такой же планъ дѣйствія королю Луи-Филиппу, но послѣдній отказался ему слѣдовать. Съ тѣхъ поръ примѣръ маршала Виндишгреца, отступившаго изъ Вѣны, чтобы вернуться вскорѣ обратно побѣдителемъ, только еще болѣе укрѣпилъ Тьера въ вѣрности этой тактики.

Онъ и теперь предложилъ сдѣлать то же самое. Министры возражали, тогда онъ обошелся безъ ихъ одобренія: онъ убѣдилъ генераловъ, а въ этомъ и было все дѣло. „Я солдатъ, сказалъ Виноа, приказывайте.“ И тогда войскамъ отданъ былъ приказъ отступить безъ сраженія за Сену, сначала на лѣвый ея берегъ.

Между тѣмъ д'Ореллъ де Паладинъ приказалъ бить сборъ и тревогу въ центральныхъ кварталахъ, приглашая буржуа взяться за оружіе и присоединиться къ регулярнымъ войскамъ для „возстановленія законнаго порядка и спасенія республики отъ анархіи“. Тьеръ, повидимому, мало довѣрявшій этому послѣднему средству, все-таки выпустилъ соотвѣтствующую прокламацію „къ національнымъ гвардейцамъ Парижа“, призывая ихъ выступить для общей защиты Отечества и Республики противъ поборниковъ „коммунистическихъ доктринъ“, которые намѣревались будто-бы „разграбить Парижъ и погубить Францію“.

Однако, фактически буржуа остались сидѣть по своимъ домамъ, несмотря на всѣ эти многочисленныя и настоятельныя просьбы. Консерваторы, защитники порядка и собственности, сторонники правительства, если таковые были въ данный моментъ въ столицѣ, не шевельнулись или почти не шевельнулись, потому что тамъ, гдѣ можно было расчитывать увидѣть отъ 15 до 20,000 человѣкъ, съ трудомъ удавалось собрать еле 500. Доказательство было очевидно, и Тьеръ заботился только объ одномъ, чтобы удрать какъ можно скорѣе. Онъ выѣхалъ первымъ, оставивъ послѣ себя приказъ эвакуировать все и притомъ немедленно: эвакуировать Парижъ, южные форты, Курбевуа, даже Монъ-Валерьенъ—и направить войска въ Версаль.

И была пора. Опасенія бѣглеца вполнѣ соотвѣтствовали дѣйствительности.

Осторожные свидѣтели-очевидцы отступавшихъ на Версаль войскъ, которыя, еле двигаясь, ругали жандармовъ, ихъ окружавшихъ, сохранили впечатлѣнія, доказывающія, насколько революція являлась побѣдительницей, сама даже не предполагая этого.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Гекторъ Пессаръ, интимный другъ и довѣренное лицо Тьера, чрезвычайно картинно описалъ это отступленіе. „По дорогѣ къ Версалю, говоритъ онъ, Тьеръ отступаетъ передъ инсуррекціей: двигавшіяся безпорядочныя банды, подгоняемыя жандармеріей, представляли собою все, что оставалось еще отъ французской арміи. По мѣрѣ наступленія ночи громадное человѣческое стадо начинаетъ все больше упрямиться. Въ темнотѣ, окутавшей все кругомъ, цвѣтъ мундировъ сгладился, и можно было думать, что находишься среди батальоновъ федералистовъ. Благодаря какому чуду эти люди съ наглыми физіономіями и бунтовскимъ видомъ не вернулись обратно, разстрѣлявъ предварительно, передъ возвращеніемъ въ Парижъ, экипажи, которые увозили правительство? На флангахъ колоннъ, подавляя бѣшенство въ душѣ, ѣхали униженные и негодующіе офицеры, дѣлая видъ, что не слышатъ непристойныхъ ругательствъ. Они чувствовали, что всякое ихъ строгое дѣйствіе поведетъ къ открытому возмущенію. Они довольствовались только стараніями не порвать ту слабую нить, которая еще держала въ относительной дисциплинѣ ихъ команды, охваченныя злыми замыслами *)“.

Тьеръ свернулъ на дорогу въ Севръ и оттуда наблюдалъ прохожденіе войскъ; онъ испустилъ вздохъ облегченія, когда увидѣлъ, что всѣ они наконецъ прошли. Онъ сказалъ себѣ тогда, что возможность отмщенія у него въ рукахъ.

Министры еще нѣсколько часовъ промедлили въ столицѣ. Они засѣдали у Камбона, и тутъ ихъ посѣтили парижскіе мэры и депутаты, предложившіе пункты соглашенія; но распространившееся извѣстіе о казни генераловъ Леконта и Клеманъ Тома прервало эти только что начатые переговоры, и министры въ свою очередь покинули Парижъ. Жюль Ферри, послѣдній остававшійся въ Ратушѣ, чувствуя, что всякое сопротивленіе становится невозможнымъ, также удалился съ мѣста дѣйствія.

Утромъ въ Парижѣ уже не было ни одного министра, ни одного генерала, ни одного начальствующаго лица. Парижъ былъ самъ себѣ господиномъ, онъ принадлежалъ народу и революціи.

Что же дѣлалъ въ это время Парижъ и какъ обстояло дѣло съ революціей?

Они не сомнѣвались въ своей побѣдѣ; но ни одно изъ совершающихся событій не было ими предварительно обсуждено, предусмотрѣно, осознано. Если когда-либо происходило рефлекторное движеніе, самопроизвольное возстаніе народа, то это было именно въ день 18 марта. Войска и правительствующія лица были уже далеко, когда парижское населеніе думало, что они еще среди него, и не отдавало себѣ даже отчета въ опасности, которой они избѣжали. Въ 3 часа два батальона федералистовъ XV округа прошли мимо министерства иностранныхъ дѣлъ, гдѣ находилась въ сборѣ вся министерская банда. Національнымъ гвардейцамъ оставалось только открыть двери, слабо защищенныя 50—60 егерями, войти и они захватили бы звѣря въ его логовищѣ: всѣхъ капитулянтовъ „Національной Защиты“, всѣхъ рубакъ государственныхъ переворотовъ, прошлыхъ и будущихъ, а въ довершеніе всего—самого Тьера. Оба батальона прошли мимо, даже не подозрѣвая, что они упускаютъ изъ рукъ лучшій козырь революціи.

*) Mes petits papiers 1871—1873, par Hector Pessard.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Если мы бросимъ взглядъ на общее положеніе въ данный моментъ, то увидимъ, что національные гвардейцы и рабочіе предмѣстій послѣдовали за войсками и дошли уже до центра Парижа, до мѣстъ, прилежащихъ къ Ратушѣ, двигаясь впередъ по мѣрѣ того, какъ отступали солдаты Сюсбьеля, Фарона, Виноа. Конечно, они сознавали, что побѣда за ними, но не знали: каковы размѣры этой побѣды? О своемъ полномъ успѣхѣ эти люди могли только наполовину догадываться, и не только заурядные національные гвардейцы, но даже начальники, члены Центральнаго Комитета. Какъ тѣ, такъ и другіе предполагали западню, опасались возобновленія атаки непріятеля.

Только послѣ полудня можно констатировать начало болѣе серьезнаго наступленія. Въ это именно время федеративные батальоны Батиньоля—подъ командой Варлена, Монмартра—подъ командой Бержере, Гласьеры и Пантеона—съ Дювалемъ во главѣ, Бельвиля—во главѣ съ Ранвье и Брюнелемъ, въ полномъ составѣ направились къ Ратушѣ, занимая посты, казармы, національныя и муниципальныя зданія, встрѣчавшіяся на ихъ пути. Въ 5 часовъ они захватили Національную типографію. въ $7^{1}/_{2}$ часовъ они окружили Городской домъ и вошли въ него въ 9 часовъ, въ тотъ самый моментъ, когда Ферри спасался изъ него бѣгствомъ. На пройденныхъ ими улицахъ, въ народныхъ кварталахъ, толпа на спѣхъ сооружала баррикады на перекресткахъ большихъ улицъ. Въ 11 часовъ мэрія Лувра, гдѣ собрались мэры, взята была въ свою очередь и Ферри, искавшій тамъ временнаго убѣжища, бѣжалъ изъ нея, выпрыгнувъ въ окно.

Городъ былъ очищенъ, все бѣжало. Послѣдніе министры, уложивъ свои чемоданы. оставили въ столицѣ только одного полковника Ланглоа, назначеннаго ими, взамѣнъ д'Орелля начальникомъ національной гвардіи съ порученіемъ, заставить національную гвардію признать себя ея главою. Въ два часа ночи Ланглоа явился въ Ратушу съ намѣреніемъ провести эту затѣю передъ Центральнымъ Комитетомъ. Въ $2^{1}/_{2}$ часа онъ удалялся, освистанный федералистами.

Только 19-го утромъ,—прекраснымъ утромъ, залитымъ лучами весенняго солнца—Парижъ фактически узналъ всю обширность своей побѣды, онъ узналъ о безпорядочномъ бѣгствѣ властей и о наступленіи своего царствованія.

Этимъ же утромъ Парижъ узналъ и о драмѣ, разыгравшейся наканунѣ въ Монмартрѣ въ концѣ двѣнадцатаго часа, о разстрѣлѣ двухъ генераловъ, Леконта, взятаго въ плѣнъ, какъ извѣстно, собственными солдатами, и Клемана Тома, бывшаго главнокомандующаго національной гвардіей, іюньскаго убійцы, арестованнаго днемъ вблизи баррикады въ улицѣ Мучениковъ. Леконтъ и Клеманъ Тома заперты были со многими другими офицерами низшихъ ранговъ въ помѣщеніи Комитета въ улицѣ Розье. Федералисты, которымъ было поручено караулить ихъ, хотѣли законнаго суда надъ ними. Цѣлые часы они боролись съ все усиливающимся раздраженіемъ собравшейся толпы, требовавшей немедленной расправы съ генералами, и особенно съ озлобленіемъ собственныхъ солдатъ Леконта, дезертировъ 88-го полка. Послѣдніе хорошо понимали, что въ случаѣ, если бы обстоятельства измѣнились и пришлось помѣняться ролями, т. е., если-бы они оказались плѣнниками своихъ начальниковъ,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

то вмѣсто того, чтобы быть подъ арестомъ, они уже нѣсколько часовъ, какъ получили бы полагающуюся дюжину пуль. Утромъ этого дня Леконтъ кричалъ имъ, когда они отказались стрѣлять,—„ваша пѣсенка спѣта!“.

Подъ конецъ напоръ толпы опрокинулъ все и отбросилъ національныхъ гвардейцевъ, своей грудью безнадежно прикрывавшихъ плѣнниковъ. Разнуздалась ужасная и мстительная безымянная ярость массъ. Сначала Тома, а затѣмъ Леконтъ брошены были въ узкій палисадникъ, принадлежавшій къ дому. Раздались выстрѣлы. Кто стрѣлялъ? Это и до сихъ поръ съ точностью не установлено, несмотря на два процесса, торжественно прошедшихъ передъ военнымъ судомъ въ Версалѣ. Оба генерала упали, чтобы уже не вставать.

Это была случайность, простой эпизодъ, который въ данный моментъ почти не вызвалъ никакой ряби на громадной революціонной волнѣ и его трагическое впечатлѣніе утонуло и стерлось почти мгновенно въ радостномъ опьяненіи завоеванною свободою, охватившемъ всю столицу. Но фактъ этотъ все-таки слѣдуетъ ясно отмѣтить, потому что реакція и Тьеръ схватились за него немедленно, чтобы заклеймить Парижъ, отдать его на судъ Франціи; они сдѣлали изъ него одинъ изъ предлоговъ своихъ кровавыхъ репрессій и звѣрскихъ послѣдовавшихъ за ними избіеній. Повторяемъ — это было случайное происшествіе изъ числа тѣхъ, которыя роковымъ образомъ встрѣчаются при всѣхъ скопищахъ толпы, которая въ иные моменты не различаетъ между тѣмъ, что доктринеръ и фарисей называетъ легальнымъ и нелегальнымъ. Версаль, не имѣвшій за собой оправданія, такъ какъ не былъ толпой, совершилъ дѣянія въ тысячу, въ тридцать тысячъ разъ худшія. Во всякомъ случаѣ ни Коммуна, еще не родившаяся, ни Центральный Комитетъ ничѣмъ не участвовали въ этомъ разстрѣлѣ; не участвовали также Совѣтъ легіона XVIII округа, или какое-либо иное революціонное учрежденіе изъ числа дѣйствовавшихъ въ то время въ Монмартрѣ.

Запомнивъ это, перейдемъ къ дальнѣйшему описанію великой драмы. Такимъ образомъ, Парижъ сталъ самъ себѣ господиномъ. Какъ онъ разсчитывалъ воспользоваться своей побѣдой? Что предпринялъ Центральный Комитетъ, внезапно выдвинутый на первый планъ, руководитель города съ населеніемъ болѣе, чѣмъ въ 2 милліона?

Планъ дѣйствія, который слѣдовало-бы осуществить, извѣстенъ намъ въ настоящее время. Слѣдовало въ это-же солнечное, воскресное утро бить сборъ во всѣхъ улицахъ и во всѣхъ предмѣстьяхъ и изъ Тампля, Марэ, Сентъ-Антоана, Гренелля, съ высотъ Монмартра, Шомона, Пантеона увлечь народъ и тѣсными колоннами вести вооруженныхъ рабочихъ на Версаль, по пятамъ г. Тьера, его министровъ, его генераловъ и его полковъ. Побѣдивъ, надо было воспользоваться плодами этой побѣды, не оставаться на мѣстѣ, а идти на разбитаго непріятеля, смущеннаго, разстроеннаго, пока онъ еще не пришелъ въ себя и не реорганизовался.

Несмотря на бахвальство Тьера и на очевидное желаніе представить дѣло послѣ событій въ томъ свѣтѣ, что онъ будто-бы все предвидѣлъ, что онъ ни на минуту не усумнился въ значеніи предпринятыхъ имъ мѣръ и отданныхъ приказаній, не подлежитъ сомнѣнію, что въ этотъ моментъ Тьеръ далеко

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

не вполнѣ былъ увѣренъ въ успѣхѣ. Онъ самъ признается въ этомъ въ своемъ показаніи Слѣдственной Комиссіи, пытаясь, правда, свалить главнымъ образомъ на другихъ собственную тревогу. «Въ Версалѣ, говоритъ онъ, мы цѣлыя двѣ недѣли ничего не дѣлали. Это самые постыдные дни моей жизни. Въ Парижѣ общимъ мнѣніемъ было, что «съ Версалью покончено, какъ только мы появимся:—солдаты поднимутъ приклады вверхъ.» Я былъ увѣренъ, что этого не случится, но всетаки, если-бы насъ атаковали 70 или 80.000 человѣкъ я не отвѣчалъ-бы за твердость арміи, подавленной въ особенности сознаніемъ черезчуръ большого численнаго превосходства».

Свидѣтельство это имѣетъ большое значеніе. Фактически это и былъ именно тотъ психологическій моментъ, который уже болѣе не повторяется. Нѣсколько предусмотрительныхъ, энергичныхъ людей, изъ числа тѣхъ, которые въ прежніе годы пытались силою уничтожить имперію, а въ дни Національной Защиты" выкинуть за окна изъ Ратуши капитулянтовъ, указывали на неотложную необходимость этого наступленія. Эдъ, Дюваль очень твердо настаивали на этомъ. Дюваль явился въ Центральный Комитетъ, въ которомъ обсуждался текстъ прокламаціи, и сказалъ: „Большинство членовъ правительства еще въ Парижѣ *); сопротивленіе организуется въ I и во II округахъ; солдаты уходятъ въ Версаль. Необходимо принять быстрыя мѣры, захватить министровъ, разсѣять враждебные батальоны, помѣшать непріятелю выйти." Но ни Эда ни Дюваля, которые еще не были главнокомандующими, не послушали; ихъ совѣту идти на Версаль послѣдовали лишь позднѣе—3 апрѣля,—когда было уже поздно. Въ данный моментъ національная гвардія и Центральный Комитетъ вручили высшее командованіе нѣкоему алкоголику Шарлю Люлье, бывшему флотскому офицеру, о которомъ исторія не можетъ съ точностью сказать: былъ-ли онъ сначала дуракъ, а потомъ предатель, или наоборотъ. Этотъ человѣкъ успѣлъ нагромоздить въ теченіе 48 часовъ все, что только возможно совершить въ смыслѣ грубыхъ ошибокъ и непоправимыхъ упущеній. Ворота Парижа онъ оставилъ открытыми и допустилъ солдатскому потоку вылиться вплоть до послѣдняго человѣка. Онъ освобождалъ цѣлые отряды и офицеровъ, отступленіе которымъ федералистамъ удалось отрѣзать, какъ напримѣръ въ Люксенбургѣ, куда онъ явился лично, чтобы освободить полковника Перье 21-го полка; полковникъ послѣ этого, собравъ своихъ людей, поторопился въ свою очередь удалиться въ Версаль. **) Наконецъ, будучи посланъ, по собственному же предложенію, въ качествѣ парламентера въ Монъ-Валерьенъ, Люлье, вмѣсто того, чтобы смѣстить Версальскаго коменданта, который трясся отъ страха, имѣя всего 80 человѣкъ, притомъ такихъ, на которыхъ онъ не могъ полагаться,—вступаетъ съ нимъ въ переговоры, и комендантъ обѣщаетъ ему честнымъ словомъ сохранять нейтральное положеніе. На другой-же день этотъ комендантъ былъ освобожденъ отъ своихъ обязанностей Тьеромъ, а фортъ былъ занятъ сильнымъ отрядомъ пѣхоты. Такимъ

*) Дюваль ошибался въ этомъ отношеніи. Министры Дюфоръ, Лефло, Потюо, Симонъ. Ферри уѣхали въ ночь съ 18 на 19; Фавръ и Пикаръ рано утромъ 19-го.

**) См. описаніе этой сцены въ „Memoires d'un Communard" Жана Аллемана, который былъ однимъ изъ главныхъ дѣятелей этого эпизода.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

образомъ Люлье довелъ до того, что въ руки непріятеля попалъ пунктъ, командующій надъ дорогой изъ Парижа въ Версаль, пунктъ, обладаніе которымъ заранѣе обезпечивало за той или другой изъ воюющихъ сторонъ почти полную увѣренность въ успѣхахъ первыхъ столкновеній.

Этотъ, столь неудачный выборъ Люлье являлся въ сущности указаніемъ, показателемъ положенія. Движеніе вполнѣ самопроизвольное, рефлекторное, какимъ было движеніе 18-го марта, не могло не обнаружить безсвязности дѣйствія, отсутствія руководящей нити, болѣе или менѣе безполезной траты энергіи и энтузіазма. Такимъ образомъ, оправдалось мнѣніе тѣхъ людей, которые говорили послѣ выборовъ 8-го февраля, что сраженіе придется дать въ Парижѣ и что вмѣсто неблагоразумнаго путешествія въ Бордо, благодаря которому долженъ былъ разойтись и растаять Центральный Комитетъ двадцати округовъ, слѣдовало, наоборотъ, болѣе, чѣмъ когда либо усилить его, напрячь всѣ пружины въ виду почти неизбѣжной побѣды, подготовляемой самимъ ходомъ событій. Предположите, что на мѣстѣ Центральнаго Комитета была-бы Кордери, и положеніе дѣла радикально измѣнилось бы и по внѣшности и по существу. Единая воля, единая сознательная цѣль руководила-бы движеніемъ и съ самого начала координировала бы, объединяла и руководила манифестаціями. Революціонному положенію для веденія революціоннной борьбы Кордери доставила-бы и революціонный механизмъ. Акты смѣлости и самоотверженія явились-бы вслѣдъ за тѣмъ. Наоборотъ, слившись изъ различныхъ теченій представляя собою хаосъ смутныхъ чаяній, Центральный Комитетъ національной гвардіи съ самаго начала лишенъ былъ той способности къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ, которая необходима въ моменты кризисовъ, той рѣшимости, которая спасаетъ все, потому что смѣетъ все.

Центральный Комитетъ не имѣлъ этой рѣшимости и, будучи хозяиномъ власти и момента, занимая Ратушу и располагая 300.000 скорострѣльныхъ ружей и 2000 орудіями, рѣшилъ было отказаться отъ власти, вернуться къ законности, созвать избирателей. Вмѣсто того, чтобы призвать къ оружію, по общей тревогѣ въ городѣ федеральные батальоны и парижскихъ рабочихъ, съ цѣлью вести ихъ за стѣны города, вотъ какую прокламацію расклеилъ Центральный Комитетъ, утромъ 19 марта, на стѣнахъ Парижа:

„Національнымъ гвардейцамъ Парижа".

„Граждане, вы уполномочили насъ организовать защиту Парижа и вашихъ правъ. Мы исполнили это порученіе. Съ помощью вашего великодушнаго мужества и вашего замѣчательнаго хладнокровія мы изгнали правительство, которое намъ измѣняло.

«Въ данный моментъ нашъ мандатъ исполненъ и мы возвращаемъ вамъ его, потому что не претендуемъ занять мѣсто тѣхъ, кого только что ниспровергло народное дуновеніе.

«Готовьтесь, слѣдовательно, къ выборамъ и совершите ихъ немедленно, а намъ въ вознагражденіе дайте то, къ чему мы постоянно стремились: видѣть, какъ вы установите истинную республику. Въ ожиданіи мы продолжаемъ занимать именемъ народа Ратушу».

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Похвальное намѣреніе, благоговѣйное отношеніе, которыми во всякомъ случаѣ не грѣшили буржуа-революціонеры въ февралѣ 1848 года и 4-го сентября 1870 г. Это оригинальное поведеніе опредѣлило и теченіе событій. Оно повело за собою періодъ переговоровъ съ мэрами, который успѣлъ кастрировать инсуррекцію, лишилъ ея шансовъ на долговременность, если не на успѣхъ, на которые она могла разсчитывать въ началѣ. Чтобы выборы осуществились, для этого, конечно, недостаточно было одного желанія Центральнаго Комитета. Для этого необходимо было содѣйствіе мэровъ и ихъ согласіе на выборы, потому что у нихъ находились избирательные списки.

Восемь дней продолжались эти переговоры; темный и двусмысленный періодъ, въ теченіе котораго партіи взаимно испытывали другъ друга, а буржуазно-республиканская партія задавала себѣ вопросъ, послѣдовать-ли ей въ революціи за республиканскимъ пролетаріатомъ, или же, вслѣдствіе ненависти къ предмѣстьямъ и изъ страха передъ соціализмомъ, помириться на реакціи съ Версальскимъ монархическимъ собраніемъ? Исторію этихъ дней освѣтить трудно. Во всякомъ случаѣ надо попытаться сдѣлать это, чтобы установить отвѣтственность каждаго и всякому воздать должное.

IV. Мэры и Центральный Комитетъ.

Первая попытка мэровъ вмѣшаться въ событія относится къ самому дню 18-го марта.

Въ этотъ день мэры и ихъ помощники, собравшись вмѣстѣ съ депутатами Сенскаго департамента въ мэріи Банка, а затѣмъ въ мэріи Лувра, поручили двѣнадцати делегатамъ, выбраннымъ ими изъ своей среды, доставить правительству слѣдующія предложенія, которыя должны были быть положены въ основу соглашенія и, казалось имъ, способны были остановить движеніе: 1) назначеніе Доріана въ центральную мэрію Парижа, 2) назначеніе полковника Ланглоа главнымъ начальникомъ національной гвардіи. 3) немедленные муниципальные выборы, 4) обезпеченіе, что національная гвардія не будетъ разоружена. Фавръ принялъ делегацію и отвѣтилъ ей съ своей высокомѣрной обычной манерой: „никакихъ уступокъ не можетъ быть сдѣлано возмущенію; мы не ведемъ переговоровъ съ убійцами“. Отвѣтъ рѣшительный, даже черезчуръ, конечно, такъ какъ въ полночь отъ министра внутреннихъ дѣлъ Пикара получился противоположный отвѣтъ; онъ соглашался или почти соглашался на три первыхъ предложенія и назначалъ съ согласія Тьера полковника Ланглоа главнокомандующимъ національной гвардіей... Можно догадаться о мотивахъ этого отвѣта. Тьеръ, болѣе осторожный, чѣмъ Фавръ, не считалъ еще, что уже насталъ моментъ обнаружить всѣ свои планы по отношенію къ Парижу. Къ тому же онъ сознавалъ, что ему приходится играть на ставку, которая уже бита, а черезчуръ запоздалыя уступки никогда не принимаются побѣдоноснымъ противникомъ. Дѣйствительно, какъ мы уже сообщали, Центральный

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Комитетъ отказался признать назначеніе правительствомъ Ланглоа; онъ намѣревался назначить выборы главнокомандующаго національной гвардіей.

На другой день, 19-го, вслѣдствіе хода событій, собраніе мэровъ и депутатовъ обратилось къ Центральному Комитету; съ этого момента, надо это отмѣтить, мэры и депутаты получили отъ версальскаго правительства полномочія на гражданское управленіе столицей. Тираръ, мэръ II округа и въ то же время депутатъ, имѣлъ въ карманѣ полномочіе, подписанное Эрнестомъ Пикаромъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Такимъ образомъ, мэры и депутаты, что бы они ни говорили и что бы ни дѣлали, представляютъ собою только Версаль, отъ котораго у нихъ былъ мандатъ. Они не являлись и не могли явиться независимой властью, автономной, вмѣшивающейся между двумя другими властями съ цѣлью ихъ примиренія. Это важно отмѣтить и необходимо твердо установить это обстоятельство. Мы не имѣемъ въ данномъ случаѣ дѣла съ двумя сторонами и съ третьей, какъ бы третейской, но только съ двумя сторонами: одна представлена была одновременно и въ Версалѣ и въ Парижѣ, а другая только въ Парижѣ. Очень возможно, что нѣкоторые изъ мэровъ въ данномъ случаѣ обманывались; очень возможно, что они даже могли разсчитывать сыграть роль третейскихъ судей и умиротворителей, но во всякомъ случаѣ честные и побуждаемые добрыми намѣреніями, каковыми, вѣроятно. были Бонвале и Моттю, остались въ дуракахъ—вотъ и все.

Во всякомъ случаѣ Тьеръ въ данномъ случаѣ не ошибался. Переговоры, а слѣдовательно, и отвлекающее вліяніе мэровъ способствовали его плану. Не будучи еще увѣреннымъ въ успѣхѣ, онъ не пренебрегалъ ничѣмъ, чтобы сохранить для себя какой-либо выходъ. Съ другой стороны онъ хорошо зналъ свой Парижъ и не могъ не понимать, что если рабочій классъ возсталъ весь цѣликомъ противъ правительства, то и буржуазія, мелкая и даже средняя, была равнымъ образомъ окончательно разочарована въ правительствѣ, была настроена нейтрально, если не прямо враждебно. Развѣ не Тираръ, т. е. не самое довѣренное Тьеру лицо въ Парижѣ, далъ въ Слѣдственной Комиссіи, когда говорилъ о настроеніи лицъ, которыя по своему положенію, казалось бы, должны были быть всего болѣе заинтересованы въ сохраненіи общественнаго порядка, такое многозначительное показаніе: „Они обнаруживали одинаковое отвращеніе, какъ къ правительству, такъ и къ Центральному Комитету“. Такимъ образомъ, совсѣмъ не безполезна была тактика Тьера, которая, не раздражая окончательно эти элементы занятіемъ положенія черезчуръ безцеремонно грубаго и вызывающаго, остерегалась риска: какъ бы не укрѣпить ихъ въ положеніи наблюдателей или даже не толкнуть ихъ въ ряды враговъ. Въ этомъ смыслѣ и должна была помочь дѣятельность мэровъ, иллюзорная, но отвлекающая. Этими переговорами выигрывалось время и прикрывалось все остальное и самая суть задуманнаго плана, подготовлявшагося въ Версалѣ.

Послѣ этихъ нѣсколькихъ замѣчаній, достаточныхъ въ данное время, но къ которымъ мы вернемся еще въ послѣдствіи, когда, мы будемъ говорить объ исполненіи задуманнаго плана, послѣ нанесенія окончательнаго удара, перейдемъ къ описанію хода событій.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Итакъ, собравшись 19-го въ 2 часа въ мэріи III округа, мэры совѣщались до 6 часовъ, когда, выслушавъ Арнольда, члена Центральнаго Комитета, они рѣшили послать делегацію въ Ратушу. Въ эту делегацію вошли: Клемансо, Курне, Локроа, Мильеръ, Толэнъ,—депутаты, Бонвале и Моттю—мэры; Жакларъ, Малонъ, Мейлье, Мюра,—помощники мэровъ. Центральный Комитетъ принялъ этихъ посѣтителей въ засѣданіи. Обсужденіе велось горячо. Клемансо говорилъ въ интересахъ своего лагеря и съ самаго начала всталъ на точку зрѣнія Версаля, на почву благодарности и уваженія къ Національному Собранію. Мильеръ и Малонъ, сочувствовавшіе движенію, къ которому они вскорѣ и присоединились, внесли въ пренія большую сердечность и примирительное отношеніе. Отъ имени Центральнаго Комитета говорилъ Варленъ и въ категорической формѣ изложилъ пункты предстоявшей задачи. „Насъ спрашиваютъ, чего мы хотимъ, ну, что же!“—сказалъ онъ, „мы хотимъ избираемаго Совѣта, коммунальныхъ свободъ, уничтоженія префектуры полиціи, права для національной гвардіи выбирать всѣхъ офицеровъ, окончательной отмѣны долговъ за наемъ квартиръ, справедливаго закона о срокахъ платежей; наконецъ, мы хотимъ, чтобы армія отступила за двадцать лье отъ Парижа“. Заявленіе было вполнѣ опредѣленное оставалось только передать его собравшимся мэрамъ и депутатамъ въ этой формѣ, въ какой его только что выслушали ихъ делегаты. Арнольдъ, Журдъ, Моро и Варленъ получили порученіе выполнить эту миссію.

Сошлись они съ мэрами вечеромъ, въ 10 часовъ, въ мэріи Банка. Тамъ присутствовало до шестидесяти парижскихъ избранниковъ-депутатовъ, мэровъ, ихъ помощниковъ; это были избранные представители радикализма и республиканскаго либерализма. Предсѣдательствовалъ Тираръ, вокругъ него находились демократическія знаменитости: Луи Бланъ, Карно, Шельхеръ, Пейра. Дебаты продолжались дольше и были болѣе рѣзки, болѣе ядовиты, чѣмъ въ Ратушѣ. Представители обоихъ лагерей мѣрялись силами, оскорбляли другъ друга, отстаивали свои позиціи шагъ за шагомъ. „Отъ кого вы получили власть, спрашивали избранники, кто васъ назначилъ? Существуетъ только одна законная власть, это—наша“. На это делегаты Центральнаго Комитета возразили: „Наша власть—это фактъ; Центральный Комитетъ существуетъ, онъ занимаетъ Ратушу, онъ насъ и послалъ сюда“.

Варленъ изложилъ программу Комитета, преслѣдуемыя имъ цѣли и заявилъ кромѣ того, о необходимости немедленнаго избранія всѣхъ муниципальныхъ властей, и о согласіи Комитета столковаться съ мэрами относительно подготовленія этихъ выборовъ. Луи Бланъ оказался самымъ нетерпимымъ. Онъ заявилъ, что не желаетъ никакой мировой сдѣлки съ мятежниками и не хочетъ, чтобы въ глазахъ Франціи могло показаться, что онъ является ихъ помощникомъ. Пререканія продолжались до 4 часовъ. Подъ конецъ оставался одинъ Варленъ изъ всѣхъ делегатовъ Комитета. Наконецъ, пришли, повидимому, къ соглашенію. Согласились на томъ, что Центральный Комитетъ сохраняетъ за собою командованіе національной гвардіей, но долженъ перенести свою главную квартиру на Вандомскую площадь. Ратуша должна быть передана мэрамъ, и изъ нихъ трое должны были утромъ въ 9 часовъ принять ее въ свое вѣдѣніе. Что же касается депутатовъ, то они должны были немедленно выѣхать въ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Версаль, чтобы сообщить тамъ о миролюбивомъ соглашеніи и внести спѣшное предложеніе о вотированіи муниципальнаго закона.

Дѣйствительно, въ 9 часовъ утра въ Ратушу явились Бонвалэ, мэръ III округа, Мюра, помощникъ мэра X округа, и Денизо, помощникъ мэра XII округа, во Центральный Комитетъ заявилъ имъ, что его делегаты превысили наканунѣ свои полномочія и что поэтому онъ не признаетъ заключеннаго соглашенія. Взявъ на себя отвѣтственность за положеніе дѣлъ и за послѣдствія, Комитетъ не могъ, конечно, поступиться ни военной, ни гражданской властью. Бонвалэ удалился, а Мюра немедленно отправился въ Версаль, чтобы предупредить депутатовъ о происшедшей перемѣнѣ фронта.

Такимъ образомъ, оба партнера заняли свои первоначальныя позиціи. Опираясь исключительно на свои собственныя силы, Центральный Комитетъ долженъ былъ отвѣтить на требованія существовавшаго положенія. Комитетъ, впрочемъ, отчасти уже предвидѣлъ такой оборотъ событій, такъ какъ въ № Journal Officiel, появившемся утромъ, онъ объяснялъ достаточно ясно свое поведеніе и свои дѣйствія. Болѣе подробно, чѣмъ наканунѣ, онъ пояснялъ въ прокламаціи, что онъ изъ себя представляетъ и куда намѣренъ идти. Его манифестъ заканчивался такимъ риторическимъ заключеніемъ, очень интереснымъ по своей формѣ, которая доказывала, что при всей своей „неизвѣстности“ члены Центральнаго Комитета, если и не умѣли дѣйствовать, то умѣли говорить и писать: „Мы, облеченные мандатомъ, давившимъ насъ своей ужасной отвѣтственностью, мы выполнили его безъ колебаній, безъ страха; теперь достигнувъ цѣли, мы говоримъ народу, который насъ настолько уважалъ, что выслушивалъ наши совѣты, часто оскорблявшіе его нетерпѣніе: „Вотъ мандатъ, довѣренный тобою намъ; тамъ, гдѣ могли бы начаться наши личные интересы, тамъ должны окончиться наши обязанности; исполняй свою волю! Ты освободилъ себя. Еще нѣсколько дней тому назадъ будучи вполнѣ неизвѣстны, мы возвращаемся тѣми же неизвѣстными въ твои ряды и покажемъ правителямъ, что возможно съ высоко поднятымъ челомъ спуститься по ступенямъ твоей Ратуши, съ увѣренностью, что внизу встрѣтишь пожатіе твоей честной и могучей руки“. Въ другой прокламаціи, являвшейся логическимъ выводомъ изъ предъидущей, Комитетъ призывалъ избирателей къ урнамъ въ среду, 22-го марта. Провинція также не была забыта! Длинное сообщеніе, составленное делегированными въ Journal Officiel лицами, знакомило провинцію съ положеніемъ дѣлъ. Въ немъ говорилось, что просвѣщенные и непредубѣжденные департаменты справедливо отнесутся къ народу столицы и поймутъ, что согласіе всей націи неизбѣжно для общаго спасенія.

Документы эти показываютъ тотъ духъ умиротворенія и чрезвычайной, даже чрезмѣрной умѣренности, который воодушевлялъ Центральный Комитетъ. При чтеніи ихъ кажется, что Комитетъ не хочетъ ничего разбивать или ниспровергать въ политическомъ строѣ, а тѣмъ менѣе въ соціальномъ; его единственная цѣль—это защита и признаніе правъ Парижа и его муниципальныхъ вольностей. Съ трудомъ можно найти на столбцахъ Officiel'я этого и послѣдующихъ дней какую-нибудь фразу или выраженіе, которыя могли бы обезпокоить буржуазныя уши, которыя выдавали бы скрытую мысль объ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

экспропріаціи, объ изъятіи части имуществъ владѣющихъ классовъ. Предоставить слово самому населенію, возвратить ему какъ можно скорѣе власть, которую Комитетъ разсматривалъ, какъ исключительно-временно порученную ему, такова была въ данный моментъ господствующая мысль Центральнаго Комитета. Можно, конечно, порицать или хвалить его за это, но это фактъ.

Въ это время Версаль уже оттачивалъ кинжалъ. Перенесемся въ Національное Собраніе, послушаемъ пренія этого дня и выведемъ свое заключеніе. Прежде всего, когда вы сойдете съ поѣзда и еще не успѣете войти въ Собраніе, въ васъ вглядываются, васъ осматриваютъ, васъ обыскиваютъ полицейскія руки; съ этого момента паспортъ является для васъ необходимостью. Вблизи дворца королей, въ кулуарахъ, въ залѣ засѣданій царствуетъ невообразимый страхъ; самые смѣлые говорятъ о бѣгствѣ въ Бургъ. На трибуну входитъ нѣкій г. Ластейри; онъ предлагаетъ и заставляетъ выбрать на всѣхъ парахъ комиссію пятнадцати, „которая соединяла-бы въ себѣ всѣ мнѣнія собранія и вошла-бы въ соглашеніе съ исполнительной властью о надлежащемъ образѣ дѣйствія при настоящихъ обстоятельствахъ“.

Въ комиссію эту избраны: два генерала, два адмирала, два герцога, цѣлая куча тупоголовыхъ и свирѣпыхъ реакціонеровъ и ни одного республиканца. Въ отвѣтъ на это, какъ эхо, чтобы нѣсколько успокоить эту Палату, которая буквально проваливается, министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ предлагаетъ,—и его предложеніе принимается почти безъ возраженій, объявить осадное положеніе въ департаментѣ Сены и Оазы. Затѣмъ на насѣсть взлетаетъ Трошю, слащавый тартюфъ „Защиты“. Весьма хладнокровно изрыгаетъ онъ брань на тѣхъ, кого онъ предалъ, на этихъ „жалкихъ“, „злодѣевъ“, на этихъ „коноводовъ гражданской войны, которые въ теченіе осады десять разъ чуть не впустили непріятеля въ Парижъ». Реакція,—0,95 собранія,—ликуетъ и топаетъ ногами.

Въ этой возбужденной и обезумѣвшей средѣ сенскіе депутаты робко пытаются, прибѣгая къ безконечнымъ предосторожностямъ, внести въ порядкѣ дня рядъ мѣръ, принятія которыхъ, какъ имъ извѣстно, съ нетерпѣніемъ ожидаетъ весь Парижъ, какъ буржуазный, такъ и народный, и которыя однѣ только и могутъ вызвать успокоеніе, дать почву для умиротворенія. Клемансо вноситъ и читаетъ предложеніе, касающееся муниципальныхъ выборовъ. Оно имѣетъ въ виду избраніе въ самомъ близкомъ будущемъ Совѣта изъ 80 членовъ, выбирающаго уже изъ своей среды предсѣдателя, который и получаетъ званіе и исполняетъ обязанности мэра Парижа. Подъ этимъ предложеніемъ вмѣстѣ съ Клемансо подписалось 16 депутатовъ: Луи Бланъ, Шельхеръ, Толэнъ, Тираръ, Бриссонъ, Греппо, Лакроа, Ланглоа, Эдгаръ Кине, Брюне, Мильеръ, Мартенъ Бернаръ, Курне, Флоке, Разуа, Фарси.

Отъ имени тѣхъ-же лицъ Ланглоа вноситъ предложеніе о признаніи за національной гвардіей права избранія всѣхъ своихъ офицеровъ. Третье предложеніе Мильера требуетъ отсрочки на полгода уплаты по торговымъ векселямъ. По предложенію правительства принята была неотложность этихъ предложеній; но съ этого уже момента можно было предвидѣть ихъ судьбу.

Къ счастью для себя въ этотъ именно день Центральный Комитетъ устранилъ или обошелъ одно изъ препятствій, самыхъ опасныхъ, стоявшихъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

на его пути: Онъ вырѣшилъ вопросъ объ уплатѣ вознагражденія національной гвардіи. Дѣйствительно, у него было 300.000 человѣкъ, которыхъ онъ долженъ былъ кормить утромъ и вечеромъ. Это поглощало ежедневно по меньшей мѣрѣ 450.000 фр., не считая дополнительныхъ расходовъ. Такой расходъ былъ тяжелой ношей для всякой спины, а въ особенности для спины такого новичка въ политической и административной области, какимъ былъ Центральный Комитетъ. Два смѣлыхъ, интеллигентныхъ и энергичныхъ человѣка взялись за это дѣло и сумѣли довести его до счастливаго конца, это были Журдъ и Варленъ. Не пожелавъ, изъ чувства добросовѣстности, захватить 19-го марта ящики министерства финансовъ, въ которыхъ они нашли бы около 5 милліоновъ, и предварительно обратившись утромъ 20-го въ нѣкоторыя частныя кредитныя учрежденія, давшія имъ довольно неопредѣленныя обѣщанія, днемъ они направились въ Банкъ. Здѣсь его управляющій Руланъ боявшійся еще худшаго, передалъ имъ милліонъ, подъ единственнымъ условіемъ, чтобы въ роспискѣ о полученіи этой суммы помѣчено было, что она взята за счетъ города. Такимъ образомъ, Центральный Комитетъ получилъ возможность выжидать. Онъ получилъ отсрочку, чтобы оглядѣться и подумать.

По правдѣ говоря, пора было это сдѣлать, такъ какъ на другой день поутру атака началась по всей линіи.

Депутаты и мэры прежде всего поторопились извѣстить населеніе посредствомъ прокламацій, что по ихъ предложенію Національное Собраніе признало неотложность обсужденія проекта закона о выборѣ Муниципальнаго Совѣта въ Парижѣ, и въ виду этого они приглашали національную гвардію избѣгать всякаго повода къ столкновенію, ожидая рѣшенія Національнаго Собранія. Нѣсколько часовъ послѣ этого, камарилья депутатовъ и мэровъ выпустила вторую прокламацію, въ которой все это говорилось въ еще болѣе опредѣленной формѣ и которая наполнена была ложными увѣреніями и иллюзіями. На первый планъ прокламація выдвигала истекающее кровью и изувѣченное отечество и приглашала избирателей не идти на призывъ къ выборамъ, къ которымъ ихъ призывали незаконно и не имѣя на это права. Эти молодцы вполнѣ довѣряли Національному Собранію или дѣлали видъ, что довѣряютъ ему. „Мы хотѣли-бы, говорили они, сохраненія и укрѣпленія великаго учрежденія національной гвардіи. Мы получимъ это: Національное Собраніе дастъ намъ его. Для Парижа мы хотѣли-бы немедленныхъ муниципальныхъ выборовъ, признанія его муниципальныхъ вольностей. Мы получимъ все это: Собраніе дастъ намъ это.“ Была-ли это наивность или двуличіе? Это зависитъ отъ того, предположить ли въ нихъ добросовѣстность или недобросовѣстность.

Эта демонстрація поддержана была еще другой, источникъ которой, повидимому, былъ иной, но которая, можетъ быть, была въ связи, съ первой, потому что наряду съ газетами явно реакціонными, какъ: Univers, Union, Francais, Gaulois, Figaro—она сгруппировала также и республиканскія газеты какъ Verité, Temps, Opinion National.

Мы говоримъ о декларацiи прессы парижскимъ избирателямъ. Тридцать пять подписавшихся подъ декларацiей газетъ становились на академическую точку зрѣнія на конституціонное право. Такъ какъ созывъ избирателей, утверждали

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

онѣ, является актомъ верховной власти націи и принадлежитъ только власти, организованной на основѣ всеобщаго голосованія, то Центральный Комитетъ не уполномоченъ для подобнаго созыва.

Исходя изъ этого газеты объявляли ничтожнымъ и недѣйствительнымъ созывъ избирателей на 22-е марта и приглашали избирателей не обращать на него вниманія.

Это была уже формальная война, которая изъ тайныхъ собраній мэровъ и изъ редакцій газетъ должна была спуститься на улицу. Дѣйствительно, именно въ этотъ день произошла первая манифестація „Друзей Порядка". Эти „друзья", повидимому, собрались по призыву нѣкоего Бонна, капитана 253-го батальона. Съ бульваровъ, бывшихъ мѣстомъ сборовъ, демонстранты направились на площадь Биржи, затѣмъ, сплотившись вокругъ трехцвѣтнаго знамени съ надписью „Союзъ Друзей Порядка", они пошли на Вандомскую площадь и, остановившись передъ № 22, гдѣ помѣщался штабъ національной гвардіи, начали кричать: „Да здравствуетъ Собраніе!" Одинъ изъ членовъ Центральнаго Комитета вышелъ на балконъ и предложилъ имъ прислать делегацію.

Манифестанты отвѣчали неистовыми криками: „Долой Комитетъ! Никакихъ делегатовъ! Вы ихъ убьете!" Послѣ этого національные гвардейцы, охранявшіе входы, оттѣснили съ площади этихъ буяновъ, вскорѣ затѣмъ и разошедшихся, съ условіемъ однако собраться снова на другой день въ тѣхъ-же мѣстахъ. Кто были эти манифестанты? Ихъ лозунгъ: „Да здравствуетъ Собраніе!" указывалъ на сторонниковъ Тьера и деревенскаго большинства. Однако, они состояли изъ очень смѣшанныхъ элементовъ и въ ихъ число замѣшалось извѣстное количество бонапартистскихъ агентовъ или какихъ-то другихъ, какъ это еще яснѣе обнаружилось на другой день. Партія реакціи считала, что въ эти смутные и возбужденные моменты настало наконецъ время для дѣйствія, и старалась занять позицію.

Опираясь на это сопротивленіе мэровъ, прессы и людей порядка, Версаль счелъ моментъ также подходящимъ, чтобы показать свою игру. Officiel Національнаго Собранія помѣстилъ утромъ длинную статью съ изложеніемъ положенія дѣлъ. Правительство объявляло о своемъ отступленіи и объясняло его; оно заявляло, что передало свои полномочія мэрамъ, которымъ временно поручено управлять столицей. Затѣмъ оно обвиняло Центральный Комитетъ за его мятежъ, отмѣченный убійствомъ генераловъ Леконта и Клеманъ Тома, умоляло департаменты прійти на помощь единственной законной власти, чтобы совмѣстно съ нею подавить возстаніе и примѣрно наказать злодѣевъ, дѣйствовавшихъ въ согласіи—на что будто-бы были несомнѣнныя доказательства—съ самыми отвратительными агентами имперіи и строившихъ козни съ пруссаками.

Въ послѣобѣденномъ засѣданіи тонъ еще болѣе повысился, и Собраніе единодушно одобрило прокламацію къ народу и къ арміи, произведеніе академика Витэ, которая сѣяла страхъ и ненависть. Затѣмъ, возражая Ланглоа, Бриссону, далѣе Леону Сэ, требовавшимъ коммунальныхъ правъ для Парижа, Тьеръ отвѣтилъ, что столицей нельзя управлять, какъ какимъ нибудь городомъ въ 3.000 жителей. Наконецъ, на трибуну взошелъ Фавръ и запальчиво, съ пѣною у рта и рыданіями въ голосѣ произнесъ противъ великаго города самую гнусную обви-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нительную рѣчь. Въ самомъ началѣ рѣчи онъ высказалъ протестъ противъ всякаго соглашенія съ людьми, которые ставятъ выше законной власти „какой-то кровавый и хищный идеалъ.“ Нечего ждать, нечего медлить, немедленное объявленіе безпощадной и немедленной войны, этому Парижу, „который принимаетъ въ своей Ратушѣ убіицъ“. И, зная свою аудиторію, Фавръ имѣлъ безстыдство прибавить: „если-бы нѣкоторые изъ членовъ этого Собранія попали въ ихъ руки, они были-бы то-же убиты“. Затѣмъ, возвращаясь къ своей нѣснѣ о скальнированіи, онъ сказалъ: „состояніе Парижа—это грабежъ, воровство, убійство, возведенные въ соціальную доктрину, и мы все это увидимъ, если не побѣдимъ его!.. Никакой слабости, никакого примиренія! Поспѣшимъ расправиться съ негодяями, завладѣвшими столицей.“ Это яростное „ату его“ привело Собраніе въ настоящее неистовство. Адмиралъ Сессэ, получившій уже въ этотъ моментъ назначеніе въ главнокомандующіе національной гвардіей, воскликнулъ: „Итакъ, призовемъ провинцію и идемъ на Парижъ!“ Вся правая, поднявшись, вопила: „Да, да, идемъ на Парижъ!“ Самъ Тьеръ испугался этого неистовства, по его мнѣнію разразившагося черезчуръ рано. Онъ вмѣшался въ пренія, чтобы успокоить страсти, и совмѣстно съ Пикаромъ внесъ и провелъ неотложность обсужденія муниципальнаго закона. Но послѣ этого дикаго взрыва, обнаружившаго затаенныя и глубокія чувства всей этой деревенщины, сплотившейся противъ рабочаго и республиканскаго Парижа, какое значеніе могла имѣть эта болеутоляющая и планическая выходка? Гражданская война была объявлена Версалемъ; ничто уже съ этого момента не могло отвратить ея фатальной неизбѣжности.

Центральный Комитетъ честно, законно и по прежнему въ умѣренной формѣ старался познакомить съ истиннымъ положеніемъ Парижъ, Францію, всѣхъ. О своихъ врагахъ—сравните его тонъ съ кровожадными воплями Жюля Фавра—онъ говорилъ просто: „Виновники всѣхъ нашихъ бѣдствій покинули Парижъ, и о нихъ никто ни мало не сожалѣетъ. И теперь солдаты, мобили, національные гвардейцы объединены единой мыслью, единымъ желаніемъ, единой цѣлью: всѣ хотятъ единенія и мира. Пусть на улицахъ не будетъ больше возмущеній! Довольно крови, пролитой за этихъ тирановъ.“ Описаніе дня 18-го марта, напечатанное въ Officiel, рисуетъ событія и объясняетъ ихъ съ рѣдкимъ безпристрастіемъ. Съ достоинствомъ написанная прокламація, подписанная Дювалемъ, делегатомъ въ префектурѣ полиціи, указавъ на программу требованій Центральнаго Комитета: избраніе Муниципальнаго Совѣта Парижа, мэровъ и ихъ помощниковъ въ двадцати округахъ, всѣхъ офицеровъ національной гвардіи,—отвѣтила энергично на нелѣпую клевету, направленную противъ столицы, будто-бы она хочетъ отдѣлиться отъ Франціи. „Парижъ не имѣетъ никакого желанія отдѣляться отъ Франціи; напротивъ, ради нея онъ терпѣлъ имперію, правительство Національной Защиты, всѣ его измѣны и всѣ его низости. Конечно, Парижъ это дѣлалъ не для того, чтобы отказаться отъ Франціи теперь, но чтобы сказать ей по праву старшаго брата: „Защити себя, какъ я себя защитилъ; сопротивляйся угнетенію, какъ я возсталъ противъ него“.

Этотъ языкъ разнится отъ языка, на которомъ выражался Версаль: нѣтъ ни брани, ни провокаціи, никакого призыва къ убійству и къ рѣзнѣ. Центральный Комитетъ озабоченъ былъ только тѣмъ, чтобы доказать и убѣдить каждаго,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Парижъ и провинцію, въ его правѣ, въ законности его требованій, въ превосходствѣ его дѣла.

Но, несмотря на все свое миролюбіе, въ извѣстные моменты, если люди не желаютъ погибать, то они принуждены бываютъ защищаться, отбивать нападеніе. Въ парижскомъ Officiel отъ 22-го марта разобрана была декларація прессы, появившаяся наканунѣ. Въ этой статьѣ Центральный Комитетъ заявлялъ, что онъ не допуститъ, чтобы продолжались нападки на верховную власть народа, выражающіяся въ возбужденіи къ неподчиненію его рѣшеніямъ и приказамъ, и грозилъ виновнымъ репрессіями въ случаѣ повторенія подобныхъ нападокъ.

Болѣе подробная статья, озаглавленная „Право Парижа“ и подписанная делегатомъ при „Journal Officiel.“ устанавливала взаимную позицію Парижа и Версаля. Національное Собраніе изображено было въ ней такимъ, какимъ оно являлось фактически, т. е. испорченнымъ въ самыхъ своихъ источникахъ, уже лишившимся значительной части своихъ членовъ, получившимъ, помимо всего этого, только одинъ ограниченный мандатъ—рѣшить вопросъ о мирѣ или войнѣ,—и не имѣющимъ слѣдовательно права присваивать себѣ, не насилуя верховной власти народа, учредительныя функціи для изданія органическихъ законовъ. Кромѣ того Officiel заявлялъ, что въ виду демонстрацій со стороны реакціи, уже вышедшей на улицу и грозившей вновь появиться тамъ-же, выборы отложены до слѣдующаго дня.

Депутаты и мэры, изъ менѣе бахвальныхъ, вслѣдствіе того оборота, который приняли наканунѣ пренія Національнаго Собранія, расклеили съ своей стороны прокламаціи, въ которыхъ они ограничились совѣтомъ населенію терпѣливо ждать. Однако мэры и депутаты не являлись единственными руководителями всей буржуазной кліентуры. „Друзья Порядка“ стремились манифестировать и, дѣйствительно, манифестировали. Реакція пожелала имѣть свой день, она и имѣла его, хотя онъ оказался совсѣмъ не блестящимъ.

Къ полудню „Друзья Порядка“ начали собираться группами на площади Новой Онеры, безъ оружія, по крайней мѣрѣ видимаго, такъ какъ таковъ былъ лозунгъ. Среди группъ прохаживался адмиралъ Сессэ, назначенный Версалемъ главнокомандующимъ національной гвардіеи, а главная квартира его находилась по близости въ Грандъ Отелѣ. „Храбрый морякъ“, очевидно, изслѣдовалъ почву. Не найдя ея достаточно прочной, онъ отказался прицѣпить синюю ленту, которую заговорщики одѣли въ петлицы. Незадолго до 2-хъ часовъ шествіе двинулось по улицѣ Мира. Предполагалось пройти по Вандомской площади, чтобы подразнить штабъ національной гвардіи, затѣмъ дойти по улицѣ Риволи до Ратуши съ цѣлью освистать Центральный Комитетъ. Во главѣ процессіи шли биржевики, великосвѣтскіе писатели, офицера въ отставкѣ: Фредерикъ Леви, де Коетлогонъ, де Геккеренъ, А. де Пенъ, Сассари, де Молинэ, члены Société des Gourdins reunis (Общества Объединенной Дубинки)—все цвѣточки реакціи. Въ рядахъ были провокаторы, нѣсколько бонапартистскихъ агентовъ, которые готовы были воспользоваться движеніемъ, если-бы оно пріобрѣло нѣкоторую распространенность. Во всякомъ случаѣ, если-бы манифестація, даже и мирная, удалось, то и это было-бы выгодной операціей, это послужило-бы доказательствомъ, что революція не овладѣла всѣмъ Парижемъ и что смѣлое предпріятіе имѣло шансы на удачу.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Къ несчастью для вдохновителей ея демонстрація окончилась плачевно.

Первые ряды колонны порядка натолкнулись на Вандомской площади на оцѣпленіе, образованное батальонами федералистовъ. Колонна хотѣла прорвать цѣпь. Раздались выстрѣлы; первые выстрѣлы, повидимому, сдѣланы были самими манифестантами, т. к. многіе изъ нихъ упали въ этотъ моментъ раненые пулями въ спины. Между тѣмъ начальствовавшій на площади Бержере успѣшно давалъ предупредительные сигналы, барабанъ билъ цѣлыхъ пять минутъ. Такъ какъ колонна не расходилась, федералистами дано было два залпа, отъ которыхъ упало около двадцати демонстрантовъ. Остальные разсѣялись, какъ стая воробьевъ. Бѣгство было всеобщимъ. Въ мгновеніе ока улица Мира была очищена. Осталось на мѣстѣ около тридцати убитыхъ и раненыхъ со стороны толпы, два убитыхъ и восемь раненыхъ со стороны федералистовъ.

Послѣ этого реакціи оставалось лишь въ свою очередь покинуть Парижъ или уйти въ подполье. Они это и сдѣлали. Биржевики, фигаристы, пандуры бросились въ Версаль на самыхъ скорыхъ поѣздахъ, чтобы отдаться тамъ вмѣстѣ со своими кокотками подъ защиту храброй сабли генераловъ декабрьскаго переворота. „Весь Парижъ“, биржевые игроки, кутилы и сводники—собрались у подножія статуи Великаго Короля.

Такимъ образомъ, въ Парижѣ, изъ котораго удалились правительство и баловни высшаго свѣта, остались только Центральный Комитетъ и мэры. Между этими двумя властями и происходила борьба въ теченіе слѣдующихъ четырехъ дней.

Но для того, чтобы могли побѣдить мэры, имъ необходимо было добиться отъ Версаля извѣстныхъ уступокъ. „Не заставляйте насъ возвращаться съ пустыми руками“,—молилъ Тираръ, истинный лидеръ мэровъ, въ засѣданіи 21-го марта. Удастся-ли имъ вырвать эти уступки? До сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, на это не было шансовъ. Въ засѣданіи 22-го Національное Собраніе, хотя и не демонстрировало такъ рѣзко и ненавистнически, какъ наканунѣ, но по существу показало себя такимъ-же настойчивымъ и непоколебимымъ, если даже не больше. Вашеро, парижскій мэръ и притомъ человѣкъ, воодушевленный нѣкогда смѣлыми порывами, но со времени осады окончательно перешедшій въ лагерь соціальныхъ консерваторовъ явился докладчикомъ проекта закона Клемансо и его товарищей; проектъ этотъ имѣлъ въ виду дать столицѣ, вмѣстѣ съ немедленными выборами, муниципальныя свободы, наравнѣ со всѣми остальными коммунами Франціи. Отъ имени комиссіи докладчикъ высказался за полное и простое отверженіе этого предложенія, а говорившій вслѣдъ за нимъ министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ изложилъ и тѣ ограниченія, которымъ правительство намѣрено было подвергнуть первый городъ страны. Проектъ правительства, ставшій къ тому-же и закономъ, тѣмъ самымъ, который управляетъ нами еще и теперь, сводилъ парижскій муниципальный совѣтъ къ простой роли счетчика и отдавалъ его въ руки и подъ высшій надзоръ сенскаго префекта и префекта полиціи, которые фактически являлись его президентами. Право созыва Совѣта принадлежало одному сенскому префекту. Неотложность рѣшена была тотчасъ-же и съ этого полудня проектъ этотъ можно было разсматривать, какъ уже принятый.

Конечно, ни Парижъ, ни его мелкую буржуазію, ни его пролетаріатъ нельзя было надѣяться заманить подобнымъ пирогомъ. Мэры поняли это такъ ясно, что

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нѣкоторые изъ нихъ, опасаясь, что событія поглотятъ ихъ, а Центральный Комитетъ увлечетъ за собой все населеніе, съ этого уже времени стали готовиться къ энергичному сопротивленію вооруженной силой. Противъ кого? Противъ Національнаго Собранія, противъ реакціоннаго Версаля? Нѣтъ, противъ Центральнаго Комитета, противъ революціоннаго Парижа. Собравъ вокругъ мэріи Банка національную гвардію порядка, они въ теченіи дня 22-го марта предприняли рядъ мѣръ, разсчитанныхъ на военныя дѣйствія. Для осуществленія ихъ они прибѣгли къ удачному средству. Какъ и Центральный Комитетъ, они постучались у дверей Банка, а посредствомъ повсюду щедро расклееннаго извѣщенія, которое подписали Тираръ, Дюбейль и Элигонъ, они заявили, что начиная съ завтрашняго дня они будутъ въ зданіи Биржи выплачивать жалованье всѣмъ національнымъ гвардейцамъ, мэріи которыхъ находились во власти представителей Центральнаго Комитета. Такимъ образомъ, вечеромъ и на другой день они собрали 25.000 человѣкъ, которыми I и II округа и были заняты.

Мэріи этихъ двухъ округовъ были укрѣплены; на всѣхъ углахъ поставлены были посты и часовые, а также и на всемъ протяженіи отъ моста Искусствъ до вокзала Сенъ-Лазаръ, пункта сношенія съ Версалемъ, откуда былъ смѣненъ батальонъ, вѣрный Центральному Комитету, и замѣненъ батальономъ порядка. Такимъ образомъ, Парижъ раздѣленъ былъ на два лагеря. Враждебныя силы Ратуши и мэровъ стояли другъ противъ друга на протяженіи многихъ километровъ; всякую минуту возможно было опасаться столкновенія. Арміи мэровъ, которая такимъ образомъ приняла наслѣдство „Друзей Порядка“, недоставало только генерала, такъ какъ адмиралъ Сессэ отказался отъ чести ею командовать, точно также, какъ онъ отклонилъ и предложенія манифестантовъ на Вандомской площади. Эта честь досталась нѣкоему Кевовилье, поставщику рубашекъ Его Величества Наполеона III и довѣренному лицу Тирара. Но всего этого было еще недостаточно.

Какъ бы тамъ ни было, но создавшееся положеніе было черезчуръ натянуто, чтобы могло долго продолжаться. Лицомъ къ лицу съ этой непосредственной угрозой Центральный Комитетъ, всѣ дѣйствія котораго и безъ того оспаривались и встрѣчали противодѣйствіе, рѣшился, наконецъ возвысить свой голосъ и заговорилъ болѣе твердымъ языкомъ. Въ прокламаціи, помѣщенной въ Officiel 23-го марта, онъ указывалъ на положеніе, занятое мэрами и депутатами, пускающими въ ходъ всѣ средства для затрудненія выборовъ; онъ указывалъ далѣе на реакцію, поддерживаемую ими и объявляющую открытую войну, и заявлялъ, что, принимая борьбу, онъ сокрушитъ всѣ противодѣйствія. Выборы, что-бы ни случилось, должны произойти въ воскресенье, 26-го. Затѣмъ, обращаясь къ Версалю, Комитетъ въ другой прокламаціи, самой замѣчательной изъ всѣхъ до этого выпущенныхъ имъ, точно опредѣлилъ компетенцію и права новаго Муниципальнаго Собранія. Онъ требовалъ „такого-же неоспоримаго права для города, какимъ является и право самой націи“. „Городъ, говорилъ онъ, долженъ имѣть, какъ и нація, свое Собраніе, которое называется—безразлично Муниципальнымъ или Коммунальнымъ Собраніемъ, или Коммуной!“ Сознавая опасность компаніи, которую велъ Тьеръ въ вопросѣ о взаимныхъ отношеніяхъ Парижа и провинціи, Комитетъ очень энергично настаивалъ на томъ по-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ложеніи, что „Парижъ не желаетъ господствовать, но хочетъ быть свободнымъ; онъ не претендуетъ ни на какую иную диктатуру, кромѣ диктатуры примѣра: онъ не желаетъ ни навязывать своей воли, ни отказываться отъ своей собственной: онъ не мечтаетъ о томъ, чтобы сыпать декретами, но не думаетъ подчиниться и плебисцитамъ; онъ только демонстрируетъ движеніе, двигаясь впередъ, подготовляетъ свободу другимъ, учреждая ее у себя. Онъ никого насильственно не толкаетъ на путь республики, онъ довольствуется тѣмъ, что первый вступилъ на него".

Послѣ словъ и протестовъ 22-го марта послѣдовали акты: приняты были оборонительныя мѣры предосторожности и начаты приготовленія къ нападенію. Федеральные батальоны уже занимали, или вновь заняли всѣ общественныя зданія во всѣхъ округахъ, за исключеніемъ I и II. Батальонъ Бельвиля вновь занялъ мэрію IV округа, которую до этого занималъ версалецъ Вотренъ. Мэры и ихъ помощники въ III, X, XII и XVIII округахъ замѣнены были делегатами Центральнаго Комитета. Затѣмъ Комитетъ укрѣпилъ баррикадами Вандомскую площадь, удвоилъ число батальоновъ въ Ратушѣ, а его сильные патрули доходили до самыхъ постовъ на улицахъ Вивьенъ и Друо съ цѣлью задержать движеніе фабриканта рубашекъ Кевовилье и его биржевиковъ. Комитетъ занялъ также позицію, съ помощью своихъ сторонниковъ—федералистовъ квартала, на вокзалѣ Батиньоль, отрѣзавъ такимъ образомъ сообщенія, которыя могли поддерживать съ Версалемъ черезъ вокзалъ Сенъ-Лазаръ, находившійся до этого въ ихѣ власти, національные гвардейцы порядка и адмиралъ Сэссе. Журдъ и Варленъ, которыхъ наканунѣ провелъ вице-директоръ Банка де Плекъ, замѣщавшій директора Рулана, тоже эмигрировавшаго, вернулись во главѣ двухъ батальоновъ къ упрямому маркизу, пославъ ему предварительно настоятельное требованіе о выдачѣ денегъ, и взяли у него второй милліонъ для уплаты жалованья національной гвардіи.

Когда Тьеръ и Пикаръ открыли двери провинціальныхъ тюремъ и выпустили на Парижъ многочисленныхъ уголовныхъ преступниковъ, Комитетъ объявилъ этотъ поступокъ низкимъ и посредствомъ объявленій обнародовалъ для всеобщаго свѣдѣнія, что всякій, задержанный на мѣстѣ грабежа будетъ разстрѣлянъ.

Наконецъ, отвѣчая на алармистскія пророчества Жюля Фавра, возвѣщавшаго съ высоты трибуны Національнаго Собранія о вмѣшательствѣ пруссаковъ, направленномъ противъ Парижа, Комитетъ доводилъ до свѣдѣнія публики слѣдующее сообщеніе, полученое изъ главной квартиры непріятеля: „Нѣмецкимъ войскамъ отданъ приказъ держаться пассивно, пока событія, ареной которыхъ является Парижъ, не примутъ по отношенію къ нашимъ арміямъ враждебнаго характера".

Народные элементы, стремившіеся къ агрессивной политикѣ, были довольны также и тѣмъ фактомъ, что согласіе среди самихъ мэровъ—надо признать это—не было полнымъ. Если нѣкоторые изъ нихъ, тащась на буксирѣ Тьера, съ легкимъ сердцемъ и шли на битву съ Центральнымъ Комитетомъ, то другіе, наоборотъ, серьезно смотрѣли на свою роль примирителей и ихъ опозиція Комитету сопровождалась вмѣстѣ съ тѣмъ и давленіемъ на Національное Собраніе съ цѣлью вырвать у него необходимыя, по ихъ мнѣнію, уступки для возстановленія обще-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ственнаго согласія. Умиротворители, оказывая давленіе на непримиримыхъ, должны были особенно въ этотъ день 23-го марта сознавать необходимость сдѣлать еще разъ рѣшительную попытку въ Версалѣ, неожиданные выпады котораго глубоко вліяли на ходъ событій.

Попытка эта была сдѣлана и дала поводъ къ скандальному засѣданію, въ которомъ реакціонеры Собранія обнаружили всю тупость и кровожадность своихъ инстинктовъ. Когда мэры и ихъ помощники, всего около двадцати человѣкъ, съ знаками своего достоинства и въ шарфахъ, появились въ засѣданіи на трибунѣ, оставленной для нихъ квесторомъ, они попали какъ разъ въ надлежащій моментъ. По предложенію нѣкоего Ла Роштулона Собраніе только что приняло законъ о сформированіи въ департаментахъ батальоновъ волонтеровъ, задачей которыхъ являлась защита верховной власти націи и подавленіе парижской инсуррекціи; другими словами Собраніе декретировало организацію гражданской войны. Какъ только вошли мэры, всѣ взоры обратились на нихъ и замѣтно было, какъ сильное волненіе охватило скамью за скамьей. Лѣвая встала и привѣтствовала ихъ крикомъ: „Да здравствуетъ республика!“ Правая и центръ отвѣчали крикомъ: „Да здравствуетъ Франція!“ Затѣмъ со стороны аграріевъ раздался вопль: „Къ порядку! къ порядку!“ Приверженцы Генриха V и орлеанисты въ видѣ протеста покинули залу, а ихъ сообщникъ, предсѣдатель Собранія— это былъ республиканецъ Греви—закрылъ засѣданіе. Вечеромъ, послѣ перерыва, нѣкоторые изъ мэровъ всетаки присутствовали на засѣданіи. Арно д'Арьежъ, депутатъ и мэръ VIII округа, прочелъ декларацію, настаивавшую на необходимости постоянныхъ сношеній Собранія съ мэрами, на помощи и поддержкѣ Собранія мэрамъ въ ихъ задачѣ умиротворенія; въ этихъ видахъ Собраніе должно было немедленно назначить на 28-е выборы главнокомандующаго Національной Гвардіей, а на 3-е апрѣля, если это окажется возможнымъ, муниципальные выборы. Правая и центръ встрѣтили это предложеніе криками и стукомъ, и эти болеутолительныя и скромныя предложенія были направлены для погребенія въ Комиссію. Произведенный опытъ былъ ясенъ. Версаль терпѣлъ мэровъ только въ качествѣ любезныхъ слугъ его мести и репрессій, что я говорю? даже и при этихъ условіяхъ онъ не выносилъ ихъ. Версаль выливалъ и на нихъ какъ парижанъ, свою ненависть и отвращеніе, которыя внушали ему Парижъ.

Безъ сомнѣнія, мэры ясно поняли все это. Но, несмотря на это, въ первый моментъ они все-же держались выжидательно, такъ какъ Тьеръ кое что шепнулъ ихъ колонновожатымъ, Тирару и Шельхеру. Однако, ихъ парижская избирательная кліентура не заинтересована была въ молчаніи и въ оставленіи безъ протеста полученной пощечины. Извѣстіе объ этомъ пріемѣ кинуло ее на моментъ на сторону Центральнаго Комитета и вызвало среди средней буржуазіи и торговаго класса такое настроеніе умовъ, которое парализовало желаніе сопротивляться у самыхъ непреклонныхъ и способствовало ускоренію соглашенія между парижскими выборными и Центральнымъ Комитетомъ по вопросу о муниципальныхъ выборахъ.

Центральный Комитетъ, почувствовавъ подъ собою болѣе твердую почву, 24-го сталь дѣйствовать болѣе рѣшительно. Въ Journal Officiel онъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

опубликовалъ приказъ, созывавшій избирателей на воскресенье, 26-го марта, и опредѣлявшій подробности выборовъ: голосованіе должно произойти по спискамъ и по избирательнымъ округамъ: одинъ членъ совѣта избирается на 200.000 жителей, т. е. всего 90 выборныхъ; избиратели по представленіи удостовѣренія, выданнаго для выборовъ 8-го февраля, голосуютъ въ тѣхъ-же помѣщеніяхъ и на основаніи обычныхъ правилъ. Что касается военныхъ дѣлъ, то Комитетъ, сознавая, что часъ для смѣлыхъ рѣшеній уже пробилъ, устранилъ отъ командованія неспособнаго и безпокойнаго Люлье и его сомнительныхъ помощниковъ Рауля де Биссона и Ганье д'Абена и ввѣрилъ главное командованіе, съ званіями генераловъ, тремъ испытаннымъ лицамъ, принадлежавшимъ къ рабочему классу и проявившимъ уже въ теченіе осады доказательства своихъ гражданскихъ чувствъ и энергіи: это были Брюнель, Эдъ и Дюваль.

Обезпечивъ такимъ образомъ свой тылъ, избавившись отъ интригановъ и глупцевъ, Центральный Комитетъ предполагалъ возобновить переговоры съ мэрами, чтобы убѣдить ихъ присоединиться къ избирательнымъ операціямъ 26-го марта и этимъ гарантировать ихъ законность.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть объ одномъ вводномъ, комическомъ и вмѣстѣ съ тѣмъ отталкивающемъ инцидентѣ не потому, что онъ имѣлъ какое нибудь вліяніе на ходъ событій—онъ не оказалъ никакого вліянія,—но, чтобы показать ту смуту, которая, какъ онъ обнаруживаетъ, царила въ данный моментъ въ правительственныхъ сферахъ. Дѣло идетъ о прокламаціи, распространенной утромъ того же 24-го марта адмираломъ Сэссе, въ которой этотъ вояка за своею подписью осмѣливался увѣрять парижское населеніе въ нижеизложенномъ и какъ разъ въ ту минуту, когда газеты передавали точное описаніе засѣданія Національнаго Собранія, происходившаго наканунѣ.

„Дорогіе сограждане, спѣшу довести до вашего свѣдѣнія, что по соглашенію Національнаго Собранія съ сенскими депутатами и избранными Парижемъ мэрами мы получили:

„1) Полное признаніе вашихъ муниципальныхъ вольностей; 2) избраніе всѣхъ офицеровъ національной гвардіи, въ томъ числѣ и ея главнокомандующаго; 3) измѣненіе закона о платежахъ по векселямъ; 4) благопріятный для квартиронанимателей проектъ закона о платѣ за квартиры, стоимостью включительно до 1200 франковъ.

„Въ ожиданіи, что вы подтвердите мое назначеніе или замѣните меня другимъ лицемъ, я останусь на своемъ почетномъ посту, чтобы наблюдать за исполненіемъ полученныхъ нами умиротворяющихъ законовъ и способствовать этимъ укрѣпленію республики.“

Мы получили, говоритъ прокламація. Что могла означать эта циничная мистификація? Какія она преслѣдовала цѣли? Сэссе хорошо зналъ, приказывая расклеить ее, что онъ утверждаетъ какъ разъ обратное истинѣ. Болѣе чѣмъ кому либо, ему извѣстны были подробности засѣданія, происходившаго наканунѣ, и пріемъ, устроенный Собраніемъ мэрамъ. Съ какой-же цѣлью онъ такъ лгалъ? По приказанію Тьера? Его собственнаго начальника? Въ слѣдственной комиссіи его тяжелыя, спутанныя и полныя умолчаній объясненія, которыя, къ его неудовольствію, противорѣчили къ тому-же свидѣтельству Тирара, не объяснили этой загадки.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Центральный Комитетъ не счелъ даже нужнымъ разъяснить этотъ нелѣпый или преступный инцидентъ, а, можетъ быть, носившій характеръ и того и другого. Сэссе являлся простой маріонеткой. Комитетъ пошелъ прямо къ цѣли, занявшись опозиціонными и упорствующими мэрами I и II округовъ. Приказъ заставить ихъ капитулировать данъ былъ Брюнелю, который и направился сначала къ мэріи Лувра съ 400 бельвильцами и двумя орудіями.

Въ этой мэріи quasi сопротивленіе было весьма быстро подавлено. Брюнель вошелъ въ мэрію и началъ переговоры съ Адольфомъ Адамомъ и его помощникомъ Мелиномъ. Эти господа отправили эмиссара въ мэрію II округа, гдѣ засѣдало большинство мэровъ, и узнавъ, что помощи имъ оттуда ждать нечего, уступили.

Мэрія передана была Центральному Комитету и условлено было, что выборы произойдутъ 30-го. Затѣмъ муниципальныя власти I округа, бокъ о бокъ съ Брюнелемъ и его товарищами делегатами, любезно разговаривая, доходятъ до мэріи Банка, чтобы передать тамъ извѣстіе о состоявшемся соглашеніи; орудія все-же слѣдуютъ сзади. Національные гвардейцы порядка, видя, что враги и друзья приближаются вмѣстѣ, примиренные и дружески бесѣдуя, пропускаютъ ихъ безпрепятственно. Брюнель является передъ мэрами, и обсужденіе начинается вновь. Шёльхеръ и Дюбель не желаютъ уступать; они заявляютъ, что выборы должны быть назначены на 3-е апрѣля, какъ ихъ намѣревался повидимому, назначить и Пикаръ отъ имени правительства; затѣмъ—двустепенное избраніе главнокомандующаго національной гвардіей, или ничего. Однако, остальные мэры и помощники протестуютъ. Они здѣсь прежде всего для того, чтобы предотвратить пролитіе крови. Они присоединяются къ соглашенію и вынуждаютъ послѣднихъ опозиціонеровъ прекратить сопротивленіе. Всѣ соглашаются на томъ, что муницицальные выборы произойдутъ 30-го марта и что съ настоящаго дня каждый изъ мэровъ возстановляется въ своей мэріи. На улицѣ и на бульварахъ національные гвардейцы порядка и національные гвардейцы Центральнаго Комитета подымаютъ ружья ложами вверхъ и обнимаются. Орудія украшаются зелеными вѣтками и на нихъ садятся верхомъ гамены. Это—миръ.

Это соглашеніе встрѣтило только то затрудненіе, что Брюнель и его товарищи превысили полномочія, полученныя отъ Центральнаго Комитета. Такимъ образомъ, Комитетъ сохранилъ для выборовъ прежній срокъ, 26-е марта. Дѣйствительно, было крайне важно, чтобы они произошли какъ можно скорѣе, потому что версальское правительство дезорганизовало своими происками всѣ муниципальныя службы: октроа, бойни и пр., не говоря уже о почтѣ; функціи всѣхъ этихъ службъ должны были быть возстановлены въ возможно краткій срокъ, если не желали внести тяжелую и длительную путаницу въ матеріальную жизнь Парижа. Вечеромъ Ранвье и Арнольдъ явились въ собраніе мэровъ и передали ультиматумъ Комитета; они вынуждены были вернуться обратно, не успѣвъ убѣдить своихъ антагонистовъ. Примиреніе еще разъ не удалось.

Въ то-же время въ Версалѣ происходили также важныя событія. Національное Собраніе, преслѣдуя свою цѣль вызвать гражданскую войну, расширило компетенцію префектуры полиціи, распространивъ ее на извѣстное количество коммунъ департамента Сены и Оазы. Затѣмъ, какъ бы въ видѣ насмѣшки, ис-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ходя изъ предложенія Мильера, внесеннаго нѣсколько дней тому назадъ, Собраніе смѣхотворно отсрочило на одинъ мѣсяцъ сроки платежей по коммерческимъ сдѣлкамъ, тогда какъ, разсуждая здраво, слѣдовало дать комерсантамъ отсрочку на годъ, на два, даже на три года, чтобы избавить ихъ отъ грозившаго имъ банкротства. Но все это были лишь бездѣлки. Рѣшительный инцидентъ долженъ былъ произойти въ ночномъ засѣданіи. Какъ только Собранію стала извѣстна загадочная прокламація адмирала Сэссе, о которой мы только что говорили, его охватило чрезвычайное волненіе. Циркулировали самыя невѣроятныя басни. Деревенщики дошли даже до того, что повѣрили или дѣлали видъ, что вѣрятъ слуху, будто-бы Сэссе, а за его стѣной и самъ Тьеръ, договаривались съ возстаніемъ, разсчитывая опереться на возставшій Парижъ противъ монархическаго Собранія. Поистинѣ безумное предположеніе! Но развѣ страхъ и ненависть разсуждаютъ? Между лидерами правой происходили совѣщанія. Главари, рѣшившись рисковать во всю, согласились, какъ говорятъ, свергнуть Тьера, отдать его подъ судъ и назначить высшимъ главою арміи, съ цѣлью раздавить Парижъ, революцію и республику, одного изъ Орлеановъ—герцога Жуанвильскаго или Омальскаго.

Страсти еще бушевали и заговоръ все разростался, когда началось ночное засѣданіе. При открытіи его, предсѣдатель комиссіи, которой поручено было представить докладъ по поводу внесеннаго Арно д'Арьежомъ предложенія, содержаніе котораго намъ уже извѣстно, предварительно настроенный Тьеромъ, попросилъ въ двусмысленныхъ выраженіяхъ авторовъ предложенія взять его обратно, такъ какъ обсужденіе его чревато опасностями. Подписавшіе предложеніе колеблются. Тогда входитъ на трибуну Тьеръ. Думаютъ, что онъ хочетъ разсѣять недоразумѣнія и освѣтить положеніе дѣлъ. Ничуть не бывало. „Если вы представляете собою дѣйствительно политическое Собраніе, заявляетъ онъ, то я васъ умоляю голосовать такъ, какъ предлагаетъ комиссія, и не требовать разъясненій, которыя въ данный моментъ очень опасны. Какое нибудь неосторожное слово, случайно вырвавшееся безъ всякаго худаго намѣренія, можетъ вызвать потоки крови... Если же пренія возникнутъ, къ несчастію для страны, то вы увидите, что не нашъ интересъ заставляетъ насъ молчать.“ Послѣ этого, среди общаго недоумѣнія и возбужденія, предсѣдатель Греви закрываетъ собраніе, не продолжавшееся и десяти минутъ.

Истинно художественный ударъ! Тьеръ съ одной стороны душилъ въ зародышѣ угрожавшій ему заговоръ; давалъ себѣ время для переговоровъ и убѣжденія нѣкоторыхъ заговорщиковъ. Съ другой стороны—и это было главное—онъ помѣшалъ большинству употребить въ теченіе преній такія непоправимыя выраженія, принять такія неистовыя и грубыя рѣшенія, которыя, сдѣлавшись назавтра извѣстными въ Парижѣ, окончательно бы бросили въ объятія Центральнаго Комитета всю республиканскую буржуазію, увлекли бы либеральную прессу, часть которой уже складывала оружіе, и усилили-бы во Франціи сочувственное Парижу движеніе, которое и безъ того уже въ Ліонѣ, Марсели и во всѣхъ большихъ городахъ высказывалось за парижскую революцію. Тьеръ, избавляя Собраніе отъ рѣзкаго подчеркиванія имъ своего монархизма, жажды крови и рѣзни, мѣшалъ Парижу возстановить у подножія урнъ свое моральное единство подъ зна-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

менемъ республики и для своей защиты, а республиканской Франціи онъ помѣшалъ идти ему на помощь.

Но, во всякомъ случаѣ, этому буржуазному Маккіавелю его интрига удалась только наполовину. Часть того, чего онъ желалъ избѣгнуть, осуществилась, несмотря ни на что. Странные инциденты, ареной которыхъ было Національное Собраніе, уже на другой день утромъ стали извѣстны благодаря сообщеніямъ депутатовъ, пріѣхавшихъ изъ Версаля, и произвели внезапный поворотъ въ общественномъ мнѣніи. Митральезы, ввезенныя ночью въ мэріи безумцами сопротивленія во что бы то ни стало, Дюбайлемъ и Элигономъ съ братіей остались безъ употребленія. Центральный Комитетъ рано утромъ расклеилъ новую прокламацію, въ которой говорилъ: „Увлекаясь пламеннымъ желаніемъ примиренія и счастьемъ осуществить это сліяніе, непрестанную цѣль нашихъ усилій, мы лояльно протянули тѣмъ, кто съ нами борется, братскую руку. Но нѣкоторые непрекращающіеся маневры, а особенно ночная перевозка митральезъ въ мэрію II округа, заставляетъ насъ оставаться при нашемъ первомъ рѣшеніи. Выборы произойдутъ въ воскресенье, 26-го марта. Если мы ошиблись въ намѣреніяхъ нашихъ противниковъ, то приглашаемъ ихъ засвидѣтельствовать это, соединившись съ нами въ общемъ голосованіи въ воскресенье“. Стоя на этой почвѣ, делегаты Комитета Арнольдъ и Ранвье, вновь посѣтивъ собраніе мэровъ, побѣдили послѣднюю оппозицію. Подписано было соглашеніе, положившее конецъ конфликту и назначавшее по общему согласію выборы на воскресенье, 26-го марта, какъ того желалъ Центральный Комитетъ; мэры возстановлены были въ ихъ мэріяхъ.

Въ теченіи дня населеніе извѣщено было о состоявшемся соглашеніи. Но тутъ слѣдуетъ отмѣтить еще одинъ инцидентъ. О соглашеніи возвѣстили двѣ прокламаціи, одна отъ Центральнаго Комитета, другая отъ депутатовъ и мэровъ, и текстъ ихъ нѣсколько разнился. Прокламація Центральнаго Комитета сообщала: „Федеральный Центральный Комитетъ національной гвардіи, къ которому присоединились парижскіе депутаты, мэры и ихъ выборные помощники, возстановленные въ ихъ округахъ, убѣжденные, что единственное средство избѣжать гражданской войны и кровопролитія въ Парижѣ и въ тоже время укрѣпить республику состоитъ въ немедленныхъ выборахъ, созываютъ всѣхъ гражданъ въ избирательныя собранія на завтра въ воскресенье“. Прокламація мэровъ поправляла: „Парижскіе депутаты, мэры и ихъ выборные помощники, возстановленные въ мэріяхъ ихъ округовъ, и члены Федеральнаго Комитета національной гвардіи—убѣжденные... (остальное, какъ въ предыдущей прокламаціи Центр. Ком.)“. Жалкое препирательство о словахъ, которое выдавало скрытый протестъ муниципальныхъ властей, непрощавшихъ своимъ черезчуръ великодушнымъ побѣдителямъ, что они крошечку принудили ихъ къ этому шагу. Но, собака лаетъ, вѣтеръ носитъ. Населеніе не обратило вниманія на эти шпильки. Оно не обратило вниманія и на то, что изъ сорока депутатовъ подписались всего шесть, изъ девятнадцати мэровъ—всего семь, изъ семидесяти шести иомощниковъ—всего тридцать два. Радостно привѣтствуя соглашеніе, которое оно считало искреннимъ, согласіе, на которое оно смотрѣло, какъ на несокрушимое, населеніе на другой день массами устремилось къ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

урнамъ, чтобы осуществить свое верховное право, и утвердить, пользуясь имъ, завоеванныя муниципальныя права.

Правда, въ тотъ-же моментъ, въ силу весьма естественнаго явленія, и Версаль вернулъ себѣ единство дѣйствія. Легитимисты и орлеанисты, сплотившись съ лже-республиканцами вокругъ Тьера, привѣтствовали въ его лицѣ ловчаго, который наведетъ ихъ навѣрняка на свѣжую добычу. Арно д'Арьежъ взялъ обратно свой проектъ уступокъ, уже потерявшій значеніе. Въ вечернемъ засѣданіи Луи Бланъ попробовалъ было, хотя и весьма апатично, получить для мэровъ *одобреніе*, но не протестовалъ противъ рѣшенія Собранія, передавшаго это предложеніе въ комиссію парламентской иниціативы.

Это *одобреніе* мэры уже получили отъ Тьера, который въ теченіе именно этого дня сказалъ своему повѣренному, Тирару: „Не продолжайте безполезнаго сопротивленія. Я занятъ реорганизаціей арміи и надѣюсь, что черезъ двѣ или три недѣли у насъ будетъ достаточно силъ для освобожденія Парижа". Это позволило Тирару, вернувшемуся въ тотъ-же день въ столицу, выпустить также и свою маленькую прокламацію, въ которой онъ приглашалъ избирателей къ голосованію.

Тьеръ хорошо зналъ своего Тирара, онъ хорошо также зналъ и своихъ мэровъ. Въ сущности маневръ муниципальныхъ властей долженъ былъ повести къ тому, чтобы столкнуть Центральный Комитетъ съ революціоннаго пути, занять его побрякушками и дать этимъ Версалю время реорганизовать армію, которая должна была отвоевать Парижъ.

Конечно, позднѣе, передъ Слѣдственной Комиссіей, мэры по собственному желанію выставляли себя въ болѣе мрачномъ свѣтѣ, большими злодѣями и большими человѣконенавистниками, чѣмъ они были въ дѣйствительности. Они преувеличивали свои заслуги послѣ того, какъ все уже было кончено, чтобы получить прощеніе реакціи, обезпечить свое положеніе и свое будущее; они представляли себя людьми порядка и не позволяли, чтобы ихъ смѣшивали съ низкой чернью, съ грязной толпой, которую только что задушили солдаты Макъ-Магона. Среди мэровъ, если и были безусловно плохіе, то были и посредственные люди; были даже и хорошіе. Въ общемъ они были республиканцы и, безъ сомнѣнія, въ тотъ моментъ, когда развертывались событія, они могли колебаться и дѣйствительно колебались между „анархіей въ Парижѣ и монархіей въ Версалѣ". Нѣкоторые, даже можетъ быть многіе изъ нихъ, чистосердечно работали въ пользу примиренія, которое казалось имъ возможнымъ. Несомнѣнно также и то, что для того, чтобы въ моментъ отчета о своей дѣятельности, они могли выставить одно и то-же оправданіе и, дѣйствительно, нашли его, будто-бы они всѣ, или почти всѣ, заранѣе сговорились утверждать, что по существу они одурачили Парижъ и спасли Версаль, для этого необходимо было, чтобы это утвержденіе покоилось на фактахъ. Вотъ что они показывали комиссіи:

Демарэ, мэръ IX округа: „Что касается меня, то я не покинулъ Парижа. Я считалъ лучшимъ подвергнуться опасности, чтобы дать время версальскому правительству вооружиться".

Фражоа Фавръ, мэръ XVII округа: „Въ теченіе восьми дней мы были

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

послѣдними преградами, единственной баррикадой, возведенной между инсуррекціей и законнымъ правительствомъ".

Вотрэнъ, мэръ IV округа: „Если-бы инсуррекція вмѣсто того, чтобы оставаться въ Парижѣ изъ-за выборовъ, пошла на Версаль, скажите мнѣ, что сталось-бы съ Франціей?... И вотъ, господа, я увѣренъ, что эти восемь дней, полученныхъ вами благодаря выборамъ, явились спасеніемъ Франціи... Эти люди (Центральный Комитетъ) потеряли три дня благодаря выборамъ, еще три дня потеряно было ими вслѣдствіе конституированія ихъ Совѣта, такъ что нападеніе на Монъ-Валерьенъ могло произойти только 2-го апрѣля. Такимъ образомъ, мои коллеги и я, мы выиграли восемь дней. Мы находились въ очень плохой компаніи, лицомъ къ лицу съ извѣстными именами, но, когда нужно исполнить долгъ, надо, стать выше всѣхъ этихъ соображеній... Я давалъ свою подпись изъ политическихъ соображеній и поступлю также и впредь, и, дѣлая это, я буду думать, что я васъ спасаю".

Тираръ, мэръ II округа и депутатъ: „Я долженъ вамъ заявить, господа, что главная цѣль, которой мы всѣ добивались этой опозиціей, заключалась въ томъ, чтобы помѣшать федералистамъ идти на Версаль. Я убѣжденъ, что если бы 19-го и 20-го марта батальоны федералистовъ направились по дорогѣ въ Шатильонъ, Версалю угрожала-бы величайшая опасность; и я считаю, что наше сопротивленіе въ теченіе нѣсколькихъ дней дало возможность правительству организовать защиту".

Шельхеръ, сенскій депутатъ: „Что касается моего поведенія, то оно главнымъ образомъ состояло въ томъ, чтобы пытаться завести переговоры, въ ожиданіи пока станетъ возможнымъ сопротивляться. Я на свой страхъ старался организовать сопротивленіе, подъ командой, конечно, адмирала (Сэссе), и если я подалъ голосъ за происшедшее примиреніе, то сдѣлалъ это, чтобы выиграть время".

А вотъ и окончательное признаніе, заявленіе адмирала Сэссе, тоже сенскаго депутата, который въ качествѣ назначеннаго милостью Тьера главнокомандующаго національной гвардіей, могъ наблюдать мэровъ за работой. „Будьте вполнѣ увѣрены, г. Тьеръ рѣшилъ твердо не уступать ни на одномъ пунктѣ; но послѣ отступленія арміи всѣ мы чувствовали себя на вулканѣ и слѣдовало попробовать спасти домъ... Когда доблестные люди, какъ Тираръ, какъ Демарэ, являлись и говорили ему: „уступимъ это, впослѣдствіе это вернется", г. Тьеръ старался по мѣрѣ возможности исполнять добрыя намѣренія этихъ господъ".

Подобныя свидѣтельства опредѣляютъ достоинство людей и даютъ возможность судить о нихъ; они клеймятъ и позорятъ ихъ политику. Да, это совершенная правда: дѣло революціи было окончательно проиграно, потому что 19-го марта Центральный Комитетъ не смѣлъ дерзнуть, потому что, попавши въ ловушку переговоровъ съ мэрами, онъ договаривался, когда нужно было драться и идти впередъ. Мэры-же, нѣкоторые сознательно, другіе безсознательно, спасли Версаль: они являются соучастниками парижской бойни.

Но не будемъ забѣгать впередъ. Мы еще не на закатѣ зловѣщаго и кроваваго дня; мы пока еще переживаемъ радостное утро освобожденія.

Завтра Парижъ выбираетъ свою Коммуну.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

V. Коммуна избрана.

По свидѣтельству всей прессы, даже реакціонной, избирательныя операціи прошли въ полномъ порядкѣ, безъ насилій и какихъ бы то ни было замѣшательствъ. Въ Сентъ-Антоанскомъ предмѣстьѣ рабочіе явились въ избирательныя Собранія группами въ 500—600 человѣкъ, съ красными знаменами во главѣ и съ криками: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ Коммуна"! Въ теченіе дня это была единственная значительная манифестація. Въ большинствѣ секцій подготовительныя распоряженія къ выборамъ сдѣланы были делегатами Центральнаго Комитета, такъ какъ мэры продолжали будировать и проводили свою двуличную и скрытую обструкцію, въ особенности тамъ, гдѣ они не могли разсчитывать на большинство для своихъ кандидатовъ.

Принимая во вниманіе стеченіе обстоятельствъ, число избирателей было многочисленно, даже очень многочисленно; не менѣе чѣмъ на выборахъ мэровъ 5-го ноября 1870 г. Въ голосованіи приняло участіе даже большее число, чѣмъ при избраніи помощниковъ мэровъ, которое происходило нѣсколько дней послѣ выборовъ мэровъ. Изъ общаго числа внесенныхъ въ списки избирателей 485,569 на выборы явились 229,167. Несмотря на это реакція тотчасъ-же подчеркнула, и съ тѣхъ поръ не переставала всякій разъ любезно подчеркивать число воздержавшихся—258,803. Съ перваго взгляда, дѣйствительно, это число кажется значительнымъ, но нужно замѣтить, что избирательные списки, которыми пользовались при этихъ выборахъ, составлены были для майскаго плебисцита 1870 г. и что въ теченіе истекавшаго года—и какого года!—въ составѣ избирателей произошли безчисленныя измѣненія. Съ другой стороны установлено, что тотчасъ-же послѣ капитуляціи, какъ только возстановлены были пути сообщенія съ провинціей, парижане массами покидали городъ, и большинство выѣхавшихъ не вернулось обратно. Число уѣхавшихъ опредѣляютъ въ 60,000, другіе даже въ 80,000. Тьеръ въ своемъ показаніи Слѣдственной Комиссіи приводитъ даже цифру 100,000. Такимъ образомъ, математически даже объясняется разница между числомъ голосовавшихъ 8-го февраля—328,970—и голосовавшихъ 26-го марта—229,167. Кромѣ того, воздержанія отъ голосованія имѣли мѣсто, главнымъ образомъ, въ буржуазныхъ кварталахъ, въ кварталахъ центра, въ которыхъ отливъ населенія, уже отмѣченный нами, сопровождался еще вторымъ отливомъ добровольныхъ бѣглецовъ, реакціонеровъ и тьеристовъ, которые въ теченіе послѣдней недѣли безостановочно выселялись въ Версаль. Безусловно вѣрно, слѣдовательно, что голосовало много избирателей, особенно-же въ рабочихъ округахъ.

Почти повсюду циркулировало два списка: списокъ мэровъ и списокъ совѣтовъ легіоновъ и окружныхъ комитетовъ. Центральный Комитетъ благоговѣйно воздержался отъ всякаго давленія, отъ всякихъ ухищреній. Онъ огра-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ничился, какъ мы уже говорили, лишь принятіемъ матеріальныхъ мѣръ для обезпеченія выборовъ и обратился къ населенію съ воззваніемъ, въ формѣ прощанія, въ которомъ приглашалъ избирателей избирать людей изъ ихъ собственной среды, живущихъ ихъ жизнью и терпящихъ тѣ-же самыя бѣды, не обращаясь къ честолюбцамъ, говорунамъ и очень богатымъ людямъ. Наканунѣ, правда, два делегата Центральнаго Комитета по внутреннему управленію Антоанъ Арно и Эд. Вальянъ въ болѣе подробной статьѣ изложили свои взгляды на значеніе предстоящихъ выборовъ и на ихъ важность. Но эта трезвая, прямая и конкретная статья—документъ являлась лишь объективнымъ изложеніемъ положенія вещей. Она перечисляла факты и разсматривала задачи, поставленныя даннымъ положеніемъ, ограничиваясь только констатированіемъ того факта, что вопросы о срокахъ платежей и о квартирахъ могутъ быть разрѣшены исключительно представителями города, поддержанными ихъ согражданами, которые должны быть постоянно призываемы и выслушиваемы. Точно такое отношеніе мы видимъ и къ вопросу о жалованьи. «Мы находимся, говорила статья, въ переходномъ періодѣ, съ которымъ необходимо считаться; надо найти добросовѣстное рѣшеніе; существуетъ долгъ довѣрія по отношенію къ труду; этотъ долгъ вырветъ работника изъ неизбѣжной нужды и позволитъ ему быстро достигнуть окончательнаго освобожденія".

Одинъ только Центральный Комитетъ двадцати округовъ, который, послѣ присоединенія къ нему „интернаціоналовъ," весьма отдаленно напоминалъ комитетъ того-же имени, дѣйствовавшій въ періодъ осады, опубликовалъ, за подписями Пьера Дени, Дюпа, Лефрансэ, Руилье и Жюля Валлеса, программу, въ истинномъ значеніи этого слова, въ которой излагались требованія парижскаго пролетаріата и намѣчалась задача, которую предстояло исполнить новому собранію. Программа эта носила явно прудонистскій характеръ и проникнута была федералистическими тенденціями, которыя въ самой Коммунѣ встрѣтили противодѣйствіе въ централистической точкѣ зрѣнія якобинцевъ и бланкистовъ и встали, можно сказать, въ противорѣчіе съ настоятельными требованіями самого момента. Мы изложимъ эту программу вкратцѣ. „Коммуна, говорила прокламація, является основаніемъ всякаго политическаго государства, какъ семья является зародышемъ общества. Коммуна должна быть автономна, т. е. самоуправляющейся, она сама должна завѣдывать своими дѣлами, руководясь своимъ собственнымъ духомъ, своими традиціями, своими нуждами... Чтобы обезпечить себѣ болѣе широкое экономическое развитіе и національную и территоріальную независимость, она можетъ и должна соединяться т. е. вступать въ федеральные союзы со всѣми другими Коммунами или ассоціаціями коммунъ, образующими націю... Автономія Коммуны гарантируетъ гражданину свободу, городу—порядокъ, а федерація всѣхъ Коммунъ взаимно увеличиваетъ силу, богатство, рынки и средства каждой изъ нихъ." Затѣмъ слѣдовало перечисленіе политическихъ гарантій: свобода слова, печати, союзовъ, собраній; верховная власть всеобщаго голосованія; избраніе, отвѣтственность и смѣняемость всѣхъ общественныхъ и государственныхъ властей. Для Парижа въ частности: уничтоженіе префектуры полиціи, постоянной арміи; автономія національной гвардіи; свободное распоряженіе своимъ бюджетомъ, съ обязательствомъ участвовать въ соотвѣтствующей долѣ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

общихъ расходовъ; уничтоженіе бюджета вѣроисповѣданій; свѣтское, всеобщее и профессіональное образованіе. Въ сферѣ болѣе спеціально экономической и соціальной: организація системы общественнаго страхованія противъ всякаго рода общественныхъ опасностей, въ томъ числѣ безработицы и банкротства; постоянное и упорное изысканіе способовъ предоставленія производителю капитала, орудій труда, сбыта и кредита.

Говоря по правдѣ, нѣтъ основанія предполагать, чтобы всѣ эти деклараціи, манифесты или программы глубоко повліяли на результаты выборовъ. Въ этотъ моментъ борьба шла не о формулахъ—и населеніе, хотя и смутно, понимало это; вся она резюмировалась въ слѣдующей дилеммѣ: съ Версалемъ или противъ Версаля, за республику или противъ нея должны высказаться Парижъ и революція.

Во всѣхъ округахъ, исключая I, II, IX и XVI, гдѣ побѣдили цѣликомъ или частью кандидаты мэровъ, населеніе избрало, и въ большинствѣ случаевъ сильнымъ большинствомъ, кандидатовъ, рекомендованныхъ совѣтами легіоновъ и комитетами округовъ. Въ общемъ—партіей мэровъ, тьеристской партіей если хотите, избрано было 15 человѣкъ: Ад. Адамъ, Барре, Мелинъ, Рошаръ, Брелэй, Шеронъ, Лоазо-Пенсонъ, Тираръ, Демаре, Эм. Ферри, Настъ, А. Лероа, Ш. Мюратъ, де Бутелье и Мармотанъ. Шесть выбранныхъ: Фероно, Гупиль, А. Лефевръ, Улиссъ Паранъ, Ранкъ и Робине представляли собою то, что уже являлось и главнымъ образомъ явится вскорѣ въ видѣ гамбеттистской партіи. Все остальное, громадное большинство, всего 65 членовъ, принадлежало къ различнымъ соціалистическимъ и революціоннымъ партіямъ. 17 изъ нихъ принадлежали, по крайней мѣрѣ номинально, къ Интернаціоналу: Асси, Авріаль, Беклэй, Шалэнъ, Клемансъ, Викторъ Клеманъ, Дерёръ, Дюваль, Френкель, Эжень Жерарденъ, Ланжвенъ, Лефрансэ, Малонъ, Пинди, Тейсъ, Вальянъ и Варленъ. Бланкистовъ избрано было восемь: прежде всего самъ Бланки, но, какъ сидящій въ заключеніи, онъ и не появлялся въ Коммунѣ, Шардонъ, Дюваль—онъ-же членъ Интернаціонала, Эдъ, Т. Ферре, Прото, Рауль Риго и Тридонъ. Отъ Центральнаго Комитета, помимо Дюваля и Эда, попали въ Коммунальное Собраніе одинадцать лицъ: Антоанъ Арно, Бабикъ, Бержере, Бильорэ, Бланше, Брюнель, Кловисъ Дюпонъ, Жерезмъ, Анри Фортюнэ, Журъ, Мортье и Ранвье. Остальные принадлежали къ передовымъ писателямъ и къ активнымъ дѣятелямъ изъ рабочаго класса, которые выдвинулись благодаря борьбѣ съ имперіей или своей дѣятельностью въ клубахъ въ теченіе осады: Аликсъ, Амуру, Артуръ Арну, Шампи, Эм. Клеманъ, Ж. Б. Клеманъ, Курнэ, Делеклюзъ, Демэй, Деканъ, Флурансъ, Гамбонъ, Ш. Жерарденъ, Паскаль Груссэ, Ледроа, Мартле, Лео Мелье, Міо, Остенъ, Удэ, Паризель, Феликсъ Піа, Пюже, Растулъ Режеръ, Урбэнъ, Жюль Валлесъ, Вердюръ и Верморель.

Классификація эта дана лишь съ цѣлью нѣсколько освѣтить составъ смѣшанныхъ элементовъ и смутное положеніе вещей. Не слѣдуетъ, дѣйствительно, стараться отыскивать въ данномъ случаѣ аналогіи, останавливаться на сближеніяхъ, которыя, вѣроятно, будутъ не подходящи. Партіи, которыя только что помѣрились силами у избирательныхъ урнъ, были одновременно и болѣе классовыми и менѣе классовыми партіями, чѣмъ современныя намъ партіи;

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

менѣе, потому что теоретическія положенія не были еще въ то время такъ точно опредѣлены, какъ это случилось впослѣдствіи; болѣе, потому, что общее, болѣе захватывающее положеніе вещей вынуждало антагонистовъ, несмотря на патріотическую горячку и двусмысленное положеніе, въ которомъ находилась республика, каждому держаться своего лагеря, порвать съ обязательствомъ внѣшней корректности и съ системами и ощущать только одни реальности и интересы. Доказательствомъ этого служитъ то обстоятельство, что изъ партій первая и вторая не замедлили добровольно удалиться со сцены, а первая даже цинично перешла на ту сторону баррикады, подъ знамена Версаля. Только за одной Коммуной было большинство, и въ средѣ этого самого большинства и произойдутъ тѣ раздѣленія и образуются тѣ соперничающія группы, которыя встанутъ во взаимную оппозицію другъ къ другу. Если, къ своему несчастью, Коммуна и имѣетъ свою парламентскую исторію, то ею она обязана была только этому новому фракціонному дѣленію.

Такимъ образомъ, мы можемъ, начиная съ этого момента, оставить въ сторонѣ меньшинство и заняться только большинствомъ, которое уже составляетъ, или во всякомъ случаѣ составитъ завтра всю Коммуну.

Большинство это безъ всякаго сомнѣнія являлось точнымъ отраженіемъ рабочаго и революціоннаго Парижа того времени. Оно вѣрно отражало мнѣнія или скорѣе впечатлѣнія и чувства города во всей ихъ хаотичности и подвижной сложности. Составное, разнородное по своимъ источникамъ, большинство это представлялось созданнымъ изъ элементовъ, не обладавшихъ никакою основною общностью мысли, игнорировавшихъ другъ друга, лишенныхъ склонности и связи другъ съ другомъ, не имѣвшихъ иныхъ объединительныхъ звеньевъ, кромѣ ненависти къ Версалю, къ Собранію деревенщиковъ, которое, только что народившись, объявило уже Парижу войну и съ которымъ Парижу необходимо было бороться, если онъ хотѣлъ жить. Надежды Кордери не могли осуществиться. Это не была та инсуррекціонная Коммуна, которую хотѣли воздвигнуть горячія головы періода осады, вдохновивъ ее тѣмъ единствомъ мысли и дѣйствія, и тѣмъ живымъ и непоколебимымъ революціоннымъ чувствомъ, которыми они сами были охвачены. Названіе было, но революціонный духъ отсутствовалъ въ Коммунѣ. Хотя Центральный Комитетъ провелъ въ нее всего пятнадцать своихъ членовъ, всетаки эта quasi-законная Коммуна, эта избранная Коммуна—была его Коммуной; она его нисходящая, его наслѣдница и дочь. Уже заранѣе онъ наложилъ на нее печать своей нерѣшительности и неспособности, онъ намѣтилъ для нея свой нерѣшительный путь, навязалъ ей свою невѣрную судьбу. И ей не избѣжать предопредѣленія.

Какъ бы тамъ ни было, но такою, какой была эта Коммуна, Парижъ ее любилъ, онъ увлекся ею, вѣрилъ въ нее и надѣялся на нее горячо и страстно.

Въ это время онъ не могъ еще почувствовать ея безсиліе и слабость. Онъ видѣлъ лишь благородную, привлекательную и симпатичную ея внѣшность. Онъ видѣлъ, что имъ въ Коммуну призваны, собраны и въ ней объединены всѣ тѣ которые наиболѣе горячо боролись и наиболѣе жестоко пострадали во времена прежнихъ режимовъ. Очень немногіе изъ этихъ избранныхъ не пострадали лично, не были осуждены, или не преслѣдовались безъ пощады судами Луи-Филиппа, Наполеона и „За-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

щиты"; мало было такихъ, которыхъ не таскали бы на суды господствующей буржуазіи, не сажали бы въ ея тюрьмы, не погребали-бы на ея каторгѣ и въ ея казематахъ. Эти люди, взятые въ цѣломъ, представляли собою несомнѣнно нѣсколько вѣковъ тюремнаго заключенія, ссылки и изгнанія. Одинъ Бланки считалъ на свою долю двадцать восемь лѣтъ. Делеклюзъ—девятнадцать, Феликсъ-Піа—почти столько же, Гамбонъ, Міо и Алексъ—отъ восьми до десяти лѣтъ на каждаго. Передовые писатели тоже цѣлыми мѣсяцами томились въ заключеніи. Курне изъ Reveil'я осужденъ былъ десять разъ; Верморель изъ Courrier Français—былъ почти постояннымъ гостемъ въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи въ теченіе послѣдняго періода имперіи; Флурансъ изъ Marseillaise, Жюль Валлесъ, Разуа, Паскаль Груссе и клубные ораторы, которые говорили свои рѣчи и свои разоблаченія, вмѣсто того, чтобы писать ихъ: Лефрансэ, Демэй, Амуру, Ж. Б. Клеманъ; безъ отдыха преслѣдовавшіеся и гонимые, какъ и ихъ учитель, бланкисты: Эдъ, осужденный къ смертной казни послѣ неудачной попытки въ Ла-Валетъ и спасенный революціей 4-го сентября; Тридонъ, съ 1865 г. переходившій изъ тюрьмы въ изгнаніе и обратно; Дюваль, Рауль Риго, Т. Ферре, и члены смѣлой фаланги Интернаціонала: Варленъ, Малонъ, Тейсъ, Френкель, Авріаль, Э. Жирарденъ, Ланжвенъ, троекратно преслѣдуемые и осужденные за незаконную ассоціацію, постояно припутываемые всѣ вмѣстѣ или отдѣльно по всѣмъ знаменитымъ процессамъ эпохи, какъ Асси къ стачкѣ въ Крезо, какъ Шаленъ, Дерёръ и десять другихъ къ большому полицейскому процессу въ Блоа.

Однако, черезчуръ большое изобиліе мучениковъ иной разъ обременяетъ. Эти люди являлись только преслѣдуемыми, они олицетворяли собою только униженія и преслѣдованія, испытываемыя въ теченіе двадцати лѣтъ цѣлой партіей, цѣлымъ классомъ. Они были только борцами, но не больше. Если они получали удары, то они-же и наносили ихъ. Газетные критики или клубные ораторы они были воспламеняющимъ и мстящимъ рупоромъ постоянно волнующихся предмѣстій, обнажившимъ и публично бичующимъ императорскую камарилью, срывающимъ маску съ буржуазныхъ республиканцевъ, уже съ этого времени принаравливавшихся къ оппортунистской игрѣ, они были словомъ, обвинявшимъ и клеймившимъ пороки политическаго режима, а черезъ нихъ и пороки самого общества, т. е. коренящееся въ его основѣ и характеризующее его экономическое неравенство. Организаторы и конспираторы, они работали и достигли значительныхъ успѣховъ, главнымъ образомъ, члены Интернаціонала и приверженцы Бланки; имъ удалось сгруппировать и объединить тайные комитеты и даже при помощи болѣе многочисленныхъ обществъ и пропаганды и сопротивленія, легально учрежденныхъ, организовать автономный рабочій классъ, который агитировалъ, дѣйствовалъ и самостоятельно развивался, преслѣдуя двойную цѣль—освобожденіе политическое и соціальное. Помимо всего этого, внѣ всякаго сомнѣнія это были смѣлые, прямые, честные, вѣрные и убѣжденные люди, неизмѣримо высшаго нравственнаго уровня, чѣмъ ихъ предшественники по власти или лица, наслѣдовавшія отъ нихъ власть. За исключеніемъ двухъ-трехъ подозрительныхъ личностей, изъ которыхъ двое были изобличены и осуждены еще во время ихъ полномочій и четырехъ-пяти эксцентричныхъ и экзальтированныхъ лицъ, принадлежавшихъ какъ къ буржуа, такъ и къ рабочимъ, у которыхъ преобладалъ рѣзко выраженный лич-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ный эгоизмъ, причемъ одинъ пьянѣлъ отъ своего романтическаго успѣха, а другой отъ своихъ галуновъ высшаго ранга съ иголочки,—честность, честь, искренность и добросовѣстность были качествами этихъ людей.

Парижскіе работники тотчасъ-же и ясно поняли все это и энергичнымъ порывомъ объединились вокругъ нихъ, повѣрили имъ и наградили своимъ довѣріемъ. Послѣ разочарованій и ужасовъ осады, послѣ позорнаго отреченія отъ обороны, неудавшихся покушеній на государственный переворотъ, рабочіе подумали, что нашли въ этихъ пролетаріяхъ, вышедшихъ изъ ихъ рядовъ, въ этихъ мелкихъ буржуа, боровшихся цѣлые годы за ихъ собственное дѣло, именно тѣхъ людей, которые сдѣлаютъ для нихъ жизнь болѣе сносной и лучшей, которые уврачуютъ ихъ раны, утишатъ ихъ горе и создадутъ для нихъ и для Франціи, для всего міра, но противъ всѣхъ сплотившихся деревенщиковъ и реакціонеровъ, противъ Тьера и Бисмарка, великую республику, создательницу безконечнаго прогресса и мать всемірнаго освобожденія и всеобщаго согласія.

Эти чувства выразились 28-го марта съ полнотою, пылкостью и веселіемъ, оставившими въ сердцахъ самыхъ скептически и враждебно настроенныхъ свидѣтелей этой сцены, самое живое и неизгладимое воспоминаніе *); это произошло, когда Центральный Комитетъ явился на площадь Ратуши для того, чтобы ввести во власть новую Коммуну. Изъ предмѣстій, опьяненные радостью и энтузіазмомъ тысячами спустились рабочіе, мущины, женщины, дѣти.

Сто тысячъ вооруженныхъ національныхъ гвардейцевъ выстроились на громадной площади и прилегающихъ улицахъ, сверкая подъ лучами весенняго солнца моремъ штыковъ, изъ которыхъ кое гдѣ возвышались красныя знамена торжествующаго возстанія. Пятьдесятъ оркестровъ играли марсельезу, подхваченную хоромъ безчисленныхъ голосовъ, покрывавшихъ своими громовыми раскатами даже грохотаніе пушекъ.

Ни одинъ изъ историческихъ праздниковъ, даже въ героическіе дни 90 и 92 г.г., не видѣлъ такого массоваго согласія, одушевленнаго одной и той-же вѣрой и тѣми же надеждами. Открылась душа Парижа, и когда Ранвье, стоя на эстрадѣ, прочелъ списокъ избранныхъ и въ заключеніе воскликнулъ: „Именемъ народа Коммуна провозглашена!“—грозный крикъ поднялся въ пространство: „Да здравствуетъ республика! да здравствуетъ Коммуна!“ То былъ единодушный и страстный привѣтъ цѣлаго народа новымъ избранникамъ, тѣмъ изъ своихъ борцовъ, которые принимая власть, брали на себя руководительство въ битвѣ, взваливали на себя бремя революціи.

---

*) См. разсказъ Катулла Мендеса: „Les 73 jours de la Commune“. Внезапно раздался пушечный выстрѣлъ. Пѣсня несется грозными раскатами; громадная зыбь знаменъ, штыковъ, кепи, уходитъ, набѣгаетъ, струится и сбѣгается къ эстрадѣ. Пушки продолжаютъ грохотать, но ихъ слышно только въ интервалы пѣнія. Затѣмъ всѣ звуки теряются въ единомъ привѣтствіи, въ общемъ голосѣ толпы; и у всѣхъ этихъ людей бьется единое сердце, какъ у всѣхъ нихъ единый голосъ... Парижскій народъ! Какой вулканъ великодушныхъ страстей долженъ кипѣть въ тебѣ, чтобы порою, приближаясь къ тебѣ, сердца даже осуждающихъ тебя почувствовали себя уничтоженными и очищенными твоимъ огнемъ!“

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

VI. Передъ неизвѣстнымъ.

По окончаніи этой грандіозной манифестаціи, въ 9 часовъ вечера, представители народа собрались въ первый разъ. Они нетерпѣливо стремились тотчасъ-же приняться за дѣло, которое, какъ они предчувствовали, являлось подавляюще громаднымъ.

Побродивъ сначала отъ нижняго этажа до верхняго въ лабиринтѣ Ратуши, занятой и переполненной вооруженными національными гвардейцами, Центральнымъ Комитетомъ, его службами и отдѣлами, представители народа кончили тѣмъ, что остановились на залѣ прежней муниципальной комиссіи при имперіи, двери которой взломалъ приглашенный слесарь, и въ которой съ грѣхомъ пополамъ они собрались среди пыли и темноты. Для пріема ихъ не было, дѣйствительно, приготовлено никакого помѣщенія. Центральный Комитетъ или не ожидалъ такого быстраго появленія Коммуны, или считалъ свою миссію уже законченной, или-же лелѣялъ уже двусмысленные планы возвратиться къ власти, но онъ совершенно не позаботился о мѣстѣ для засѣданій своихъ преемниковъ. Самъ онъ, казалось, испарился, исчезъ съ задней мыслью оставить новичковъ однихъ передъ всѣми трудностями, передъ всей отвѣтственностью, передъ грознымъ и смутнымъ неизвѣстнымъ будущимъ.

Возбужденіе, испытанное въ этотъ первый моментъ членами Коммуны, передается и разсказчику. Въ этотъ часъ минуты стоили вѣковъ. Подготовительныя дѣйствія могли и должны были носить характеръ исключительный, рѣшительный, увы! не въ виду невозможной побѣды, но для того, чтобы наложить на движеніе присущій ему специфическій характеръ, чтобы оно явилось не въ видѣ четвертой или пятой буржуазной революціи, но первой пролетарской революціей.

Постараемся ясно опредѣлить и разсказать, насколько возможно вѣрнѣе, то, что происходило въ первые дни Коммуны.

Правда, это задача не изъ легкихъ. Въ Journal Officiel Коммуны за эти дни мы находимъ только декреты, одну прокламацію, рѣчи старшаго по возрасту президента Беслэя; тусклые и бездушные документы, черезъ которые еле-еле просвѣчиваютъ скрываемыя въ нихъ событія; въ газетахъ того времени нѣтъ ничего кромѣ этого, да еще протокола перваго засѣданія 29-го марта, притомъ протокола неподлиннаго, обнародованнаго газетой Paris-Journal, какъ кажется, благодаря нескромности Режера и перепечатаннаго на другой день всѣми остальными газетами. Присоедините къ этому личныя и отрывочныя записки Лефрансэ, Малона, Беслэя, Артура Арно, Ж. Б. Клемана, неизбѣжно носящія печать ихъ собственныхъ взглядовъ и предубѣжденій, которые они невольно внесли въ описанія инсуррекціи,—вотъ и всѣ имѣющіеся источники.

Дѣло въ томъ, что Коммуна, съ самаго начала рѣшившая объявить свои засѣданія тайными, твердо держалась этого правила въ теченіе первой половины

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

своей дѣятельности. Гласностью она, впрочемъ, никогда не грѣшила, даже и тогда, когда постановила въ серединѣ апрѣля напечатать въ своемъ Officiel аналитическій отчетъ о своихъ преніяхъ. Даже и этотъ отчетъ, сокращенный и урѣзанный, даетъ лишь аксессуары, общеизвѣстныя вещи, но въ немъ нѣтъ ничего или очень мало касающагося внутренней драмы: это объясняется опасеніемъ познакомить тьеристскую и радикальную прессу версальцевъ и ихъ парижскихъ союзниковъ съ положеніемъ дѣлъ, скрывать которое требовали наиболѣе жизненные интересы.

Намъ поможетъ, однако, одно обстоятельство: мы имѣемъ подлинные протоколы самой Коммуны, спасенные изъ пламени пожара Ратуши 23-го мая однимъ изъ друзей послѣдняго секретаря Коммуны Амуру и сохраняемые теперь въ Исторической Библіотекѣ г. Парижа. *) Эта помощь была-бы тѣмъ болѣе цѣнна, если-бы составители протоколовъ первыхъ засѣданій были-бы заинтересованы въ точности и опредѣленности ихъ. Къ сожалѣнію, эта обязанность, какъ и другія, были регулированы только позднѣе. Риго и Ферре, которые, вначалѣ исполняли обязанность секретарей, слѣдили лично черезчуръ страстно за преніями, въ которыхъ сами принимали дѣятельное участіе, чтобы быть вполнѣ подходящими и безпристрастными секретарями. Краткія записи, безформенныя, часто гіероглифическія, передача, перемежающаяся пропусками, переполненная сокращеніями—вотъ что даютъ намъ эти протоколы. Но каковы-бы они ни были, все-же записки эти цѣннѣе, чѣмъ все остальное. Освѣщая ихъ предшествующими свидѣтельствами, подвергая ихъ критикѣ и дополняя ихъ при помощи этого корректива, они позволяютъ, по крайней мѣрѣ, приблизительно возстановить истинную физіономію первыхъ засѣданій, въ которыхъ Коммуна намѣтила свой путь, попыталась избѣжать наиболѣе близкихъ препятствій, стоявшихъ на ея пути, и старалась связать населеніе Парижа съ своимъ дѣломъ и съ своей борьбой.

Эти записи имѣютъ еще и другой интересъ—интересъ еще неизданнаго произведенія. Хотя нѣкоторые изъ историковъ Коммуны, напр. Лиссагарэ, и имѣли ихъ въ рукахъ, но ни одинъ изъ нихъ въ сущности не использовалъ ихъ и во всякомъ случаѣ не опубликовалъ ихъ хотя-бы въ отрывкахъ въ ихъ подлинномъ изложеніи; поэтому мы думаемъ, что лучше всего, прежде чѣмъ комментировать эти протоколы, привести ихъ здѣсь цѣликомъ за первыя три засѣданія (28-го и 29-го марта); первые два протокола писаны рукою Ферре, третій, рукою Ферре и, повидимому, Риго. Возможно, что это частичное обнародованіе докажетъ вмѣстѣ съ тѣмъ необходимость полнаго опубликованія манускрипта, такъ какъ онъ представляетъ существенный интересъ и безъ него не можетъ быть даже и предпринято добросовѣстное описаніе Коммуны.

Вотъ содержаніе этого документа:

*) Эти протоколы, попавшіе во владѣніе М. Мейера, бывшаго парижскаго муниципальнаго совѣтника, уступлены были его сыномъ Ж. Мейеромъ Библіотекѣ Карнавале, ставшей затѣмъ Исторической Библіотекой г. Парижа, гдѣ ихъ и можно найти. Главный библіотекарь Л. Поэтъ, охотно вручилъ ихъ автору настоящаго очерка. Ранѣе этого, Лиссагарэ уже имѣлъ въ рукахъ эти протоколы и бралъ изъ нихъ справки.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Засѣданіе во вторникъ 28-го марта 1871 г.

Предсѣдатель по старшинству гражданинъ Беслэй. Секретари, самые молодые делегаты: Т. Ферре, Рауль Риго. Кандидаты: Эмиль Брелэй, Лоазо-Пенсонъ.

Засѣданіе открылось въ 3 часа дня.

Арну требуетъ назначенія комиссіи для опредѣленія правильности выборовъ. За основаніе принять списки 1869 г.

Курне, въ порядкѣ засѣданія требуетъ поименной переклички.

Мортье, поддерживаемый Груссе, требуетъ, чтобы почетнымъ предсѣдателемъ назначенъ былъ Бланки.

Клеманъ (XV окр.) поддерживаетъ предложеніе.

Со всѣхъ сторонъ требуютъ поименной переклички.

Президентъ вызываетъ по именамъ:

I округъ: Адамъ, присутствуетъ; Мелинъ, прис.; Роша, пр.; Барре, пр.—II округъ: Брелэй, пр.; Лоазо, пр.; Тираръ, отсутствуетъ (явился черезъ часъ); Шеронъ, отс.—III округъ: Демэй, пр.; Арно, пр.; Пинди, пр.; Мюра, отс.; Дюпонъ пр.—IV округъ: Арну, пр.; Клемансъ, отс., Лефрансэ, пр.; Жерарденъ, отс.; Амуру, отс. (отправленъ съ порученіемъ въ Центральный Комитетъ.)—V округъ: Режеръ, отс.; Журдъ пр.; Тридонъ, пр.; Ледроа, отс.; Бланше, отс.—VI округъ: Лероа, отс.; Гупиль, отс.; Робине, отс.; Беслэй, пр.; Варленъ, пр.—VII округъ: Паризель, пр.; Лефевръ, отс.; Урбэнъ, пр.—VIII округъ: Риго, пр.; Вальянъ, отс.; Арну, пр.; Алликсъ, отс.;—IX округъ: Ранкъ, пр.; Ул. Паранъ. пр.; Демаре, отс.; Ферре, отс.; Настъ, отс.—X округъ: Гамбонъ, отс.; Ф. Піа, отс.; А. Фортюне, пр.; Шампи, пр.; Бабикъ, отс. (явился черезъ часъ); Растулъ, отс.—XI округъ: Мортье, пр.; Делеклюзъ, пр.; Асси, отс.; Нрото, пр.; Эдъ, пр.; Авріаль, отс.; Вердюръ, пр.—XII округъ: Варленъ, пр.; Жерезмъ, отс.; Фрюно, отс.; Тейсъ, пр.—XIII округъ: Лео Мелье, пр.; Дюваль, пр.: Шардонъ, пр.; Френкель, пр.—XIV округъ: Бильорэ, отс.; Мартле, отс.; Деканъ, отс.—XV округъ: Клеманъ, пр.; Ж. Валлесъ, пр.; Ланжвенъ, пр.—XVI округъ: Мармоттанъ, отс.; Бутелье, отс.—XVII округъ: Варленъ, пр.; Клеманъ, пр.; Ш. Жерарденъ, пр.; Малонъ, пр.; Шалэнъ, пр.—XVIII округъ: Тейсъ, пр.; Бланки, отс.; Т. Ферре, пр.; Дерёръ, пр.; Клеманъ, пр.; Верморель, отс.: Паскаль Груссе, пр.—XIX округъ: Уде пр.; Пюже, отс., Курне, пр.; Делеклюзъ, пр.; Остенъ, пр.; Міо, отс.—XX округъ: Бланки, отс.; Бержере, отс.; Флурансъ, отс.; Ранвье, отс.

А. Фортюне.—Собраніе революціонное. Требуетъ чтобы перешли къ порядку дня.

Паризель требуетъ, чтобы къ преніямъ приступили немедленно.

Лефрансэ.—Вопросъ достоинства. Національная гвардія и Центральный Комитетъ заслужили благодарность Парижа и республики.

Единогласно признано.

Уде.—Комиссія. Военная власть. Настоятельная необходимость. Первый вопросъ. Внесены два предложенія къ порядку дня.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Эдъ.—Прокламаціи относительно военнаго управленія.

Пинди требуетъ собранія Коммуны, созыва всѣхъ членовъ на завтра.

Ул. Паранъ поддерживаетъ предложеніе. Требуетъ также собранія на завтра. Извѣщеніе въ Officiel.

Арнольдъ, членъ Центральнаго Комитета.—Неусыпное наблюденіе. Прокламаціи. Напечатать. Прокламація отъ имени Коммуны.

Арну.—Положеніе серіозное. Мы составляемъ большинство. Какой нибудь актъ. Онъ необходимъ.

Демэй.—Сначала конституироваться. Раздѣлить трудъ.

Рауль Риго.—Передъ обсужденіемъ первый вопросъ: кто имѣетъ право участвовать въ рѣшеніяхъ.

Делеклюзъ.—Простое замѣчаніе. Требуетъ принять власть отъ Центральнаго Комитета.

Лефрансэ.—Пустыя формальности. Мы существуемъ, насъ провозгласили. Парижское населеніе извѣщено.

Уде.—Иниціатива со стороны Центральнаго Комитета.

Предсѣдатель резюмируетъ пренія (шумъ).

Лео Мелье.—Согласенъ съ Лефрансэ, мы существуемъ. Избраніе. Объявимъ, что мы конституировались.

Предсѣдатель.—Прежде, чѣмъ начнемъ дѣйствовать.

Курне.—Выбрать комиссію для прокламаціи.

Предсѣдатель голосуетъ: 3 или 5.

Первое предложеніе принято.

Избранные члены: Лефрансэ, безъ 2 голосовъ; Ранкъ, безъ 2 голосовъ; Груссе—противъ 15; Делеклюзъ, не избранъ, противъ 12; Жюль Валлесъ, безъ 8 голосовъ.

Комиссія: Лефрансэ, Ранкъ, Жюль Валлесъ.

Ж. Б. Клеманъ.—Прокламація по соглашенію съ Центральнымъ Комитетомъ. Въ противномъ случаѣ реакція.

Журдъ.—Если Комитетъ не явился, то потому, что онъ не зналъ, что ему дозволено это. Не будемъ на это обращать вниманія.

Груссе.—Сообщить Центральному Комитету о конституированіи.

Арну.—Надо его пригласить.

Предсѣдатель.—Голосую. Принято. Та же комиссія уполномочена пригласить.

Арнольдъ и Пинди поднимаютъ обсужденіе по поводу намѣреній Центральнаго Комитета.

Лефрансэ спрашиваетъ: какія будутъ порученія комиссіи къ Центральному Комитету.

Жюль Валлесъ спрашиваетъ о редакціи прокламаціи. Затѣмъ, какое сообщеніе сдѣлать Центральному Комитету.

Р. Риго. — Сообщить Центральному Комитету, чтобы явился въ Коммуну.

Предсѣдатель. — Коммисія уполномочена отправиться.

Паскаль Груссэ. — Статья первая: засѣданія коммисіи не публичны. Отчетъ о засѣданіяхъ не обнародуется, а только протоколъ о ея дѣйствіяхъ.—Паскаль Груссэ, Дерёръ, Мортье, Ранвье.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Арну. — Мы не Совѣтъ небольшой коммуны.

П. Груссэ. — Скорѣе военный совѣтъ, чѣмъ коммунальный. Намъ нельзя посвящать въ наши рѣшенія Собраніе и нашихъ враговъ.

Журдъ оспариваетъ предыдущаго оратора.

Арну, Тейсъ высказываются за публичность. Надо всегда быть отвѣтственнымъ.

Паризель. — Въ виду достоинства нашихъ засѣданій. Энтузіазмъ народа. Если въ Ліонѣ коммуна погибла, то отъ недостатка общенія съ народомъ. Требуетъ стенографовъ.

Груссэ вновь поддерживаетъ свое предложеніе.

Уде говоритъ снова о мэрахъ. Надо завладѣть окружными легіонами.

Ранкъ. — Распустить завтра.—Принято единогласно.

Лефрансэ отдаетъ отчетъ о порученіи къ Центральному Комитету.

Лоазо-Пенсонъ. — Срочное предложеніе. Смертная казнь отмѣняется безусловно, Коммуна требуетъ этого энергично, чтобы доказать всей Франціи и всему міру, что республиканцы гуманны и не кровожадны, готовы разрушить эшафотъ, и обвиненія ихъ несправедливы.

Р. Риго. — Обратить вниманіе на предшествующіе законы. Внесенные въ списки избиратели. Октябрь. Законы 1849 г. или 1870 г.

Клеманъ (XV окр.). — Не надо парламентаризма. Извѣщеніе, что результатъ голосованія утвержденъ. Для общественнаго спасенія.

Ранкъ. — Способъ Центральнаго Комитета. Онъ принялъ обязательство, надо его исполнить.

Алликсъ. — Я былъ мэромъ, замѣщая Денорманди.

Журдъ ставитъ вопросъ.

Демей. — Списокъ 1869 или 1871.

Клемансъ. — Сохраненіе ноты Комитета.

П. Груссэ. — Назначеніе комиссіи для утвержденія властей.

Арну. — Комиссія по закону 1849 г. Утвердимъ.

Р. Риго.— Присоединяюсь. Назначеніе комиссіи по закону 1849 г.

Предсѣдатель. — Назначеніе комиссіи по вопросамъ о выборахъ.

Ул. Паранъ. — Къ порядку засѣданія. Работа комиссіи по редактированію прокламаціи.

Ранкъ поддерживаетъ предложеніе.

Журдъ. — Предложеніе. Мандатъ уполномоченнаго въ Коммунѣ и представителя въ Національномъ Собраніи несовмѣстимы.

Лоазо-Пенсонъ, Тейсъ говорятъ по этому вопросу.

А. Фортюнэ. — За несовмѣстимость.

Ж. Валлесъ поддерживаетъ.

Тираръ. — Прежде чѣмъ объясниться. Рѣшеніе принято. Мандатъ принятъ; онъ былъ опредѣленный, дѣло идетъ лишь о муниципальномъ совѣтѣ; мои избиратели послали меня для этого. Военный Совѣтъ, отмѣна законовъ; я не имѣю права оставаться здѣсь. Что касается предложенія: вы желаете предписать осуществленіе одного изъ двухъ мандатовъ. Первый мандатъ полученъ мной раньше. Слагаетъ полномочія.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Уде требуетъ предать правительство суду.

Делеклюзъ. — Рѣчи имѣютъ намѣреніе выразить порицаніе представителямъ, засѣдавшимъ въ Бордо. Объясненіе, почему онъ не отказался отъ депутатства въ Версалѣ. Двойная цѣль. Наглое сосѣдство, Парижская Коммуна. Я готовъ отказаться и отъ званія депутата и отъ званія члена Коммуны.

П. Груссэ. — Тираръ сказалъ, что онъ хорошо знаетъ, какъ входятъ въ Ратушу, но ка....

Р. Риго. — Предложеніе. Надо дать знать въ бюро, что осужденіе не было декретировано.

Жерарденъ. — Собраніе и Коммуна руководятся различными принципами. Пусть Тираръ объяснится.

Бабикъ. — Предложеніе къ порядку о назначеніи Комиссіи.

Лефрансэ требуетъ, чтобы принята была не отставка, а выборы признаны были недѣйствительными.

Уде требуетъ слова по личному дѣлу. Онъ требуетъ назначенія слѣдственной комиссіи о дѣятельности всѣхъ парижскихъ мэровъ.

Рѣшено, что въ комиссію по выборамъ войдутъ пять членовъ. Въ нее вошли граждане: Арну, Жерарденъ (XVII окр.), Прото, Тейсъ и Паризель.

Паризель требуетъ неотложности для слѣдующаго предложенія: занятіе воротъ Пасси и Отейля вѣрными Коммунѣ національными гвардейцами.

Дюваль возвращается къ вопросу о несовмѣстимости.

Курне заявляетъ объ отказѣ отъ полномочія представителя въ Версалѣ.

Предложеніе Паризеля принято.

Делегаты Центральнаго Комитета справляются о времени слѣдующаго засѣданія, чтобы Центральный Комитетъ могъ явиться для сложенія своихъ полномочій.

Порядокъ слѣдующаго засѣданія, назначеннаго на среду, въ 1 дня: 1) назначеніе постояннаго бюро; 2) назначеніе комиссій для управленія Парижемъ; 3) обсужденіе прокламаціи, съ которой слѣдуетъ обратиться къ парижскому населенію; 4) пріемъ Центральнаго Комитета; 5) доклады комиссій, если таковые окажутся; 6) вопросъ о Мюратѣ.

Засѣданіе закрыто предсѣдателемъ въ полночь, при крикахъ: „Да здравствуетъ республика, да здравствуетъ Коммуна.

Вѣрно: Т. Ферре.

Второе засѣданіе.—Среда, 29-го марта 1871 г.

Гражданинъ Беслэй открываетъ засѣданіе.

Замѣняютъ двухъ отсутствующихъ кандидатовъ Демэя и Робине.

Секретарь Т. Ферре читаетъ протоколъ предыдущаго засѣданія.

Арну.—Такъ какъ Центральный Комитетъ объявилъ, что основаніемъ будетъ служить законъ 1849 г.

Курне говоритъ о декретѣ, касающемся декларацiи по поводу Центральнаго Комитета. Отечество вмѣсто Парижа.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Лефрансэ. Это потому, что Тираръ не признаетъ полномочій Коммуны.

Требуютъ, чтобы Коммуна конституировалась.

Слѣдуетъ перечень присутствующихъ и отсутствующихъ, который мы не приводимъ. Отсутствуютъ большинство сложившихъ свои полномочія вчера и тѣхъ, которые сложатъ его на слѣдующій день: Адамъ, Мелинъ, Роша, Барре, Брелэй, Тираръ, Шеронъ, Демаре, Ферри, Настъ, Фрюно, Мармоттанъ.

Предсѣдатель.—Читаетъ письмо Ш. Роша объ отказѣ отъ полномочій.

Тридонъ требуетъ, чтобы делегатамъ даны были приказы помѣшать мэрамъ и ихъ помощникамъ расклеивать афиши на бѣлой бумагѣ съ цѣлью возбужденія гражданской войны.

Режеръ.—Приказъ, что признается только одна власть и чтобы не расклеивалось другихъ афишъ.

Р. Ригo.—Поручите мнѣ совмѣстно съ Дювалемъ захватить всѣ эти афиши.

Бержере.—Я дѣйствую. 200 человѣкъ отправлены съ Вандомской площади.

Шалэнъ.—Свобода для всѣхъ, только бы не печатали на бѣлой бумагѣ.

А. Фортюне.—Афиши.

Клеманъ протестуетъ противъ всѣхъ цвѣтовъ.—Воззванія къ гражданской войнѣ.

Шалэнъ поддерживаетъ свое мнѣніе.

Дюваль.—Арестъ лицъ, подписывающихъ эти афиши.

Арну.— Нападающихъ на республику и Коммуну...

Лео Мелье.—Мѣры противъ Figaro и Gaulois.

Паризель.—Объявить, что—преступникъ, кто не признаетъ.

Бутелье.—Чиновники, лишенные жалованья.—Версальское правительство.

Предсѣдатель.—Назначеніе бюро (пренія)—предсѣдатель, два его помощника и два секретаря.

Валлесъ.—Предсѣдатель мѣняется ежедневно. Никакихъ кандидатовъ.

Лео Мелье требуетъ предсѣдателя на недѣлю.

Арну.—Тоже самое.

Предсѣдатель.—Полномочіе, не возобновляемое еженедѣльно. Предсѣдатель, два кандидата, два секретаря. Ставитъ на голоса это предложеніе окончательно.

П. Груссе.— Секретаріатъ не изъ членовъ (Коммуны) подъ наблюденіемъ Бюро.

Делеклюзъ поддерживаетъ его.

Р. Риго.—Предложеніе—почетное предсѣдательство Бланки.

Делеклюзъ.—Монархическій обычай. Никакого почетнаго предсѣдательства.

Р. Риго.—Вызовъ Собранію.

Курне.—Что нибудь посильнѣе.

Растулъ.—Различныя предложенія.

Беслэй читаетъ статью: Миръ и Свобода. Намъ говорятъ, что мы затрагиваемъ свободу; если мы ее задѣли то какъ гвоздь, который заколачиваютъ глубже. Старо. Но близко или далеко, онъ будетъ съ нами.

Требуютъ тайнаго голосованія. Секретари. Отсрочка. Шумъ. Предложенія къ порядку.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Арну, Риго, Мелье.—Поднятіемъ рукъ.

Одинъ изъ делегатовъ.—Вопросъ о продовольствіи. Американскій хлѣбъ для посѣва. Должны-ли мы исполнять декреты, или измѣнить ихъ?

Р. Риго.—Вывозъ посѣвнаго хлѣба я разрѣшилъ. Что касается боенъ, я ждалъ рѣшенія.

Уде.—Завалены требованіями въ этомъ отношеніи.

Требованіе къ порядку дня.

Предсѣдатель.—(Протестуетъ противъ тайнаго голосованія, предложеннаго Антоаномъ Арно).

Эдъ читаетъ. Помощники: Тридонъ, Вальянъ, Арно, Риго, послѣ предсѣдателя получившіе наибольшее число голосовъ.

Голосуютъ: Лефрансэ — предсѣдатель. Ранкъ. Вальянъ — помощники; Ант. Арно, Ул. Паранъ—секретари.

Риго вноситъ добавочное предложеніе. Принято.

Сообщеніе членовъ Совѣта 17-го легіона.

Рѣшено, что комиссія отправится за членами Центральнаго Комитета.

Въ промежуткѣ пренія объ организаціи Исполнительной Комиссіи. Въ нее войдутъ 7 членовъ. Засѣдать будетъ непрерывно. Будетъ принимать депутаціи, желающія сдѣлать сообщенія.

Входитъ Центральный Комитетъ.

Арнольдъ.—Вновь составляется общій семейный совѣтъ.

Бурсье.—Организовать національную гвардію.

П. Груссе вноситъ предложеніе о Федераціи.

Віардъ.—Комитетъ никогда не вмѣшивается въ непосредственныя функціи Коммуны. Нѣтъ.

Клемансъ.—Пусть Комитету поручаютъ, въ согласіи съ Коммуной, реорганизацію національной гвардіи.

Бержере. — Временно Комитетъ будетъ засѣдать рядомъ съ главнымъ штабомъ.

Левалетъ дополняетъ сказанное.

Фортюне, Анри.—Поручены полномочія при 14 легіонѣ. Благодаритъ.

Журдъ.—Центральный Комитетъ артиллеріи Сены только что изъявилъ свою преданность Коммунѣ и поясняетъ, что онъ будетъ ея будущей организаціей.

Арну и другіе вносятъ предложеніе образовать подкомиссіи: 1. Труда и обмѣна (торговля); 2. Внѣшнихъ сношеній; 3. Муниципальной администраціи; 4. Образованія; 5. Финансовъ; 6. Военной, полиціи, судебной, общественныхъ службъ, статистики и продовольствія.

Дюваль требуетъ обсужденія вопроса о наложеніи секвестра на суммы, вложенныя фамиліей Бонапартовъ въ Страховыя Общества; Прото, Беслэй принимаютъ участіе въ преніяхъ.

Журдъ требуетъ подкомиссій: 1) Финансовъ; 2) Военныхъ дѣлъ; 3) Юстиціи и полиціи и общей безопасности.

Декретъ, а не приказъ предлагаетъ Прото. По поводу неотложнаго сообщенія, касающагося служащихъ въ Октроа, которые приглашены были Ферри прекратить свою дѣятельность.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Декретъ вотируется единогласно.

Исполнительная Комиссія. 58 голосующихъ: Эдъ — 43; Тридонъ — 39; Вальянъ—38; Лефрансэ—29; Дюваль—27; Феликсъ Піа—24; Бержере—19; Р. Риго — 18; Мортье — 11; Журдъ — 11; Прото — 10; Варленъ — 10; Делеклюзъ—9; Курне—8; Груссе—7; Ранкъ—7; Мельє—6; Паранъ—6; Пинди—6.

Комиссія удаляется, чтобы обсудить вопросъ октроа—Ферри.

Комиссія финансовъ. — Клеманъ, Викторъ, Варленъ, Журдъ, Беслэй, Бежеръ.

Комиссія военная.—Пинди, Эдъ, Бержере, Дюваль, Шардонъ, Флурансъ, Ранвье.

Комиссія юстиціи. — Ранкъ, Прото, Лео Мельє, Верморель, Ледроа, Бабикъ.

Общей безопасности.—Рауль Риго, Ферре, Асси, Курне, Уде, Шалэнъ, Жерарденъ (XVII окр.)

Продовольствія.—Дерёръ, Шампи, Остенъ, Клеманъ, Паризель, Эмиль Клеманъ, Анри Фортюне.

Труда и Обмѣна.—Малонъ, Френкель, Тейсъ, Дюпонъ, Авріаль, Лоазо-Пенсонъ, Эж. Жерарденъ, Пюже.

Внѣшнихъ сношеній.—Ранкъ, Паскаль Груссе, Ул. Паранъ, Арт. Арну, Ант. Арно, Делеклюзъ, Ш. Жерарденъ.

Общественныхъ службъ. — Остенъ, Билорэ, Ж. Б. Клеманъ, Мартеле, Мортье, Растулъ.

Вторичное засѣданіе того-же 29 Марта.

Передъ началомъ, въ 10 часовъ, граждане—служащіе въ октроа явились заявить, что они присоединяются къ Коммунѣ. Они собрались въ кафе Центральнаго Рынка.

Пинди, Уде, Вальянъ.

Многіе члены требуютъ, чтобы Ратуша была очищена, чтобы ея помѣщенія переданы были комиссіямъ и чтобы мѣсто было эвакуиривано для облегченія батальоновъ, занимающихъ Ратушу. Переселеніе комитета на Вандомскую площадь весьма просто разрѣшитъ эти затрудненія.

Обсуждается и опредѣляется порядокъ дня.

Чтеніе проекта прокламаціи, составленнаго Лефрансэ.—Найденъ черезчуръ длиннымъ.

Вопросъ о квартирахъ, срокахъ платежей, пруссакахъ.

Клеманъ требуетъ, чтобы Коммуна не выступала въ качествѣ политическаго правительства.

Уде.—Энергичныя мѣры противъ агентовъ реакціи.

Паризель.—Надо обратиться съ воззваніемъ къ провинціи.

Шалэнъ.—Мы сильны. Останемся на почвѣ энергичной защиты. Не нужно намъ ничего навязывать Франціи, но слѣдуетъ все сдѣлать для ея освобожденія. Надо распустить Версальское Собраніе, если вы хотите сохранить республику.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Шампи говоритъ въ томъ-же духѣ.

Груссе читаетъ предложеніе, имѣющее въ виду роспускъ Версальскаго Собранія. Тѣ изъ его членовъ, которые попытаются помѣшать осуществленію настоящаго декрета, объявляются внѣ закона. Парижская Коммуна подтвердитъ исполненіе предварительныхъ условій мира и вступитъ въ дипломатическіе переговоры.

Тейсъ оспариваетъ предложеніе. Требовать отъ Версальскаго Собранія, чтобы оно удалилось—оно мѣшаетъ намъ и нашей автономіи,—но не выходя изъ нашихъ коммунальныхъ прерогативъ.

Вальянъ полагаетъ, что нужно сдѣлать дѣло безъ лишнихъ словъ; необходимо, чтобы Собраніе сошло со сцены, или-же революція должна погибнуть. Надо укрѣпить революцію у себя дома такъ, чтобы вынудить реакцію напасть на нее, и тогда мы будемъ сильны.

Гупиль предлагаетъ перейти къ обсужденію прокламаціи.

Ледроа высказываетъ сожалѣніе, что только говорятъ, а не дѣлаютъ. Онъ возвращается къ вопросу о квартирахъ.

Клеманъ требуетъ, чтобы въ прокламаціи сказано было о квартирномъ вопросѣ и о срокахъ платежей, а затѣмъ и о пруссакахъ.

Прото предлагаетъ, чтобы Комиссія собралась и чтобы въ этой прокламаціи не былъ затронутъ версальскій вопросъ.

Тридонъ думаетъ, что въ прокламаціи надо заявить, что Версальское Собраніе поставило насъ въ положеніе законной самообороны и что мы должны раскрыть передъ провинціей его заговорщицкіе и іезуитскіе пріемы.

Собраніе назначаетъ членами комиссіи: Груссе, Вальяна, Тридоно и Прото.

Введена делегація Центральнаго Комитета; она передаетъ декларацію, которую постановлено обсудить потомъ.

Гражданинъ Феликсъ Піа возвращается къ сдѣланному имъ запросу, могутъ-ли быть опубликованы наши пренія и комментированы засѣданія Коммуны.

Послѣ преній переходятъ къ порядку дня и оставляютъ рѣшить этотъ вопросъ благоразумію редакторовъ газетъ.

Гражданинъ Клеманъ (XV окр.) возбуждаетъ квартирный вопросъ.

Фортюне предлагаетъ проектъ декрета.

Валлесъ отъ имени Лоазо вноситъ другой проектъ.

Арну, Уде, Ж. Б. Клеманъ, Мелье, Міо,—предложеніе декрета. Демэй, Гупиль.

Комиссія составлена изъ Риго, Гупиля, Клемана.

Комиссія Груссэ по составленію прокламаціи возвратилась.

Послѣ нѣсколькихъ замѣчаній и частичныхъ дополненій прокламація принята. Подпись: Парижская Коммуна.

Цетральный Комитетъ даетъ знать Коммунѣ, что намѣренъ переселиться въ Люксембургскій дворецъ.

Пренія; рѣшеніе нашихъ окончательныхъ отношеній къ Центральному Комитету отложено на завтра.

Комиссія о квартирахъ возвращается и читаетъ свой проектъ декрета, который принять послѣ дополненія его поправками о реализаціи боновъ, и о платѣ за меблированныя комнаты.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Проектъ отмѣны рекрутскаго набора внесенъ Фортюне и Дереремъ. Посл обсужденія принятъ".

Эти протоколы скомканы, безпорядочны, безсвязны, какъ мы уже говорили и на основаніи этой безпорядочности можно было бы съ извѣстной долей логической видимости заключить и о безпорядочности самой Коммуны. Нѣкоторые такъ и поступили, но приговоръ этотъ черезчуръ поспѣшенъ. Не надо забывать, дѣйствительно, что этотъ отчетъ является только торопливымъ, краткимъ изложеніемъ, наскоро набросаннымъ тѣми самыми людьми, которые сами принимали участіе въ дебатахъ и въ то-же время и записывали ихъ. Самъ по себѣ, напримѣръ, первый протоколъ почти непонятенъ, а такъ какъ мы знаемъ, что Ферре прочелъ его во второмъ засѣданіи и онъ былъ утвержденъ, то мы имѣемъ право заключить, что при этомъ чтеніи Ферре дополнялъ его устными поясненіями. Въ данномъ случаѣ мы имѣемъ, слѣдовательно, скорѣе только схему протокола, чѣмъ самый протоколъ, и въ виду этого ошибочно судить по нему о постановкѣ и серіозности преній, не вводя указаннаго корректива.

Первыя засѣданія Коммуны напоминаютъ, впрочемъ, обычныя засѣданія всякаго новаго Собранія, если оно не выливается въ заранѣе уже приготовленную для него форму.

Коммуна никому не наслѣдовала, она открывала собою нѣчто новое. Она не только встрѣтила совершенно исключительное положеніе, почти не имѣвшее прецедентовъ въ прошломъ, но и въ административномъ отношеніи она оказалась передъ пустымъ пространствомъ; и ничто лучше не характеризуетъ этого положенія, какъ приведенный протоколъ. Коммуна не нашла никого, кто бы могъ ее даже накормить. Она сама, одна, должна была позаботиться даже объ этомъ, какъ и обо всемъ остальномъ.

Это первое размышленіе, на которое наводитъ чтеніе протоколовъ, цитированныхъ нами, и оно не безразлично.

Второе замѣчаніе слѣдующее: между лицами, такъ неожиданно сведенными воедино, не было внутренняго взаимнаго проникновенія, сходства во взглядахъ, согласія въ тактикѣ борьбы и спасенія. Избранные въ Коммуну, тѣ, которые оставались въ Ратушѣ до самой бойни, мало или совсѣмъ не знали другъ друга и, даже хуже, говорили на разныхъ языкахъ и, слѣдовательно, не могли понимать другъ друга. Что-же у нихъ было общаго въ этотъ моментъ, что сближало и спаивало ихъ? Общее чувство, уже отмѣченное нами, чувство глубокаго отвращенія къ Собранію деревенщиковъ, которое изъ Версаля угрожало республикѣ, а затѣмъ было еще общее, хотя и смутное стремленіе къ идеалу соціальной справедливости пролетарскаго освобожденія, толкавшее работниковъ воспользоваться въ свою очередь правами, завоеванными еще въ прошломъ вѣкѣ, но монополизированными до этого дня буржуазіей. Одной этой связи было недостаточно; она черезчуръ слаба и черезчуръ ненадежна для людей, которымъ нужно было-бы составлять единый союзъ, имѣть одну мысль и одну волю. Обстоятельства требовали полнаго и абсолютнаго сотрудничества, насколько возможно, совершеннаго согласія въ совѣтѣ и въ дѣлахъ. Необходима была солидарность относительно цѣли, но не менѣе нужна и солидарность въ тактикѣ. Прежде всего не-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

обходимо было найти и скомбинировать способы, которые позволили-бы Парижу развить послѣдствія, вытекавшія изъ его инсуррекціоннаго движенія, внезапно ставшаго побѣдителемъ, благодаря вольной или невольной слабости врага; а разъ эти способы были найдены, надо было согласиться утилизировать ихъ сообща, связно и систематически. Но, въ этомъ отношеніи только что избранные представители вслѣдствіе противоположности ихъ происхожденія, ихъ образованія, ихъ умственнаго развитія осуждены были на роковое разномысліе. Раздѣленные на два или на три класса—якобинцевъ, бланкистовъ и федералистовъ,—они съ самого начала и до конца останутся почти чуждыми другъ другу.

Между тѣмъ поле для ихъ дѣятельности тотчасъ-же очистилось. Присутствіе нѣкоторыхъ неассимилируемыхъ элементовъ, которыхъ буржуазная воля центральныхъ кварталовъ послала въ ихъ ряды, могло-бы стѣснять ихъ и мѣшать имъ въ ихъ намѣреніяхъ и дѣйствіяхъ. Послѣдніе элементы сами добровольно удалились; они ушли, придерживаясь англійскаго обычая, за исключеніемъ Тирара, который счелъ нужнымъ хлопнуть за собою дверью, безъ сомнѣнія получивъ на этотъ счетъ указанія отъ своего авгура и патрона Тьера. Въ засѣданіи 28-го марта, депутатъ-мэръ II-го округа ясно указалъ въ вызывающемъ тонѣ на тѣ основанія, въ силу которыхъ онъ не считалъ возможнымъ засѣдать въ Коммунѣ и считалъ себя солидарнымъ съ Версальскимъ Собраніемъ. Въ отвѣтъ на это, Лефрансэ предложилъ не принимать его отставки, а объявить выборы недѣйствительными. Отставка, или признаніе недѣйствительными выборовъ—это простой словесный турниръ. Важно было въ этомъ случаѣ самое удаленіе Тирара, окончательно разрушавшее за собою всѣ мосты, отрицавшее этимъ рѣшительнымъ шагомъ даже самую видимость соглашенія, которое, какъ казалось, состоялось между мэрами и Центральнымъ Комитетомъ; это удаленіе указывало своимъ мотивированнымъ отказомъ на то, что высшая республиканская буржуазія отдѣляетъ свое дѣло отъ дѣла рабочаго народа, но въ отместку оставляетъ выборнымъ этого народа полную возможность руководить по усмотрѣнію борьбою Парижа съ Версалемъ.

30-го марта въ Ратушѣ уже не засѣдалъ ни одинъ изъ представителей тьеристовъ, за которыхъ голосовали лавочники и партія рантьеровъ I, II, VI, IX и XVI округовъ: Демаре, Ферри, Настъ, Брелэй, Шеронъ, Робине, Фрюно, Мармоттанъ, Роша, Барре, Адамъ, Мелинъ. Послѣдній, говорятъ, поучительно заявилъ депутатамъ еще утромъ 28-го марта: „Я провелъ всю ночь за перечитываніемъ Principe Federatif Прудона: на сторонѣ этихъ людей истина. Оставайтесь въ Версалѣ, мы останемся въ Ратушѣ и совершимъ великія дѣла.“ А поступилъ онъ также, какъ и его товарищи. Не прошло и сутокъ, какъ онъ позабылъ Прудона и его Principe Federatif и присоединился, переѣхавъ даже въ Версаль, къ партіи Порядка, и мы знаемъ, куда привела она его въ концѣ концовъ.

Это бѣгство приверженцевъ трехцвѣтной республики являлась одновременно и предупрежденіемъ и избавленіемъ. Оно говорило остававшимся поборникамъ красной республики: „Сомкните свои ряды. Оставьте свои теоріи и догматы, свои принципы и системы. Никакой метафизики, только дѣйствіе. Коммуна не можетъ быть парламентомъ, судьба пожелала, чтобы она была баррикадой. Умѣйте, слѣ-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

довательно, напречь всю свою энергію передъ лицемъ ужасной борьбы, въ которую роковымъ образомъ увлекаютъ васъ событія". Предупрежденіе было ясно: оно было даже грубо, однако, приведенные выше протоколы говорятъ намъ, что оно не было услышано. Противоположныя теченія, обнаружившіяся уже при первомъ обмѣнѣ мнѣніями, не прекратились и не привели къ взаимному соглашенію. Наоборотъ, ежедневныя пренія все продолжались, скорѣе усиливая прискорбные пункты несогласія и умножая взаимное непониманіе и раздоры.

Здѣсь интересно будетъ познакомиться съ этими противоположными теченіями со словъ самихъ членовъ Коммуны, которые впослѣдствіи писали о ней. Безъ сомнѣнія, эти тенденціи проявились рѣзко и опредѣленно и вылились въ партійной формѣ только позднѣе, черезъ нѣсколько недѣль. Но онѣ все-же существовали и въ самомъ началѣ; онѣ уже оказывали свое вліяніе и въ этомъ рѣшающемъ начальномъ періодѣ и много посодѣйствовали къ парализованію энергіи борьбы у собранія, которое не должно-бы имѣть иныхъ непосредственныхъ цѣлей, кромѣ борьбы, иныхъ стремленій, кромѣ какъ къ изысканію средствъ для углубленія и продолженія этой самой борьбы. Такимъ образомъ, будетъ умѣстно отмѣтить здѣсь эти тенденціи и подчеркнуть ихъ, ссылаясь на свидѣтельства самихъ заинтересованныхъ лицъ и освѣщая этими свидѣтельствами тѣ данныя, которыя уже и безъ того вытекаютъ изъ прочитанныхъ протоколовъ. Члены меньшинства подробно высказали свои мнѣнія по этому вопросу, тогда какъ главнымъ образомъ члены большинства хранили молчаніе. Не имѣя возможности привести все появившееся въ печати, мы остановимся на впечатлѣніяхъ Артура Арну, который фактически приложилъ болѣе усилій, чѣмъ Лефрансэ, Малонъ и Беслэй, принадлежавшіе къ тому-же оттѣнку мнѣній, чтобы ясно и систематически проанализировать тѣ причины, которыя съ самого начала сгруппировали изолированно другъ отъ друга, если и не прямо враждебно другъ къ другу ту часть Коммуны, которая должна была стать большинствомъ, и ту, которая должна была назваться меньшинствомъ революціонеровъ-якобинцевъ и соціалистовъ-федералистовъ.

„Термины, говоритъ Артуръ Арну *), понимались различно отдѣльными членами Собранія. Для однихъ Парижская Коммуна выражала собою и олицетворяла первое примѣненіе антигосударственнаго принципа, войну съ старыми представленіями о Государствѣ, какъ единомъ, централизующемъ и деспотическомъ цѣломъ. Для нихъ Коммуна являлась торжествомъ автономнаго принципа, свободно федерирующихся группировокъ и правленія наивозможно болѣе непосредственно народнаго и совершаемаго черезъ народъ. Въ ихъ глазахъ Коммуна была первымъ этапомъ широкой настолько же соціальной, насколько и политической революціи, которая должна была окончательно смести старинныя заблужденія. Она была абсолютнымъ отрицаніемъ идеи диктатуры; она была появленіемъ самого Народа у власти и, какъ слѣдствіе этого, уничтоженіемъ всякой власти, стоящей внѣ или выше Народа. Люди, такъ чувство-

*) Arthur Arnould.—Histoire populaire et parlementaire de la Commune de Paris.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вавшіе, такъ мыслившіе, къ этому стремившіеся, образовали кружокъ, впослѣдствіи получившій названіе соціалистической группы или меньшинства.

„Другимъ, наоборотъ, Парижская Коммуна представлялась продолженіемъ старой Парижской Коммуны 1793 года. Она являлась въ ихъ глазахъ диктатурой во имя Народа, громадной концентраціей власти въ немногихъ рукахъ и уничтоженіемъ старинныхъ учрежденій посредствомъ замѣны сначала ихъ начальниковъ новыми людьми, поставленными во главѣ этихъ учрежденій, а затѣмъ немедленнаго превращенія ихъ въ военныя средства Народа для борьбы съ его врагами.

„Среди людей этой авторитарной группировки идея единства и централизма еще не вполнѣ испарилась. Если они и написали на своемъ знамени исповѣданіе принципа коммунальной автономіи и свободной федераціи группъ, то принципъ этотъ навязанъ имъ былъ волею Парижа... Къ тому-же, руководимые привычными пріемами мышленія и традиціонными требованіями, выработанными въ теченіе долгой борьбы, какъ только имъ пришлось дѣйствовать, они вновь обратились къ тому-же пути, по которому шли такъ долго до этого и, съ добрыми, конечно, намѣреніями, стремились примѣнить старые способы къ новой идеѣ. Они не понимали, что въ подобномъ случаѣ форма почти всегда побѣждаетъ сущность и что, желая утвердить свободу диктаторскими или деспотическими средствами, убиваютъ именно то, что хотятъ спасти. Эта группа, состоявшая къ тому-же изъ разнородныхъ элементовъ, образовало большинство и называла себя „революціонерами-якобинцами".

Очевидно, Артуръ Арну въ этомъ случаѣ, говоря о меньшинствѣ, имѣетъ главнымъ образомъ въ виду самого себя и, можетъ быть, Лефрансэ, потому что во всей Коммунѣ только эти два человѣка горѣли такой исключительной жаждой автономіи и готовы были скорѣе поступиться самой побѣдой, чѣмъ достигнуть ея при помощи средствъ, противорѣчившихъ ихъ принципамъ. Варленъ, Френкель, Авріаль, Журдъ, Валлесъ, Верморель и даже Тейсъ и Малонъ не подходятъ подъ эту рубрику.

Равнымъ образомъ, Арну, говоря о большинствѣ имѣетъ въ виду главнымъ образомъ Делеклюза, Гамбона, Міо, Феликса Піа, т. е. типичныхъ якобинцевъ. Его опредѣленіе уже менѣе точно, когда его прилагаютъ къ бланкистамъ—Дювалю, Эду, Ферре, которые не были, какъ мы знаемъ, черезчуръ начинены теоріями, и еще менѣе оно подходитъ, если его отнести къ такимъ людямъ, какъ Тридонъ, Вальянъ или Арно, которые, не заботясь объ идеологіяхъ, знали только одну цѣль и твердо и настойчиво стремились къ ней. Во всякомъ случаѣ, въ общихъ чертахъ, хотя сравненіе Арну черезчуръ геометрично можетъ быть, но оно не лишено извѣстной доли правды. Даже уже потому, что Арну намѣчаетъ твердыми и увѣренными штрихами два крайнихъ теченія, оба—совершенно новыхъ, два полюса, между которыми колебалось движеніе, онъ даетъ намъ довольно вѣрную картину положенія въ его цѣломъ и позволяетъ, внося извѣстные коррективы, окончательно разставить личности и группы,—каждую на свое мѣсто.

Затѣмъ пусть факты говорятъ сами за себя.

Столкновеніе направленій обнаружилось прежде всего по вопросу о публичности засѣданій. Арну, Лефрансэ и присоединившійся къ нимъ Журдъ вы-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сказались за публичность изъ принципіальныхъ соображеній. Первые двое уже отстаивали это-же положеніе при имперіи для тогдашнихъ законодательныхъ палатъ; теперь они отстаивали тотъ-же принципъ и по отношенію къ Коммунѣ, не задавая себѣ вопроса, было-ли учрежденіе, къ которому они принадлежали, принявъ во вниманіе всѣ обстоятельства, обыкновеннымъ Собраніемъ, говорившимъ, какъ и всякое другое, или скорѣе оно было Исполнительнымъ Комитетомъ, пренія котораго не должны были быть оглашаемы, пока онѣ не превратятся въ дѣйствія. Паскаль Груссе, вдавшись въ крайность, защищалъ какъ разъ противоположное положеніе. Говоря о военномъ совѣтѣ и о совѣтѣ Десяти, онъ пустился въ драматизацію, когда слѣдовало аргументировать; онъ оскорблялъ либеральные предразсудки и давалъ пищу для словопреній. Вопросъ этотъ постоянно снова возбуждался въ Коммунѣ, пока она, рѣшивъ его вначалѣ вполнѣ отрицательно, не перешла затѣмъ къ публичности, правда, обставленной большими ограниченіями.

Еще съ большей отчетливостью обнаружился тотъ-же конфликтъ, когда Коммунѣ пришлось опредѣлить самое себя, объяснить внѣшнему міру, что она такое, что она думаетъ предпринять и что выполнить. Очевидно, эта задача являлась для Коммуны самой щекотливой и тяжелой. Какое положеніе занять по отношенію къ Версальскому правительству? Признавать-ли его или нѣтъ? И, въ зависимости отъ этого, должна-ли она держать себя просто, какъ парижское муниципальное собраніе, дѣйствуя только для Парижа, внутри его стѣнъ, или-же она должна себя вести какъ центральная власть, дѣйствуя и законодательствуя для всей Франціи? Грозный выборъ. Отъ рѣшенія этого вопроса зависѣло, какъ оріентироваться движенію: изъ него вытекали весь его смыслъ и его политическая роль.

Въ этомъ случаѣ боролись два текста, вѣрнѣе сказать—два міровоззрѣнія. Коммуна—мы знаемъ это изъ протоколовъ за 28-е и 29-е марта—поручила сначала Лефрансэ, Ранку и Валлесу составить проектъ этой прокламаціи—манифеста.

Представленный ими проектъ можно найти въ Etude sur le Mouvement communaliste, написанномъ Лефрансэ въ изгнаніи, въ 1871 г. *). Проектъ этотъ, какъ говорится въ протоколѣ послѣобѣденнаго засѣданія 29-го марта, былъ отвергнутъ вслѣдствіе его длинноты. Онъ отклоненъ былъ также, и притомъ главнымъ образомъ, вслѣдствіе того духа крайняго федерализма, въ которомъ былъ написанъ. Его редакторы, дѣйствительно, ревностно ограничивали дѣятельность Парижской Коммуны. Новое собраніе должно было поучать примѣромъ, и только

---

*) *G. Lefrançais.—Etude sur le Mouvement communaliste á Paris, en* 1871, стр. 196—197. Самое заглавіе этого сочиненія указываетъ на его направленіе. „Коммуналистическая",—эта въ общемъ весьма побочная сторона движенія для автора представляется подавляющей все остальное. Несмотря на это трудъ Лефрансэ весьма поучителенъ и оставляетъ большое впечатлѣніе. Это не значитъ также, что авторъ не былъ соціалистомъ. Онъ былъ соціалистомъ и даже однимъ изъ наиболѣе сознательныхъ соціалистовъ того времени; но при этомъ онъ страдалъ либеральной или либеральствующей маніей. Онъ требовалъ свободы *въ теченіе* борьбы, тогда какъ она могла явиться только *въ результатѣ* ея.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

примѣромъ. Заключенный въ своихъ стѣнахъ, замаринованный въ своей автономіи Парижъ не долженъ прямо и непосредственно заниматься освобожденіемъ другихъ коммунъ страны. Онъ готовъ, и этимъ однимъ и ограничивается его участіе, заключить союзъ съ тѣми коммунами, которыя пришлютъ ему на это свое согласіе. Лефрансэ указываетъ, что значительное большинство высказалось противъ его проекта. „Его нашли черезчуръ блѣднымъ"—говоритъ онъ. Фактически-же онъ и его сотрудники, вполнѣ поглощенные своей мыслью о немедленномъ установленіи режима безграничной автономіи, повидимому, даже и не задумывались надъ тѣмъ, что всего за двадцать километровъ отъ мѣста ихъ засѣданія безпощадный врагъ подстерегаетъ ихъ и оттачиваетъ свой кинжалъ.

Коммуна одобрила второй проектъ, представленный новою комиссіей, составленной изъ Паскаля Груссе, Прото, Тридона и Вальяна. Этотъ проектъ стоялъ на централистической точкѣ зрѣнія, и въ немъ неизбѣжность борьбы съ Версалемъ, не только за признаніе коммунальныхъ свободъ, но и за спасеніе и развитіе республики, вытекала изъ данныхъ существовавшаго положенія, представленнаго въ его настоящемъ видѣ.

VII. Затрудненія.

Изъ протоколовъ, которые мы и привели главнымъ образомъ съ этой цѣлью, ясно обнаруживается, что въ Коммунѣ, начиная съ 28-го и 29-го марта, когда удалились буржуазные представители, существовали два теченія, два направленія и что одно изъ нихъ—централистическое, стремившееся къ сильной власти,—располагало большинствомъ. Это подтверждается многочисленными доказательствами. Приведемъ только нѣкоторыя изъ нихъ, хотя ихъ можно бы привести сколько угодно, начиная съ холоднаго пріема, который встрѣтила рѣчь предсѣдателя, старшаго по возрасту Беслэя *), благодаря приторному оттѣнку федерализма, которымъ окрашивалась его привѣтственная рѣчь, вытекавшая изъ того-же источника, что и прокламація Лефрансэ, и кончая рѣшеніемъ Коммуны, когда она, послѣ уступки, продолжавшейся сутки, вновь окрестила свой оффиціальный органъ прежнимъ именемъ Journal Officiel de la Republique Française, отвергнувъ, какъ измѣну, названіе Journal officiel de la Commune de Paris **), на которомъ настаивали нѣкоторые автономисты.

Какъ-же могло случиться, что большинство не импонировало, что оно не увлекло, не подчинило меньшинство и не представляло власть въ полномъ значеніи этого слова? Конечно, это случилось въ силу причинъ, лежавшихъ внѣ его,

*) Рѣчь Беслэя произнесена была въ послѣобѣденномъ засѣданіи 29-го марта. Большинство историковъ Коммуны отвосятъ впрочемъ эту рѣчь, къ засѣданію 28-го, а нѣкоторые изъ нихъ даже подчеркиваютъ, что именно эта рѣчь подала Тирару одинъ изъ поводовъ къ удаленію.

**) Номеръ съ коммуналистическимъ заглавіемъ вышелъ 30-го марта. Заглавіе его было *Journal Officiel de la Commune de Paris* годъ I, № 1. 31-го марта старое заглавіе было возстановлено. Номеръ, появившіися въ этотъ день, озаглавленъ: *Journal Officiel de la Republique Française*, № 90, годъ III.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

и которыя вскрываетъ или въ будущемъ вскроетъ простой взглядъ на событія; но при этомъ дѣйствовали и внутреннія причины, которыхъ могло-бы и не быть или же онѣ могли-бы проявляться менѣе рѣзко.

Дѣйствительно, если у меньшинства были свои слабости и недостатки, то и у большинства были свои, не менѣе кричащіе и не менѣе пагубные. Среди членовъ большинства изъ наиболѣе извѣстныхъ, тѣ, которые являлись дѣятелями 48 г., черезчуръ вѣрили въ силу традицій и въ возможность оживленія прошлаго. Чтобы быть непобѣдимыми, имъ казалось достаточнымъ задрапироваться въ наслѣдственные доспѣхи 93 г. Они принадлежали не къ своему вѣку, а къ вѣку минувшему. Они совершенно не вѣдали, что буквоѣдство убиваетъ, и что оживляетъ только одинъ духъ, и не сознавали, что, главнымъ образомъ, даже и для революціоннаго дѣла въ новыя времена необходимы новыя, подходящія средства.

Другіе, болѣе молодые, были въ значительной степени сторонниками насильственныхъ мѣръ, но они не обладали послѣдовательностью; часто они являлись чистыми декламаторами, играющими въ инсуррекцію, какъ они играли бы и въ войну въ предшествовавшіе мѣсяцы, постоянно съ формулами на устахъ и чувствомъ удовлетворенія ими. Революціонизмъ тѣхъ и другихъ былъ только внѣшній, поверхностный и даже у лучшихъ изъ нихъ только въ намѣреніи. Они, конечно, чувствовали пользу сильной централизованной власти. Къ этой централизаціи относились съ щепетильнымъ вниманіемъ, по крайней мѣрѣ, въ теоріи тѣ изъ нихъ, которые обладали кое какимъ литературнымъ образованіемъ; но практика имъ не улыбалась, въ этомъ отношеніи они были скудно надѣлены и не увлекались ею. Наконецъ,—и это являлось еще однимъ тягостнымъ и прискорбнымъ ихъ свойствомъ—нѣкоторые изъ нихъ, изъ числа тѣхъ именно, кого прошлая борьба, дѣятельность и продолжительныя преслѣдованія увѣнчали ореоломъ, не были соціалистами, или не были ими вполнѣ. Они служили дѣлу, которое въ своей основѣ не было ихъ дѣломъ, которое не отвѣчало ихъ симпатіямъ и ихъ тайнымъ помысламъ, „многіе принципы котораго, какъ говоритъ Артуръ Арну,“ имѣя въ виду Делеклюза, противорѣчили, даже опровергали нѣкоторыя изъ самыхъ дорогихъ имъ убѣжденій.“ Такимъ образомъ диктаторскій механизмъ, который они мечтали воздвигнуть, могъ въ результатѣ всего этого функціонировать въ ихъ рукахъ лишь въ пустую и толочь лишь воду въ ступѣ. Конечно, если бы движеніе могло укрѣпиться и продолжилось болѣе долгое время, оно быстро перегнало-бы эти элементы и выкинуло-бы ихъ за бортъ.

Вотъ вкратцѣ тѣ внутреннія причины, о которыхъ мы только что упоминали и которыя парализовали большинство, а рефлекторно и всю Коммуну. Несомнѣнно, онѣ давили на вѣсы. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ давили менѣе, чѣмъ внѣшнія причины общаго характера, которыя оказали-бы свое суровое дѣйствіе при всякомъ составѣ Коммуны, каковы-бы не были техническія способности ея членовъ и какъ-бы тѣсно послѣдніе ни были взаимно связаны.

Теперь намъ и предстоитъ познакомиться съ этими причинами. Мы видимъ ихъ въ томъ состояніи полнаго и все увеличивающагося разстройства, въ которомъ находились въ этотъ моментъ всѣ общественныя службы, разстройства, дошедшаго до такой степени, что во всякую минуту матеріальная жизнь великаго го-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

рода рисковала пріостановиться и порядокъ ея непоправимо нарушиться. Версальскими махинаціями весь административный и муниципальный механизмъ былъ испорченъ, а слѣдовательно и обезпечиваемыя имъ жизненныя функціи: службы продовольственныя, сообщенія, боенъ, гигіеническія, благотворительныя; всѣ онѣ были оставлены на волю судьбы и съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе глубоко нарушалось ихъ функціонированіе, которое, болѣе чѣмъ какое-либо другое, должно-бы оставаться правильнымъ и автоматичнымъ. Планъ Тьера, этого неразборчиваго пройдохи, состоялъ въ томъ, чтобы вогнать Парижъ въ голодъ, въ разореніе, довести его до безумія и свалить, лишивъ его условій, необходимыхъ для движенія и существованія всякой большой человѣческой коллективности.

Это была всеобщая забастовка чиновниковъ, безъ предварительнаго объявленія ея, и такого-же рода саботажъ, но навыворотъ, примѣненные буржуазіей противъ народа, реакціей противъ революціи. Представьте въ этихъ сложныхъ условіяхъ себѣ Коммуну, состоящей изъ элементовъ въ десять разъ болѣе согласныхъ, въ десять разъ болѣе сознательно понимавшихъ намѣченныя цѣли и необходимыя для достиженія ихъ средства, и положеніе всетаки благодаря этому не улучшилось-бы: на ея пути возникли-бы такія-же трудныя и непреодолимыя препятствія.

Говорили, что Коммуна располагала громадными средствами, которыми не пользовалось ни одно изъ возстаній, бывшихъ до нея; это вѣрно. Коммуну защищала крѣпость, будто-бы неприступная; она владѣла пушками, ружьями, военными запасами въ изобиліи, въ ея распоряженіи находились тысячи рѣшительныхъ и воодушевленныхъ защитниковъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ она была богата, потому что имѣла и получила, независимо отъ другихъ источниковъ доходовъ, неограниченный кредитъ въ Французскомъ Банкѣ. Чего-же ей еще не хватало? Того, на что мы укажемъ и что, можетъ быть, покажется ничтожнымъ и второстепеннымъ, но что являлось, между тѣмъ, главнымъ, потому что при его отсутствіи всѣ средства, какъ бы драгоцѣнны и внушительны они сами по себѣ ни были, оставались безполезными и не могли быть использованы. Ей недоставало преданнаго и умѣлаго персонала, чтобы пустить въ дѣло тѣ живыя силы, которыя въ изобиліи находились вокругъ нея: ей недоставало органовъ управленія и контроля, которые безусловно необходимы, чтобы управлять движеніемъ, передавать импульсъ и директивы, организовать и дисциплинировать революціонный порывъ въ цѣляхъ революціонной битвы. Въ этомъ и кроется тайна слабости Коммуны и ея безсилія, а въ результатѣ и причина ея пораженія.

Разсмотрите приведенные нами протоколы засѣданій въ Ратушѣ, а также и дальнѣйшіе, и васъ поразитъ слѣдующее обстоятельство: постоянный приходъ и уходъ делегацій, совершающіися во время засѣданій; пріемъ Коммуной делегацій отъ различныхъ служащихъ, отправка Коммуной делегацій къ тѣмъ-же самымъ служащимъ.

29-го марта, во время вечерняго засѣданія, въ качествѣ парламентеровъ въ Ратушу явились делегаты служащихъ въ октроа. Въ засѣданіи 30-го марта (послѣ обѣда) делегированъ былъ на Почту Тейсъ, а Беслэй—въ Банкъ. Въ тотъ же день, въ ночномъ засѣданіи, Мортьэ и Бильоре получаютъ порученіе захватить кассу хлѣбопекаренъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Такого рода инциденты, какъ напримѣръ появленіе служащихъ въ октроа для торжественнаго заявленія о ихъ преданности Коммунѣ, доказываютъ, что другіе служащіе повиновались внушеніямъ, исходившимъ изъ Версаля, что они покидали свои посты, и что неповиновеніе распространилось повсюду. Во второмъ засѣданіи 30-го марта Журдъ такъ резюмировалъ положеніе дѣла: „Всѣ суммы, взысканныя различными службами въ Парижѣ, отправлены въ Версаль. Если промедлить принятіемъ рѣшительныхъ мѣръ, то завтра-же всѣ службы окажутся дезорганизованными".

Этотъ пунктъ заслуживалъ самого строгаго вниманія. Въ сравненіи съ нимъ все остальное являлось пустяками: всѣ эти попытки мэровъ, довѣрившихъ бѣлои оффиціальной бумагѣ свои чувства злобы и ненависти, не встрѣчавшія отклика въ окружающихъ; всѣ эти прямые или скрытные происки Центральнаго Комитета, который пробуетъ по кусочкамъ возвратить власть, досадуя на себя за то, что такъ скоро и такъ всецѣло разстался съ нею.

Если-бы Коммунѣ удалось организовать власть, правительство, предписанія котораго передавались-бы и исполнялись, она могла-бы продолжать свое существованіе, она укрѣпилась-бы; она легко подавила-бы всякое сопротивленіе внутри стѣнъ, указала-бы каждому его мѣсто, вернула-бы каждаго къ его роли и въ первую голову Центральный Комитетъ національной гвардіи. Оппозиція и значеніе этого Комитета въ отношеніи даже той Коммуны, какой она являлась въ дѣйствительности, очень сильно преувеличены. Эта опозиція только-только что мутила поверхность воды, она взбаломутила только нѣкоторыя засѣданія, въ особенности-же первыя, когда делегаты Комитета, еще занимавшаго Ратушу, пытались оспаривать у избранныхъ представителей Парижа клочки прежняго вліянія. Въ сущности, эта опозиція никогда не приводила къ серіознымъ послѣдствіямъ. Самое большее, что можно сказать, это, что впослѣдствіи Совѣты легіоновъ, представлявшіе собой Центральный Комитетъ въ каждомъ округѣ, способствовали замедленію столь необходимой концентраціи всѣхъ военныхъ властей въ рукахъ военнаго делегата Коммуны. Во всякомъ случаѣ, еслибы Центральный Комитетъ встрѣтился съ такой Коммуной, которая была-бы приспособлена къ веденію дѣлъ и къ руководительству ими, онъ немедленно отбросилъ-бы всякую попытку соперничать и подчинился-бы; онъ распустилъ-бы себя, что было-бы самое лучшее, или-же ограничился-бы своими спеціальными функціями „великаго семейнаго совѣта", какъ любили называть его рѣчистые ораторы.

Но этотъ настоятельно необходимый трудъ передѣлки и возстановленія, тяжелый во всякое время, являлся невозможнымъ при тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ дѣйствовала Коммуна.

Изо дня въ день понукаемая настоятельными потребностями, Коммуна должна была реорганизовывать всякаго рода общественныи учрежденія: не говоря уже о военной администраціи и наблюденіи за мастерскими и производствомъ военныхъ снаряженій и фабрикаціей и починкой оружія, ей приходилось реорганизовывать большинство общественныхъ учрежденій: косвенные и прямые налоги, таможни, пошлины, государственныя имущества, почту и телеграфъ, деньги, гербовый сборъ и Національную Типографію; кромѣ того службы городскаго хозяйства: администрацію мэрій, октроа, благотворительныи заведенія, образованіе.

Электронный архив библиотеки МГПУ имени А.А. Кулешова

Прибавьте къ этому еще и полицію, потому что какъ-бы тамъ ни было, послѣ всего случившагося нельзя было невозбранно позволять версальскимъ агентамъ конспирировать въ кафе на бульварахъ, въ редакціяхъ газетъ, и даже въ самихъ совѣщаніяхъ Коммуны. Прибавьте еще къ этому судебную администрацію и, такъ какъ Парижъ оставался Парижемъ, надзоръ за музеями и библіотеками, охраненіе и содержаніе всѣхъ художественныхъ и литературныхъ богатствъ, собранныхъ въ столицѣ. Къ довершенію всего, существовала еще болѣе настоятельная забота: Коммуна должна была кормить свой народъ, два милліона людей: ей приходилось обезпечить этому громадному желудку ежедневную пищу при помощи регулярнаго подвоза съѣстныхъ припасовъ; она должна была также выплачивать ежедневно жалованье національной гвардіи—450.000 франковъ; наконецъ, она должна была организовать военную борьбу, за всѣмъ присмотрѣть на укрѣпленіяхъ и на фортахъ, въ госпиталяхъ, въ перевязочныхъ пунктахъ, въ арсеналахъ. Она должна была все видѣть, чтобы все знать, и все создать въ двадцать четыре часа, немедленно, потому что минуты въ то время равнялись годамъ.

Трудъ громадный, колоссальный, способный привести въ отчаяніе самыхъ рѣшительныхъ, самыхъ самонадѣянныхъ людей! Чтобы его взять на себя съ нѣкоторыми шансами на успѣхъ, необходимо было, чтобы Коммуна заранѣе была увѣрена въ полномъ содѣйствіи сотенъ и тысячъ преданныхъ, развитыхъ и способныхъ сторонниковъ. Разсчетъ на этихъ сотрудниковъ не оправдался, когда дѣло дошло до дѣйствія. Правда, въ распоряженіи Коммуны имѣлся значительный контингентъ прежнихъ мелкихъ служащихъ, которые, несмотря на настоятельныя требованія и угрозы Тьера, не покинули постовъ, ввѣренныхъ ихъ заботамъ. Это были служащіе октроа, которые, какъ мы видѣли, явились 29-го марта въ Ратушу; почтовые чиновники и ихъ помощники, въ которыхъ Тейсъ, замѣститель Рампона, нашелъ дѣятельныхъ и ревностныхъ сотрудниковъ; низшіе служащіе въ мэріяхъ, которыхъ члены Коммуны, ставшіе администраторами въ своихъ округахъ, нашли готовыми помогать имъ съ примѣрнымъ усердіемъ; эти и многіе другіе изъ числа честныхъ и скромныхъ тружениковъ различныхъ національныхъ и муниципальныхъ учрежденій рѣшительно отказались повиноваться первому приказу Собранія деревенщиковъ, которое, потерявъ всякій стыдъ, предписывало имъ пересылать регулярно въ Версаль всякаго рода поступленія, принятыя ими въ кассахъ Парижа. Они не подчинились также и второму указу, подписанному министромъ внутреннихъ дѣлъ Пикаромъ, которымъ имъ повелѣвалось прибыть въ Версаль, подъ страхомъ отставки и лишенія правъ на пенсію, и гарантировалась въ случаѣ ихъ послушанія уплата всего жалованья „до возстановленія порядка“. „Синица въ рукахъ лучше журавля въ небѣ“—говорили себѣ многіе изъ этихъ людей, желавшихъ ѣсть свой хлѣбъ тамъ, гдѣ были ихъ жены и дѣти и вся семья, и кромѣ того, въ качествѣ парижанъ и людей изъ народа, не боявшихся оставаться на сторонѣ Парижа и народа.

Все это составляло 20—25.000 вѣрныхъ, сочувствующихъ агентовъ, цифра несомнѣнно внушительная, но фактически имѣвшая цѣнность лишь постольку поскольку рядомъ съ нею и надъ нею имѣлся-бы еще второй неизбѣжный элементъ, необходимый, чтобы пустить въ ходъ и координировать дѣятельность низшихъ агентовъ, сплотить ихъ кадры и руководить ими. Этотъ-то

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

второй элементъ и эмигрировалъ въ первые-же часы, и до самого конца его именно и недоставало Коммунѣ.

Версальская реакція знала, что всякая коллективность, военная или гражданская безразлично, не можетъ обходиться безъ кадровъ, какой-бы преданностью и опытностью она ни отличалась, что, разъ эти кадры разбиты или просто разъединены, эта коллективность фатально, несмотря на всю свою добрую волю, обращается въ безтолочь, дѣлается неспособной исполнять свое назначеніе. Реакція знала также, что для приведенія механизма въ негодное состояніе не надо въ большинствѣ случаевъ портить самую машину, а достаточно лишь обрѣзать ремни и шкивы передачъ, соединяющихъ ее съ моторомъ. Въ теченіи послѣдней недѣли марта версальскіе правители употребляли всѣ свои усилія для достиженія этой именно цѣли: разрознить административные кадры, сманить начальствующихъ отдѣльными отраслями, и надо признать, что они достигли полнаго успѣха. По истеченіи недѣли въ Парижѣ не осталось и слѣдовъ той средней бюрократіи,—промежуточнаго звена между высшимъ управленіемъ и агентами непосредственнаго исполненія, необходимаго переводчика,—которая всегда будетъ необходима, пока будутъ существовать администрація, правительство, государство, и которая и для Коммуны была также необходима, какъ и для всякой иной власти. Выдрессированная восемнадцатью годами имперіи и пріученная къ пассивному повиновенію и къ отвращенію къ массамъ, эта бюрократія повиновалась, какъ какая-нибудь стая лягавыхъ собакъ, свистку Тьера и, ограбивъ общественныя кассы, которыми завѣдывала—на это былъ данъ особый приказъ,—устремилась съ поражающей поспѣшностью въ Версаль. Можно думать, что въ этомъ бѣгствѣ было лишь полъ-бѣды, такъ какъ очень вѣроятно предположеніе, что въ случаѣ, если-бы эти бѣглецы остались на мѣстѣ, они всѣ сдѣлались-бы измѣнниками. Конечно, въ ихъ бѣгствѣ не было-бы ни малѣйшаго несчастья, даже наоборотъ, если-бы въ Коммунѣ удалось безъ промедленія найти имъ замѣстителей, но замѣстителей-то этихъ она и не нашла. Буржуазные и образованные классы, вообще склонные занимать мѣста, такъ умѣло всегда расписывающіеся въ полученіи бюджетныхъ ассигновокъ, держались въ этотъ моментъ странно выжидающе и осторожно Нѣкоторые молодые люди изъ общества, правда, предложили было свои услуги въ теченіе первыхъ дней, но уже весьма скоро они скрылись съ горизонта, прекратили просьбы о мѣстахъ, даже не показывались.

Дѣло въ томъ, что Коммуна надѣялась и желала быть дешевымъ порядкомъ управленія. Она не сулила золотыхъ горъ тому, кто считалъ за честь носить ея мундиръ. 500 фр. были высшимъ вознагражденіемъ, которое она соглашалась выдавать своимъ сотрудникамъ, и этотъ максимумъ она назначала очень скупо. Ея члены не получали лично за свой счетъ болѣе 15 франковъ въ день, а всякое совмѣстительство при этомъ строго запрещалось. Съ другой стороны юные буржуа, явившіеся побродить около 29-го марта въ кулуарахъ Ратуши, не замедлили убѣдиться, что у новаго правительства иной запахъ, чѣмъ у его предшественниковъ: они обоняли народъ, рабочій классъ, чувствовали запахъ, оскорбительный для деликатныхъ носовъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Неужели подобный режимъ долговѣченъ? Сомнѣніе было возможно и, какъ результатъ его, благоразуміе совѣтовало не садиться на его галеру—на каторжную галеру, какъ это уже предвидѣли трусливые или наиболѣе дальнозоркіе люди.

Вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ Коммунѣ не доставало также, въ равной, если еще не въ большей степени, и высшаго персонала руководителей, того элемента, который по своему существу служитъ профессіональною связью между центральной властью и различными службами, сообщаетъ этимъ службамъ импульсъ и наблюдаетъ, чтобы единичныя усилія всѣхъ составныхъ отдѣльныхъ частей согласовались съ намѣченною правительствомъ цѣлью. Этотъ персоналъ Коммуна могла получить, и то только частично, направляя собственныхъ своихъ членовъ, взятыхъ притомъ изъ числа наиболѣе приспособленныхъ и лучшихъ элементовъ, на такіе посты, которые до извѣстной степени не могли быть совмѣщаемы съ ихъ мандатами избранныхъ представителей въ Коммунѣ; и такимъ образомъ эти своеобразные совмѣстители новаго сорта, вынуждены были заниматься спеціальными дѣлами, были прикрѣплены къ нимъ и благодаря этому были ограничены въ своей дѣятельности и не могли такъ всецѣло, какъ это слѣдовало-бы, заниматься политическими дѣлами, которыя прежде всего и лежали на ихъ обязанности. Напримѣръ Варленъ, командированный въ интендантство, Тейсъ—на почту, Беслэй—въ Банкъ.

Все это въ своей совокупности означало, что Коммуна, противъ которой заключили заговоръ какъ-бы сами событія и несомнѣнно люди, попала въ безвыходное положеніе, и что ей ни къ чему не могло послужить то обстоятельство, что за нею стояли 200.000 избирателей и 100.000 штыковъ; она не могла располагать этими силами, не могла распредѣлить и организовать ихъ, хотя и предвидѣла въ перспективѣ тѣ тяжелыя испытанія, которыя явно надвигались. Это только что избранное, только что родившееся новое правительство кажется изолированнымъ, безъ связей, отрѣзаннымъ отъ всякаго сношенія съ окружающимъ міромъ, даже съ міромъ друзей и приверженцевъ. Обычные способы управленія и дѣйствія, привычные и традиціонные оказались въ отсутствіи, и у Коммуны не было ни времени, ни матеріала, въ особенности же матеріала, чтобы выработать себѣ болѣе подходящіе другіе способы. Республиканская высшая и средняя буржуазія, которая могла-бы снабдить Коммуну этимъ матеріаломъ, проявляетъ уклончивость и отказывается; она мало заинтересована въ томъ, чтобы совмѣстно работать въ такомъ дѣлѣ, которое, какъ она сознаетъ, не является ея собственнымъ, и участвовать этимъ какъ бы и въ его послѣдствіяхъ, въ противорѣчіе съ собственными узкими и эгоистическими убѣжденіями. Что-же касается пролетаріата, то онъ еще недостаточно образованъ и сформированъ, онъ еще черезчуръ во власти невѣжества и безсознательности, чтобы могъ снабдить правительство, хотя и вышедшее изъ него и съ которымъ онъ чувствуетъ общность мысли и намѣреній, способными административными силами, технически умѣлыми и образованными энергичными людьми, въ которыхъ это правительство нуждается, которыхъ оно вызываетъ, которые нужны ему настоятельно и прежде всего.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Въ это время рабочіе находились еще въ первоначальномъ періодѣ того движенія, которое должно ихъ привести и приведетъ къ полному освобожденію. Пролетарская идея, какъ уже созрѣвшая, возмужалая и вполнѣ сознанная выражалась въ это время на трибунѣ, въ клубахъ, въ судахъ, куда ее таскала буржуазная юстиція, а также въ газетахъ, въ брошюрахъ и въ книгахъ. Надъ ней задумывались, потому что ее уже ранѣе высказывали Сенъ-Симонъ и Фурье, Бланки, Прудонъ и Карлъ Марксъ. Ее продумывали. Но этимъ пока все и ограничивалось и дальше не шло; она остается еще только словомъ; она еще не стала дорогой идеей, т. е. воспитательнымъ факторомъ. Парижскій рабочій классъ,—а еще менѣе по понятнымъ причинамъ провинціальный—въ это время только-только еще начинаетъ кое гдѣ создавать изъ своей среды автономные организмы: онъ осуществитъ эту идею сначала въ туманной ея формѣ, а затѣмъ, стремясь упрочить функціи производства и распредѣленія богатствъ, примѣненіемъ новаго способа, соотвѣтствующаго процессу общей эволюціи, онъ станетъ прогрессивно лишать всякаго смысла конкуррирующія учрежденія враждебнаго класса и реализовать элементы будущаго общества. Пусть Интернаціоналъ и его извѣстность, созданная ему его хулителями, не вводятъ насъ въ заблужденіе: въ эти годы, въ частности въ 70 г., существовали только абрисы будущихъ пролетарскихъ учрежденій: нѣсколько обществъ сопротивленія, нѣсколько синдикальныхъ палатъ, набросковъ будущихъ крупныхъ корпоративныхъ Федерацій нашихъ и будущихъ дней, нѣсколько «Marmittes“, зачатковъ блестящаго расцвѣта коопераціи на коммунистической основѣ, того, что даже и въ наше время только еще начинаетъ осуществляться. Не имѣя учрежденій, рабочій класъ не имѣлъ и готоваго персонала и не въ состояніи былъ предложить того, чѣмъ самъ еще не располагалъ. Онъ отдалъ Коммунѣ все, что онъ имѣлъ: руку, способную держать ружье и стрѣлять изъ него, глазъ для прицѣла; свою кровь, свою жизнь: болѣе этого онъ ничего дать не могъ.

Такимъ образомъ, мы пришли къ двойному и притомъ горькому выводу: революція, пользуясь прежними способами, не могла быть плодотворной, потому что буржуазія, остававшаяся благодаря своимъ способностямъ существеннымъ факторомъ движенія, отказывалась встать во главѣ его и завоевать еще новый этапъ: революція-же, которая воспользовалась-бы новыми способами, еще не была возможна, потому что пролетаріатъ, который долженъ былъ явиться ея реализаторомъ и дѣятелемъ, только впослѣдствіи научится лить и ковать то усовершенствованное оружіе, которое необходимо для его борьбы.

Вотъ, по нашему мнѣнію, то истинное препятствіе, на которое натолкнулась Коммуна, препятствіе, которое она не могла ни обойти, ни осилить.

Въ началѣ этого очерка, если читатель помнитъ, мы говорили, что Коммуна запоздала на шесть мѣсяцевъ и возникла тогда, когда подходящій моментъ уже миновалъ. Теперь яснѣе видно, почему мы утверждали это. Это потому, что за полгода до этого, въ сентябрѣ или октябрѣ 70 г., Коммуна не встрѣтила-бы тѣхъ затрудненій, подъ давленіемъ которыхъ она изнемогала въ мартѣ 71 г., тѣхъ препятствій, которыя мы старались показать и отмѣтить на предыдущихъ страницахъ. Въ періодъ обложенія Парижа пруссаками обстоятель-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ства являлись, конечно, болѣе трагичными для всякаго правительства; но они были вмѣстѣ съ тѣмъ менѣе опасными. Владѣя Ратушей, революціонная Коммуна внушила-бы къ себѣ уваженіе. За нее говорило-бы не только единство мысли и дѣйствія, недостававшее выбранной Коммунѣ, но она располагала бы также всѣми обыкновенными и экстраординарными средствами, чтобы заставить себя слушать, слѣдовать за собою, служить себѣ. Она пользовалась-бы властью, такой-же неоспоримой, какою была власть людей 4-го сентября. Она наложила-бы свою руку, смѣлую руку на неповрежденный еще административный механизмъ, ни одно колесо котораго не могло быть ни вынуто, ни испорчено.

Капитанъ корабля во время бури, за тысячу миль отъ береговъ, между грохочущимъ небомъ и взбаломученнымъ моремъ, является на палубѣ единымъ „владыкою послѣ Бога.“ Парижъ былъ такое судно, разбитое германскимъ валомъ, невидѣвшее подъ дождемъ ядеръ и бомбъ ничего, кромѣ все увеличивающагося потока, разливавшагося съ востока и съ сѣвера и уже затопившаго вокругъ него на сто и на двѣсти километровъ французскую территорію. Противъ капитана корабля—„Парижъ“, назывался-ли онъ Коммуной или какъ нибудь иначе, во время этого шторма кто-же изъ экипажа былъ-бы настолько дерзко-смѣлымъ, чтобы рѣшиться возстать? Какое могло быть для этого негодяя или для этого смѣльчака прибѣжище, гдѣ была его доска спасенія, его пристань, его Версаль, гдѣ заплатили-бы за дезертирство и измѣну? Никто, несомнѣнно, не уклонился бы отъ исполненія предписаній, ни среди гражданскихъ, ни среди военныхъ лицъ. Начиная съ прикащика и кончая директоромъ, отъ адъютанта и до генерала—всякій-бы подчинился и оставался-бы на своемъ посту и на своей должности. И если-бы Коммуна съумѣла оживить экипажъ корабля, т. е. борцовъ осажденной столицы, горячимъ воодушевленіемъ сопротивленія до послѣдней капли крови, если бы ей удалось придать защитѣ могучій импульсъ, который превратилъ-бы ее въ нападающаго мстителя, она повелѣвала бы всѣмъ—событіями и людьми.

Она явилась-бы правительствомъ вооруженнаго народа, вставшаго противъ нападающаго прусскаго капитализма крестовымъ походомъ національной независимости подъ знаменемъ республики. Ничто не могло воспрепятствовать ей въ этомъ случаѣ кроить, не стѣсняясь, все, что угодно, пойти, по своему желанію и намѣренію, по пути глубокихъ и безвозвратныхъ соціальныхъ преобразованій и установленія режима все уравнивающаго демократизма. Коммуна, т. е. партія революціи, имѣла бы на рукахъ, какъ и въ 1793 г., всѣхъ главныхъ и рѣшающихъ игру козырей въ войнѣ противъ завоевателей; и изъ этой войны, благодаря безусловной концентраціи власти, подавившей всѣ внутреннія сопротивленія и подчинившей себѣ всѣ честолюбивыя энергіи, на почвѣ побѣды націи надъ чужеземцемъ выросла-бы побѣда Будущаго надъ Прошлымъ.

Но довольно говорить о Коммунѣ, которая не осуществилась; вернемся къ Коммунѣ, которая существовала, которая билась въ пустомъ пространствѣ и тратила свои силы въ безполезныхъ и безнадежныхъ усиліяхъ, участвовать въ которыхъ буржуазія отказалась, а пролетаріатъ не могъ сдѣлать ничего иного, какъ умереть.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Учреждая многочисленныя комиссіи, названія и составъ которыхъ упомянуты выше въ протоколахъ вечерняго засѣданія 29-го марта, Коммуна пыталась выбраться изъ хаоса, въ который, какъ она чувствовала, погружалась; она пыталась ввести нѣкоторый порядокъ во всеобщее разстройство и какую нибудь власть въ разныя сферы жизни—матеріальной, интеллектуальной и духовной—громаднаго Парижа, оставленнаго ей Тьеромъ, какъ тяжелое бремя. Мирныя дѣла, дѣла военныя, муниципальныя и національныя службы—она все взяла на себя. Это было единственнымъ исходомъ, потому что она была одинока.

Одной изъ этихъ комиссій, постоянной Исполнительной Комиссіи, поручена была главная и особенно неблагодарная роль объединенія всѣхъ отдѣльныхъ функцій и исполненія всѣхъ декретовъ и рѣшеній Собранія. Такимъ образомъ, Исполнительная Комиссія являлась настоящимъ правительствомъ Коммуны, и въ ней, скорѣе, чѣмъ гдѣ бы то ни было, и яснѣе всего обнаруживались опасности и затрудненія положенія, обнажалась та ужасающая изолированность, о которой мы уже говорили. Члены Исполнительной Комиссіи сознавали необходимость въ напряженіи всѣхъ пружинъ механизма до крайней степени, но они убѣждались, что пружины эти искривлены, испорчены, сломаны и что передъ ними только груда лома, негоднаго къ употребленію. Они принимали рѣшенія, отдавали приказанія, но вокругъ нихъ никого не было, кто бы передалъ на периферію и исполнилъ эти рѣшенія. Необходимо было быть въ курсѣ всѣхъ дѣлъ, а они ничего не знали. Они не получали никакихъ серіозныхъ, точныхъ и подробныхъ извѣщеній. Они судили на основаніи возможностей, создавали планы, руководясь росказнями. Никогда не являлось большей необходимости въ руководительствѣ, они сознавали и желали этого, и никогда это не было такъ мало исполнимо. Очутившись въ положеніи мэтръ-Жака революціи, имъ приходилось быть одновременно и диктаторами и жандармами; такимъ былъ, напримѣръ, Тридонъ, который собственноручно долженъ былъ схватить военнаго делегата Клюзерэ, котораго онъ и Вальянъ рѣшили арестовать. Короче, они бродили въ густомъ туманѣ, ощупью отыскивая путь и не зная: встрѣчали-ли они на этомъ неизвѣстномъ пути друга или врага, товарища по борьбѣ или измѣнника, коммунара, какъ и они сами, или версальскаго агента.

Какъ ни безнадежна, впрочемъ, была начатая партія, но она была начата и ее надо было разыграть. Казалась-ли ставка уже заранѣе проигранной, или нѣтъ,—а этой ставкой была не болѣе и не менѣе какъ свобода и жизнь цѣлаго народа,—но отсрочить игру было невозможно. Къ тому-же иллюзіи такъ заразительны въ воодушевленіи дѣйствіемъ и въ пылу битвы, что самые свѣтлые умы, соприкасаясь съ возбужденной толпою, теряютъ ясность пониманія, сами обезумѣваютъ и начинаютъ лелѣять себя надеждами вопреки всякой очевидности. Такъ, въ средѣ лицъ, окружавшихъ Коммуну и ея Исполнительную Комиссію, никто не сомнѣвался въ побѣдѣ; замѣчалось единодушное убѣжденіе, что Версаль будетъ раздавленъ, если онъ начнетъ враждебныя дѣйствія, что регулярная армія не будетъ въ состояніи сопротивляться натиску національной гвардіи, что армія разбѣжится, подниметъ ружья прикладами вверхъ.

Въ Парижѣ, какъ мы уже сказали, не все населеніе активно симпатизировало Коммунѣ: средній классъ уже занялъ равнодушно выжидательное поло-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

женіе, но во всякомъ случаѣ, даже въ рядахъ буржуазіи въ эти послѣдніе дни марта и въ первые дни апрѣля не было никого, кто бы держалъ сторону Тьера и его банды. Правительство деревенщины заслужило всеобщую ненависть, презрѣніе и плевки. Чтобы вполнѣ убѣдиться въ этомъ, достаточно пробѣжать, не говоря уже о газетахъ явно поддерживавшихъ дѣло революціи, тѣ 15 или 20 политическихъ газетъ всѣхъ направленій, которыя выходили въ эту эпоху въ столицѣ. Органы крайней правой молчали, остальные-же оффиціальные выразители буржуазныхъ интересовъ, держались по меньшей мѣрѣ безпартійнаго и объективнаго направленія, доказывая этимъ, что ихъ читатели были настроены выжидательно и не потерпѣли-бы одобренія дѣла реакціи, которое, начавшись въ Бордосскомъ Собраніи, продолжалось въ Версалѣ.

Наоборотъ, первые шаги Коммуны встрѣчены были даже скорѣе сочувственно, не только въ пролетарской средѣ, но и въ слояхъ промежуточныхъ: торговцами, лавочниками, басонщиками, которыхъ было также много, какъ и теперь, даже, пожалуй, больше.

Прокламація, съ которой Коммуна обратилась къ населенію, понравилась. Она написана была живо, политично, безъ выраженія какихъ либо теорій, безъ высокопарнаго нагроможденія принциповъ и доктринъ. Она представляла факты въ истинномъ ихъ значеніи и скромно указывала на принятыя уже и на намѣченныя въ будущемъ мѣры для облегченія наиболѣе жгучихъ бѣдствій, отъ которыхъ страдало все населеніе, на такія мѣры, которыя не лицепріятствовали ни отдѣльному классу, ни отдѣльнымъ личностямъ. Что эти мѣры должны были особенно благотворно повліять на бѣднѣйшую часть населенія, на пролетаріевъ, живущихъ на заработную плату, въ этомъ не было никакого сомнѣнія. Однако, и другимъ соціальнымъ категоріямъ: мелкимъ рантье, мелкимъ хозяевамъ, служащимъ, торговцамъ эти мѣры тоже были выгодны. А уже черезъ сорокъ восемь часовъ послѣ этого, подкрѣпляя обѣщанное и переводя эту прокламацію на языкъ актовъ, появились и декреты.

Декреты эти касались вопросовъ момента, бѣдствій, разгрома, раззоренія и нищеты, вызванныхъ войной и осадой. Они имѣли въ виду разрѣшить безотлагательные вопросы, парижскіе вопросы, которые разрублены были Національнымъ Собраніемъ въ ущербъ Парижу, но которые въ силу здравой политики и строгой справедливости слѣдовало-бы, наоборотъ, разрѣшить въ его пользу. Обнародованы были декреты о квартирахъ, о срокахъ долговыхъ обязательствъ, о національной гвардіи, о ссудныхъ кассахъ.

Относительно квартиръ Національное Собраніе заявило: „Права собственности священны. Квартиронанимателямъ не будетъ прощенъ ни одинъ франкъ, ни одинъ сантимъ“. То есть, чтобы домовладѣлецъ и квартирантъ каждый сполна получили должное имъ, будутъ выгнаны и выброшены на улицу, безъ пощады и всякой отсрочки, всѣ бездѣльники, которые не въ состояніи будутъ исполнить свои обязательства; проданы будутъ ихъ послѣдняя рухлядь и послѣдняя мебель, вплоть до ремесленныхъ инструментовъ включительно.

Коммуна отвѣчала: трудъ прежде всего. Нелогично и несправедливо, если только одни владѣльцы недвижимыхъ имуществъ не пострадаютъ отъ послѣдствій войны. Абсолютная остановка въ торговыхъ сдѣлкахъ и въ дѣлахъ,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

въ періодъ и со времени осады, довели пролетарія до послѣдней крайности, а промышленника и комерсанта до банкротства. Прежде чѣмъ дѣла примутъ нормальный оборотъ, пройдутъ дни и мѣсяцы. Пусть въ этомъ исключительномъ и незаслуженномъ кризисѣ собственность тоже участвуетъ въ общихъ жертвахъ, пусть она тоже несетъ свою долю общаго бремени, которое такъ тяжело давитъ и грозитъ еще долго давить плечи производителя. Въ виду этого Коммуна декретировала: Общая отмѣна для квартиронанимателей уплаты въ сроки платежей октябрьскаго 70 г., январьскаго и апрѣльскаго 71 г.; перечисленіе суммъ, уплаченныхъ квартиронанимателями въ теченіе этихъ девяти мѣсяцевъ, въ уплату за будущіе сроки; отмѣна обязательной силы боновъ по желанію кватиронанимателей на шесть мѣсяцевъ.

Относительно сроковъ платежей Національное Собраніе заявило: пусть погибнетъ парижская торговля, но пусть останется неприкосновеннымъ торговый уставъ, особенно-же пусть не пострадаютъ барыши крупныхъ аукціонныхъ барышниковъ, учитываемыхъ ими при реализаціи катастрофъ; и Національное Собраніе издало законъ, который, по признанію даже одного изъ членовъ Собранія, реакціонера изъ реакціонеровъ, нѣкоего Марціаля Дельпи, давшаго объ этомъ впослѣдствіи *оффиціальное* показаніе на слѣдствіи о причинахъ инсуррекціи 18 марта,—приводилъ „значительную часть парижской торговли къ неизбѣжному банкротству, т. е. къ раззоренію и позору“. Коммуна только 18-го апрѣля постановила окончательное и справедливое рѣшеніе по этому вопросу; но уже съ 1-го апрѣля она отвѣтила деревенщикамъ, заявивъ, что не признаетъ изданнаго ими закона, и считаетъ его какъ-бы несуществующимъ, что необходимо найти рѣшеніе, примиряющее всѣ интересы, и что она обращается съ этой цѣлью къ различнымъ обществамъ, которыя однѣ только и могутъ быть судьями въ этомъ вопросѣ, почему и запрашиваетъ ихъ о ихъ мотивированномъ мнѣніи. Общества эти были: Рабочія Общества и Синдикальныя Палаты Торговли и Промышленности.

Относительно національной гвардіи Національное Собраніе, не проронивъ ни слова, ясно указало своими дѣйствіями и неудавшимся государственнымъ переворотомъ, что великая народная милиція по его мнѣнію отжила свое время, она должна разойтись добровольно, или ее распустятъ силою и что ему, Собранію, очень мало дѣла до этихъ жалкихъ „тридцати су“, до женъ и дѣтей милиціонеровъ; жалованье будетъ прекращено, и работники будутъ дохнуть, какъ мухи, въ ожиданіи наемки на работу, если имъ вообще посчастливится найти ее; и вообще до всего этого ему, Собранію, очень мало дѣла. Коммуна отвѣчала: отмѣна воинскаго набора; національная гвардія является единственной вооруженной силой внутри Парижа; всѣ здоровые граждане считаются въ національной гвардіи; она сохраняетъ жалованье до тѣхъ поръ, пока будетъ продолжаться остановка работъ, пока радикально не измѣнятся общія экономическія условія.

Относительно ссудныхъ кассъ Національное Собраніе тоже ничего не постановило. Что могло оно сказать? Сторонники Собранія были равнодушны къ этой низкой формѣ спекуляціи, гнусной во всѣ времена, но особенно гнусной въ періоды постоянныхъ остановокъ работъ, когда каждая вещь, заложенная

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

семьей рабочаго, съ каждымъ днемъ прогрессивно впадающей въ большія лишенія и нищету, уже заранѣе являлась потерянной. Національное Собраніе, оставаясь вѣрнымъ своимъ принципамъ, должно было сохранить свободное функціонированіе этого печальнаго учрежденія. Коммуна, разсчитывая вскорѣ еще болѣе улучшить дѣло, что дѣйствительно и исполнила, объявила 29-го марта декретъ: „Пунктъ единственный.—Продажа предметовъ, заложенныхъ въ ссудной кассѣ, прекращена",—и этимъ положила конецъ грабежу мошенниковъ, торговцевъ подержанными вещами и торговокъ старьемъ, законно обогащавшихся на пожиткахъ бѣдняковъ изъ бѣдняковъ.

Могло-ли въ виду всего этого парижское населеніе колебаться между Національнымъ Собраніемъ и Коммуной.

Національное Собраніе было врагъ, Коммуна — была другъ.—Коммуна, братская и внимательная, приносила то, въ чемъ Собраніе, чуждое интересамъ и враждебное, отказывало; эта перевязывала раны, а другое только и мечтало, какъ-бы растравить ихъ. Собраніе побѣдитель—это означало не только, что республика окажется въ опасности или даже задушенной, но что и Парижъ попадетъ въ карантинъ, будетъ проклятъ, оскорбленъ и безпощадно униженъ. Наоборотъ, побѣдительница Коммуна—это значило, что республика утвердится, что будущее ея обезпечено, что Парижъ, дыша воздухомъ свободы, быстро возстановится изъ своихъ развалинъ и вновь займетъ свое мѣсто во главѣ страны. Все это было ясно, какъ день, очевидно, какъ сама истина. Такимъ образомъ, въ эти первые дни все парижское населеніе рѣшительно склонялось на сторону Коммуны, за исключеніемъ кучки капиталистовъ и ихъ лакеевъ на жалованьи. Но и эти послѣдніе молчали, они какъ-бы замерли.

Одно новое обстоятельство еще болѣе усилило раздраженіе противъ Собранія деревенщиковъ. Дѣло шло о дезорганизаціи версальскимъ правительствомъ послѣдняго учрежденія смѣшаннаго состава, одновременно и національнаго и муниципальнаго, которое еще функціонировало въ столицѣ,—почты и телеграфа. 30-го апрѣля, директоръ Рампанъ, которому Тьеръ до этого времени разрѣшалъ оставаться на своемъ посту, получилъ предписаніе явиться въ Версаль вмѣстѣ со всѣми его сослуживцами; и онъ, дѣйствительно, уѣхалъ украдкой, увлекая за собою часть своихъ наиболѣе свѣдущихъ подчиненныхъ, и оставивъ остававшимся приказъ воздержаться отъ всякой службы.

Въ результатѣ получилась пассивная забастовка: господа буржуа, когда дѣло дойдетъ до необходимости защищаться, умѣли быть изобрѣтательными и пустить все въ ходъ! Парижъ снова былъ лишенъ сношеній съ провинціей.

Ударъ этотъ почувствовали всѣ жители, но болѣе всего онъ отразился на среднемъ классѣ, такъ какъ подходилъ срокъ апрѣльскихъ разсчетовъ и перерывъ сношеній произошелъ въ тотъ моментъ, когда торговцы и промышленники только что начали оправляться и цѣною тысячи затрудненій пытались возстановить съ провинціей и съ заграницей коммерческіе обороты, прерванные уже въ теченіе семи мѣсяцевъ. Утромъ 31-го марта ни газеты, ни письма не были разнесены адресатамъ. Помимо этого, всѣ почтовыя отдѣленія были наглухо закрыты; почтальоны, обычно разбиравшіе корреспонденцію, бродили по улицамъ безъ своихъ обычныхъ сумокъ. Внезапное прекращеніе

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

функціонированія самого совершеннаго способа сношеній, ставшаго въ силу привычки какъ-бы необходимымъ условіемъ крупныхъ человѣческихъ общежитій, таило въ себѣ что-то зловѣщее и устрашающее, тѣмъ болѣе, что всякій задавалъ себѣ со страхомъ вопросъ, не являлось-ли это прекращеніе только прелюдіей еще большей катастрофы, вторичной осады, напримѣръ, со всѣми ея послѣдствіями—бомбардировкой, раціонами, голодомъ и пр.?

Тотчасъ-же послѣ бѣгства Рампона въ Коммуну явилась делегація торговцевъ. Лефрансэ съ Тейсемъ приняли ее отъ лица Исполнительной Комиссіи. Коммуна, само собою разумѣется, не могла и не желала принять участіе въ попыткѣ обратиться непосредственно къ Собранію деревенщиковъ, но она разрѣшила делегатамъ торговцевъ отправиться въ Версаль и предложить тамъ соглашеніе, на которое она заранѣе давала свое согласіе. По проекту этого соглашенія—почтовой службой, до новаго распоряженія, должны были завѣдывать уполномоченные, выбранные совмѣстно парижскими торговцами и промышленниками. Кромѣ того, должны были быть назначены два контролера, одинъ Національнымъ Собраніемъ, другой Коммуной; послѣдніе должны были наблюдать за поступленіями и дѣлить ихъ пропорціонально установленнымъ правиламъ между обѣими правомочными сторонами: Парижемъ и государствомъ. Въ сущности, это соглашеніе вело къ нейтрализаціи почтовой службы, функціонированіе которой было-бы обезпечено при всякихъ случайностяхъ. Коммуна охотно шла на мировую сдѣлку, благодѣтельную для общихъ интересовъ, но Версаль не послѣдовалъ данному ему примѣру. Тьеръ остался глухъ къ просьбамъ посланцевъ, которыя ему были переданы по телеграфу. Онъ почти грубо отказалъ въ нихъ, не постаравшись даже замаскировать притворной доброжелательностью полное свое пренебреженіе къ нуждамъ столицы, не заботясь о томъ, являлись-ли эти нужды потребностями „низкой черни“ или средняго класса. Послѣ этого Коммунѣ оставалось лишь попытаться самой бороться съ этимъ зломъ, доводя его до возможнаго минимума. Она это и сдѣлала, назначивъ на мѣсто Рампона завѣдующимъ почтамтомъ Тейса. Рабочій Тейсъ выполнилъ порученіе прекрасно: въ теченіе 48 часовъ, съ помощью собраннаго имъ персонала мелкихъ служащихъ, онъ возстановилъ почтовыя функціи внутри города, а частныя агентства взяли на себя обязанность облегчить по мѣрѣ возможности сношенія съ провинціей.

Контрастъ между поведеніемъ двухъ властей, той, которая засѣдала въ центрѣ города, въ революціонной Ратушѣ, и той, которая схоронилась за двадцать километровъ отъ Парижа во дворцѣ старинной абсолютной монархіи, проявился во всякомъ случаѣ настолько рѣзко, что даже самыя лѣнивыя воображенія были этимъ взбудоражены. Въ этотъ моментъ, какъ и 18-го марта, весь Парижъ, можно сказать, чувствовалъ опасность и имѣлъ ясное представленіе о врагѣ, о такомъ врагѣ, котораго недостаточно уже было высмѣивать въ шансонеткахъ и вышучивать, но противъ котораго приходилось открыто выступить, котораго слѣдовало разбить, чтобы имѣть возможность самому жить дышать и двигаться по своему желанію. Гражданская война, которую многіе до этого считали невозможной, становилась во мнѣніи всѣхъ неизбѣжной, какъ роковое рѣшеніе, какъ единственный выходъ изъ положенія.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

VIII. Тьеръ за работой.

Разсчитывалъ-ли Тьеръ, проводя свою убійственную политику, на рефлекторное возбужденіе, которое должно быть вызвано его провокаціями? Думалъ-ли онъ этимъ способомъ вынудить Коммуну на какія нибудь отчаянныя мѣры? Это возможно, это даже несомнѣнно.

Чтобы убѣдиться въ этомъ, достаточно будетъ привести его собственныя слова и познакомиться съ его интригами со дня его бѣгства, которое само объясняется его жестокимъ намѣреніемъ довести конфликтъ до апогея и принудить революцію дать открытую битву. Что онъ участвовалъ также и въ комедіи мэровъ, которые вели переговоры о выборахъ съ Центральнымъ Комитетомъ, это несомнѣнно. Онъ очень хорошо понималъ, что въ этихъ переговорахъ не было ничего серьознаго, и ихъ результаты совершенно не безпокоили его, потому что онъ держалъ въ своихъ рукахъ нити отъ первыхъ актеровъ партіи порядка, которые лицемѣрили тогда на парижской сценѣ; это были Тираръ, Ланглоа или Сэссе. Но какъ только состоялось соглашеніе между мэрами и представителями Національной гвардіи, т. е. какъ только Парижъ вступилъ на тотъ путь, который принято называть законностью, что сталъ говорить и что сталъ дѣлать Тьеръ? Его первой манифестаціей было объявленіе войны. Онъ одновременно и клевещетъ и оскорбляетъ и уже заранѣе пытается дискредитировать приговоръ, который должны произнести избиратели. Уже въ воскресенье, 26-го марта, онъ послалъ префектамъ циркулярную телеграмму, которая на другой-же день была воспроизведена всею провинціальной прессой: „Франція, смѣлая и возмущенная, сплачивается вокругъ правительства и Національнаго Собранія съ цѣлью подавить анархію. Эта анархія все еще пытается управлять Парижемъ. Соглашеніе, къ которому правительство непричастно, произошло между такъ называемой Коммуной и мэрами и имѣетъ въ виду производство выборовъ. Они произойдутъ сегодня, вѣроятно, не свободно, а слѣдовательно, и не будутъ имѣть моральнаго значенія; пусть страна не безпокоится ими и имѣетъ довѣріе. Порядокъ будетъ возстановленъ въ Парижѣ, какъ и въ другихъ мѣстахъ.“

28-го марта—новый циркуляръ, можетъ быть не столь грозный, т. к. Тьеръ въ этотъ моментъ струхнулъ; онъ сомнѣвается: 230.000 избирателей, участвовавшихъ 26-го въ выборахъ, заставили его задуматься; но все-же тонъ циркуляра попрежнему полонъ недовѣрія и угрозы. „Въ Парижѣ, говоритъ онъ, царитъ чисто матеріальное спокойствіе“.

„Въ выборахъ, участіе въ которыхъ приняла одна часть мэровъ, не участвовали граждане, друзья порядка. Тамъ, гдѣ они рѣшили голосовать, они получили большинство, которое они всегда получатъ, если захотятъ воспользоваться своими правами; увидимъ, что выйдетъ изъ этой груды беззаконій.

„.... Во всякомъ случаѣ, если правительство въ видахъ возможно большей отсрочки пролитія крови и медлило, то оно не оставалось бездѣятельнымъ;

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

такимъ образомъ, благодаря промедленію тѣ средства, которыя предназначены для возстановленія порядка, окажутся лишь лучше подготовленными и болѣе надежными".

Такимъ образомъ, планъ Тьера состоялъ въ томъ, чтобы изолировать Парижъ и возмутить противъ него Францію. Онъ отбрасывалъ всякую мысль о соглашеніи, осуждалъ даже надежду на него, интриговалъ съ цѣлью убѣдить страну, что парижане—разбойники и что съ разбойниками не вступаютъ въ переговоры и не заключаютъ сдѣлокъ, что ихъ просто уничтожаютъ. Забвеніе миротворцамъ и примирителямъ и мѣсто всерѣшающей силѣ!

1-го апрѣля Тьеръ принялъ окончательное рѣшеніе. Какъ мы уже сказали, онъ отрѣзалъ Парижъ отъ всѣхъ сношеній съ внѣшнимъ міромъ, онъ задерживалъ всю корреспонденцію и конфисковалъ газеты; онъ зналъ теперь, что по ту сторону укрѣпленій съ этого момента будетъ раздаваться и будетъ слышенъ только одинъ его голосъ. Онъ могъ теперь спокойно лгать, и онъ воспользовался этимъ. Въ 12 ч. 45 минутъ дня онъ отправилъ своимъ префектамъ третій циркуляръ. Черезъ нѣсколько часовъ онъ намѣревался бросить на столицу свои первыя аттакующія колонны. Онъ цинично пытался опозорить своего противника прежде, чѣмъ заколоть его, съ цѣлью отвратить всякій порывъ солидарности или просто сожалѣнія, который рискнулъ бы отвести занесенный кинжалъ. Вотъ какъ онъ выражается въ эту послѣднюю минуту: „Въ Парижѣ Коммуна уже раздѣлилась на партіи; пытаясь сѣять повсюду ложныя свѣдѣнія и грабя общественныя кассы, она безсильно мечется изъ стороны въ сторону и внушаетъ отвращеніе парижанамъ, съ нетерпѣніемъ ожидающимъ момента своего освобожденія отъ нея. Національное Собраніе, сплотившись вокругъ правительства, спокойно засѣдаетъ въ Версалѣ, гдѣ уже заканчивается организація одной изъ лучшихъ армій, которыми когда-либо обладала Франція. Итакъ, добрые граждане могутъ успокоиться и надѣяться на скорый конецъ кризиса, который хотя и былъ мучителенъ, но за то былъ кратковремененъ".

Пресса, стоявшая за сохраненіе соціальныхъ устоевъ, а въ эту эпоху она одна только и существовала, естественно еще болѣе разукрасила эту тему, предоставленную ей Исполнительной властью. Парижъ въ огнѣ и въ крови, въ рукахъ шайки уголовныхъ преступниковъ и каторжниковъ, бѣжавшихъ съ галеръ всѣхъ націй, собравшихся тамъ для разрушенія и грабежа! Легенда, которая черезъ два мѣсяца облегчитъ рѣзню и узаконитъ ее, уже пародилась. Армія можетъ теперь идти на Парижъ.

„Одна изъ лучшихъ армій, которыми когда либо обладала Франція"— телеграфировалъ Тьеръ. Дѣйствительно для стараго реалиста все резюмировалось въ одномъ пунктѣ: имѣть въ своемъ распоряженіи армію, имѣть въ распоряженіи класса—армію, т. е. силу. До 18-го марта въ этомъ состояла его главная забота, когда онъ мечталъ о „подчиненіи" Парижа. Послѣ 18-го марта, эта же мысль дѣлается его пунктикомъ, его навязчивой идеей. На реорганизацію этой арміи, этого пассивнаго орудія его кровавыхъ намѣреній, онъ и направилъ тотчасъ-же всѣ свои способности и старанія. Объ этомъ съ похвалою свидѣтельствуютъ окружающія его лица. Но для насъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

важно главнымъ образомъ его собственное признаніе, данное имъ въ Слѣдственной Комиссіи, и очень характерное во многихъ пунктахъ. Много смѣялись надъ претензіями этого человѣка, считавшаго себя какимъ-то рубакой и соперникомъ Фридриха и Наполеона; онъ любезно перечисляетъ всѣ тактическія задачи, которыя ему пришлось разрѣшить, всѣ стратегическія трудности, которыя ему надо было побороть, онъ только и говоритъ, что о траншеяхъ, подступахъ, эскарпахъ и контръ-эскарпахъ, фланговомъ огнѣ, навѣсныхъ выстрѣлахъ, брешахъ, какъ будто-бы онъ читалъ докладъ въ какой нибудь артиллерійской или пиротехнической школѣ.

Этотъ prud'homme, играющій въ храбреца, казался смѣшнымъ. Но такъ какъ его планы привели въ концѣ концовъ къ убійству тысячъ и тысячъ человѣческихъ существъ, то смѣяться не приходится. Парижъ, если подумать, стоилъ Ваграма или Фридланда, въ немъ на полѣ рѣзни было поднято столько же убитыхъ. Маленькій лавочникъ сумѣлъ хорошо поработать на бойнѣ и имѣетъ право выставлять себя Тамерланомъ передъ этими грудами наваленныхъ тѣлъ. Не обладая широкимъ, всеохватывающимъ умомъ, въ чемъ судьба ему отказала, онъ обладалъ во всякомъ случаѣ сильнымъ и яснымъ умомъ, подсказывавшимъ ему, что только штыками, а не фразами останавливаютъ революцію, если вообще возможно ее остановить. Вопросъ не въ томъ, его-ли военные таланты способствовали взятію Парижа, или же это сдѣлала измѣна, отдавшая ему городъ, или-же, наконецъ, неспособность самой Коммуны. Вѣрно лишь одно,—именно онъ переформировалъ армію, перековалъ ее, обновилъ оружіе и, слѣдовательно, вновь далъ въ распоряженіе реакціи силу, и вновь доставилъ ей побѣду.

Мы видѣли уже эту армію въ послѣдніе часы дня 18-го марта, когда она отступала по приказанію самого Тьера, который былъ озабоченъ главнымъ образомъ тѣмъ, чтобы удалить ее изъ пекла, въ которомъ она таяла на глазахъ, гдѣ два ея полка за нѣсколько часовъ до этого, на Монмартрѣ, уже растаяли. Приказъ объ отступленіи внезапно застигъ эту армію въ тотъ именно психологическій моментъ, когда, безъ сомнѣнія, не получивъ его, она безнадежно распалась-бы, разсѣялась и перешла па сторону возстанія.

Машинально она повиновалась и въ теченіи ночи шла въ Версаль; но двигаясь туда, она упрямится, ея поведеніе двусмысленно и колеблющееся; она подвигается впередъ, но она могла-бы и двинуться назадъ, вернуться обратно и свести счеты съ своими начальниками, какъ ихъ уже свели съ генераломъ Леконтомъ послѣ полудня солдаты 88-го полка. Тьеръ, стоя на дорогѣ около Севра, смотрѣлъ на проходящіе батальоны и эскадроны. Его испытующимъ глазамъ и внимательно прислушивающемуся уху внѣшніе признаки указывали на состояніе духа этой проходящей толпы: неплотные растянувшіеся ряды, замедленный шагъ, непрекращающійся ропотъ; во всемъ сказывалось скрытое возмущеніе. Лучше, чѣмъ кто-либо, онъ видѣлъ въ этомъ общемъ разстройствѣ крушеніе дисциплины, онъ видѣлъ, что всѣ эти люди идутъ только въ силу укоренившейся привычки и что, если бы не жандармы, окружавшіе и напиравшіе на нихъ, они разбѣжались-бы, побросавъ ружья или направили бы ихъ противъ своихъ офицеровъ, противъ него самого.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Черезъ двѣ недѣли мы находимъ армію неузнаваемой, радикально переформированной. Прочная, связанная во всѣхъ своихъ элементахъ, дисциплинированная и поворотливая въ рукахъ командующаго, съ каждымъ днемъ она начинаетъ все болѣе напоминать былую армію, ту которая побѣдила на Транснонэнѣ и на іюньскихъ баррикадахъ, ту армію, которую имперія въ теченіе восемнадцати лѣтъ держала на сворѣ противъ свободы и народа. „Одна изъ наилучшихъ армій...“. Тьеръ даже преувеличиваетъ съ своей точки зрѣнія, очевидно, чтобы придать немного болѣе мужества обезумѣвшей отъ страха буржуазіи, но онъ не ошибается, когда думаетъ, что машина для убійствъ уже хорошо исправлена и подмазана и что можно уже надѣяться на ея удовлетворительную работу.

Безъ всякаго сомнѣнія Тьеръ главный и отвѣтственный авторъ этой почти моментальной метаморфозы и съ полнымъ правомъ могъ гордиться этимъ.

Къ какимъ-же средствамъ онъ прибѣгнулъ, чтобы достигнуть такого результата? Средства были самыя старыя и, безъ сомнѣнія, самыя классическія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и самыя надежныя, къ которымъ обращались вчера, обращаются сегодня и будутъ обращаться завтра, пока вся военная организація не будетъ окончательно измѣнена. Тьеръ очень подробно касается этого вопроса въ своихъ показаніяхъ Слѣдственной Комиссіи о 18-мъ мартѣ, которыя мы уже столько разъ цитировали. Примѣненное лѣкарство было очень просто, и въ сущности его заслуга состояла только въ томъ, что онъ твердо держался за аккуратное его примѣненіе; но этого одного, правда, было вполнѣ достаточно. Лѣкарство состояло въ изоляціи войскъ, въ отдѣленіи ихъ, чтобы развить въ нихъ спеціальный духъ, духъ профессіональныхъ рубакъ, очень легко развивающійся, когда вооруженная часть отдѣлена отъ внѣшняго міра и ей возможно доставлять при нормальномъ ея питаніи еще нѣкоторыя улучшенія и лакомства въ видѣ спиртныхъ напитковъ и водки. Для достиженія этой цѣли никакая предосторожность не казалась Тьеру излишней или дѣтской. Но слушайте его самого: „Я отдалъ также приказъ сконцентрировать армію и, главное, изолировать ее. Главныя наши силы расквартированы были въ Сатори съ приказаніемъ не пускать къ нимъ кого-бы то ни было. Отданъ былъ приказъ стрѣлять во всякаго, рискнувшаго приблизиться. Со стороны Нейльи я предписалъ Монъ-Валерьену, находившемуся въ рукахъ храбрыхъ людей, стрѣлять, не жалѣя снарядовъ, какъ только покажутся непріятельскія массы. Въ то-же время я рекомендовалъ снабдить самымъ лучшимъ содержаніемъ нашихъ солдатъ. Я увеличилъ раціоны, въ особенности мяса, признанные недостаточными. Я былъ увѣренъ, что при хорошомъ питаніи, при отдыхѣ и пребываніи офицеровъ въ однѣхъ помѣщеніяхъ съ солдатами, войска преобразятся весьма быстро и достигнутъ весьма хорошаго состоянія. По окончаніи первой осады солдаты были оборваны, плохо экипированы; видъ ихъ былъ недовольный. Я былъ увѣренъ, что всѣ эти недостатки вскорѣ пройдутъ при дѣятельномъ и выдержанномъ надзорѣ за солдатами. Надежда меня не обманула, потому что уже черезъ нѣсколько дней армія получила ко всеобщему удивленію совершенно иной внѣшній видъ“. Такъ поступаетъ хозяинъ со своими сторожевыми собаками, чтобы онѣ слушались его одного и относились свирѣпо ко

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

всему остальному міру. Онъ ежедневно привязываетъ *ихъ на цѣпь и пополняетъ ѣдой ихъ плошки. Примѣняется тотъ же режимъ,* имѣется въ виду *та-же цѣль.*

Такимъ образомъ, въ эти критическіе дни Тьеръ реформировалъ армію, *какъ онъ* этимъ хвастаетъ, и буржуазная реакція никогда не въ состояніи будетъ въ достаточной степени отблагодарить его за это.

Но, во всякомъ случаѣ, кто-то другой—надо быть правдивымъ—*снабдилъ* эту армію *необходимыми ей* элементами, далъ ей возможность существованія. Тьеръ приготовилъ только рагу изъ кролика, *но кролика* доставилъ другой. Этимъ другимъ былъ Бисмаркъ. Побѣдитель Коммуны, впрочемъ, и самъ признаетъ это и дѣлаетъ это почти изящно. Въ своемъ показаніи онъ не отрицаетъ, что пруссакъ совсѣмъ не торговался о своемъ добромъ содѣйствіи и даже самъ предупреждалъ его требованія и желанія. „Несмотря на трактатъ, опредѣлившій контингентъ парижской арміи въ 40.000 человѣкъ, г. де Бисмаркъ согласился на усиленіе ея сначала до 80.000 человѣкъ, а затѣмъ до 130.000. Онъ самъ далъ намъ эту возможность, возвративъ значительное число нашихъ плѣнныхъ солдатъ, возвращеніе которыхъ онъ было пріостановилъ въ виду возникшихъ недоразумѣній". Другой свидѣтель, показаніе котораго въ этомъ случаѣ имѣетъ одинаковую цѣнность съ показаніемъ Тьера, генералъ Виноа, главнокомандующій версальской арміей, даетъ еще большія подробности и указываетъ, что Бисмаркъ даже въ частностяхъ старался помочь своимъ добрымъ друго-врагамъ. „Первыя двѣ недѣли, писалъ онъ *), отъ 19-го до 2-го апрѣля, обѣ стороны употребили на организацію военныхъ силъ, которыя должны были начать борьбу. Прежде всего необходимо было увеличить наличный составъ арміи, а сдѣлать это можно было только съ согласія пруссаковъ. Начатые по этому поводу переговоры увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Германскій главный штабъ, сдѣлавъ докладъ императору Вильгельму, согласился, чтобы армія, которая должна была отвоевать Парижъ у Коммуны, усилена была съ 40.000 на 80.000 чел. Это число вскорѣ было еще увеличено на 20.000, и въ моментъ, когда мы могли войти въ Парижъ, такъ называемая версальская армія превышала 100.000 комбатантовъ. Она реформирована была главнымъ образомъ при помощи многочисленныхъ военноплѣнныхъ, возвращенныхъ намъ Германіей, и прежде всего офицеровъ, что позволило намъ тотчасъ-же образовать новые кадры, въ которые и вошли вернувшіеся вслѣдъ затѣмъ солдаты".

Такія свидѣтельства, однако, не помѣшали буржуазнымъ борзописцамъ, имѣвшимъ претензію писать исторію Коммуны, утверждать, что пруссаки помогали Парижу, относились къ нему благожелательно, что они взирали благосклоннымъ и какъ-бы братскимъ окомъ на революціонное движеніе. Пруссаки такъ любили Парижъ и такъ благожелательствовали ему, что сами передали мяснику ножъ для рѣзни. Ложь, такимъ образомъ, вполнѣ очевидна, но несмотря на это, ее будутъ повторять до тѣхъ поръ, пока будетъ суще-

---

*) Генералъ Виноа. (Перемиріе и Коммуна) L'Armistice et la Commune (стр. 244—245).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ствовать капиталистическій режимъ и оффиціальная исторія, написанная лакеями этого режима. На самомъ дѣлѣ, если-бы французская буржуазія не была неблагодарной, она должна была бы въ видѣ благодарности поставить Бисмарку, своему спасителю, совмѣстно съ Тьеромъ, памятникъ гдѣ нибудь на Террасѣ Оранжереи или на Саторійскомъ Полѣ.

Въ описываемый нами моментъ, 1-го апрѣля, добрыя услуги Бисмарка, вслѣдствіе краткости времени, не могли еще осуществиться въ полномъ ихъ размѣрѣ, но уже съ этого времени Тьеръ былъ вполнѣ увѣренъ, что, когда представится необходимость, у него не будетъ недостатка въ пушечномъ мясѣ. Отсюда и эта, великолѣпная изъ великолѣпныхъ, его фраза, блистающая въ его показаніи: «Какъ только мнѣ удалось собрать 50.000 человѣкъ, я сказалъ себѣ, что пасталъ моментъ проучить инсургентовъ». Моментъ этотъ приходится на 2-е апрѣля, и только что приведенное показаніе Тьера рѣшительно устанавливаетъ тотъ фактъ, что въ это время, какъ и 18-го марта, „партія порядка“ была нападающей стороной, провокаторомъ, что она первая открыла огонь.

IX. Вылазка 3-го апрѣля.

Было воскресенье, какъ мы уже упомянули, 10 часовъ утра; парижане фланировали и ротозѣйничали, бесѣдуя за столиками въ кафе, передъ прилавками винныхъ кабачковъ; хозяйки шли за провизіей или возвращались домой, гамены играли на тротуарахъ; внезапно, изумленные, удивленные, всѣ услышали раздавшійся вдали пушечный выстрѣлъ. Иные подумали: это забавляются артиллеристы Монмартра; другіе: это нѣмцы шумно празднуютъ память какого нибудь своего святого. Но нѣтъ: грохотаніе пушекъ слышалось съ запада, изъ Курбевоа или Нейльи. Никакого сомнѣнія, это наступленіе арміи деревенщиковъ, это первые версальскіе снаряды, направленные въ укрѣпленія. Конечно, уже въ теченіе нѣсколькихъ дней на аванпостахъ въ Курбевоа, въ Медонѣ и Кламарѣ караулы національной гвардіи и версальцевъ обмѣнивались отдѣльными выстрѣлами; но эти столкновенія не имѣли значенія и не осложняли положенія; онѣ не являлись чѣмъ либо преднамѣреннымъ, не исходили или не имѣли вида, что исходятъ,—изъ систематическаго и обдуманнаго плана. И послѣ нихъ положеніе оставалось прежнимъ: полупроснувшіеся засони, которыхъ оставался въ городѣ цѣлый легіонъ, по прежнему продолжали мечтать о примиреніи и успокоеніи.

Но въ это утро 2-го апрѣля положеніе измѣнило свой внѣшній видъ. Плотныя массы, съ артиллеріей и кавалеріей, съ обозомъ и походными лазаретами, т. е. армія въ походномъ порядкѣ двинулась къ Парижу. Орудія ревѣли, указывая на твердое рѣшеніе контръ-революціи опираться лишь на силу, и этимъ какъ-бы санкціонировали конфликтъ. Рѣшительный шагъ былъ сдѣланъ; начиналась гражданская война.

Вотъ какъ произошла атака. Въ $8^{1/2}$ часовъ утра отрядъ жандармовъ приблизился къ мосту Нейльи, занятому нѣсколькими національными гвардей-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

цами, и попытался завладѣть проѣздомъ. Онъ былъ отбитъ и въ его отступленіи его преслѣдовали два или три батальона федералистовъ, изъ которыхъ 37-й, изъ Нюто, присоединился къ парижанамъ. Получивъ подкрѣпленіе, жандармы остановились и въ теченіе трехъ четвертей часа съ обѣихъ сторонъ стрѣляли залпами повзводно; огонь былъ очень убійственный. Національные гвардейцы держались стойко, когда вдругъ въ ихъ ряды посыпались гранаты. Это введены были въ дѣло пушки и митральезы, поставленныя Виноа на гласисѣ Монъ-Валерьена. У федералистовъ орудій для отвѣта не было; ихъ охватила паника, и въ безпорядкѣ они перешли на другой берегъ Сены. Здѣсь офицеры вновь собрали ихъ за баррикадой, прикрывавшей въѣздъ на мостъ со стороны праваго берега, и ружейная перестрѣлка возобновилась.

Въ то время, какъ быстро развертывались отдѣльныя перепетіи этой стычки, версальскія войска заканчивали на нѣкоторомъ разстояніи оттуда свое сосредоточеніе. Дивизія Брюа, прошедшая черезъ Виль д'Аврэ и Монтрету, соединилась съ бригадой, спустившейся черезъ Сель-Сенъ-Клу, Буживаль и Рюейль, имѣя на своемъ лѣвомъ флангѣ кавалерійскую бригаду Галлифе. Съ откосовъ Монъ Валерьена Виноа передвинулъ свои орудія по направленію къ Курбевоа, являвшимся главной цѣлью его атаки, и пустилъ въ атаку 74-й пѣхотвый полкъ на баррикаду перекрестка, которую защищали нѣсколько сотенъ федералистовъ. Встрѣченный федералистами въ упоръ, 74-й полкъ, несмотря на поддержку артиллеріи, долженъ былъ отступить и разбѣжался; необходимымъ оказалось личное вмѣшательство Виноа, бросившагося на шоссе, чтобы вновь построить его. Тогда въ атаку пошелъ батальонъ моряковъ, и баррикада была, наконецъ, взята моряками и 113-ымъ полкомъ, который въ то-же время занялъ казарму Курбевоа, тогда какъ морская пѣхота утвердилась въ Пюто.

Федералисты, подавленные превосходствомъ силъ, отступили до авеню Нейльи, но и она въ мгновеніе ока была очищена вихремъ снарядовъ. При этомъ многіе батальоны, особенно 93-й Сенъ-Антоанскаго Предмѣстья, 118-й Бельвильскій и 119-й изъ Валь де Грасъ—сильно пострадали, а нѣкоторые снаряды упали даже въ самомъ Парижѣ. Подъ защитой укрѣпленій федералистамъ удалось вновь построиться, а съ прибытіемъ подкрѣпленія изъ трехъ батальоновъ, прибѣжавшихъ черезъ ворота Майло, непріятель могъ быть остановленъ. Къ тому-же, онъ, повидимому, и не намѣревался на этотъ разъ идти на приступъ укрѣпленій. Нѣкоторое время послѣ полудня обѣ стороны стояли другъ противъ друга на занятыхъ позиціяхъ, а къ вечеру версальцы отошли въ направленіи Монъ-Валерьена.

Мы знаемъ, что въ этомъ нападеніи участвовало 30.000 чел. Эта внушительная масса встрѣтилась съ простымъ заслономъ федералистовъ въ 3—4.000 человѣкъ maximum, собранныхъ изъ Пюто и Аньера и лишенныхъ всякой артиллеріи. Въ исходѣ столкновенія нельзя было, конечно, сомнѣваться. Версаль санкціонировалъ и подчеркнулъ свою побѣду, тотчасъ-же разстрѣлявъ, безъ всякаго суда, взятыхъ въ плѣнъ національныхъ гвардейцевъ. Эти первыя убійства надо поставить на счетъ жандармеріи, но также и войска, такъ какъ Тьеръ, который вскорѣ имѣлъ наглость отрицать эту короткую расправу, писалъ въ телеграммѣ, помѣченной «5 ч. вечера» того-же дня и адресованной провинціаль-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нымъ властямъ: „Ожесточеніе солдатъ достигло крайней степени и направлено было главнымъ образомъ противъ узнанныхъ дезертировъ.“

Между тѣмъ весь Парижъ оживился. Грохотъ канонады выгналъ на улицы всѣхъ, даже самыхъ равнодушныхъ и мирныхъ обывателей. Въ особенности волновались предмѣстья. Всюду барабаны били сборъ и тревогу. На всякомъ перекресткѣ собирались національные гвардейцы, съ ружьями на плечахъ, строились побатальонно и направлялись затѣмъ къ западнымъ укрѣпленіямъ. Спѣшно туда-же перевозились орудія и устанавливались на бастіонахъ. Къ пяти часамъ дня болѣе ста тысячъ вооруженныхъ федералистовъ занимали главныя улицы, прилегающія къ Тріумфальной Аркѣ Звѣзды; они горѣли энтузіазмомъ, рвались въ бой, требовали немедленной вылазки и жаждали перейти въ наступленіе. За ними слѣдовало много женщинъ, онѣ возбуждали мужество мужчинъ и тоже готовы были идти на Версаль. Это былъ самопроизвольно возникшій подъемъ, указывавшій на чудную вѣру этого народа въ благородство и возвышенность своего дѣла, говорившій о глубинѣ революціоннаго чувства, вспыхнувшаго въ немъ и возбуждавшаго его энергію.

Исполнительная Комиссія Коммуны, засѣдавшая непрерывно, приняла первыя мѣры, диктовавшіяся положеніемъ: она закрыла ворота и рѣшила вооружить укрѣпленія. Вскорѣ послѣ полудня она обнародовала прокламацію, въ которой извѣщала о нападеніи и клеймила его. „Роялистскіе заговорщики произвели атаку. Несмотря на умѣренность нашего поведенія, они атаковали. Не имѣя возможности разсчитывать на французскую армію, они атаковали насъ, пользуясь папскими зуавами и императорской полиціей“.

Этотъ документъ, составленный и обнародованный въ этотъ критическій моментъ, характеренъ тѣмъ, что, несмотря на настроеніе народа, толкавшее къ противоположному рѣшенію, онъ не говоритъ о наступленіи и не отдаетъ приказанія о походѣ на Версаль, т. е. о нападеніи. „Защищайтесь“—совѣтуетъ Исполнительная Комиссія и не говоритъ ничего больше. Это указаніе имѣетъ свое значеніе, потому что отъ неудачной вылазки 3-го апрѣля зависѣли всѣ послѣдующія событія, которыя переходя отъ одной неудачи къ другимъ, должны были роковымъ образомъ довести Коммуну до окончательнаго ея подавленія. Въ данномъ случаѣ Коммуна не приказывала, она только подчинилась; она увлечена была движеніемъ толпы, которымъ она не могла ни овладѣть, ни дать ему иной исходъ; она видѣла подводные камни, но безсильна была противиться желанію экипажа и не могла помѣшать управляемому ею судну направиться на нихъ и на нихъ-же и разбиться.

Это не подлежитъ сомнѣнію, хотя ни въ подлинныхъ протоколахъ засѣданій Коммуны, ни въ отчетѣ о засѣданіи 2-го апрѣля, ни въ отчетахъ о послѣдующихъ засѣданіяхъ—мы не находимъ почти никакихъ слѣдовъ преній, которые позволили-бы безспорно установить позицію, занятую при этихъ столь серіозныхъ обстоятельствахъ революціонными представителями Парижа, а въ частности членами Исполнительной Комиссіи; о послѣдней въ сущности и идетъ рѣчь, такъ какъ она должна была завѣдывать дѣлами и на ней лежала вся отвѣтственность. Что именно такъ дѣло происходило, намъ даетъ въ этомъ увѣренеость уже упомянутая выше прокламація. Тоже подтверждаетъ и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

разсказъ о днѣ 2 го апрѣля, который мы находимъ въ тщательномъ описаніи событій, часъ за часомъ, у Ланжюлэ и Коррье, которые, какъ свидѣтели внѣпартійные и достаточно независимые, не вводили въ свои сужденія никакого предвзятаго мнѣнія кружка или отдѣльныхъ личностей. Истина, вытекающая изъ анализа инструкцій и фактовъ, такова: во-первыхъ, вылазки избѣжать было нельзя, никакая власть не могла помѣшать ей или отсрочить ее; во-вторыхъ, Исполнительная Комиссія,—внѣшнее проявленіе Коммуны и ея уполномоченный органъ,—противилась вылазкѣ насколько могла, но вскорѣ должна была уступить, когда помимо нея, необращая вниманія на ея оговорки и запрещенія, которыя, впрочемъ, остались неизвѣстны національной гвардіи, парижское населеніе прямо ломилось напрямикъ и съ завязанными глазами бросилось на дула версальскихъ пушекъ.

Вылазка: это слово было постоянно на всѣхъ устахъ, она была всеобщимъ желаніемъ. Даже тѣ, которые еще утромъ вѣрили въ соглашеніе и въ миръ, участвовали теперь въ общемъ опьяненіи и негодованіи. Версаль вызываетъ, Версаль угрожаетъ; необходимо немедленно наказать Версаль, терроризировать реакцію; необходимо, чтобы Парижъ остался побѣдителемъ. Въ побѣдѣ не сомнѣвались, нужно было только идти впередъ. Всякій стремился къ вылазкѣ, призывалъ къ ней и подготовлялся къ ней: рабочіе предмѣстій, нетерпѣливо жаждали отмстить за товарищей, подло убитыхъ въ Пюто и Курбевоа, какъ они только что узнали, и въ тоже время поохотиться за роялистами Собранія; лавочники и торговцы нуждались въ атмосферѣ для своихъ дѣлъ и чувствовали, что грубо надвигавшееся второе обложеніе поведетъ къ ихъ непоправимому раззоренію, военное начальство, смѣлое, но неопытное, которое не прощало себѣ, что 19-го марта оно упустило случай, надѣялось, что еще и теперь возможно наступленіе, которое въ то время вѣроятно увѣнчалось-бы успѣхомъ. Стремительная и неудержимая какъ потокъ, вылазка, о которой такъ много говорилось нѣсколько мѣсяцевъ до этого по отношенію къ пруссакамъ, вновь предстала, передъ всѣмъ этимъ народомъ который не замѣчалъ препятствій и не вѣрилъ въ нихъ, какъ долгъ и какъ спасеніе.

Среди этой лихорадочной атмосферы, полной воинственнаго возбужденія, собралась около 3-хъ часовъ дня Исполнительная Комиссія. Она, какъ мы видѣли, состояла изъ семи членовъ, изъ которыхъ четверо исполняли исключительно гражданскія обязанности: Лефрансэ, Феликсъ Піа, Тридонъ и Вальянъ, а троимъ поручено было вмѣстѣ съ тѣмъ и командованіе надъ войсками: Бержере, Дювалю и Эду. Послѣдніе трое энергично настаивали на немедленной вылазкѣ, ссылаясь на то, что весь Парижъ, какъ и они, одушевленъ тѣмъже желаніемъ ринуться на провокаторовъ. Гражданскіе члены комиссіи и сами хорошо знали это, такъ какъ всего за нѣсколько минутъ до этого они принимали делегацію даже отъ торговцевъ, которые тоже призывали къ оружію для прекращенія блокады столицы. Естественное побужденіе воспользоваться этимъ всеобщимъ возбужденіемъ, этимъ воинственнымъ пыломъ, захватившимъ даже самыхъ робкихъ, не чуждо было, несомнѣнно, и имъ; но они вмѣстѣ съ тѣмъ ясно сознавали, что шагъ, который подготовлялся, будетъ имѣть рѣ-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

шающее значеніе и будетъ безповоротенъ. Въ виду этого они желали знать шансы Парижа выиграть эту ставку и хотѣли, чтобы онъ игралъ при возможно большемъ числѣ козырей. Вотъ почему они спрашивали у генераловъ, которые говорили только о походѣ, у Дюваля, выражавшагося: „Ну, что-же! Оставимъ тамъ свою шкуру, вотъ и все!"—они спрашивали: „Готовы-ли вы? Въ порядкѣ-ли орудія? Форты и Монъ-Валерьенъ—будутъ-ли они стрѣлять и въ кого? Развѣдали-ли вы пути и извѣстны ли вамъ позиціи непріятеля? Знаете-ли вы, какое сопротивленіе вы встрѣтите?" На всѣ эти вопросы Комиссія требовала опредѣленныхъ отвѣтовъ, увѣренности, обезпеченія. Раздавить и разсѣять силы реакціи, организовавшіяся въ Версалѣ, пока онѣ еще прочно не окрѣпли, Комиссіи, конечно, казалось болѣе необходимымъ, чѣмъ кому-бы то ни было, но она хотѣла знать, исполнимо-ли это, не окончится-ли эта попытка непоправимымъ пораженіемъ? Отсюда и тѣ ограниченія, которыми комиссары обусловили вылазку, тѣ условія вылазки, ограничительный характеръ которыхъ Лефрансэ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» *), можетъ быть, черезчуръ подчеркнулъ, но которыя въ общемъ были именно такими, какими онъ ихъ изображаетъ.

Изъ этихъ условій вытекало, что военное начальство уполномочено было начать дѣло только послѣ представленія Комиссіи свѣдѣній о состояніи каждаго батальона и всѣхъ силъ въ совокупности, находившихся въ ихъ командованіи, при этомъ съ указаніемъ на ихъ вооруженіе; о состояніи артиллеріи, на которую можно было разсчитывать, и запасныхъ орудій; послѣ представленія данныхъ объ инвентарѣ военныхъ запасовъ съ указаніемъ складовъ, короче, только представивъ доказательства, что національная гвардія дѣйствительно способна дѣйствовать въ открытомъ полѣ и можетъ довести наступленіе до Версаля. Фактически, такимъ образомъ, выходило, что Исполнительная Комиссія, не предписывала и не запрещала вылазки; она только допускала ее условно, но откладывала въ данный моментъ.

Присоединяясь къ рѣшеніямъ, формулированнымъ Комиссіей, военные ея уполномоченные дѣйствовали, понятно, вполнѣ искренно; но произошло то, чего не могло не произойти. Возвратившись къ батальонамъ, ряды которыхъ безпрерывно наполнялись новыми комбатантами, и вновь окунувшись въ эту горячую и возбужденную среду, уполномоченные снова были властно захвачены общимъ настроеніемъ, которое являлось ихъ личнымъ мнѣніемъ, даже болѣе, чѣмъ простымъ мнѣніемъ, ихъ навязчивой идеей со времени побѣдоноснаго дня 18-го марта. Затрудненія, мелькнувшія на одинъ мигъ въ ихъ умѣ вслѣдствіе замѣчаній ихъ болѣе благоразумныхъ товарищей, показались имъ несущественными и они видѣли передъ собою только одну цѣль: настигнуть и уничтожить врага. Молодые, горячіе, опьяненные безумной надеждой, они вообразили, что поставленныя имъ Комиссіей условія выполнены и, не представляя ей потребованныхъ ею доказательствъ, отдали приказъ о выступленіи, рѣшивъ произвести вылазку на разсвѣтѣ.

---

*) Gustave Lefrançais: Etude sur le mouvement Communaliste (стр. 219—220), и Souvenirs d'un Révolutionnaire (стр. 494).

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Эти военоначальники не имѣли никакого плана, кромѣ весьма краткаго, совершенно не разработаннаго. Національная гвардія дѣлится на три отряда. Правое крыло произведетъ сильную демонстрацію на Рюйель, Буживаль и Шату, съ цѣлью вызвать передвиженіе непріятельскихъ силъ въ этомъ направленіи; въ это-же время центръ черезъ Исси, Медонъ, Шавиль и Вирофлэ, а лѣвое крыло черезъ Банье, Виллакублэ и Велизи двинутся на Версаль, оставшійся безъ прикрытія.

Для этого движенія собрано было въ концѣ концовъ 40.000 человѣкъ. Многіе изъ тѣхъ, которые явились послѣ обѣда и вечеромъ, вернулись домой усталые вслѣдствіе передвиженій съ мѣста на мѣсто и ночи, проведенной безъ пищи и огня въ густомъ пронизывавшемъ туманѣ. 20.000 человѣкъ расположены были на авеню Нейльи и на окружающихъ улицахъ, подъ командой Бержере и Флуранса; остальныя части, подъ начальствомъ Дюваля и Эда, расположились по близости отъ Версальскихъ и Ванвскихъ воротъ. Не было никакого центральнаго руководства, никакого порядка, никакой дисциплины: всякій располагался по своему желанію, у любого знамени. Офицеровъ было мало; командованіе отсутствовало. Артиллеріи было также мало: всего нѣсколько пушекъ: походныхъ лазаретовъ совсѣмъ не было. Не были приняты даже самыя элеменвтарныя предосторожности. Не взято было никакого продовольствія, даже хлѣба и сухарей для раздачи участвовавшимъ въ походѣ. Импровизированные генералы, взявшіе на свою отвѣтственность управленіе этой толпою, нельзя сказать—этой арміей, совершенно незнакомы были съ военнымъ дѣломъ и не подозрѣвали даже всѣхъ тѣхъ обязанностей, которыя лежатъ на командующихъ отрядами. Ихъ извиняло отчасти то, что они не вѣрили въ сраженіе, въ сопротивленіе регулярныхъ войскъ, или-же разсчитывали встрѣтить такое слабое сопротивленіе, что не стоило о немъ и говорить. Развѣ Исполнительная Комиссія, членами которой они являлись, не опубликовала только что, основываясь на городскихъ слухахъ, слѣдующей изумительной прокламаціи: «Самъ Бержере въ Нейльи. Линейные солдаты всѣ переходятъ къ намъ и заявляютъ, что, за исключеніемъ высшихъ офицеровъ, никто не хочетъ сражаться». Такимъ образомъ федералисты, у многихъ изъ которыхъ не было съ собою даже патроновъ, приготовлялись скорѣе къ военной прогулкѣ, чѣмъ къ сраженію. Монъ Валерьенъ, этотъ добродушный гигантъ, занятый союзниками или почти что союзниками, стрѣлять не будетъ; пѣхота подниметъ приклады; остальное—шуаны и жандармы будутъ быстро разсѣяны; федералисты вполнѣ вѣрили въ эту дѣтскую сказку, измышленную впервые сумасшедшимъ Люллье и не опровергнутую никѣмъ впослѣдствіи.

Движеніе началось около 3-хъ часовъ утра. Во главѣ 10.000 человѣкъ Бержере перешелъ мостъ Нейльи и черезъ Ронъ-Поанъ де Бержеръ вышелъ на дорогу въ Рюйель. Колонна шла весело, беззаботно, безъ развѣдчиковъ, когда внезапно загремѣлъ Монъ Валерьенъ, внося въ ряды панику и разстройство. Передовые отряды ускорили шагъ, чтобы выйти скорѣе изъ сферы артиллерійскаго огня, тогда какъ арріергардныя части отступили назадъ въ безпорядкѣ. Колонна оказалась разрѣзанной. Бержере, не обладавшій пониманіемъ дѣла, но храбрый, попытался собрать бѣглецовъ и съ этой цѣлью приказалъ навести

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

на грозное укрѣпленіе три несчастныхъ пушки, привезенныхъ имъ съ собою. Конечно силы были неравны; въ мгновеніе ока два орудія были подбиты. Между тѣмъ двѣ или три тысячи національныхъ гвардейцевъ пришли въ себя отъ неожиданности и, подъ защитой холмистой мѣстности, обогнули фортъ, продолжая движеніе на Нантерръ и Рюйель. Имъ удалось даже на нѣкоторое время взять верхъ надъ кавалеріей Галлифе и заставить ее отступить. Но около 10 часовъ главныя силы версальской арміи, которая, повидимому, не ожидала такого быстраго и открытаго нападенія, вступили, наконецъ, въ дѣло. Бригада Доделя и бригада Гренье вышли по дорогѣ Селль-Сенъ-Клу и Гаршъ, поддерживаемыя кавалеріей дивизіона Прейля и гусарами Галлифе, вновь перешедшими въ наступленіе. Началась ружейная перестрѣлка. Національная гвардія держалась стойко, несмотря на численный перевѣсъ непріятеля, пока не увидѣла, что ей угрожаетъ съ лѣваго фланга бригада Гренье, совершившая длинное обходное движеніе и намѣревавшаяся отрѣзать ей отступленіе. Въ этотъ моментъ на полѣ битвы явился Флурансъ съ 1500 человѣкъ и, стремительно бросившись впередъ, освободилъ Бержере. Отступленіе стало возможнымъ. Національные гвардейцы Флуранса и Бержере, укрываясь по мѣрѣ возможности отъ огня Монъ Валерьена, направились въ Нантерръ съ цѣлью оттуда достигнуть Парижа. Но на половинѣ пути между Рюйелемъ и Нантерромъ ихъ настигла версальская кавалерія; ихъ колонна была разбита и изрублена саблями. Флурансъ бывшій, какъ всегда, на самомъ опасномъ посту, былъ отрѣзанъ отъ своихъ и отброшенъ на Шату всего съ нѣсколькими товарищами. Между тѣмъ Бержере, съ главными остатками того, что было его арміей, удалось совершить отступленіе, онъ подошелъ къ Сенѣ и перешелъ обратно мостъ Нейльи, апроши котораго въ это время спѣшно укрѣплялись съ цѣлью оказать сопротивленіе надвигающемуся непріятелю.

Въ центрѣ и на югѣ колонны федералистовъ испытали не лучшую судьбу.

Лѣвое крыло (6.000—7.000 человѣкъ), подъ командой Дюваля, заняло ночью плато Шатильонъ. Днемъ, обойдя плоскогорье Медонъ, оно оттѣснило кавалерійскіе аванпосты генерала дю Барайля до Виллакублэ, всего въ четырехъ километрахъ отъ Версаля. Но въ этомъ пунктѣ колонну встрѣтилъ убійственный огонь солдатъ бригады Дерройа изъ оконъ виллъ и изъ бойницъ, продѣланныхъ въ оградахъ парковъ. Чтобы выбить непріятеля изъ занятой имъ господствующей позиціи нужна была артиллерія, но у Дюваля не было ни одного орудія. Имѣя передъ собою полкъ морской пѣхоты, поддерживаемый многими полевыми орудіями, и аттакованные вскорѣ цѣлой дивизіей Пелле, батальоны федералистовъ должны были отступить и направились на плато Шатильонъ, чтобы провести тамъ ночь.

Колонна центра (10.000 человѣкъ), подъ командой Эда, Ранвье и Авріаля, потерпѣла такую-же неудачу. Взявъ сначала Мулино и Ба-Медонъ и дойдя до Валь-Флёри и Бельвю, оттѣсняя передъ собой жандармовъ и городовыхъ, составлявшихъ въ этихъ мѣстахъ авангардъ версальской арміи, она должна была въ концѣ концовъ отступить, встрѣтивъ бригаду Ла Маріуза, поддержанную многочисленной артиллеріей. Къ счастью въ этомъ пунктѣ линія

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

отступленія была удобнѣе и оказалась болѣе надежной. Подъ защитой фортовъ Исси и Ванва, которые Ранвье укрѣпилъ осадными орудіями, привезенными въ галопъ изъ Парижа, федералисты могли остановить наступленіе непріятеля.

Въ результатѣ все это привело къ полному и непоправимому пораженію вслѣдствіе ошибокъ генераловъ, которые ничего не смыслили въ военномъ дѣлѣ и не сумѣли ничего ни предвидѣть, ни скомбинировать, которые, вмѣсто плана сраженія, кричали только одно—впередъ! воображая, что храбрость и хорошее расположеніе духа начальниковъ—такія качества, которыя замѣняютъ всё остальное. Это было пораженіе, а также неизбѣжность для Коммуны перейти отъ наступленія къ защитѣ, защитѣ для нея убійственной, потому что революція осуждена заранѣе, если передъ нею нѣтъ широкаго свободнаго поля дѣйствія. Она не можетъ затягиваться, не утухая, подобно огню, который, чтобы питаться, долженъ все выше подниматься къ небу, дышать кислородомъ безпрерывно возобновляемыхъ и безпрерывно расширяющихся воздушныхъ слоевъ.

День 4-го апрѣля употребленъ былъ версальской арміей для довершенія своей побѣды; армія версальцевъ разсѣивала или отбрасывала послѣдніе остатки арміи федералистовъ, которые по сю сторону линіи южныхъ фортовъ еще держались въ полѣ. Дюваль, какъ мы знаемъ, отступилъ вечеромъ 3-го апрѣля на Шатильонское плато. Вокругъ него оставалась лишь кучка сражающихся, не было никакихъ съѣстныхъ припасовъ, не было орудій. Что за бѣда? Онъ не сдастся. Съ пяти часовъ утра его аттаковали бѣшено, съ фронта дивизіей Пелле, съ фланга бригадой Дерройа; 10 000 противъ 1.500. Дюваль безуспѣшно попытался проложить себѣ дорогу къ отступленію: черезчуръ поздно—онъ окруженъ. Генералъ Пелле обѣщаетъ сохраненіе жизни тѣмъ, кто сдастся, и побѣжденные бросаютъ оружіе. Батальоны національной гвардіи, занимавшіе мѣстечки Шатильонъ и Кламаръ, безуспѣшно пытались помѣшать разгрому. Несмотря на то, что генералъ Пелле выбылъ изъ строя, раненный осколкомъ снаряда, генералъ Ла Маріузъ взялъ Кламаръ и дошелъ до мельницы Пьеръ, остановившись только передъ фортами Исси и Ванвъ, аттаковать которые онъ не рѣшился.

Послѣ побѣды—бойня; торжествующая реакція начинала, не теряя ни секунды, тѣ ужасныя избіенія, которыми отмѣчена была ея окончательная побѣда въ Парижѣ.

Пелле, какъ мы уже говорили, гарантировалъ жизнь плѣннымъ. Но, несмотря на это, его первой заботой явился разстрѣлъ тѣхъ изъ сражавшихся, въ которыхъ признаны были солдаты-дезертиры или которые показались таковыми. „Насъ расположили кругомъ на плато, разсказываетъ очевидецъ, и приказали выйти изъ рядовъ находившимся среди насъ солдатамъ. Ихъ поставили въ грязь на колѣни и по командѣ генерала Пелле, на нашихъ глазахъ, безпощадно разстрѣляли этихъ несчастныхъ молодыхъ людей среди шуточекъ г.г. офицеровъ, поносившихъ наше пораженіе всякаго рода грубыми и безсмысленными ругательствами. Наконецъ, послѣ часа съ лишнимъ, въ теченіе котораго происходила эта расправа, насъ поставили въ ряды и мы напра-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вились по пути въ Версаль, находясь между двумя цѣпями конныхъ егерей. По дорогѣ мы встрѣтили капитулянта Виноа, въ сопровожденіи его главнаго штаба. Онъ приказалъ, вопреки формальному обѣщанію, данному намъ генераломъ Пелле, разстрѣлять нашихъ офицеровъ, которые находились во главѣ нашей колонны и у которыхъ были насильственно сорваны знаки ихъ достоинства; тогда одинъ полковникъ замѣтилъ Виноа, что его генералъ далъ обѣщаніе пощадить жизнь. Несмотря на это, Виноа не захотѣлъ выпускать всю добычу изъ зубовъ. „Есть-ли здѣсь начальникъ?“ закричалъ онъ.—„Это я! отвѣтилъ Дюваль, я—Дюваль“. — „Разстрѣлять его“!—сказалъ Виноа. Второй офицеръ вышелъ изъ рядовъ: „я—начальникъ его штаба“, сказалъ онъ; а третій заявилъ: „я—его адъютантъ“. Всѣ трое бодро однимъ скачкомъ перепрыгнули ровъ, окаймлявшій дорогу, и прислонились къ стѣнѣ питомника, гдѣ и пали, изрѣшеченные пулями, при крикахъ: „Да здравствуетъ республика. Да здравствуетъ Коммуна!“ Какой-то мерзавецъ, кавалеристъ, снялъ сапоги съ Дюваля, которые и потащилъ въ видѣ трофея. Отъ этого преступленія Виноа потомъ отказался, заявивъ, что „названный Дюваль убитъ былъ въ сраженіи“ *). Но истина обнаружена была другими—генераломъ Лефло и полковникомъ Ламберомъ—въ ихъ показаніяхъ Слѣдственной Коммисіи. Ее-же мы встрѣчаемъ и подъ перомъ одного изъ сотрудниковъ Виноа, который, мимоходомъ, возвеличиваетъ Дюваля, разсчитывая оклеветать его: „Что касается названнаго Дюваля, этого другого случайнаго генерала, пишетъ онъ **), то по-утру онъ былъ разстрѣлянъ въ Маломъ Бисетрѣ вмѣстѣ съ двумя офицерами главнаго штаба Коммуны. Всѣ трое съ бахвальствомъ встрѣтили судьбу, которую законъ готовитъ всѣмъ начальникамъ инсургентовъ, взятымъ съ оружіемъ въ рукахъ“.

Въ Дювалѣ погибъ одинъ изъ лучшихъ солдатъ революціи. Если у него и не было способностей профессіональнаго генерала, то онъ обладалъ въ значительной степени качествами вожака толпы, который ведетъ ее на приступъ Тюльери и низвергаетъ троны и Бастиліи. Немногіе люди пользовались такой властью надъ массами. Онъ былъ абсолютнымъ владыкой въ XIII округѣ. Могучій работникъ, какъ это и требовалось его профессіей литейщика, онъ съ перваго-же раза привлекалъ симпатіи и довѣріе льнувшихъ къ нему и беззавѣтно отдававшихся ему пролетаріевъ, завоеванныхъ его суровой и вмѣстѣ съ тѣмъ сознательной энергіей. Никто такъ не былъ-бы нуженъ Коммунѣ, какъ этотъ молодой 30-лѣтній человѣкъ, когда настали трагическіе часы уличной борьбы, во время которой его способность быстро оріентироваться и хладнокровная отвага несомнѣнно сдѣлали-бы его избраннымъ вождемъ, котораго-бы слушали и слушались.

Еще раньше Эмиля Дюваля, наканунѣ, подобнымъ-же образомъ палъ другой дѣятель революціи, котораго Парижъ тоже любилъ и оплакивалъ—Густавъ Флурансъ. Онъ не былъ пролетаріемъ; по происхожденію и воспитанію онъ былъ изъ буржуазной среды; Флурансъ былъ сыномъ ученаго, самъ посвя-

---

*) General Vinoy.—Armistice et Commune, стр. 374.

**) La Guerre des Communeux de Paris, par un Officier supérieur de l'armée de Versailles, стр. 133.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тилъ себя карьерѣ ученаго и занимался преподаваніемъ во французскомъ коллежѣ. Руководствуясь порою исключительно субъективными мнѣніями, какъ черезчуръ впечатлительный человѣкъ, онъ часто впадалъ въ ошибки и не всегда умѣлъ согласовывать свою дѣятельность съ общественнымъ дѣломъ, совершавшимся вокругъ него и преслѣдовавшимъ болѣе вѣрныя цѣли; но несмотря на это Флурансъ душою и тѣломъ былъ преданъ рабочему и соціалистическому дѣлу, онъ полонъ былъ героической отваги, шелъ прямо па опасность и бросалъ вызовъ смерти. Онъ могъ-бы весьма легко занять въ мірѣ привилегированныхъ, къ которому принадлежалъ по своему рожденію и по воспитанію, счастливое и завидное мѣсто, но взамѣнъ этого при имперіи онъ былъ однимъ изъ непримиримѣйшихъ республиканцевъ и самымъ нетерпѣливымъ изъ революціонеровъ. И при республикѣ также, оставшись мятежникомъ и всѣмъ сердцемъ примыкая къ обездоленнымъ и эксплоатируемымъ, онъ погибъ, какъ говоритъ авторъ Guerre des Communeux de Paris, котораго мы уже цитировали, „какъ преступный защитникъ правъ народа". Это произошло при слѣдующихъ, позорныхъ для палачей, обстоятельствахъ.

Съ нѣсколькими изъ своихъ бельвильцевъ и со своимъ вѣрнымъ адъютантомъ Амилькаромъ Чипріани, Флурансъ, отрѣзанный отъ колонны Бержере, отступленію котораго онъ только что помогъ, направился въ сторону Рюйеля. При входѣ въ мѣстечко онъ замѣтилъ гостинницу, куда и вошелъ вмѣстѣ съ Чипріани; занявъ здѣсь комнату онъ, усталый, бросился на постель. Не прошло послѣ этого и часа, какъ постучались. Новидимому, хозяинъ гостинницы извѣстилъ жандармовъ, патрули которыхъ находились въ окрестности, и жандармы явились. Флурансъ тотчасъ-же проснулся и схватился за оружіе; Чипріани сдѣлалъ то-же и они попытались проникнуть въ дверь и бѣжать. Но было уже черезчуръ поздно: ихъ окружили сорокъ жандармовъ, напали на нихъ, оттѣснили по лѣстницѣ, обезоружили и взяли въ плѣнъ. Между тѣмъ подъѣхалъ жандармскій капитанъ Демаре. „А! такъ это вы, Флурансъ, закричалъ онъ, стрѣляете въ моихъ жандармовъ"—и, поднявшись на стременахъ, ударомъ сабли онъ разрубилъ ему черепъ. Трупъ Флуранса былъ брошенъ на навозную телѣгу рядомъ съ Чипріани, почти бездыханнымъ и принятымъ за мертваго, и отвезенъ въ Версаль.

Дюваль и Флурансъ были командующими; но солдатъ также не щадили. Въ этотъ день 3-го апрѣля Галлифе разстрѣливалъ безъ разбора всѣхъ національныхъ гвардейцевъ, попадавшихъ въ его руки. Въ Шату—Gaulois въ № отъ 4-го апрѣля подробно передаетъ этотъ разсказъ—Галлифе захватилъ трехъ федералистовъ: капитана, сержанта и простого гвардейца. Всѣхъ трехъ разстрѣляли безъ всякихъ формальностей. Затѣмъ этотъ солдафонъ отправился въ мэрію и написалъ слѣдующую прокламацію, которая была тотчасъ же объявлена съ барабаннымъ боемъ во всеобщее свѣдѣніе. „Война объявлена бандитами въ Парижѣ. Вчера, позавчера, сегодня они убивали моихъ солдатъ. Я объявляю этимъ убійцамъ войну безъ устали и пощады. Я долженъ былъ показать примѣръ сегодня утромъ. Пусть онъ будетъ спасительнымъ; желаю, чтобы я не былъ вновь вынужденъ прибѣгнуть къ такимъ же крайностямъ. Не забывайте, что страна, законъ, а, слѣдовательно, и право

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

зависятъ отъ Версаля и Національнаго Собранія, а не отъ потѣшнаго Собранія въ Парижѣ, называющагося Коммуной.“

Если этотъ рейтаръ выражался съ такимъ звѣрскимъ цинизмомъ, то, конечно, онъ получилъ на это разрѣшеніе изъ Версаля, приказъ котораго состоялъ въ томъ, чтобы обращаться съ воюющими парижанами, какъ съ инсургентами и разстрѣливать ихъ по своему желанію, безъ соблюденія какихъ бы то ни было формальностей. Главнокомандующій Виноа поступалъ такимъже образомъ на другомъ концѣ битвы. Это служитъ доказательствомъ, что правительство и Версальское Собраніе рѣшили объявить внѣ законовъ войны и гуманности всякаго, поднявшаго оружіе за Парижъ, и что въ ихъ планы входило методическое и систематическое избіеніе всѣхъ партизановъ Коммуны. Позолоченная сволочь, спасшаяся бѣгствомъ въ городъ Короля-Солнца толкали министровъ и генераловъ на этотъ свирѣпый путь, считая репрессію черезчуръ медлительной и черезчуръ мягкой, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ разсказы несчастныхъ, попавшихъ въ саторійскую геенну въ эти дни безумства и крови.

„Невозможно описать пріемъ, встрѣченный нами въ городѣ деревенщиковъ, разсказываетъ одинъ изъ нихъ, котораго мы только что цитировали, говоря о разстрѣлѣ Дюваля. По низости это превосходитъ все, что возможно себѣ вообразить. Избиваемые, подъ ударами палокъ, среди града свистковъ и воплей, мы вынуждены были дважды обойти весь городъ, останавливаясь на извѣстныхъ пунктахъ, чтобы насъ съ большимъ удобствомъ могла преслѣдовать своими звѣрствами толпа шпіоновъ и полицейскихъ, толпившихся по обѣ стороны улицъ, которыми насъ проводили... Сначала насъ отвели въ кавалерійское депо, гдѣ мы стояли, по крайней мѣрѣ, двадцать минутъ. Толпа рвала съ насъ наши плащи, кепи, манерки, ничто не ускользало отъ ярости этихъ бѣсноватыхъ, опьянѣвшихъ отъ ненависти и мщенія. Насъ называли ворами, разбойниками, убійцами, канальями и пр... Отсюда насъ повели въ казармы парижской гвардіи. Насъ заставили войти во дворъ, гдѣ мы встрѣтили господъ, облившихъ насъ градомъ отборвѣйшей брани; затѣмъ, по командѣ своихъ офицеровъ, они съ трескомъ зарядили свои шаспо, говоря со смѣхомъ, что перестрѣляютъ насъ, какъ собакъ. Окруженными конвоемъ этой солдафанской черни насъ повели въ Сатори и заперли въ числѣ 1685 человѣкъ въ военномъ складѣ. Изнемогая отъ усталости и лишеній, при невозможности лечь, настолько мы были сдавлены другъ другомъ, мы провели здѣсь двѣ ночи и два дня, на вогахъ, каждый по очереди ложась на клочокъ сырой соломы, и не имѣя другой пищи, кромѣ хлѣба и вонючей воды для питья, которую г.г. наши караульные черпали въ лужѣ, въ которую они же, не стѣсняясь, испряжнялись. Это омерзительно, но это—фактъ...“

Реакція брала верхъ и возвращала Францію къ первобытнымъ временамъ, когда побѣжденнаго топталъ ногами, мучилъ духовно и тѣлесно звѣрь-побѣдитель. Подчинить противника, обезоружить его, этого для него было недостаточно; ему нужно было бить его по щекамъ, плевать въ лицо, пачкать его грязью и нечистотами, чтобы онъ казался презрѣннымъ, противнымъ, недостойнымъ сожалѣнія. Министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ доводилъ до конца

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

эту гнусную тактику, когда, сообщая Франціи о версальской побѣдѣ, онъ говорилъ о 1600 несчастныхъ плѣнныхъ, страданія которыхъ мы только что описывали: „Никогда еще низкая демагогія не представляла удрученнымъ взорамъ честныхъ людей болѣе гнусныхъ физіономій“. Между этими „гнусными физіономіями“ была и физіономія знаменитаго географа Элизе Реклю. Безъ сомнѣнія, нельзя еще ниже опуститься въ омутъ злодѣйства и низости, чѣмъ опустились въ эти дни Пикаръ и его господинъ-Тьеръ.

Въ Парижѣ царило уныніе. Коммуна попыталась скрыть пораженіе, но это было совершенно безполезно. Весь Парижъ, не участвовавшій въ сраженіи, женщины, дѣти, старики—со стѣнъ укрѣпленій, взобравшись на высоты Монмартра и Бельвиля, слѣдили за перипетіями драмы. Кромѣ того тутъ же была и враждебная пресса; она стала многорѣчивой и была очень рада, что можетъ все освѣтить въ этихъ печальныхъ событіяхъ.

Коммуна также ссылалась, между прочимъ, на неспособныхъ военноначальниковъ, начавшихъ вылазку, не получивъ на это формальнаго разрѣшенія Исполнительной Комиссіи. Но изъ числа этихъ командующихъ двое уже умерли, убитые Версалемъ; они заплатили своей жизнью за свою горячность и за свой энтузіазмъ. А, кромѣ того, если Исполнительная Комиссія и не предписывала произвести вылазку, то она не запретила ея; такимъ образомъ, и на ней лежала часть отвѣтственности за пораженіе. На это, именно, и указалъ Вальянъ въ вечернемъ засѣданіи 3-го апрѣля, возражая Лефрансэ, который въ видѣ протеста подалъ послѣ этого въ отставку. Тогда Коммуна предложила, въ видѣ санкціи, двумъ оставшимся въ живыхъ генераламъ—Эду и Бержере—отказаться отъ званія членовъ Исполнительной Комиссіи и замѣстила ихъ, а также и умершаго Дюваля—Делеклюзомъ, Курне и Верморелемъ. Съ другой стороны она поставила во главѣ управленія военными дѣлами Клюзере, *уже бывшаго помощникомъ Эда съ вечера 2-го апрѣля, но во всякомъ* случаѣ не участвовавшаго въ вылазкѣ.

Коммунѣ необходимо было выполнить еще другое дѣло, нетерпѣвшее отлагательства: принять мѣры, чтобы Національное Собраніе положило конецъ разстрѣламъ плѣнныхъ, и избіеніямъ раненыхъ, начатымъ съ такой наглостью разными Виноа и Галлифе въ Шату и въ Рюйелѣ, въ Шатильонѣ и въ Маломъ Бисетрѣ. Уже 2-го апрѣля, еще послѣ перваго нападенія версальскихъ войскъ, Коммуна приняла декретъ, первая статья котораго гласила, что г. г. Тьеръ, Фавръ, Пикаръ, Дюфоръ, Симонъ и Потюо предаются суду по обвиненію въ томъ, что предписали начать и начали гражданскую войну, напали на Парижъ, убили и ранили національныхъ гвардейцевъ, пѣхотныхъ солдатъ, женщинъ и дѣтей, а статья вторая заявляла, что на ихъ имущество накладывается арестъ и секвестръ, пока они не явятся на судъ народа.

Однако, ограничиться однимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, которымъ обвиняемые могли владѣть въ столицѣ, было недостаточно. Это не остановитъ буржуазію — убійцу; она задумается лишь въ томъ случаѣ, если-бы опасность грозила ей самой, если-бы кто либо изъ своихъ, и притомъ изъ самыхъ верховъ, очутился передъ дулами ружей федералистовъ. Эту мысль и развивалъ Вальянъ въ засѣданія 4-го, когда говорилъ: „чтобы

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

отвѣтить на убійства версальскаго правительства, Коммуна должна вспомнить, что у нея есть заложники; пусть она воздастъ ударомъ за ударъ.“ Это-же мнѣніе заставило Делеклюза предложить въ засѣданіи 5-го апрѣля декретъ о заложннкахъ, который и принятъ единогласно. Вотъ его содержаніе:

„Принимая во вниманіе, что правительство открыто топчетъ, какъ права человѣчности, такъ и права войны; что оно виновно въ ужасахъ, которыми не запятнали себя даже пруссаки-завоеватели;

принимая во вниманіе, что на представителяхъ Парижской Коммуны лежитъ настоятельный долгъ защищать честь и жизнь двухъ милліоновъ жителей, вручившихъ въ ихъ руки заботы о своей судьбѣ; что необходимо принять тотчасъ-же всѣ мѣры, диктуемыя положеніемъ;

принимая во вниманіе, что политическіе дѣятели и городскія власти должны согласовать общее благо съ уваженіемъ къ политическимъ свободамъ,—

предписывается:

Статья 1.—Всякое лицо, уличенное въ сообщничествѣ съ версальскимъ правительствомъ подлежитъ немедленному обвиненію и заключенію подъ стражу.

Статья 2.—Въ теченіе 2 часовъ учрежденъ будетъ судъ присяжныхъ для разбора поступающихъ въ него дѣлъ о преступленіяхъ.

Статья 3.—Судъ присяжныхъ постановляетъ свой приговоръ въ теченіе 48 часовъ.

Статья 4.—Всѣ обвиненные вердиктомъ присяжныхъ считаются заложниками Парижскаго народа.

Статья 5.—Всякая казнь военноплѣннаго или сторонника законнаго правительства Парижской Коммуны немедленно вызоветъ казнь тройного числа заложниковъ, опредѣляемыхъ по жребію изъ числа задержанныхъ въ силу статьи 4.

Статья 6.—Всякій военноплѣнный отводится въ судъ присяжныхъ, который постановляетъ, подлежитъ-ли онъ немедленному освобожденію или задержанію въ качествѣ заложника“.

Мы привели полный текстъ этого документа, потому что даже еще и въ настоящее время онъ служитъ однимъ изъ обвиненій наиболѣе часто приводимыхъ противъ Коммуны и всего охотнѣе взводимыхъ на нее лицемѣрными и лживыми историками. Декретъ этотъ былъ справедливъ, онъ былъ законенъ и необходимъ. Онъ формулировалъ обязательный отвѣтъ на жестокости, которымъ нѣтъ имени и которыя уже были пущены въ ходъ защитниками привиллегированныхъ классовъ. Къ несчастью, Коммуна отвѣчала въ такой моментъ, когда настоящіе, наиболѣе цѣнные заложники: министры, депутаты, генералы, великіе дѣльцы и биржевые игроки уже успѣли укрыться подъ защиту пушекъ Порядка и шасно регулярной арміи, переформированной благодаря разрѣшенію и доброжелательству пруссаковъ. Революціонное правительство могло задержать только нѣсколько человѣкъ изъ числа запоздавшихъ: одного архіепископа, одного судью, биржевого банкира, іезуитовъ, священниковъ, т. е. такихъ людей, о которыхъ Тьеръ и Національное Собраніе мало безпокоились. Однако, и при такомъ положеніи этой мѣры оказалось достаточно, чтобы парализовать вплоть до послѣдней недѣли мая неистовства репрессій, которыхъ такъ жаждалъ Версаль. Такимъ образомъ, коммуна всетаки достигла своей цѣли

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

X. Коммуна въ провинціи.

Въ то время, когда подъ стѣнами Парижа революція проиграла свое первое сраженіе и отъ наступленія вынуждена была перейти на положеніе невѣрной обороны, въ провинціи одинъ вслѣдъ за другимъ потухали инсуррекціонные очаги, разгорѣвшіеся было въ теченіе послѣднихъ дней марта. Провинція въ то время не была еще такою, какою она стала впослѣдствіи. Капиталистическое развитіе не захватило еще въ свои каторжныя фабрики и въ свои непотребныя торжища весь рабочій и эксплоатируемый народъ. Скопленія людей, занятыхъ производственными отношеніями, были болѣе рѣдки и менѣе плотны, и только нѣкоторыя изъ нихъ были затронуты пропагандой рабочихъ агитаторовъ Интернаціонала или другихъ обществъ. Въ остальныхъ мѣстахъ работники погружены были въ состояніе пассивной безсознательности. Это относится къ городской Франціи. Что же касается деревенской Франціи, то цѣлый міръ суевѣрій и суевѣрныхъ ужасовъ отдѣлялъ ее еще отъ соціализма. Крестьянское міровоззрѣніе не измѣнилось съ того времени, когда благодаря ему могла возстановиться имперія въ 51 и 52 г.г.; сельскій работникъ продолжалъ смотрѣть на городского работника, какъ на тунеядца и на приверженца идеи всеобщаго поравненія, стремящагося ограбить его имущество и его сбереженія, отнять у него продукты земледѣльческаго хозяйства, чтобы жить и жуировать по своему желанію.

Крестьянинъ только что послалъ въ Національное Собраніе четыреста монархистовъ, презиравшихъ всякія современныя идеи; онъ сдѣлалъ все это не для того, чтобы два мѣсяца спустя пристать къ демократической и соціальной республикѣ. Кромѣ того, цѣлая область, на востокѣ и сѣверѣ, еще билась подъ пятой чужеземца. Такимъ образомъ, нашъ обзоръ будетъ краткимъ, и мы быстро вернемся къ Парижу, потому что фактически именно въ немъ разовьются всѣ перипетіи происходившей драмы. Въ эту эпоху существовала соціалистическая столица, но не было еще соціалистической Франціи. Парижъ переросъ остальную націю болѣе чѣмъ на двадцать лѣтъ.

Ліонъ заволновался первый: это былъ второй городъ страны, единственный послѣ Парижа, въ которомъ существовали рабочія и революціонныя традиціи. Рабочіе Кроа-Руссъ были сыновьями и внуками тѣхъ рабочихъ 1832 г., которые выступили первыми инсургентами нищеты. 21-го марта офицеры Національной гвардіи, собравшись въ количествѣ 200 во дворцѣ Сенъ-Пьеръ, вмѣстѣ съ членами центральнаго клуба и въ присутствіи парижскаго делегата Альбера Блана, привѣтствовали Коммуну и отправили къ мэру Генону делегацію, которая ему заявила: „Мы желаемъ провозглашенія Коммуны, соглашенія съ парижскимъ движеніемъ, отставки префекта и новыхъ общихъ выборовъ.“ Генонъ, мелко плававшій республиканецъ, заупрямился. Въ 3 часа дня делегація вновь явилась, но уже подкрѣпленная многими батальонами Кроа-Руссъ и Гильотьеры, и обратилась къ засѣдавшему муниципальному совѣту, встрѣтивъ же съ его стороны сопротивленіе, попросту объявила его распущеннымъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Занята была ратуша, а мэромъ на мѣсто Генона выбранъ былъ докторъ Крестенъ; затѣмъ учреждена была временная комиссія изъ одинадцати членовъ, префектъ Валентенъ былъ арестованъ и на Ратушѣ поднято красное знамя. 22-го и 23 марта возстаніе оставалось полнымъ хозяиномъ положенія и пыталось сорганизоваться, но народный порывъ отсутствовалъ. Между тѣмъ буржуазія, на мгновеніе пришедшая была въ смущеніе, вновь воспрянула духомъ послѣ извѣстій и инструкцій изъ Версаля. Отставленный мэръ Генонъ интриговалъ, протестуя противъ насилія, учиненнаго противъ него и его совѣта; пресса слѣдовала его примѣру. Національная гвардія раздѣлилась и заколебалась. Въ то же время генералъ Круза, главный начальникъ регулярныхъ войскъ, наоборотъ, все увеличивалъ свои силы; онъ велъ себя уклончиво и, смотря по обстоятельствамъ, то кричалъ— „да здравствуетъ республика"! то— „да здравствуетъ законъ!" Помахивая, какъ какой нибудь шпагой, призракомъ прусскаго вмѣшательства, онъ старался выиграть время для концентраціи достаточныхъ силъ для подавленія движенія. Наконецъ, 24-го марта онъ вмѣшался и овладѣлъ положеніемъ, не сдѣлавъ ни одного выстрѣла. Члены Ліонской Коммуны, покинутые всѣми, бѣжали въ Швейцарію, а станки вновь заработали въ кварталѣ Кроа-Руссъ. Въ апрѣлѣ Ліонъ вновь сдѣлаетъ попытку инсуррекціи, но она будетъ подавлена еще легче, хотя и съ кровавыми жертвами. Въ этотъ разъ за баррикадами Гильотьеры падутъ пятьдесятъ пролетаріевъ.

Неудача ліонскаго движенія, которою воспользовался префектъ Саоны и Лоары, братъ Жюля Ферри, повела за собою неудачу движенія и въ Крезо, гдѣ рабочіе завода Шнейдера, подъ вліяніемъ мэра Дюмэ, провозгласили 26-го марта Коммуну и рѣшили помочь французской революціи.

Шарль Ферри обѣщалъ всеобщую амнистію. Тѣмъ не менѣе первымъ его дѣйствіемъ, какъ только онъ проникъ въ Ратушу во главѣ 34-го пѣхотнаго полка, было арестовать Дюмэ и посадить его въ тюрьму.

Въ Сентъ-Этьенѣ дѣло было болѣе горячее. Ратуша была въ теченіе четырехъ дней во власти народной милиціи, и безъ сомнѣнія, еслибы изъ толпы выдѣлились рѣшительные люди, способные оріентироваться, и взяли бы въ свои руки все дѣло, этотъ городъ, населенный передовыми рабочими—оружейниками и басонщиками—и окруженный рядомъ промышленныхъ мѣстечекъ — Рикамери, Фирмини, Сенъ-Шамонъ, въ которыхъ мятежный духъ былъ какъ бы прирожденнымъ, могъ бы доставить, какъ цѣлый раіонъ, серіозную точку опоры общему движенію, онъ могъ бы оживить пожаръ, слабо затушенный въ Ліонѣ, и создать этимъ диверсію, безусловно полезную для парижскаго движенія. Къ сожалѣнію въ нужную минуту вожаковъ не нашлось. Послѣ смерти префекта де-Леспе, по оплошности убитаго во время неожиданной стычки, рабочій классъ, подавленный этимъ случаемъ, отступилъ и бросилъ дѣло. Между тѣмъ пришли войска изъ Монбризона и Ліона; начались аресты и порядокъ былъ возстановленъ.

На югѣ волновались въ особенности три города: Тулуза, Марсель и Нарбонна. Въ Тулузѣ возбужденіе ограничилось только словами и осталось такъ сказать парламентарнымъ, но въ Нарбоннѣ и въ особенности въ Марселѣ оно дошло до вооруженнаго сопротивленія и до битвы.

Въ Тулузѣ и въ Верхней Гароннѣ префектомъ съ 4-го сентября былъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Арманъ Дюпорталь, который въ теченіе всей войны поддерживалъ живую оппозицію Гамбеттѣ (одно изъ самыхъ его похвальныхъ дѣлъ) и пользовался среди своихъ согражданъ большой популярностью; онъ издавалъ и вдохновлялъ мѣстную газету L'Emancipation, органъ истинно республиканскій, который велъ открытую борьбу съ Національнымъ Собраніемъ и съ его реакціонными происками. 19-го марта, передавая событія, ареной которыхъ наканунѣ былъ Парижъ, эта газета высказалась за роспускъ Версальскаго Собранія. Въ городѣ тотчасъ-же возникло сильное возбужденіе. Офицера національной гвардіи, собравшись въ Колизеѣ, поклялись защищать республику и потребовали для своихъ батальоновъ патроновъ, что и было исполнено мэромъ Кастельбу. Тогда старшій предсѣдатель суда, нѣкто Сенъ-Грессъ, испугавшись такого оборота событій, телеграфировалъ въ Версаль доносъ на Дюпорталя съ цѣлью смѣстить его и занять его мѣсто, а Тьеръ, схвативъ, такъ сказать, быка за рога, тотчасъ-же отправилъ въ Тулузу бывшаго префекта полиціи де Кератри. Это назначеніе было прямо гнусностью. Кератри явился въ Тулузу 23-го; но онъ встрѣченъ былъ національной гвардіей враждебно, она прямо на его глазахъ привѣтствовала Дюпорталя и вынудила вновь прибывшаго вернуться обратно въ Аженъ. Дюпорталь сдѣлалъ было попытку добиться у Версальскаго правительства, чтобы его вновь возстановили въ должности, но потерпѣлъ неудачу. Увлеченный затѣмъ народнымъ потокомъ, онъ принялъ званіе делегата Коммуны въ Тулузской префектурѣ, а сама Коммуна была торжественно провозглашена въ Капитоліи. Фактъ совершился: Тулуза приняла сторону революціи. Тогда Сенъ-Грессы и другіе реакціонеры, и въ числѣ ихъ генералъ де Нансути, загримировавшись въ республиканцевъ на данный случай, сдѣлали попытку въ обратномъ направленіи. Заявляя о своей преданности республикѣ, „за которую они готовы пролить послѣднюю каплю крови“, они указывали тулузскому населенію на то обстоятельство, что всѣ извѣстные республиканцы, начиная съ Греви и кончая Луи-Бланомъ, на сторонѣ Версаля, что парижскій центральный комитетъ состоитъ изъ людей, неизвѣстно откуда взявшихся и невѣдомо къ чему стремившихся. Этимъ господамъ удалось благодаря этому поселить смуту среди національной гвардіи, перетянуть на свою сторону нѣкоторое число офицеровъ и добиться, въ чемъ имъ помогла слабость Дюпорталя, принятія извѣстнаго рода компромисса, въ силу котораго временное завѣдываніе департаментомъ поручено было одному совѣтнику префектуры и временному муниципалитету, во главѣ котораго стоялъ начальникъ Валетскаго батальона. Обѣ партіи согласились на этомъ, и красные батальоны очистили Капитолій. Этого-то и ждали Сенъ-Грессы и ихъ банда. Не медля ни минуты, другіе военные отряды добровольцевъ Порядка, собранные главнымъ сборщикомъ генераломъ де Карбонелемъ, заняли всѣ главные стратегическіе пункты города, а на другой день въ 10 ч. у. появился и Кератри со свитою изъ трехъ генераловъ и нѣсколькими тысячами солдатъ. Съ нимъ прибыли также шесть орудій, которыя онъ и навелъ на Ратушу. Дюпорталь и его друзья попались какъ мышь въ мышеловку, и имъ ничего не оставалось, какъ отдаться на благовоззрѣніе побѣдителя, милость котораго имъ, впрочемъ, и была дарована. Тулуза не будетъ уже сражаться за Коммуну и позволитъ республиканцамъ вродѣ Греви и вродѣ Луи Блана раздавить Парижъ заодно съ г.г. Виноа и г.г. Галлифе.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Нарбонна приняла болѣе дѣятельное участіе въ движеніи, потому что въ ней нашелся дѣятель, достойный ея и ея мужества,—Эмиль Дижонъ. Онъ былъ однимъ изъ пострадавшихъ въ декабрѣ 51 г., человѣкомъ непосредственнаго и прямаго дѣла. Послѣ 18-го марта онъ хотѣлъ поднять Каркассону, въ которой онъ въ то время жилъ, но ему помѣшалъ въ этомъ одинъ изъ его товарищей, адвокатъ Марку, который устраивалъ свою будущую карьеру, и не безъ надежды на успѣхъ, т. к. впослѣдствіи онъ сталъ депутатомъ и сенаторомъ. Можетъ быть, онъ былъ и министромъ, какъ знать? ихъ, вѣдь, столько перебывало. Хитрый Марку удалилъ Дижона изъ Каркассоны и направилъ его въ Нарбонну, убѣдивъ его, что этотъ второй городъ департамента гораздо легче можно увлечь, чѣмъ главный городъ. 23-го Дижонъ прибылъ въ Нарбонну и тотчасъ-же во главѣ 200 рѣшительныхъ людей занялъ Ратушу, откуда и выгналъ муниципальный совѣтъ, упорно не соглашавшійся провозгласить Коммуну. На другой день, 24-го марта, его атаковала рота 52-го пѣхотнаго полка, но какъ и на Монмартрѣ, женщины смѣло бросились между солдатами и возставшими, и пѣхота подняла ружья прикладами вверхъ, выдавъ своихъ офицеровъ. Послѣ полудня сотня солдатъ дезертировъ усилила ряды революціонеровъ. Планъ Дижона, принявшаго званіе командующаго республиканскими силами Нарбоннскаго округа, былъ простъ. Владѣя Нарбонной, онъ не имѣлъ намѣренія ограничиться одною ею и ждать, пока его оттуда не прогонятъ; наоборотъ, онъ разсчитывалъ войти въ связь съ окрестностями Ода и Геро — съ Каркассоной, Безьеромъ, Цеттъ, Монпелье, гдѣ имѣлись интеллигентыя силы, объединить ихъ, организовать федеративное соглашеніе, расширивъ свое вліяніе, протянуть руку Тулузѣ, Марселю, уже возставшему, и поднять такимъ образомъ весь югъ. Этотъ планъ могъ удаться, даже удался бы, если-бы у Дижона было достаточно времени, и войска, которыми могло располагать версальское правительство въ южной Франціи, оставались бы привязанными къ ихъ постояннымъ мѣстамъ стоянокъ и не были-бы двинуты всѣ цѣликомъ для подавленія Нарбонны. 28-го прибыли двѣ роты тюркосовъ и повели себя, какъ будто-бы онѣ совершали какой нибудь набѣгъ; но въ этомъ большой бѣды еще не было: Ратуша была укрѣплена, улицы забаррикадированы и эти звѣри въ мундирахъ должны были держаться въ отдаленіи. При столкновеніи инсургенты потеряли только одного убитаго и трехъ раненыхъ. Къ несчастью, 30-го положеніе измѣнилось вполнѣ и во всемъ. Стало извѣстно, что инсуррекція подавлена была, какъ въ Тулузѣ, такъ въ Ліонѣ и Сентъ-Этьенѣ. Такимъ образомъ, противъ Нарбонны могли быть направлены всѣ силы генераловъ Порядка, находившіяся въ этой области. 31-го явился съ внушительными силами генералъ Зенцъ, покоритель Тулузы. Его требованія были категоричны: сдача или бомбардировка. Солдаты-дезертиры, присоединившіеся въ предыдущіе дни къ Дижону, покинули его; національные гвардейцы, сознавая, что дѣло погибло, а сопротивленіе безполезно, также устранились. Дижонъ остался одинъ, но отказался всетаки покинуть Ратушу. Друзья увели его насильно и доставили ему убѣжище; но старый республиканецъ не согласился ни бѣжать, ни скрываться, и 2-го апрѣля онъ былъ арестованъ и посаженъ въ заключеніе.

Въ это время, внѣ Парижа, еще держалась только одна цитадель республиканскаго и рабочаго возстанія—Марсель. Въ Марсели инсуррекція перешла

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

немедленно въ настоящую революцію и проявила, въ сокращенномъ видѣ и при быстромъ ходѣ событій, всѣ перипетіи, которыми уже ознаменовалось или должно было ознаменоваться развитіе Коммуны въ Парижѣ. Уже полгода какъ Марсель не переставалъ волноваться въ унисонъ съ столицей. 4-го сентября она провозгласила республику въ тотъ именно часъ, когда на берегахъ Сены народъ захватилъ дворецъ Законодательнаго Корпуса; 31-го октября въ Марсели тоже былъ свой день патріотическаго пробужденія противъ неспособнаго и измѣнническаго правительства. Теперь его гнѣвъ и проклятія направлены были противъ Національнаго Собранія. Извѣстіе о революціи 18-го марта принято было съ энтузіазмомъ, граничившимъ съ восторгомъ. 22-го марта въ собраніи въ Эльдорадо, передъ громаднымъ стеченіемъ народа, Гастонъ Кремье, держа въ рукахъ парижскій Officiel, краснорѣчиво изложилъ событія, указалъ на опасности, угрожавшія республикѣ вслѣдствіе поведенія версальскаго правительства, и приглашалъ гражданъ быть мужественными и смѣлыми, какъ это требуется обстоятельствами. Эта манифестація, сопровождавшаяся уличными демонстраціями, внесла смятеніе и опасеніе въ ряды реакціонной партіи населенія; по предложенію генерала Эспивана де ла Вильбоане, префектъ—адмиралъ Конье—рѣшилъ, что для дѣла порядка необходимо было тотчасъ-же отвѣтить контръ-манифестаціей. Въ виду этого онъ предписалъ утромъ 23-го полковнику Жанжану пробить во всѣхъ кварталахъ сборъ, чтобы собрать вооруженную національную гвардію. Это значило, какъ на это тщетно и указывалъ ему мэръ Бари, только ускорить, форсировать движеніе. Дѣйствительно, національные гвардейцы, приверженцы порядка, изумленные этимъ приказомъ, остались въ своихъ домахъ, а явились одни лишь національные гвардейцы народныхъ кварталовъ. Мобилизированные такимъ образомъ, они не захотѣли разойтись, не проявивъ открыто и активно своихъ республиканскихъ убѣжденій. При крикахъ: „Да здравствуетъ Парижъ! Да здравствуетъ республика!“—они направились въ префектуру. Никто не оберегалъ и не защищалъ ее: граждане („civiques“) безпрепятственно проникли туда и нашли тамъ мэра, префекта, двухъ секретарей, бригаднаго генерала и коменданта, которыхъ они и арестовали или взяли въ плѣнъ, не прибѣгая при этомъ ни разу къ оружію. Этотъ уловъ, захватившій сразу всѣхъ главныхъ оффиціальныхъ властей города, сдѣлалъ революцію хозяйкой положенія. Гвардейцы воспользовались тотчасъ-же этимъ и назначили муниципальную комиссію, въ которую вошли Гастонъ Кремье, какъ предсѣдатель, Іобъ, Этьенъ-отецъ, всѣ трое уже бывшіе муниципальными совѣтниками, Аллерини, Гильаръ и Мавіель. Передъ толпой, все время прибывавшей, Кремье съ высоты балкона префектуры, провозгласилъ Коммуну, сообщилъ, что Ліонъ, Сентъ-Этьенъ, Бордо, Крезо также ее уже провозгласили и заявилъ, что въ Парижъ посланы будутъ делегаты, чтобы завязать провинціальныя сношенія между новымъ марсельскимъ правленіемъ и Центральнымъ Комитетомъ. Спустя нѣсколько часовъ собрался муниципальный совѣтъ; онъ присоединился къ движенію и делегировалъ трехъ своихъ членовъ — Боска, Дессероа и Сидора—для участія въ Революціонной Департаментской Комиссіи. Республиканскій клубъ поступилъ точно также и делегировалъ для той-же цѣли четырехъ своихъ членовъ—Карту, Фюльжера, Бартеле и Эмиля Буше, товарища прокурора республики. Послѣ этого Версальскій префектъ Конье, побуждаемый

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

къ этому со всѣхъ сторонъ, вручилъ, наконецъ, де Межи свою отставку, освятивъ, такъ сказать, этимъ уже совершившійся фактъ.

Такимъ образомъ, безъ пролитія капли крови, только благодаря, какъ казалось, единодушному согласію населенія, въ Марселѣ учреждена была Коммуна, вполнѣ солидарная по мысли и намѣреніямъ съ Парижской Коммуной. На другой день Департаментская комиссія извѣстила объ этомъ въ своемъ весьма энергично и ясно составленномъ манифестѣ:

„Граждане... насъ надѣялись раздѣлить на два лагеря, но Марсель единодушно заявилъ, что онъ поддержитъ республиканское правительство, правильно составленное, которое будетъ засѣдать въ столицѣ. Избѣгнувъ опасности, Марсель уже не могъ долѣе довѣрять администраціи префектуры: при участіи муниципальнаго совѣта и всѣхъ республиканскихъ группъ учреждена была временная Департаментская Комиссія для управленія городомъ и департаментомъ... Денно и нощно мы будемъ стоять на стражѣ республики, пока новая власть, исходящая отъ законнаго правительства, засѣдающаго въ Парижѣ, не явится освободить насъ отъ нашихъ функцій.—Да здравствуетъ Парижъ! Да здравствуетъ республика!“

Сторонники порядка, реакціонеры, бенефиціанты капиталистическаго режима также отнеслись къ движенію въ Марселѣ, какъ и въ Парижѣ, и уже начали строить планы насильственнаго возвращенія власти и отмстки. Какъ и въ Парижѣ, сначала они притаились. Какъ и въ Парижѣ, военныя силы и главные начальники, чувствуя свою изолированность, удалились изъ города. Генералъ Эспиванъ де ла Вильбоане, собравъ всѣ войска, которыя только возможно было собрать, отступилъ въ Обань; и, какъ и въ Парижѣ, чиновники, повинуясь приказу, поторопились соединиться въ этомъ маленькомъ Версалѣ съ сабельныхъ дѣлъ мастерами, создавая вокругъ Департаментской Комиссіи пустое пространство съ цѣлью поставить ее въ невозможность функціонировать. Точно также и радикальные буржуа, какъ и въ Парижѣ неосмотрительно вошедшіе было въ минуту увлеченія на корабль революціи, не замедлили бѣжать съ него. Товарищъ прокурора Буше перепрыгнулъ за бортъ, чтобы спастись вплавь. Всѣ, другъ за другомъ, послѣдовали его примѣру и устремились въ Обань. Муниципальные совѣтники отказывались отъ своего согласія и искали случая увильнуть. Среди всѣхъ этихъ все возраставшихъ затрудненій только одинъ человѣкъ или почти одинъ, отбивался и боролся, стараясь поддержать солидарность тѣхъ элементовъ, благодаря согласію которыхъ вначалѣ движеніе имѣло успѣхъ. Гастонъ Кремье, этотъ человѣкъ свѣтлаго ума и горячаго сердца, употребляя всѣ усилія для сохраненія положенія въ Марселѣ, пытался вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ и Дижонъ въ Нарбоннѣ, расширить движеніе, охватить имъ окрестности. Однако, всеобщая смута и анархія достигли такихъ размѣровъ, что Кремье вскорѣ уже не могъ ихъ побороть. Также точно, какъ это случилось съ его соратниками въ Парижѣ, онъ и здѣсь столкнулся съ всеобщей дезорганизаціей учрежденій, съ сознательной инертностью буржуазіи, съ невѣжествомъ и неспособностью рабочихъ. Утомленный борьбой, онъ, можетъ быть, отказался бы отъ дѣла, когда 27-го марта прибыли делегаты Центральнаго Комитета—Амуру, Ландекъ и Май съ извѣстіями о народной побѣдѣ въ Столицѣ. Этотъ пріѣздъ и эти оптимистическія свѣдѣнія подогрѣли на мгновеніе южный пылъ. Ландекъ всталъ во главѣ движенія; онъ стоялъ за крайнія мѣры и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

обвинилъ Кремье въ виду опозиціи его въ умѣренности и хотѣлъ даже арестовать. Кремье нашелъ пріютъ у друзей но въ ту-же ночь вернулся обратно въ префектуру. Онъ поступилъ такъ потому, что во всякомъ случаѣ онъ вызвалъ народное возстаніе и желалъ, чтобы реакція нашла его на своемъ посту въ тотъ часъ отвѣтственности, который, какъ онъ чувствовалъ, уже близокъ. 28-го Эспиванъ вопреки закону объявилъ департаментъ на военномъ положеніи. Ландекъ, вмѣсто того, чтобы организовать защиту города, отвѣтилъ на это объявленіе арестомъ нѣсколькихъ лицъ, пользовавшихся извѣстностью въ городѣ. Это вызвало новое столкновеніе съ Кремье, но Ландекъ не обратилъ вниманія на его протесты. Продолжая свою комедіантскую роль, онъ объявилъ Эспивана внѣ закона, смѣнилъ его и замѣстилъ бывшимъ субалтернъ-офицеромъ егерей—Пелисье; иныхъ военныхъ мѣръ предосторожности онъ не принялъ.

Съ 29-го марта по 3-е апрѣля общій безпорядокъ достигъ своего апогея. Для Кремье становилось все болѣе и болѣе невозможнымъ внести хотя какой либо порядокъ въ этотъ хаосъ. Тщетно онъ пытался сблизить Департаментскую коммиссію съ муниципальнымъ совѣтомъ, рѣшившись даже предложить послѣднему взять все въ свои руки. Совѣтъ, охваченный страхомъ, не отвѣтилъ на это предложеніе и затаился. Радикальные буржуа, какъ и всегда въ рѣшительные моменты, перешли со всѣмъ своимъ багажемъ въ лагерь реакціи. Такимъ образомъ, Департаментской коммиссіи и парижскимъ делегатамъ оставалось одно только рѣшеніе: они должны были бороться, оспаривать положеніе, организовать защиту, если сознавали себя безсильными для нападенія; но они менѣе всего думали объ этомъ. Они могли укрѣпить Нотръ Дамъ де ла Гардъ, сильная позиція которой командовала надъ городомъ и окрестностями; но объ этомъ они позаботились настолько-же, насколько и Центральный Комитетъ для обезпеченія себѣ обладанія Монъ-Валерьеномъ. Предаваясь упорной иллюзіи, они тоже думали, что солдаты не двинутся, что они побратаются съ народомъ. Ландекъ всѣмъ повторялъ эту басню и этимъ только и ограничивался. Только сами событія должны были разубѣдить этихъ мечтателей.

3-го апрѣля вечеромъ, въ своемъ лагерѣ въ Обанѣ, Эспиванъ получилъ извѣстіе о пораженіи парижскихъ федералистовъ, которые были отброшены и преслѣдуемы до самыхъ стѣнъ Парижа. Взвинченный этой телеграммой, онъ тотчасъ отдалъ своимъ войскамъ приказъ о выступленіи. Въ его распоряженіи находилось въ этотъ моментъ отъ 6—7.000 человѣкъ, плохо сплоченныхъ и не очень надежныхъ, но ему извѣстно было отъ шпіоновъ, что революціонная партія въ Марселѣ совсѣмъ не имѣла возможности собрать даже и такихъ силъ, что раздираемая постоянными несогласіями и интригами радикаловъ она не въ состояніи будетъ поставить на ноги не только всю національную гвардію, но даже и значительную ея часть. И, дѣйствительно, Эспиванъ вошелъ въ городъ, какъ-бы играя. Нѣкоторое сопротивленіе оказано было только на вокзалѣ, который защищали вольные стрѣлки и гарибальдійцы. Департаментская коммиссія потерявъ всякую энергію и перейдя отъ слѣпого оптимизма къ противоположнымъ чувствамъ, отправила для переговоровъ съ этимъ рейтаромъ Ландека, Кремье и Пелисье. Вести переговоры!—какъ разъ было подходящее время для этого. Эспиванъ, ни считаясь не съ какимъ правомъ, хотѣлъ попросту арестовать и разстрѣлять трехъ парламентеровъ, но въ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

концѣ концовъ онъ отправилъ ихъ назадъ съ такимъ ультиматумомъ: „Въ теченіе десяти минутъ пусть мнѣ будетъ сдана префектура, или я возьму ее въ теченіе часа“. Однако, въ теченіе этихъ неудачныхъ переговоровъ Марсель успѣлъ проснуться; толпа залила улицы: видны были національные гвардейцы съ оружіемъ, взволнованныя женщины, ругавшія солдатъ; послѣдніе стали вновь нерѣшительны и мирно настроены. Эсниванъ замѣтилъ опасность и, чтобы покончить однимъ ударомъ, пустилъ въ аттаку въ штыки на префектуру, въ которой находилась главная квартира революціи, 8-й батальонъ пѣшихъ егерей, единственную часть войска, на которую онъ могъ дѣйствительно разсчитывать. Національные гвардейцы Порядка скрытые въ домѣ парка Бонапарта и главнымъ образомъ въ учрежденіи Братьевъ Христіанской Доктрины и въ помѣщеніи Легитимистскаго клуба, поддержали эту аттаку ружейнымъ огнемъ. Сраженіе началось и исходъ его былъ несомнѣненъ. Федералистамъ оставалось лишь два выхода: сдаться или дорого продать свою жизнь. Они приняли второе рѣшеніе. Префектура держалась десять часовъ противъ аттакъ всѣхъ войскъ Порядка, поддержанныхъ огнемъ шести орудій, поставленныхъ на холмѣ Нотръ Дамъ де ла Гардъ, и безнрерывной канонадой съ форта Св. Николая. Въ префектуру брошено было 280 снарядовъ. Только въ 8 часовъ вечера моряки съ Couronne и съ Magnanime рѣшились наконецъ броситься въ зданіе префектуры, покинутое его послѣдними защитниками. Они нашли въ немъ, помимо труповъ сражавшихся, заложниковъ Ландека—цѣлыми и невредимыми. Самъ Ландекъ удалился, сѣвъ на парижскій поѣздъ и оставивъ марсельцевъ и особенно Кремье разглачиваться по счету. Репрессіи были безпощадны. Въ ламповомъ отдѣленіи вокзала, въ казармахъ, въ фортахъ, въ тюрьмахъ побѣжденные, захваченные на мѣстѣ битвы, разстрѣливались безъ всякаго суда. На другой день и на третій арестовано было до тысячи гражданъ и отправлено въ Замокъ Ифъ и въ фортъ Св. Николая. Среди нихъ былъ и Гастонъ Кремье, котораго судьи, желая создать сенсаціонный процессъ, который подчеркнулъ-бы ихъ побѣду, заставили ожидать смерти еще нѣсколько мѣсяцевъ. 5-го апрѣля Эсниванъ совершилъ свой тріумфальный въѣздъ въ покоренный городъ и отслужилъ торжественный молебенъ Богу Силъ при крикахъ: „Да здравствуетъ Іисусъ! Да здравствуетъ Сердце Іисусово!“ Эта акула—святоша, обнаружившая себя такой робкой передъ пруссаками, оказалась теперь въ своей стихіи.

Въ этотъ-же день, 5-го апрѣля, потерпѣлъ пораженіе и пролетаріатъ Лиможа, который 4-го апрѣля, овладѣвъ городомъ, помѣшалъ 91-му полку отправиться въ Версаль, куда его потребовалъ Тьеръ для подкрѣпленія арміи Порядка и разбилъ одинъ или два эскадрона кирасировъ, при чемъ ихъ полковникъ Билле былъ смертельно раненъ. Это была побѣда на одинъ день, какъ и въ прочихъ мѣстахъ.

Въ Ньеврѣ и въ Шерѣ, волненія, обнаружившіяся въ крестьянской средѣ, гдѣ имена Гамбона и Феликса Піа были очень извѣстны и популярны, также не имѣли успѣха.

Такимъ образомъ, 6-го апрѣля все уже было покончено. Провинціальное движеніе въ пользу Парижской Коммуны потерпѣло пораженіе по всей линіи. Чтобы смести и разсѣять его, достаточно было всего нѣсколькихъ дней и нѣс-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

колькихъ полковъ. Какъ это могло случиться? Это произошло благодаря тѣмъ общимъ причинамъ, которыхъ мы коснулись и въ началѣ этой главы и которыя вкратцѣ сводятся къ слѣдующему: ускоренная политическая эволюція, совершившаяся въ Парижѣ при Имперіи и доведшая его до порога соціализма, въ провинціи не достигла такихъ же размѣровъ, такъ что обѣ среды, естественно не соотвѣтствовавшія другъ другу въ этотъ историческій моментъ, не могли и звучать въ унисонъ другъ другу. Во вторыхъ, благодаря частнымъ причинамъ, на которыя мы также уже указывали, описывая ходъ событій, и которыя были одинаковы какъ въ Ліонѣ, такъ и въ Сентъ-Этьенѣ, какъ въ Тулузѣ и въ Нарбоннѣ, такъ и въ Марселѣ; причины эти: отсутствіе общаго плана, организаціи, руководства, неувѣренность въ цѣли и въ средствахъ, недостатокъ и неспособность руководителей и вожаковъ, не умѣвшихъ воспользоваться плодами первой побѣды, безпечность и нерѣшительность массъ, отступавшихъ также быстро, какъ онѣ вначалѣ воодушевлялись и показавшихъ себя неспособными выдержать напряженіе долѣе двухъ сутокъ. Возможно, конечно, что однѣхъ этихъ причинъ, какъ общихъ, такъ и частныхъ, все же было-бы недостаточно для такого быстраго и полнаго разгрома инсуррекціоннаго движенія, еслибы къ нимъ не присоединилась еще другая причина, которою Версаль воспользовался оффиціально и которую съ большимъ успѣхомъ эксплоатировали позорные версальцы всякаго города и всякаго сословія. Вина Коммуны передъ Франціей, ея существенный порокъ заключался въ томъ, что она не помѣстила во главѣ списка своихъ членовъ извѣстныхъ именъ, священныхъ знаменитостей, „славныхъ", какъ выражались тогда. Въ департаментахъ буржуа и рабочіе задавали себѣ вопросъ:—„кто эти, всплывшіе на поверхность, люди, о большинствѣ которыхъ мы никогда не слыхали? Чего они хотятъ? Куда идутъ"? Грустно признаться, но это фактъ: если-бы Викторъ Гюго, Луи Бланъ, Гарибальди, вообще кто либо изъ нихъ оказался во главѣ движенія, Франція безъ колебанія двинулась-бы и пристала къ парижскому вооруженному возстанію. Флагъ защищалъ бы товаръ. Живыя силы страны пошли бы въ 1871 г. подъ вліяніемъ импульса изъ Парижа къ соціальной революціи, какъ ранѣе въ 1789 г., въ 1830 г. и въ 1848 г., онѣ шли къ политической революціи.

Благодаря отсутствію этого буржуазнаго ручательства, пролетаріи департамента не поняли движенія. Послѣ временнаго подъема они вновь впали въ инертность, въ пассивное состояніе и предоставили одной столицѣ выдерживать натискъ всѣхъ силъ контръ-революціи. Оставимъ-же эту провинцію, которая сама себя вычеркнула изъ дѣйствія и жизни, и вернемся къ единственному борцу, къ Парижу.

XI. Послѣ вылазки.

Пораженіе 3-го и 4-го апрѣля оттолкнуло отъ инсуррекціи элементы мелкобуржуазные, увлекшіеся было на мгновеніе движеніемъ, и поставило ихъ въ своего рода нейтральное положеніе, которое вскорѣ затѣмъ перешло во враждебное; это-же пораженіе вмѣстѣ съ тѣмъ окончательно разрушило авторитетъ Исполнительной Комиссіи и довѣріе къ ней. Отставка Лефрансэ и его запоздалая

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

критика также не мало посодѣйствовали этому результату; къ нему-же вели и сумбурность Феликса Піа, его легкомысленное отношеніе къ дѣлу и увертки. Хотя Комиссія протянула свое существованіе еще нѣсколько дней, но ей нанесенъ уже былъ смертельный ударъ. Въ нее вошли, правда, Курне, Делеклюзъ, Верморель, а затѣмъ Авріаль, но ихъ присутствіе не могло уже придать умиравшей ни капли жизненности.

Безъ сомнѣнія, эта Исполнительная Комиссія, управляемая событіями, не пользуясь достаточной помощью, являясь жертвой забастовки, созданной интригами Версаля и постоянно нуждаясь въ людяхъ и въ недостававшихъ ей свѣдѣніяхъ, не имѣя въ своемъ распоряженіи достаточно времени, могла только скудно или плохо выполнять лежавшую на ней миссію высшаго контроля и общаго руководительства дѣлами. По причинамъ, о которыхъ мы уже подробно говорили въ своемъ мѣстѣ, она принуждена была передать завѣдываніе военными операціями неспособнымъ генераламъ, новичкамъ въ этомъ дѣлѣ и непредусмотрительнымъ людямъ. Точно также и завѣдываніе полиціей она вынуждена была поручить Раулю Риго и его юнымъ товарищамъ, съ ихъ сумбурными и задорно-фантастическими взглядами. Завѣдываніе финансами поручено было Беслэю и Журду, безъ сомнѣнія честнымъ людямъ и умѣлымъ счетчикамъ и бухгалтерамъ, но пользовавшимся рутинными пріемами и повидимому черезчуръ увлекавшимся легальностью, людямъ черезчуръ робкимъ и почтительно относившимся къ фортеціямъ крупнаго капитала. Во всякомъ случаѣ, Исполнительная Комиссія желала быть и была въ предѣлахъ возможнаго, при всей ограниченности нервныхъ силъ ея членовъ, необходимымъ органомъ центральной координаціи и центральнаго импульса. Позволяя ее заподозрѣвать и оспаривать, даже присоединяясь къ этимъ подозрѣніямъ и оспариваніямъ, Коммуна касалась самого принципа и уничтожала самое единство директивы, хотя оно являлось болѣе необходимымъ, чѣмъ когда либо ранѣе, послѣ неудавшейся вылазки. Власть центральнаго завѣдыванія была дискредитирована и должна была пасть, а это являлось началомъ конца.

И властью этой завладѣла и воспользовалась не Коммуна. Для этого она была черезчуръ занята своими пріемами и внѣшностью болтливаго парламента; мечтая о гласности своихъ засѣданій, безконечно задерживаясь на обсужденіяхъ законовъ и декретовъ, которые должны были-бы разрабатываться въ спеціальныхъ комиссіяхъ и вноситься въ засѣданія только въ готовомъ видѣ для голосованія и одобренія ихъ, Коммуна забавлялась спектаклемъ, который она сама себѣ давала, и не представляла себѣ ясно положенія дѣлъ, чѣмъ и обусловливался неустойчивый и случайный характеръ ея правленія. Неумолкавшая кононада, которая уже гремѣла вдали, несмотря на свой грубый языкъ, не уясняла избранникамъ Ратуши истиннаго положенія дѣла, хотя оно и было очень ясно, а именно, что Коммуна является только баррикадой; а находясь за баррикадой единственный долгъ отвѣтственныхъ руководителей состоитъ только въ томъ, чтобы собрать на этой баррикадѣ ея защитниковъ, снабдить ихъ оружіемъ и снаряженіемъ и оберегать ихъ отъ разныхъ покушеній со стороны непріятеля, которыя онъ не замедлитъ направить на ихъ ряды. Та ужасная дѣйствительность, которую Исполнительная Комиссія увидѣла и поняла, и та опасность, которую

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

она старалась предупредить, еле-еле просвѣчивали Коммунѣ въ видѣ отдѣльныхъ проблесковъ; а когда подъ конецъ она рѣшилась, наконецъ, дѣйствовать, то было уже черезчуръ поздно; но даже и въ этотъ моментъ ея плохо направленныя усилія не достигли цѣли и ускорили только фатальную развязку.

Такимъ образомъ, положеніе не могло уже измѣниться къ лучшему и оно прогрессивно будетъ все болѣе и болѣе ухудшаться. Наблюденіе за военными дѣйствіями, какъ и наблюденіе за общественной безопасностью, окончательно отошло изъ вѣдѣнія Исполнительной Комиссіи и изъ подъ контроля Коммуны. Военное дѣло, полиція и финансы, самыя важныя въ данное время функціи управленія, которыя должны были быть непосредственно подчинены немедленному постоянному наблюденію и зависѣть отъ высшей и руководящей власти, которая направляла-бы ихъ разнородную дѣятельность и обезпечивала бы ихъ согласованное функціонированіе, сдѣлались вполнѣ автономными службами, независимыми и чуждыми другъ другу, на которыя Ратуша совершенно перестала вліять и пользоваться въ ихъ глазахъ какимъ-либо авторитетомъ. Если делегаты при полиціи и военные делегаты и не возставали открыто и прямо противъ Коммуны, то это зависѣло отъ того, что у послѣдней не было надлежащаго мужества, чтобы серіозно потребовать отчета, чтобы прекратить ошибки, настоять на уваженіи къ ея рѣшеніямъ и на исполненіи ихъ, а отчасти и потому, что самимъ этимъ делегатамъ недоставало темперамента и смѣлости.

Въ префектурѣ полиціи легкомысленный и безумно дерзкій Риго уже орудовалъ по своему и доставлялъ себѣ удовольствіе пугать буржуа — духовныхъ или свѣтскихъ — разными дикими выходками; онъ тратилъ свое время, съ любовью разсматривая полицейскія доссье, найденныя въ императорскихъ архивахъ, съ цѣлью возстановить въ полномъ великолѣпіи торжество какого-нибудь незначительнаго шпіона или найти слѣды какого-либо неудавшагося бланкистскаго заговора. Онъ зажималъ ротъ печати, печаталъ сообщенія, запрещалъ газеты, дѣлалъ обыски, арестовывалъ, кого ему только нравилось, счастливый и довольный, что производилъ весь этотъ шумъ; при этомъ онъ держалъ себя вызывающе и непослѣдовательно, безъ достоинства, котораго требовали его функціи и положеніе. Несмотря на многократные запросы Лефрансэ, Арну, Вермореля и особенно Тридона, несмотря на порицанія и осужденія, Риго ни на что не обращалъ вниманія, удержавшись на своемъ посту до 24-го апрѣля, несмотря на всѣ приливы и отливы, противъ всѣхъ вѣтровъ. 24-го апрѣля, скорѣе добровольно подавъ въ отставку, чѣмъ получивъ ее, онъ промѣнялъ положеніе делегата при эксъ-префектурѣ полиціи на положеніе прокурора Парижской Коммуны; на этомъ посту онъ, впрочемъ, продолжалъ попрежнему, осѣненный воспоминаніями о Шометтѣ, компрометировать своимъ легкомысліемъ и замашками закоснѣлаго студента то дѣло, за которое взялся и за которое ему суждено было такъ благородно умереть.

Въ управленіи финансами Журдъ и Беслэй, равнымъ образомъ, становились все болѣе независимыми и руководились исключительно личными своими взглядами. Они дѣйствовали противъ крупныхъ банкирскихъ конторъ и кредитныхъ учрежденій, противъ или въ пользу крупныхъ капиталистическихъ монополій, какъ имъ казалось лучше, руководствуясь однѣми своими жела-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

ніями. Они были честны и настолько же старательны, о чемъ мы уже говорили раньше, но никогда не будетъ излишне еще разъ повторить, что Коммуна имѣла въ ихъ лицѣ, и особенно въ лицѣ Журда только методичныхъ и точныхъ счетчиковъ и неподкупныхъ, преданныхъ кассировъ. Но, находясь во власти предразсудковъ, будучи нерѣшительными по натурѣ и даже именно вслѣдствіе своей узкой честности, они неспособны были возвыситься до общаго пониманія положенія и не позволяли себѣ никакихъ смѣлыхъ шаговъ, ничего такого, въ чемъ усматривали захватъ со стороны власти, считая такого рода дѣятельность вредными эксцессами. Поведеніе ихъ было благоразумно, осмотрительно, но малодушно. Они думали, что разсчитались съ Парижемъ, организовавъ поступленіе его нормальнаго бюджета, благодаря чему онъ могъ совершать свои традиціонные и обыденные расходы, могъ оплачивать своихъ служащихъ и выплачивать ежедневное жалованье батальонамъ національной гвардіи. Имъ даже на мигъ не приходило въ голову спросить себя, не лучше-ли будетъ сдѣлать нѣчто большее, не могутъ-ли они, доставляя питательныя средства и давая жить революціи и ея солдатамъ, прекратить съ другой стороны нѣкоторые источники доходовъ непріятеля, нанести ему, имѣя въ виду его кассу, такіе удары, которые заставили-бы заколебаться самыхъ неприступныхъ, побудили-бы задуматься самыхъ неподатливыхъ?

Въ этомъ отношеніи они тотчасъ-же заняли опредѣленное положеніе по вопросу о Французскомъ Банкѣ. Журдъ и Варленъ—до 26-го марта, въ періодъ правленія Центральнаго Комитета, Беслэй—послѣ этого, когда вслѣдъ за выборами 26-го онъ назначенъ былъ делегатомъ Коммуны въ Банкъ. Они заявили себя покровителями этого учрежденія, ревностными защитниками всей полноты его кредита, на который они смотрѣли, какъ на кредитъ самой Франціи.

Беслэй, когда 29-го марта Исполнительная Комиссія потребовала отчета въ его делегаціи, сдѣлалъ ей вкратцѣ слѣдующее характерное заявленіе: „Необходимо уважать Банкъ со всѣми его привиллегіями и преимуществами; надо, чтобы онъ стоялъ высоко съ его безупречнымъ кредитомъ и съ его билетами al pari. Въ этомъ заинтересована Франція; слѣдовательно—и Версаль, но настолько же заинтересованъ и Парижъ, и даже больше, а вмѣстѣ съ Парижемъ и Коммуна. Если мы приступимъ къ захвату Банка, если мы займемъ его національной гвардіей, то можемъ завладѣть металлическимъ фондомъ. Сколько-же его? 50 милліоновъ; въ данный моментъ наличность не превышаетъ этого, потому что нормальная и истинная наличность была перевезена передъ обложеніемъ въ одно изъ департаментскихъ отдѣленій. Если взять эти 50 милліоновъ, то у Коммуны и парижскаго населенія останутся лишь обезцѣненные билеты, лишенные всякой стоимости, простыя бумажныя тряпки, за которыя нельзя будетъ купить у булочника хлѣба въ четыре су. Произойдетъ ужасающій кризисъ, за который на Парижъ ополчится весь свѣтъ, а противъ правительства Коммуны — все парижское населеніе. Прекратятся всѣ торговыя сдѣлки, торговля будетъ убита, и Ратуша не въ состояніи будетъ обезпечить существованіе жителей. Выводъ: въ нашемъ жизненномъ интересѣ уважать Банкъ, при существованіи котораго мы обезпечены, что найдемъ средства, въ которыхъ мы нуждаемся, не считая тѣхъ поступленій, которыя къ намъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ежедневно приливаютъ. Всякій насильственный и захватный актъ обратится противъ насъ самихъ, превративъ клише банковской экспедиціи бумагъ въ клише ассигнацій *)".

Можно-ли было опровергнуть эту аргументацію? Она казалась, во всякомъ случаѣ, правдоподобной, настолько правдоподобной, что Исполнительная Комиссія, не будучи въ состояніи провѣрить утвержденія делегата, котораго она съ полнымъ правомъ считала самымъ честнымъ и добросовѣстнымъ человѣкомъ, приняла ее безъ оговорокъ, безъ всякой оппозиціи. Къ тому-же примирительная дипломатія Журда, Беслэя и Варлена въ общемъ ей нравилась, потому что съ одной стороны она доставляла Коммунѣ средства, нужныя для борьбы,—что являлось самымъ существеннымъ,—а затѣмъ потому, что благодаря этой дипломатіи пертурбація въ Парижѣ доводилась до minimum'а, что способствовало большему согласію различныхъ классовъ населенія по отношенію къ непріятелю—Версалю.

Такимъ образомъ, этотъ быстрый отказъ со стороны Комиссіи, въ этомъ деликатномъ и столь серіозномъ вопросѣ при томъ до нѣкоторой степени вынужденный, вполнѣ объяснимъ; но вскорѣ отказъ этотъ сталъ отказомъ самой Коммуны, которую нельзя такъ легко оправдать, потому что въ ея распоряженіи были не часы, но дни, въ теченіе которыхъ она могла освѣдомиться, изслѣдовать дѣло, разрѣшить этотъ вопросъ во всемъ его объемѣ и сложности. Но она ничего этого не сдѣлала, и даже не пыталась что либо сдѣлать. Она ни разу не попыталась проникнуть въ тѣ сферы, гдѣ орудовали Журдъ, или Беслэй, или Варленъ, которые старались, конечно, достигнуть наилучшихъ результатовъ, но, можетъ быть, придерживались ошибочныхъ методовъ. Никогда Коммуна не пыталась направить на иной путь финансовую политику революціоннаго правительства и разслѣдовать тѣ удары, которые могли бы быть на этой почвѣ нанесены реакціи, остановить и парализовать ее въ ея шествіи, уже побѣдоносномъ на полѣ битвы.

Ни въ одномъ изъ засѣданій, происходившихъ въ Ратушѣ, нѣтъ и слѣда какого либо запроса по этому поводу. Коммуна ограничивалась выслушиваніемъ финансоваго отчета Журда, когда онъ его дѣлалъ, и только потому, что онъ его дѣлалъ, и затѣмъ единогласно одобряла его. Такимъ образомъ, становится просто неловко читать критику, ставшую впослѣдствіи всеобщей, и притомъ отчасти запальчивую критику, направленную противъ Журда, Беслэя и Варлена, противъ ихъ поведенія по отношенію къ Банку и къ другимъ крупнымъ кредитнымъ учрежденіямъ, критику не только членовъ большинства Коммуны, которые проявили такую же инертность, какъ и другіе, но также и членовъ меньшинства, напримѣръ Малона, Лефрансэ и Ранка, которые, пожалуй перешли при этомъ всѣ границы.

„Коммуна, писалъ или разрѣшилъ написать за своей подписью Ранкъ, была наименѣе революціоннымъ изъ инсуррекціоныхъ правительствъ. Если бы она обладала духомъ революціонной инціативы она сокрушила-бы Центральный Комитетъ, который до послѣдняго часа не переставалъ нападать на нее и тайно минировать почву, и захватила-бы фондъ Французскаго Банка. Въ этомъ

*). Beslay La verite sur la Commune, 75—109.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

случаѣ г. Тьеръ несомнѣнно вынужденъ былъ-бы вступить въ переговоры *)".

Странныя разсужденія въ устахъ человѣка, который съ 5-го апрѣля покинулъ Ратушу, отказался отъ своего боеваго поста, на который былъ призванъ, съ цѣлью присоединиться къ безсильнымъ и колеблющимся радикальнымъ умиротворителямъ, метавшимся между Парижемъ и Версалемъ. Если Ранкъ, если Лефрансэ, который былъ членомъ Коммуны, а также и Исполнительной Комиссіи, такъ твердо стояли за эти революціонныя мѣры; если они думали, что захватъ Французскаго Банка являлся одною изъ этихъ мѣръ, они должны были заявить объ этомъ тогда, а не впослѣдствіи. Въ революціонный періодъ, менѣе, чѣмъ въ какой либо иной, никто не имѣетъ права затаивать свои мысли. Поэтому, если и была въ данномъ случаѣ совершена ошибка, если была неиспользована исключительная возможность заставить правящихъ реакціонеровъ и капиталистовъ вступить въ сдѣлку и капитулировать, то отвѣтственность за это падаетъ на всю Коммуну цѣликомъ, которая въ этой области, какъ и въ другихъ, отказалась отъ всякой власти и сложила съ себя заботу о безопасности и о спасеніи города и революціи на нѣсколькихъ членовъ, а послѣдніе въ силу самого хода событій явились сами себѣ и судьями и контролерами своихъ дѣйствій.

Настолько-же независимымъ и даже еще въ болѣе значительной степени, чѣмъ Рауль Риго въ префектурѣ, чѣмъ Журдъ въ министерствѣ финансовъ, чѣмъ Беслэй въ Банкѣ и его вице-директоръ г. маркизъ де Плецъ, назначенный Версалемъ и въ интересахъ Версаля, былъ и делегатъ Клюзере въ военномъ министерствѣ. Съ вечера 2-го апрѣля по 31-ое апрѣля, т. е. цѣлыхъ 28 дней, онъ имѣлъ полную возможность пользоваться съ согласія Коммуны всею полнотою власти и по своему усмотрѣнію и пониманію неограниченно руководить военной организаціей и всѣми военными дѣлами, наперекоръ, хотя и весьма частымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ безполезнымъ посѣщеніямъ Делеклюза и Феликса Піа, на которыхъ онъ такъ горько жалуется въ своихъ воспоминаніяхъ.

Клюзере, замѣстившій Эда вечеромъ 2-го апрѣля, обязанъ былъ этимъ назначеніемъ Тридону. Тридонъ изложилъ въ Исполнительной Комиссіи свои соображенія и убѣдилъ ее, что въ военномъ дѣлѣ существуетъ техническая сторона, которую нельзя импровизировать, и что для этого спеціальнаго дѣла нуженъ спеціалистъ. По его мнѣнію, Клюзере, обладалъ для этого всѣми данными. Заинтересованное лицо, т. е. самъ Клюзере, былъ того-же мнѣнія, онъ принадлежалъ къ разряду лицъ, которыя имѣютъ о себѣ и о своихъ способностяхъ всегда самыя лестныя мнѣнія.

Жизнь Клюзере до этого времени была одной изъ самыхъ подвижныхъ. Въ 1848 г., будучи поручикомъ 55-го пѣхотнаго полка, онъ заслужилъ крестъ на іюньскихъ баррикадахъ, сражаясь противъ возставшихъ рабочихъ. Оставшись на военной службѣ и послѣ декабрьскаго переворота, онъ получилъ чинъ капитана за Крымскую компанію, но вскорѣ послѣ этого, благодаря какимъ-то недостаточно выясненнымъ причинамъ, вышелъ въ отставку. Бродячая жилка вскорѣ послѣ этого увлекла его въ Соединенные Штаты, гдѣ онъ принялъ участіе въ войнѣ Сѣвера съ Югомъ подъ республиканскими зна-

*). Enquête sur la Commune de Paris, Editions de la Revue Blanche стр. 93-94

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

менами Сѣвера. По окончаніи компаніи онъ удалился съ чиномъ бригаднаго генерала и званіемъ американскаго гражданина. Вернувшись во Францію, онъ присоединился къ Интернаціоналу, замѣшался въ оппозиціонное движеніе противъ Имперіи и избѣгнулъ судебнаго преслѣдованія, только сославшись на свою натурализацію въ Америкѣ. Тѣмъ не менѣе полиція выслала его изъ Франціи. Послѣ провозглашенія республики онъ вернулся во Францію и, начиная съ сентября, только и дѣлалъ, что ѣздилъ то изъ Парижа въ Ліонъ, то изъ Ліона въ Парижъ, возвращался обратно въ Ліонъ, а оттуда въ Марсель, предлагая всюду—безразлично то законному правительству, то Югу—свою саблю и свои способности, но при томъ единственномъ условіи, чтобы ему поручили главное командованіе арміей. Ни волновавшійся Югъ, ни „Національная Защита“ не рискнули, однако, принять его предложеніе, а послѣдняя даже нашла, что всего полезнѣе было-бы выслать эту докучливую личность.

6-го марта, воспользовавшись всеобщей амнистіей, Клюзере вновь вернулся во Францію и послѣ недолгаго пребыванія въ Бордо пріѣхалъ въ Парижъ, все продолжая добиваться званія главнокомандующаго. 2-го апрѣля всѣ его мечты должны были осуществиться. Эта армія, которой онъ съ такими усиліями добивался на двухъ полушаріяхъ, армія, батальоны которой онъ мечталъ, какъ стратегъ, которому нѣтъ равнаго, вести къ побѣдѣ, эта армія была, наконецъ, въ его распоряженіи: 200.000 человѣкъ и нѣсколько тысячъ орудій; все это было собрано за укрѣпленіями, взять которыя пруссаки могли только голодомъ, послѣ тяжелой блокады. Въ чемъ-же проявится его военный геній? Какой спасительный планъ онъ предприметъ? Каковы будутъ размѣры его предпріимчивости? На лицо былъ именно тотъ моментъ, когда для успѣха нуженъ былъ дѣйствительно великій полководецъ и великій человѣкъ.

Безъ сомнѣнія, трудности были громадны! Войска, которыя достались бывшему разстрѣливателю іюньскихъ инсургентовъ, не были обыкновенными войсками. Это были національные гвардейцы, отцы семействъ, которые были въ силахъ произвести энергичный натискъ, но мало подходили для долгой компаніи, въ которой безусловно требуются: проживаніе въ казармахъ, походная жизнь и подчиненіе самой строгой дисциплинѣ. Все это были парижскіе рабочіе, охотно готовые рисковать своей жизнью за баррикадами, подъ защитою груды вывороченныхъ изъ мостовой камней, но недостаточно увлеченные для того, чтобы маневрировать въ какой либо настоящей методически и сложно ведущейся современной военной компаніи, съ ея усовершенствованными орудіями убійства и комбинированнымъ участіемъ различнаго рода оружія; въ такой компаніи гдѣ личное мужество имѣетъ мало значенія, если оно не сопровождается, по крайней мѣрѣ, у офицеровъ, научными знаніями и разсчетомъ.

Главному начальнику подобной арміи, конечно, необходимо было для того, чтобы побѣдить и доставить торжество революціи сначала во Франціи, а затѣмъ и во всемъ свѣтѣ, обладать выдающимися исключительными способностями, какъ были исключительны и сами условія, а затѣмъ даромъ изобрѣтательности и творчества. Командующій долженъ былъ прежде всего понять чувствомъ и мыслью эту людскую массу, вибрировать въ унисонъ съ нею и создать для нея, для управленія ею соотвѣтствующіе пріемы, которые

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

позволили-бы утилизировать ея увлеченіе и храбрость, плотно сорганизовать всю её цѣликомъ и создать изъ нея грозный организмъ, въ которомъ духъ солидарности явился-бы счастливымъ замѣстителемъ крѣпкой, но механической дисциплины. Ему слѣдовало попытаться достигнуть того-же результата, котораго достигли вожаки возставшаго и вооружившагося народа во времена Вольми, Флерюса и Жемаппа, которые пошли съ молодыми рекрутами, съ волонтерами, еще наканунѣ бросившими свои мастерскія и сохи, противъ старыхъ испытанныхъ войскъ герцога Брауншвейгскаго и опрокинули ихъ своимъ непреоборимымъ натискомъ. Но, не требуя даже и этого, можно было-бы всетаки ожидать, что новый министръ, который такъ настойчиво добивался первостатейной военной роли, попытается встать на высоту событій, постарается организовать, хотя-бы пользуясь элементарными и обычными пріемами, тѣ значительныя силы, которыя были въ его распоряженіи. Но Клюзере ничего не сдѣлалъ. Изъ всѣхъ героевъ прошлыхъ и настоящихъ временъ онъ стремился вновь повторить только одного Трошю. Эта была его единственная модель, которой онъ подражалъ во всемъ. Неувѣренный и колеблющійся въ своихъ рѣшеніяхъ подобно Трошю, онъ, какъ и послѣдній, показалъ себя безпечнымъ и инертнымъ въ практическихъ дѣлахъ и при своемъ паденіи сдалъ армію, готовой капитулировать, если-бы она была малодушной, и готовой подвергнуться бойнѣ, такъ какъ она оказалась храброй.

Печать той-же основной его нерѣшительности, встрѣчавшейся на каждомъ шагу, лежитъ и на его первомъ декретѣ, помѣченномъ 5-мъ апрѣля. Этимъ декретомъ Національная гвардія расколота была на двѣ части. Холостые люди, въ возрастѣ отъ 17 до 35 лѣтъ, должны были образовать полевыя роты, называвшіяся также военными батальонами. Все остальное количество должно было образовать мѣстныя войска. Другими словами, Клюзере, разсчитывая создать боевую часть, рѣшительно удалялъ съ поля сраженія три пятыхъ Національной Гвардіи, удерживая остальныя двѣ пятыхъ, чтобы создать изъ нихъ своего рода армію, насколько возможно болѣе похожую на обыкновенную регулярную армію. Второй декретъ отъ 7-го апрѣля, видоизмѣняя первый, предписывалъ обязательную службу въ маршевыхъ батальонахъ всѣмъ женатымъ и холостымъ, въ возрастѣ отъ 19 до 40 лѣтъ, и условно, въ возрастѣ отъ 17 до 19, но принципъ остался прежній.

Такимъ образомъ, Клюзере не зналъ, на что рѣшиться, какой сдѣлать выборъ. Склоняясь въ сущности къ чисто оборонительной тактикѣ,—онъ очень энергично критиковалъ вылазку 3-го апрѣля и неблагоразуміе офицеровъ, которые руководили ею,—самъ-же между тѣмъ создавалъ силы, которыя по своему составу и той дисциплинѣ, которую онъ намѣревался ввести, новидимому, предназначены были преимущественно къ наступательнымъ дѣйствіямъ въ открытомъ полѣ. Наклонная плоскость была такъ скользка, что впослѣдствіи Россель пытался даже сформировать настоящую маленькую армію главнымъ образомъ изъ этихъ маршевыхъ батальоновъ съ цѣлью сражаться внѣ фортовъ и вызвать версальцевъ на правильное сраженіе. Съ другой стороны изъ этой арміи первой линіи, каковой она и являлась фактически, Клюзере исключалъ въ числѣ людей, перешедшихъ за 40 лѣтъ, очень многихъ самыхъ на-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дежныхъ и наиболѣе горячихъ дѣятелей революціоннаго дѣла, какъ это и обнаружилось на дѣлѣ.

Если-бы Клюзере еще сумѣлъ твердо провести эти декреты и послѣдовательно осуществить свой планъ; но эти декреты, какъ и другіе, остались мертвой буквой и планъ его остался только проектомъ. Онъ, повидимому, разсчитывалъ имѣть молодую и дѣятельную армію въ 50—60.000 человѣкъ, но на линіи огня у него никогда не было болѣе 5—6000 въ наличности, и почти всегда это были одни и тѣ-же люди. Освободившись отъ всякой опеки со стороны Коммуны, получивъ, такимъ образомъ, полную свободу дѣйствія, онъ не въ состояніи былъ заставить повиноваться себѣ Центральный Комитетъ, совѣты легіоновъ, комитетъ артиллеріи. Ему не удалось даже ввести хотя-бы нѣкоторый порядокъ и дисциплину, кое какую регулярность въ своихъ бюро и вокругъ себя. Завоеванную имъ отъ Коммуны и ревниво оберегаемую имъ автономію, его подчиненные тотчасъ-же отвоевали у него, и безпорядокъ и кавардакъ царили въ отелѣ улицы Сенъ-Доминикъ не меньшіе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ, наоборотъ, даже большіе.

Если Клюзере и нашелъ свою армію, то эта армія не нашла въ немъ своего генерала: надежды Тридона не осуществились. Клюзере былъ военнымъ министромъ 28 дней и послѣ той единственной попытки, сущность которой мы только что вкратцѣ изложили, онъ впалъ въ апатію и бездѣятельность. Эти 28 дней, которыми Версаль такъ широко воспользовался для реорганизаціи своихъ военныхъ силъ, для укрѣпленія ихъ, для усиленія контингента, для поддержки ихъ артиллеріей и всѣми необходимыми снаряженіями, Клюзере употребилъ на лѣность и спанье. Однажды ночью, когда форты Ванвъ и Исси гремѣли адскимъ грохотомъ и держали весь Парижъ въ возбужденномъ состояніи съ 10 часовъ вечера, Лефрансэ засталъ Клюзере въ моментъ пробужденія послѣ долгаго томительнаго отдохновенія и воскликнулъ: „Надо признаться, что у Коммуны военный делегатъ обладаетъ большимъ хладнокровіемъ и замѣчательной способностью спать. Уже утро, что за сонливецъ!“

Клюзере, между прочимъ, нѣсколько разъ былъ въ огнѣ; онъ держалъ себя смѣло; въ своей обычной мягкой шляпѣ, съ тросточкой въ рукѣ, онъ не обращалъ вниманія ни на пули, ни на гранаты. Но не въ этомъ было дѣло. Коммуна не нуждалась въ храбрыхъ солдатахъ; у нея ихъ было съ излишкомъ. Она искала полководца, организатора, который сумѣлъ-бы оживить и использовать ту боевую энергію, которая кипѣла въ глубинахъ рабочаго класса и проявлялась въ такомъ количествѣ геройскихъ, безпорядочныхъ и какъ-бы безполезныхъ актовъ. Этотъ полководецъ, если-бы онъ и отказался отъ наступательной тактики, какъ это диктовалось опытомъ, онъ долженъ былъ-бы, по крайней мѣрѣ, вооружить Парижъ для защиты настолько солидно и внушительно, чтобы врагъ стоялъ передъ народными укрѣпленіями безъ конца. Достигнуть этого было возможно, не обладая ни геніальностью, ни исключительными способностями; нужно было только внести въ это дѣло систему, стараніе и доброе желаніе. Клюзере замкнулся въ своемъ полномъ ничегонедѣланіи, предоставивъ событіямъ плыть по теченію, не заботясь даже объ исправленіи брешей на укрѣпленіяхъ и о снабженіи ихъ орудіями, которыя ржавѣли въ паркахъ, и менѣе всего

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

думая о сооруженіи внутри города двойной линіи баррикадъ, хотя это уже было предусмотрѣно. Всѣ эти мѣры были легко исполнимы и сдѣлали-бы штурмъ столицы почти невозможнымъ даже для побѣдоносной арміи; онѣ продолжили-бы на неопредѣленно долгое время сопротивленіе столицы и дали-бы возможность провинціи придти въ себя, вмѣшаться въ дѣло. Когда вслѣдствіе хода событій и одного изъ тѣхъ инцидентовъ, которые случаются въ революціонные періоды, Клюзере, наконецъ, былъ отставленъ и изъ министерства попалъ въ тюрьму, то оказалось, что онъ плачевно проворонилъ тѣ нѣсколько недѣль, которыя судьба подарила Коммунѣ для организаціи защиты. Онъ непоправимо испортилъ положеніе.

Итакъ, Клюзере виновенъ, виновенъ, по крайней мѣрѣ, въ неспособности. Ничто, дѣйствительно, не подтвердило тѣхъ позорныхъ обвиненій, которыя возведены были на него и построены на довольно шаткомъ основаніи его отношеній къ Вашбёрну, представителю Соединенныхъ Штатовъ, которому Германская имперія довѣрила временное соблюденіе интересовъ своихъ подданныхъ. Обвиненіе, формулированное выше, несетъ вмѣстѣ съ военнымъ делегатомъ и сама Коммуна, какъ коллективность. Несмотря на получевныя ею предупрежденія и вопреки еще болѣе очевиднымъ фактамъ, которые должны были-бы вызвать ея вмѣшательство, Коммуна только случайно обратила вниманіе на поведеніе человѣка, который держалъ въ рукахъ ея собственную судьбу; она не требовала отчетовъ, предоставляла дѣлу идти по волѣ теченія. Коммуна заслужила то, что произошло.

Въ эти дни всеобщихъ ожиданій и близкаго наступленія конца, когда уже надвигались рѣшительныя событія, а избранники, стоявшіе у власти, даже и не чаяли о нихъ, Ратуша представляла собою зрѣлище вмѣстѣ и грустное и въ то же время плачевное. Лучшіе люди Коммуны, которые могли бы внушить ей мужество и разсудительность, почти всегда отсутствовали, занятые своими спеціальными задачами и задерживаемые отправленіемъ своихъ функцій: Журдъ былъ занятъ финансами, Варленъ и Авріаль въ интендантствѣ, Френкель въ Трудѣ и Обмѣнѣ, Ферре—въ Комиссіи Общей Безопасности, Вальянъ—въ Образованіи, Тейсъ—на Почтѣ, Беслэй—въ Банкѣ. Другіе члены свалились отъ усталости и болѣзней, какъ, напримѣръ, Делеклюзъ и Тридонъ. Третьи, наконецъ, вмѣстѣ съ Лефрансэ, Верморелемъ, Малономъ, Ж. Б. Клеманомъ, Ранвье и Гамбономъ часто посѣщали аванпосты и сближались съ защитниками укрѣпленій; они устали и получили отвращеніе къ постояннымъ распрямъ и ошибочно думали, что долгъ заставляетъ ихъ быть въ линіи огня, непосредственно передъ версальцами. Засѣданія Коммуны по большей части не вели ни къ какимъ результатамъ. Онѣ проходили въ безпорядочныхъ преніяхъ, въ предложеніяхъ и запросахъ безъ послѣдствій и резолюцій, въ голосованіяхъ фантастическихъ мѣръ, примѣненіе которыхъ возможно было лишь при наличности побѣды. Принимали участіе въ этихъ дебатахъ и рѣшеніяхъ Урбэнъ, Режеръ, Паризель, Бабикъ или Жерезмъ; въ особенности-же Піа, отъ котораго вѣяло то жаромъ, то холодомъ, неистовый въ закрытыхъ засѣданіяхъ комиссій и, наоборотъ, отечески и благодушно настроенный въ своей газетѣ Vengeur, гдѣ онъ всегда мелодраматично и неискренно выступалъ съ обращеніями къ публикѣ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Діагнозъ поставленъ и нѣтъ надежды на облегченіе болѣзни. Коммуна оказалась ниже своей задачи, ниже той революціонной среды, изъ которой она сама вышла. Она не явилась тѣмъ вожакомъ и желаннымъ проводникомъ, который освѣтилъ-бы путь и устранялъ-бы препятствія; она уже съ самаго начала изнемогла подъ давленіемъ черезчуръ тяжелой отвѣтственности. Она не сумѣла подчинить себя извѣстной дисциплинѣ и сорганизоваться, чтобы затѣмъ шагъ за шагомъ организовать и окружавшее ее, Парижъ, его рабочій классъ, и противопоставить сплоченный и крѣпкій фронтъ аттакѣ непріятеля, которая была неизбѣжна, не могла не произойти.

Выборы 13-го апрѣля также не влили въ слабѣющую Коммуну новой крови. Это голосованіе, исключая Шарля Лонге, который въ Journal Officiel часто высказывалъ очень здоровые и вѣрные взгляды на мартовскія событія, Густава Курбе, великаго живописца-реалиста, и Тренке, ввело въ Ратушу только нѣсколько новыхъ безполезностей и ничтожностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно-же обнаружило и все усиливавшееся нерасположеніе средняго парижскаго класса, который отстранился отъ голосованія съ единодушіемъ, вызывавшимъ тревогу.

Формальное удаленіе со сцены Исполнительной Комиссіи, такъ сильно поколебленной послѣ неудачной вылазки 3-го апрѣля, точно также не возстановило положенія. Наоборотъ, удаленіе первой Исполнительной Комиссіи, которая, по крайней мѣрѣ, пыталась стать руководящимъ правительствомъ, обезпечивающимъ правильное функціонированіе, объединяющимъ разныя службы и сообщающимъ всѣмъ отдѣльнымъ частямъ общій согласный импульсъ,—самое это удаленіе обнаружило побѣду федералистическаго принципа, который такъ властно захватилъ, какъ мы это уже видѣли, умы многихъ членовъ Коммунальнаго Собранія. Исполнительную Комиссію, засѣдавшую непрерывно въ Ратушѣ съ очень широкими обязанностями и какъ-бы неограниченными правами, Коммуна замѣнила такъ называемой Исполнительной Властью, составленной изъ собранія делегатовъ девяти комиссій, между которыми и были распредѣлены административные труды и обязанности. Делегаты эти по проекту должны были, конечно, собираться ежедневно и по большинству голосовъ постановлять рѣшенія, относившіяся къ каждому изъ ихъ департаментовъ, а затѣмъ уже эти рѣшенія должны были сообщаться въ секретномъ засѣданіи самой Коммунѣ, какъ высшей утверждающей инстанціи. Въ дѣйствительности-же этимъ новымъ должностнымъ лицамъ—раздавались посты, а не обязанности, такъ какъ единственной функціей въ этотъ моментъ была война. Они были изолированы каждый въ своихъ обязанностяхъ, имѣя спеціальное дѣло, которое обязывало ихъ, если они намѣрены были добросовѣстно отнестись къ нему, спуститься до него и окунуться въ его детали. Они не встрѣчались другъ съ другомъ даже и въ Ратушѣ и потеряли постоянную связь съ Коммуной; эти лица утратили самую возможность проявлять фактическое наблюденіе, быть въ курсѣ дѣйствительнаго положенія дѣлъ и насущныхъ вопросовъ и даже единственно главнаго въ то время вопроса, вопроса о военныхъ дѣйствіяхъ, и не могли, слѣдовательно, судить о вещахъ практически, не могли рѣшать вопросы сознательно и что-либо предлагать Коммунѣ.

Какъ будто-бы было еще недостаточно постояннаго соперничества Центральнаго Комитета и той смуты, которую оно вносило въ округа и въ самое воен-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ное министерство, какъ будто-бы было недостаточно происковъ делегатовъ въ префектурѣ полиціи и въ военномъ министерствѣ, старавшихся стать независимыми и безотвѣтственными въ своей области, Коммуна нашла, въ довершеніе всего, еще болѣе вѣрное средство для ослабленія и уничтоженія всякаго вліянія центральной власти. Введенная ею система раздѣленія и разрыва между отвѣтственностью и обязанностью, между общимъ наблюденіемъ и спеціальностью, дѣлала невозможнымъ выработку общаго плана дѣйствія и еще болѣе невозможнымъ послѣдовательное проведеніе этого плана, если бы онъ былъ намѣченъ заранѣе. Эта система освящала торжество федералистическаго метода, а, слѣдовательно, полной и совершенной анархіи. Что могли сдѣлать при этихъ условіяхъ уполномоченные на своихъ новыхъ постахъ члены этой призрачной и слабой Комиссіи: Клюзере—въ военномъ дѣлѣ, Журдъ—въ финансахъ, Віаръ—въ снабженіи города съѣстными припасами, Паскаль Груссе — во внѣшнихъ сношеніяхъ, Френкель—въ Трудѣ и Обмѣнѣ, Прото — въ юстиціи, Андріё —въ общественной службѣ, Вальянъ—въ просвѣщеніи и Рауль Риго—въ общественной безопасности? Если бы всѣ они обладали способностями и рвеніемъ, то и тогда они были-бы осуждены на бездѣятельность и на невозможность что либо сдѣлать. Связь, заключавшаяся въ народномъ и революціонномъ подъемѣ, еще болѣе ослабла и это произошло какъ разъ въ то время, когда непріятель, становясь все болѣе настойчивымъ и смѣлымъ, вооружилъ осадными орудіями Монъ-Валерьенъ, Монтрету и Бримборіонъ и началъ вести правильную бомбардировку столицы.

Если Парижъ еще держится, то вслѣдствіе его собственной силы, вслѣдствіе того сопротивленія, которое оказываютъ, несмотря ни на что, только одной своей массой два милліона людей, засѣвшіе за каменными стѣнами; а также еще и потому, что Версаль не чувствуетъ еще своей подготовленности къ послѣднему штурму и что внутри города трусливая буржуазія не осмѣливается рискнуть схватиться съ революціей, вызвать ее на бой, даже несмотря на состояніе агоніи, въ какой послѣдняя находилась.

Покинемъ-же это Коммунальное Собраніе и представляемое имъ зрѣлище безпечности, безпорядочности и вялости и перейдемъ къ двумъ явленіямъ, которыя нѣсколько успокаиваютъ и утѣшаютъ въ эти мрачные дни: къ замѣчательной защитѣ, проявленной избранной частью рабочихъ на аванпостахъ, и къ способностямъ, обнаруженнымъ той-же частью рабочихъ въ области административныхъ распоряженій въ городѣ съ двухъ-милліоннымъ населеніемъ, въ области, брошенной на произволъ судьбы.

XII. Подъ стѣнами Парижа.

Пораженія 3-го и 4-го апрѣля, разстрѣлы безъ суда побѣжденныхъ, ужасающіе разсказы о недостойномъ обращеніи версальскихъ палачей съ плѣнными, все это не подавило общаго подъема духа въ Парижѣ. Если трусы, до нѣкоторой степени, прикрывшись декретами Клюзере, и повѣсили свои шаспо и патронташи въ своихъ прихожихъ или припрятали ихъ подъ матрацами, то смѣльчаки изъ предмѣстій поднялись повсюду; это были отчасти тѣ, которые ходили съ Эдомъ, Дю

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

валемъ и Флурансомъ и успѣли вернуться, но и другіе—новые—являлись сотнями. Съ 5-го апрѣля укрѣпленія на всемъ ихъ протяженіи, отъ воротъ Монружъ до воротъ Сенъ-Уенъ, заняты были батальонами федералистовъ. Заняты были и южные форты Ванвъ и Исси, который, насколько это возможно было, былъ исправленъ. За фортами вырыты были траншеи, тянувшіяся до Мулино, Кламара, Валь-Флери, Отъ-Брюйеръ и Муленъ-Саке. На правомъ берегу Сены вновь занятъ былъ Курбевоа и забаррикадированъ мостъ Нейльи.

Всѣ эти работы, какъ и самый сборъ батальоновъ, вся мобилизація, которая выставляла противъ врага около ста тысячъ человѣкъ, совершились почти безъ приказаній свыше, свободно и добровольно. Командующій, даже среднихъ способностей, но дѣятельный человѣкъ, сумѣлъ бы утилизировать это рвеніе, которое проявлялось столь живо и довѣрчиво послѣ пораженія и несмотря на пораженіе. Мы уже знаемъ, какъ воспользовался этимъ Клюзере. Онъ далъ остыть этой силѣ, далъ ей растаять, израсходоваться на мелочахъ. Держать подъ ружьемъ всѣ эти сто тысячъ два, три дня, даже недѣлю при желаніи,—это было возможно и исполнимо; но съ какой цѣлью? ради какого полезнаго и практическаго результата? Военныя дѣйствія, повидимому, затягивались; они могли и должны были тянуться цѣлые мѣсяцы. Искусная и предусмотрительная политика, расчитывавшая и на будущее, должна была-бы, наоборотъ, успокоить умѣрить, даже укротить эти порывы перваго энтузіазма, эти самопроизвольныя вспышки и удержать на линіи огня только необходимое число ратниковъ, остальнымъ-же предложить отдыхъ, въ чемъ они очень нуждались, съ тѣмъ, чтобы они вновь явились на свои мѣста, когда дойдетъ до нихъ очередь. Экономія силъ была-бы лучшей и наиболѣе вѣрной тактикой даннаго момента.

Для этого, конечно, необходимо было, чтобы Клюзере держалъ въ рукахъ не только національную гвардію, но также, и даже главнымъ образомъ, офицеровъ и начальниковъ, чтобы послѣдніе въ состояніи были въ зависимости отъ необходимости или-же увлечь за собою впередъ батальоны, находившіеся подъ ихъ командой, или-же, наоборотъ, удержать ихъ. Съ этою цѣлью въ послѣдующіе дни военный делегатъ попытался найти подходящихъ людей и выборъ его оказался даже удачнымъ: но въ описываемый моментъ, по крайней мѣрѣ, на сѣверо-западѣ, еще командовали прежніе неспособные начальники 3-го апрѣля. Тамъ былъ Бержере; „самъ“ Бержере находился у моста Нейльи, за защиту котораго онъ письменно ручался Исполнительной Комиссіи въ свойственномъ ему героическо-комическомъ тонѣ: „Что касается Нейльи, этого предмета домогательствъ нашихъ противниковъ, то я его сильно укрѣпилъ и вызываю цѣлую армію атаковать его. Я поставилъ тутъ интеллигентнаго и твердаго человѣка—гражданина Бургоаня; онъ твердой рукой держитъ знамя Коммуны и никто не вырветъ у него его“. Письмо это появилось въ Officiel 6-го апрѣля, а 7-го, въ 4 часа дня, мостъ Нейльи былъ взятъ. Бургоань, правда, оказалъ отчаянное сопротивленіе и погибъ на мѣстѣ. Наэлектризованные его примѣромъ федералисты убили двухъ непріятельскихъ генераловъ, ранили третьяго и шагъ за шагомъ оспаривали позицію, но въ концѣ концовъ они всетаки были отброшены къ стѣнамъ стараго парка.

Въ этомъ сраженіи Бержере, хотя и не потерялъ жизни, но потерялъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

свои галуны. На слѣдующій день Коммуна рѣшила, что на этотъ разъ мѣра, наконецъ, переполнилась, и смѣнила его; офицеры должны были назначаться съ этого времени Клюзере изъ болѣе свѣдущихъ и изъ болѣе осторожныхъ людей. Бержере замѣнилъ полякъ Ярославъ Домбровскій. Назначеніе иностранца вызвало нѣкоторое легкое возбужденіе, но Исполнительная Комиссія успокоила его, объяснивъ, хотя нѣсколько высокопарно, но по существу вполнѣ согласно съ истиной, тѣ причины, которыми обуславливалось это назначеніе. Получивъ образованіе въ кадетскомъ корпусѣ, Домбровскій участвовалъ въ качествѣ офицера въ покореніи Кавказа; затѣмъ во время послѣдняго польскаго возстанія онъ командовалъ бандами. Немного позднѣе онъ служилъ подъ начальствомъ Гарибальди. Въ общемъ, это былъ знающій свое дѣло офицеръ, а его революціонное прошлое представляло достаточныя гарантіи.

Назначены были также и другіе военные: братъ Яр. Домбровскаго — Владиславъ — его помощникомъ, Ла Цециліа назначенъ былъ въ главный штабъ, а Врублевскій получилъ командованіе южными фортами. Ла-Цециліа, французъ, хотя и съ итальянской фамиліей, служилъ во время войны въ Лоарской арміи. Врублевскій, принадлежавшій къ той-же національности, какъ и Домбровскіе, также какъ и они, принималъ участіе въ польскомъ возстаніи и былъ знающимъ и храбрымъ офицеромъ.

Въ теченіе апрѣля командованіе войсками, съ незначительными измѣненіями было приблизительно слѣдующее: Домбровскій имѣлъ свою внѣшнюю главную квартиру въ Ла Мюэтъ. Онъ лично руководилъ батальонами, расположенными отъ Левалоа-Перре и Нейльи до Поань дю Журъ, а черезъ своихъ адъютантовъ— Августа Околовича и Анфана онъ командовалъ главнымъ образомъ войсками, стоявшими начиная съ Аньера до салотопки въ Сентъ-Уэнѣ, откуда уже начиналась нейтральная зона ввиду близости прусскихъ линій. Главная квартира Врублевскаго была въ Жантили, а его войска раздѣлены были на три части: первая занимала форты Исси и Ванвъ, вторая—форты Монружъ и Бисетръ, третья—фортъ Иври и траншеи Вильжьюфъ. Подъ начальствомъ Врублевскаго находились Брюнель и Лисбонъ, которыхъ въ иные часы замѣняли Ла Вециліа, Ветцель и даже Эдъ.

Съ этими новыми офицерами національная гвардія не подвергалась, по крайней мѣрѣ, различнымъ неожиданностямъ и авантюрамъ, благодаря которымъ многія тысячи ея бойцовъ погибли убитыми или плѣнными, а непріятель уже дважды почти что вошелъ въ самый Парижъ. Эти начальники умѣли предвидѣть опасности, комбинировать силы, маневрировать; такимъ образомъ, солдаты могли драться и рисковать своей жизнью съ нѣкоторой пользой и шансами на побѣду. Ихъ мужество уже не расходовалось въ однѣхъ только потеряхъ; урегулированное и дисциплинированное оно остановило версальцевъ, заставило ихъ задержаться передъ траншеями и фортами и вынудило предпринять форменную и долгую осаду, исходъ которой являлся сомнительнымъ.

Но бѣда заключалось въ томъ, что если, наконецъ, и появились кое какіе начальники, то арміи уже не было, а остатки ея все болѣе и болѣе та-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

яли. Чтобы судить о военныхъ силахъ Коммуны нельзя ссылаться ни на оффиціальные отчеты, доставлявшіеся офицерами военной делегаціи, ни на статистическія данныя изъ версальскихъ источниковъ. Отчетъ 2—3 мая о состояніи легіоновъ, составленный состовшимъ при организаціи полковникомъ Мейеромъ и утвержденный членами военной комиссіи: Арнольдомъ, Авріалемъ, Бержере, Делеклюзомъ, Ранвье и Тридономъ, опредѣляетъ наличный составъ маршевыхъ батальоновъ въ 84.986 человѣкъ съ 3.413 офицерами, мѣстныхъ батальоновъ—77.665 челов. съ 3.094 офицерами *). Съ своей стороны генералъ Апперъ еще болѣе увеличиваетъ эти цифры въ своемъ показаніи слѣдственной комиссіи о 18 марта, опредѣляя наличность дѣйствующихъ силъ Коммуны въ 99.062 челов. и въ 114.842 челов. наличность мѣстныхъ войскъ, а всего въ 213.904 національныхъ гвардейцевъ перваго и второго разряда. Ни тотъ, ни другой изъ этихъ документовъ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Полковникъ Мейеръ и военная комиссія, значительно увеличивая цифры, желали придать увѣренность и вселить мужество защитникамъ Коммуны и парижскому населенію. Что-же касается генерала Аппера, дававшаго свои показанія послѣ побѣды арміи Порядка, то ему лестно было подчеркнуть все величіе торжества, произвольно увеличивая силы революціоннаго врага, съ которымъ должна была помѣряться реакція.

Въ дѣйствительности, тѣхъ 100.000 чел., которыми Коммуна располагала 2-го и 3-го апрѣля и которые еще разъ встали за нее послѣ неудачной вылазки съ цѣлью отвратить гибельныя послѣдствія этой неудачи, уже не было на лицо 7-го или 8-го апрѣля. Домбровскій, Врублевскій и ихъ лейтенанты, даже въ самые лучшіе дни располагали maximum 30 или 35 тысячами человѣкъ: 12—15.000 на югѣ, 15—20.000 на сѣверо-западѣ. Подъ своимъ непосредственнымъ начальствомъ Домбровскій имѣлъ, иной разъ, до 6.000 человѣкъ; и, несмотря на его настоятельныя и постоянныя просьбы къ Коммунѣ, онъ никогда, ни при какихъ обстоятельствахъ, не могъ собрать большаго числа.

Это были тѣ храбрецы, ряды которыхъ безпрерывно будутъ рѣдѣть подъ градомъ пуль и гранатъ, тѣ, которые будутъ въ теченіе полутора мѣсяца биться противъ 150.000 солдатъ Виноа и Макъ-Магона, ежедневно пополняемыхъ свѣжими войсками, являвшимися со сборныхъ пунктовъ изъ Шербурга, Камбрэ, Оксерра, гдѣ генералы Порядка собирали, вооружали и разжигали плѣнныхъ, возвращаемыхъ изъ Германіи ихъ соучастникомъ Бисмаркомъ.

На сѣверо-западѣ, на высокомъ берегу Сены, въ Аньерѣ, въ Нейльи, около воротъ Майльо защита велась замѣчательно энергично и эпически. Съ перваго-же раза Домбровскій возстановилъ положеніе и до 20-го мая въ этой мѣстности горсть храбрецовъ удерживала непріятеля въ десять разъ сильнѣйшаго, при перемѣнныхъ успѣхахъ и потеряхъ.

Въ ночь на 9-ое апрѣля Домбровскій началъ свои операціи тѣмъ, что вмѣстѣ съ Верморелемъ прогналъ версальцевъ изъ Аньера. Отсюда онъ бомбардировалъ при помощи блиндированныхъ поѣздовъ, циркулировавшихъ по

*). Journal Officiel отъ 6 мая, стр. 484—485.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

рельсовому пути, Курбевоа и мостъ Нейльи. Въ ту-же ночь его братъ Владиславъ вмѣстѣ съ Жакларомъ захватилъ другой стратегическій пунктъ: замокъ Беконъ, господствующій надъ дорогой изъ Аньера въ Курбевоа. 12-го апрѣля версальцы сдѣлали попытку отбить эту позицію, но были отброшены. Замокъ Беконъ взятъ былъ обратно войсками Порядка только 17-го, когда занимавшіе его въ числѣ 250 федералисты, продержавшись шесть часовъ противъ цѣлой бригады, вынуждены были, наконецъ, отступить. На слѣдующій день былъ въ свою очередь аттакованъ и Аньеръ, и Домбровскій, получивъ въ подкрѣпленіе всего 300 человѣкъ, принужденъ былъ очистить это мѣстечко и перейти обратно Сену. Въ этой стычкѣ былъ тяжело раненъ Околовичъ. Домбровскій укрѣпился послѣ этого въ Нейльи, гдѣ въ теченіе цѣлыхъ недѣль происходила жестокая борьба, безпрерывно продолжавшаяся и днемъ и ночью. Каждый домъ, каждый садъ превращались въ поле битвы и переходили поочереди то въ руки федералистовъ, то ихъ противниковъ. Домбровскій, безстрастно державшійся подъ ружейнымъ огнемъ, хладнокровно смѣлый и какъ-бы не замѣчавшій опасности, поспѣвалъ лично всюду, наблюдалъ за всѣмъ и устранялъ всѣ опасности.

Положеніе было ужасно; сражавшіеся жили какъ въ аду, подвергаясь безпрерывнымъ нападеніямъ, еле находя время заснуть, оставляя ружье только для того, чтобы схватить лопату и строить импровизированные окопы, которые на часъ, на два служили для нихъ невѣрнымъ прикрытіемъ, пока, выбитые и изъ нихъ и обойденные, они не отступали на нѣсколько шаговъ назадъ, чтобы вновь рыть такіе-же окопы для новой защиты. Съ Монъ-Валерьена и съ грознаго редута Монтрету на нихъ падалъ безпрерывный дождь чугуна, а также и на несчастныя мѣстечки Аньеръ и Левалоа, которыя уже представляли изъ себя однѣ развалины, груды мусора, пепла и горѣвшихъ построекъ. На эту свирѣпую бомбардировку отвѣчали только орудія, поставленныя безъ всякаго прикрытія у воротъ Майльо и подвергавшіяся навѣсному огню непріятеля. Здѣсь, на этомъ беззащитномъ пунктѣ тоже расточались сокровища энергіи и смѣлости. 48 дней безпрерывно гремѣли орудія воротъ Майльо. Наводчиковъ и канонировъ хватало всего на нѣсколько часовъ, такъ какъ смерть косила ихъ безпощадно. Но несмотря на это, орудія не молчали ни одного мгновенія. Всегда и немедленно находились другіе смѣльчаки, чтобы занять мѣсто тѣхъ смѣлыхъ людей, которые только что на ихъ глазахъ пали.

Въ южномъ раіонѣ, гдѣ находился Врублевскій, военныя дѣйствія велись также энергично и сопровождались такими-же жертвами. Въ Мулино редутъ переходилъ изъ рукъ въ руки; изъ двухъ дней въ одинъ на немъ развѣвалось красное знамя. Гарнизонъ форта Исси въ теченіе недѣли отбилъ три ночныхъ аттаки, въ которыхъ непріятель понесъ тяжелыя потери. Въ Ванвѣ, въ Исси, на холмахъ Банье происходили безпрерывныя тревоги и постоянныя стычки.

Если бы Коммуна въ этотъ моментъ располагала тѣми силами, которыя въ самомъ началѣ встали за нее, или, если бы твердое и внимательное завѣдываніе дѣлами сумѣло-бы вновь вызвать къ жизни эти силы и утилизировать ихъ, то нѣтъ никакого сомнѣнія, что партія могла бы быть выиграна рево-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

люціей. Но общій безпорядокъ и замѣшательство все усиливались. Недоставало по прежнему двухъ вещей: съ одной стороны главное начальствованіе, общая координація защиты и завѣдываніе ею отсутствовали при Клюзере, какъ и при Бержерѣ и при Эдѣ; съ другой стороны—кадры, оставшіеся въ ротахъ и батальонахъ, стояли ниже своей задачи, были недисциплинированы и неспособны. Офицеры появлялись на мѣстѣ военныхъ дѣйствій только, когда они этого хотѣли и насколько хотѣли; по собственной фантазіи они-же и покидали довѣренныя имъ позиціи. Такимъ образомъ, достаточно было одного плохого капитана, безразсуднаго или просто негодяя, чтобы парализовать добрую волю ста рѣшительныхъ и преданныхъ ратниковъ.

Въ сущности изъ всякаго легіона выступали только тѣ батальоны, которые этого хотѣли, а въ батальонѣ только тѣ роты, съ желаніями которыхъ совпадало такое выступленіе; и въ результатѣ получалось, что дрались однѣ и тѣ-же воинскія единицы, лучшія изъ всѣхъ. Онѣ оставались на аванпостахъ по недѣлѣ и по двѣ, возвращались изнуренными и не имѣли даже возможности подкрѣпиться въ теченіе нѣсколькихъ дней домашнимъ отдыхомъ.

„Экспедиціи, пишетъ *) Малонъ, который часто въ качествѣ добровольца сопровождалъ въ траншеи свой легіонъ XVII округа, были кровопролитны и часто пролетарскія фаланги возвращались сильно порѣдѣвшими. Сколько разъ можно было видѣть ихъ проходившими мимо Ратуши! Черные отъ порохового дыма, съ разорванными снарядами знаменами, иной разъ въ клочья, порѣдѣвшіе, но воодушевленные ряды ихъ кричали, покрывая бой барабановъ: „Да здравствуетъ всемірная республика! Да здравствуетъ Трудъ! Да здравствуетъ Коммуна!“. Обыкновенно кто-нибудь изъ членовъ Коммуны привѣтствовалъ ихъ рѣчью и передавалъ имъ новое знамя изъ краснаго сукна съ золотой бахромой. Это новое знамя битвы принималось съ энтузіазмомъ, батальоны отдавали ему честь, развертывали его и уходили съ барабаннымъ боемъ, съ музыкой и съ пѣніемъ Марсельезы, Chant du Départ или Mourir pour la patrie.“.

Куда-же они уходили? На линію обороны, на встрѣчу новымъ столкновеніямъ, новымъ утомленіямъ и новымъ опасностямъ. Такимъ образомъ, происходилъ своего рода механическій отборъ, который постепенно создалъ Коммунѣ отборную гвардію, героическую фалангу, употребляя выраженіе Беноа Малона, но численный составъ которой при этомъ постоянно все уменьшался. Эта избранная часть не могла, дѣйствительно, заполнять потери, которыя наносили ея рядамъ удары непріятеля, и самопроизвольно возрождаться, такъ какъ самоотверженныя предложенія для пополненія рядовъ становились все болѣе рѣдкими. Чтобы сберечь и сохранить эту часть, необходимо было вмѣшательство закона, который освободилъ-бы ее отъ одной стороны ея гибельной задачи, направивъ ее въ то-же время на болѣе полезное для общей защиты дѣло. Мы встрѣчаемся здѣсь съ главной ошибкой военной делегаціи Коммуны, которая допустила, что наиболѣе надежные военные элементы принесли себя въ жертву безъ пользы, тогда какъ делегація могла и должна была-бы съ ихъ помощью

*) Benoit Malon. La Troisième défaite du Prolétariat français, стр. 220.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

образовать кадры для всей національной гвардіи и увлечь благодаря этому въ огонь всѣ сто или сто пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, которыхъ могъ выставить рабочій и республиканскій Парижъ. Дѣйствуя въ этомъ только направленіи возможно было разсчитывать найти спасеніе. Клюзере не понялъ этого, а если и понималъ, то ничего не сдѣлалъ для этой цѣли.

XIII. Комиссіи и делегаціи.

Эту-же избранную часть, горячую и полную вѣры, но очень сократившуюся численно, оказавшую такое отчаянное сопротивленіе на аванпостахъ и на укрѣпленіяхъ, мы встрѣтимъ и въ Совѣтахъ революціи, на отвѣтственныхъ постахъ, при исполненіи трудныхъ и жизненныхъ функцій; здѣсь она стремилась предупредить анархію, вызванную Версалемъ и дезертирствомъ его приверженцевъ, и старалась спасти Парижъ отъ голода и раззоренія, чтобы дать ему возможность существовать и продолжать борьбу.

Въ этой области также главнымъ образомъ работники отдуваются за все и за вся; они запрягаются въ дѣло за вознагражденіе, надъ которымъ посмѣялся-бы буржуа, работаютъ — одинъ за десятерыхъ, отдавая всѣ свои дни и ночи, и терпѣніемъ, прилежаніемъ и трудомъ возстановляютъ и обезпечиваютъ функціонированье всѣхъ общественныхъ службъ, покинутыхъ и заброшенныхъ Версалемъ. Они пополняютъ собою малочисленные кадры, остававшіеся еще на мѣстахъ, учатся у нихъ дѣлу и проявляютъ чудеса разумной приспособляемости и выносливости въ работѣ.

Эти жертвы, быть можетъ, менѣе героичны, чѣмъ проявляемыя на поляхъ сраженій, но тѣмъ не менѣе ихъ слѣдуетъ запомнить и отмѣтить, потому что онѣ указываютъ, что административная способность, умѣнье завѣдывать и руководить интересами коллективности и самоуправляться, которымъ въ общей своей массѣ не обладалъ еще въ то время рабочій классъ, были уже удѣломъ нѣкоторой его части, особенно-же тѣхъ, кто сформировался, развился и организовался въ соціалистической средѣ, въ обществахъ сопротивленія, этихъ первыхъ попыткахъ синдикальной организаціи и, главнымъ образомъ, въ секціяхъ Интернаціонала. Никто еще не пытался опровергнуть, что Парижъ въ административно-муниципальномъ отношеніи функціонировалъ также хорошо и правильно при Коммунѣ, какъ и при всякомъ иномъ бывшемъ или послѣдующемъ режимѣ, но при этомъ онъ функціонировалъ болѣе экономно. И это произошло, повторяемъ, исключительно вслѣдствіе усилій совершенно новыхъ людей, которые въ большинствѣ получили только элементарное образованіе и наканунѣ еще находились на фабрикахъ, въ мастерскихъ, въ конторахъ, за прилавкомъ.

Въ этомъ вопросѣ мы не можемъ касаться частностей, достаточно будетъ только упомянуть о такихъ рабочихъ, какъ Тейсъ—директоръ Почты, Бастелика—директоръ Октроа, Камбо—директоръ неокладныхъ сборовъ, Камелина—директоръ Монетнаго двора; всѣ четверо вышли изъ рядовъ Интернаціонала и ни преслѣдованія, ни тюрьма не страшили ихъ. Пролетаріями были также, за однимъ или, можетъ быть, двумя исключеніями, директора или главные агенты родственныхъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

службъ: Файльe стоялъ во главѣ прямыхъ сборовъ, Луи Дебокъ—во главѣ Національной Типографіи, Фонтэнъ — завѣдывалъ государственными имуществами, Оливье—регистраціей, Поверъ—телеграфомъ; ихъ же непосредственные сотрудники безъ подготовки и безъ всякой опытности предварительной службы принуждены были въ теченіе сутокъ занять мѣста версальскихъ бѣглецовъ и оказались настолько-же умѣлыми, какъ и ихъ предшественники.

Точно также и въ комиссіяхъ самой Коммуны, избранники, вышедшіе изъ настоящей рабочей среды, какъ Варленъ — въ Интендантствѣ, Френкель—въ Трудѣ и Обмѣнѣ, Журдъ—въ Финансахъ обнаружили столько-же доказательствъ своихъ свѣтлыхъ способностей, яснаго и быстраго пониманія вещей, какъ и ихъ товарищи буржуазнаго происхожденія и образованія, занимавшіе мѣста въ другихъ делегаціяхъ. Мы бѣгло познакомимся съ ними, потому что здѣсь умѣстно будетъ бросить взглядъ на труды различныхъ делегацій Коммуны.

Мы не будемъ больше возвращаться къ военной делегаціи, по крайней мѣрѣ въ данный моментъ, т. к. уже говорили о ней. Внѣшнія сношенія Паскаля Груссе долго насъ не задержатъ, равно какъ и юстиція съ ея делегатомъ Прото.

Задача делегата по внѣшнимъ сношеніямъ во время Коммуны не могла быть сложной. Какъ и заранѣе можно было предполагать, Груссе тщетно пытался завязать сношенія съ иностранными дворами и ихъ дипломатами. Послѣдніе не отвѣчали, и всѣ сношенія этого характера ограничились перепиской съ нѣмецкими генералами, командовавшими нѣмецкими войсками, еще наполовину окружавшими Парижъ *). Груссе имѣлъ, правда, еще другую задачу, представлявшую болѣе насущный и безспорный интересъ и состоявшую въ возстановленіи связей, такъ грубо прерванныхъ Версалемъ между столицей и провинціей, съ цѣлью держать послѣднюю въ курсѣ событій, совершавшихся въ Парижѣ и подъ Парижемъ, что являлось лучшимъ средствомъ внушить ей уваженіе и вниманіе къ Коммунѣ. Въ этомъ направленіи Паскаль Груссе сдѣлалъ, повидимому, все возможное, но результатовъ достигъ не вполнѣ благопріятныхъ. Черезчуръ сгущена была атмосфера недовѣрія, царившая между парижанами и провинціалами, а въ данное время она еще была насыщена ложью версальцевъ. Черезчуръ плачевны вмѣстѣ съ тѣмъ были и тѣ средства, которыми располагала делегація. Груссе мало содѣйствовали его агенты, неоднократно отправляемые имъ въ большіе города страны, которые вначалѣ заволновались было и возстали, какъ мы видѣли, но вскорѣ впали вновь въ инертность и въ индиферентизмъ; такимъ образомъ, въ результатѣ эта область его дѣятельности не имѣла благопріятныхъ послѣдствій.

Съ другой стороны, что могъ сдѣлать съ сферѣ юстиціи въ 1871 г., въ окруженномъ стѣнами Парижѣ, делегатъ Коммуны? Моментъ былъ неподходящій для полной реформы юридической системы Франціи, которую обдумывалъ, нови-

*) По поводу этихъ сношеній высказано было много неодобрительнаго. Повидимому, это неосновательно. Во всякомъ случаѣ можно будетъ болѣе здраво судить о томъ, что вѣрно и что неосновательно въ этихъ мнѣніяхъ, когда Паскаль Груссе обнародуетъ свой трудъ о Коммунѣ, который, къ сожалѣнію онъ еще держитъ въ своемъ портфелѣ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

димому, Прото. Поэтому онъ очень скоро остановился на этомъ пути и ограничился только нѣсколькими декретами и мѣрами, которые имѣли въ виду упростить юридическія формальности и сдѣлать даровыми совершенія нѣкоторыхъ актовъ, какъ напримѣръ, дарственныхъ между живыми, завѣщаній, усыновленій, признаній незаконнорожденныхъ дѣтей, брачныхъ контрактовъ, функцій судебныхъ приставовъ, оцѣнщиковъ, судебныхъ секретарей, всей этой ужасной клики, которая, конечно, вела глухую борьбу съ Коммуной. Прото попытался превратить этихъ судебныхъ чиновниковъ въ простыхъ служащихъ, получающихъ опредѣленное жалованье и обязанныхъ взамѣнъ его вносить въ финансовую делегацію суммы, получаемыя ими за совершеніе соотвѣтствующихъ актовъ. Все это было безъ сомнѣнія очень полезно. Прото пришлось также отбиваться отъ Рауля Риго, который пытался перейти въ сферу его дѣятельности и непризнавалъ въ революціонный періодъ правъ личности настолько же полно, какъ самъ Прото. Мы познакомимся съ этимъ конфликтомъ, когда перейдемъ къ дѣятельности делегаціи Общественной Безопасности.

Въ делегаціи Образованія мы встрѣчаемъ Вальяна. Въ тотъ моментъ главный вопросъ заключался не въ воспитаніи и не въ педагогіи, а въ войнѣ, и Вальянъ сознавалъ это, безъ сомнѣнія, лучше многихъ другихъ. Въ виду этого Вальянъ скорѣе только намѣтилъ тотъ путь, по которому онъ пошелъ бы, если-бы сама революція имѣла время пойти по этому пути со всею полнотою власти, чѣмъ дѣйствительно пытался идти по нему. Проникнутый убѣжденіемъ въ необходимости освободить учащихся отъ всякаго клерикальнаго вліянія при помощи свѣтскихъ программъ, онъ уничтожилъ всякое преподаваніе религіи въ начальныхъ школахъ и въ то-же время велѣлъ удалить изъ классныхъ комнатъ всѣ религіозныя эмблемы. Онъ занятъ былъ также созданіемъ профессіональныхъ школъ, которыя дали бы возможность молодымъ людямъ ознакомиться съ основами выбранной ими профессіи, и дополняли бы ихъ вмѣстѣ съ тѣмъ научнымъ и литературнымъ образованіемъ. Первую изъ такихъ школъ онъ открылъ въ старомъ іезуитскомъ заведеніи въ улицѣ Почтъ. Въ этой попыткѣ реорганизаціи начальнаго образованія Вальяну помогала подъ-комиссія, состоявшая изъ спеціалистовъ, свободныхъ въ области воспитанія отъ всякихъ буржуазныхъ предразсудковъ,—Эли Реклю, Рама и гражданка Шампсе (Андре Лео).

Что касается высшаго образованія, то Вальянъ обращался въ самыхъ широкихъ размѣрахъ къ содѣйствію общественной иниціативы; напримѣръ, для открытія медицинскаго факультета, брошеннаго оффиціальными профессорами, онъ обратился къ докторамъ и военнымъ врачамъ, къ свободнымъ профессорамъ, а также и къ студентамъ, которымъ онъ предложилъ самимъ выработать планъ преобразованія медицинскаго факультета. Онъ покровительствовалъ также федераціи художниковъ, считавшей въ числѣ своихъ членовъ такихъ высокоталантливыхъ людей, какъ художникъ Густавъ Курбе, скульпторъ Далу, живописецъ Андре Жилль: эта федерація выступила съ смѣлой программой реформъ, уничтожавшей бюджетъ Школы Изящныхъ Искусствъ, и устанавлявшей нейтральную позицію государства по отношенію къ искусствамъ, учрежденіе общественныхъ праздниковъ и основаніе коммунальныхъ училищъ профессіональныхъ искусствъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Какъ и его товарищи, Вальянъ въ виду общаго разстройства, отставокъ и еще болѣе частаго бѣгства, долженъ былъ подписывать многочисленныя назначенія. Вслѣдствіе этого два заслуженныхъ писателя сдѣлались одинъ—Эли Реклю—директоромъ Національной Библіотеки, а другой—Бенжаменъ Гастино—директоромъ Библіотеки Мазарини.

Коммуна, укрѣпленный лагерь революціи, баррикада, за которой всякое человѣческое существо, способное держать ружье, независимо отъ пола и возраста, должно было взяться за него, она могла при необходимости обойтись и безъ делегацій Юстиціи и Образованія, какъ она могла бы равнымъ образомъ включить и свою делегацію Внѣшнихъ Сношеній въ общую делегацію Обороны. Но съ другой стороны она не могла жить, т. е. бороться, безъ правильно функціонирующихъ общественныхъ службъ и безъ правильной организаціи обезпеченнаго подвоза жизненныхъ припасовъ. Ея существенной обязанностью являлось, слѣдовательно, доставленіе пищи ея защитникамъ, охрана ихъ и руководительство ими; эти защитники сливались, впрочемъ, со всѣмъ рабочимъ классомъ въ его цѣломъ.

Въ этомъ отношеніи Коммуна выполнила до извѣстной степени все необходимое при помощи двухъ своихъ делегацій—Общественныхъ Службъ и Продовольствія.

Коммиссіи Общественныхъ Службъ пришлось реорганизовать службы боенъ, освѣщеніе города, водопроводы и канализацію, погребеніе, дезорганизованныя, какъ и всѣ остальныя, вслѣдствіе удаленія по приказу изъ Версаля завѣдующаго ими персонала. Остену, бывшему сначала делегатомъ, удалось съ большими затрудненіями преодолѣть первыя, возникавшія ежеминутно препятствія. Андріе, замѣнившій его 20-го апрѣля, также удачно справлялся съ своими обязанностями. Андріе и Остену въ этомъ, во всякомъ случаѣ, очень помогли муниципалитеты округовъ, которые горячо принялись за расквартированіе семействъ пролетаріевъ, жертвъ бомбардировки, въ разныхъ помѣщеніяхъ, занятыхъ реквизиціей.

Делегація Продовольствія, которой сначала завѣдывалъ Паризель, человѣкъ болтливый и надѣленный нелѣпымъ воображеніемъ, перешла 20-го апрѣля къ Віару, человѣку дѣла, который внесъ и въ эту область порядокъ и извѣстную систему. Благодаря его умѣнью и предусмотрительности Парижъ ни на моментъ не испытывалъ лишеній и страха, нерѣдкихъ въ періодъ первой осады. Снабженіе припасами города совершалось регулярно черезъ нейтральную полосу, и съѣстные припасы не поднялись даже въ цѣнахъ. Тьеръ, разсчитывавшій выморить столицу голодомъ, остался при однихъ своихъ нежеланіяхъ.

Вопросъ о продовольствіи приводитъ насъ къ вопросу о финансахъ, отъ Віара мы переходимъ къ Журду. Послѣдній оказался несравненнымъ финансистомъ, умѣлымъ и дѣятельнымъ администраторомъ, которому удалось создать Коммунѣ солидный бюджетъ, не возбуждавшій ни недовѣрія, ни критики, и онъ достигъ этого, несмотря ни на ограниченныя средства, которыми онъ располагалъ, ни на всѣ возникавшія со всѣхъ сторонъ препятствія.

Мы не будемъ указывать на его робость и на черезчуръ легалитарныя предубѣжденія, т. к. мы уже имѣли случай отмѣтить ихъ, когда говорили о позиціи, занятой правительствомъ по отношенію къ Французскому Банку. Сдѣлавъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

однако эту оговорку, надо согласиться — и всѣ признаютъ это, какъ друзья, такъ и враги,—что, какъ служащій, Журдъ, поставленный событіями въ положеніе завѣдующаго финансами громаднаго города, подобнаго многимъ государствамъ, оказался вполнѣ на высотѣ своей неблагодарной задачи и обнаружилъ качества и способности, на которыя буржуазія смотритъ какъ на свойства, принадлежащія исключительно профессіоналамъ своей касты, долгое время посвященнымъ „въ тайны крупныхъ финансовыхъ предпріятій".

Первой и ежедневной обязанностью Журда являлась накормить и доставить содержаніе приблизительно полумилліону человѣческихъ существъ. По статистическимъ даннымъ, обнародованнымъ 15-го мая 1871 г. Одиганномъ въ Revue des Deux-Mondes, выходитъ, что изъ общаго числа 600.000 рабочихъ, жившихъ въ Парижѣ, въ это время заняты были работой всего 114.000, изъ которыхъ 62.500 женщинъ. Но всѣхъ остальныхъ приходилось во всякомъ случаѣ кормить, принадлежали-ли они къ федеральной національной гвардіи, или-же это были старики, неспособные носить оружіе, или, наконецъ, женщины, не пользовавшіяся поддержкой, вдовы или покинутыя мужьями, которыхъ въ то время насчитывались тысячи и которыхъ нельзя было оставлять умирать съ голода, хотя-бы съ точки зрѣнія простой гуманности. Второй, и не менѣе настоятельной обязанностью Журда являлось снабженіе національной гвардіи всѣмъ необходимымъ для военныхъ дѣйствій. Наконецъ, на томъ-же делегатѣ лежала и забота о доставленіи средствъ и жалованья всѣмъ остальнымъ вѣдомствамъ, которыя, какъ и его собственное, функціонировали при Коммунѣ.

Какія-же средства были въ распоряженіи Журда для удовлетворенія этихъ настоятельныхъ и многочисленныхъ требованій? Онъ самъ далъ на этотъ счетъ данныя въ засѣданіи 2-го мая и снабдилъ ихъ подробнымъ перечнемъ поступленій и расходовъ главной кассы казначейства съ 20-го марта по 30-е апрѣля. Этотъ отчетъ, подписанный его вѣрнымъ сотрудникомъ и главнымъ кассиромъ Ж. Дюраномъ, появился въ Journal Officiel 4-го мая. Если мы разсмотримъ сначала поступленія, то увидимъ, что Журдъ нашелъ въ разныхъ общественныхъ кассахъ, въ Министерствѣ Финансовъ и въ Ратушѣ денежныхъ суммъ на 4.658.112 франковъ. Кромѣ того городъ Парижъ имѣлъ въ Французскомъ Банкѣ на кредитѣ остатокъ приблизительно въ 9.400.000 франковъ, который по соглашенію съ Плецемъ былъ возвращенъ ему, причемъ эта сумма переведена была на текущій счетъ города. Такъ какъ въ концѣ апрѣля сумма эта была уже израсходована, то Журдъ получилъ отъ директоровъ Банка обязательство ежедневно выдавать ему на руки 400.000 франковъ. Въ возмѣщеніе этого долга Журдъ предложилъ самому Банку принимать въ свои кассы городскія поступленія. Такимъ образомъ, до 23-го мая Журдъ получилъ благодаря всему этому новую крупную сумму въ 7.290.000 франковъ. До 30-го апрѣля регистрація и гербовый сборъ дали 560.000 франковъ. Пять крупныхъ желѣзнодорожныхъ компаній внесли въ свою очередь, исполняя декретъ 27-го апрѣля, два милліона въ счетъ прежнихъ просроченныхъ взносовъ, должныхъ ими государству. Наконецъ октроа, прямые и косвенные налоги, таможни, почта и телеграфъ, акцизъ на табакъ, рынки и базары дали съ 20-го марта по 30-е апр. около 11 милліоновъ, изъ которыхъ 8.466.988 франковъ пришлось на одинъ городской налогъ на

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

съѣстные припасы (октроа). Въ общемъ поступленіе равнялось 26.013.919 франкамъ.

Расходовъ за тотъ-же періодъ произведено было 25.138.089 франковъ. Въ круглыхъ цифрахъ они были слѣдующіе: на военныя дѣйствія ушло 20 мил., на интендантство — 1.813.000, на всѣ муниципалитеты — 1.446.000, на Комиссію Общей Безопасности—235.000, на военные лазареты—182.000, на вѣдомство внутреннихъ дѣлъ—103.000, на иностранное вѣдомство—112.000, на Національную Типографію—100.000, на пожарныхъ—99.000, на торговлю—50.000, на Комиссію баррикадъ—44.500, на флотъ—29.000, на различныя рабочія ассоціаціи—24.662.

Въ результатѣ 30-го апрѣля въ бюджетѣ Коммуны на остаткѣ находились 875.000 франковъ. Въ теченіе мая Журдъ подписалъ ассигновокъ на 20 милліоновъ по новымъ расходамъ. Такимъ образомъ, Центральный Комитетъ и Коммуна израсходовали вмѣстѣ немного болѣе 46 милліоновъ и содержали при этомъ на эту относительно незначительную сумму еще армію въ 170.000 человѣкъ.

Не имѣли-ли мы въ виду этого права сказать, что никогда не бывало ни ранѣе, ни послѣ другого правительства, которое бы такъ бережливо относилось къ общественнымъ деньгамъ? Это однако не помѣшало истинному тартюфу Жюлю Симону написать: „Никогда, ни при какомъ иномъ режимѣ не было столько хищеній“. Этой строгой экономіи и этому необыкновенному порядку содѣйствовалъ и даже въ очень значительной степени Журдъ. Онъ лично подавалъ примѣръ экономіи, завтракая за тридцать су въ угольномъ ресторанчикѣ вмѣстѣ съ своими сотрудниками или товарищами: Варленомъ, Камелина, Перрашономъ, послѣ того какъ поутру пересчитывалъ цѣлыя кипы синихъ банковыхъ билетовъ; а свою подругу онъ посылалъ мыть свое quasi-министерское бѣлье въ общественную прачешную. Позднѣе, во время его процесса, даже шакалы военныхъ судовъ немогли усомниться въ его честности и въ правильности веденія имъ своего дѣла.

Въ делегаціи Труда и Обмѣна другой пролетарій Френкель, по профессіи ювелиръ, обнаружилъ подобный же примѣръ приспособленности, разумнаго веденія дѣла и рвенія. Но онъ не оставилъ такого-же яркаго воспоминанія, какъ Журдъ, потому что и самая задача, возложенная на него, была болѣе неблагодарна и болѣе затруднительна. Всегда бываетъ легче собирать средства и согласовывать приходъ съ расходомъ, чѣмъ плодотворно работать надъ организаціей новыхъ экономическихъ отношеній.

Френкель, послѣдователь взглядовъ Интернаціонала, пропагандистъ соціалистическихъ идей при Имперіи, въ довершеніе окруженный въ комиссіи такими-же, какъ и онъ, прежними дѣятелями Интернаціонала, каковы Тейсъ, Малонъ, Авріаль, безъ сомнѣнія, хотѣлъ, чтобы глубокій характеръ начавшейся революціи могъ свободно обнаружиться и привлекъ-бы къ ней симпатіи рабочаго населенія, благодаря его соціальнымъ преобразованіямъ; но достигнуть этого ему не удалось. Достигнутые имъ результаты стояли много ниже его плановъ и взглядовъ его сотрудниковъ и членовъ Коммуны, которые глубоко сознавали необходимость тѣсно связать пролетаріатъ съ завязавшейся борьбой, убѣдивъ его въ томъ, что ставкой въ этой борьбѣ являлось освобожденіе самого пролетаріата.

Оффиціальная программа Комиссіи, если ее читаешь тридцать пять лѣтъ спустя, кажется удивительно блѣдной и почти ничтожной. Это программа изслѣ-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

дованія и подготовки, а ни въ какомъ случаѣ не программа дѣйствія и осуществленія. Въ ней предвидѣны были изслѣдованія и собиранія свѣдѣній; но готовыхъ рѣшеній она не даетъ; весьма слабо и въ общихъ чертахъ только намѣчены нѣкоторыя указанія на необходимость измѣненія отношеній между капиталомъ и трудомъ. „Комиссія, говорится въ программѣ, имѣетъ задачей спеціальное изученіе всѣхъ реформъ, которыя необходимо ввести, какъ въ общественныхъ службахъ Коммуны, такъ и въ отношеніяхъ между работниками — мущинами и женщинами — и ихъ хозяевами... Ея цѣлью является также общее изслѣдованіе труда и обмѣна для созданія статистики... На комиссіи лежитъ безусловный долгъ представленія заинтересованнымъ всѣхъ средствъ для группировки элементовъ, при помощи которыхъ могутъ подготовляться проекты декретовъ и т. д....“

Такими же недомолвками, имѣющими болѣе чѣмъ благоразумный, какой-то исключительный характеръ, отмѣчены и дѣйствія Комиссіи; рѣдкіе ея декреты, окрашенные соціалистическимъ духомъ, напримѣръ, относившійся до завладѣнія брошенными мастерскими или другой, запрещавшій ночной трудъ въ булочныхъ, только-только еще начали примѣняться. Для критики въ данномъ случаѣ матеріала очень много. Прежде всего однако надо рѣшить вопросъ, допускали ли вообще обстоятельства осуществить какую либо иную тактику? Пролетаріатъ въ своемъ цѣломъ былъ еще недостаточно сознателенъ, чтобы поддержать даже эту тактику да еще при необходимости вынести на своихъ плечахъ ея требованія, а съ другой стороны Коммуна стояла передъ встревоженной и напуганной мелкой буржуазіей, которую черезчуръ рѣшительный шагъ революціоннаго правительства несомнѣнно бросилъ бы въ лагерь реакціи. Это-то особенно затруднительное и запутанное положеніе, безъ сомнѣнія, и парализовало главнымъ образомъ делегацію Труда и Обмѣна и повело къ тому, что осуществленіе ея плановъ не стояло на высотѣ ея намѣреній. Вслѣдствіе тѣхъ-же причинъ Комиссія, которая должна была-бы лучше, чѣмъ кто либо, обнаружить глубокія чаянія, заложенныя въ движеніи, въ сущности не оставила ничего такого, что давало бы право невѣждѣ или доктринеру сказать: Коммуна была соціалистическая, доказательствомъ служитъ такой-то декретъ, такія-то соображенія, такія-то утвержденія, въ которыхъ я нахожу обычныя формулы и афоризмы соціализма.

Въ дѣйствительности Френкель, какъ и лучшіе члены Коммуны, оказался рабомъ среды и окружающихъ обстоятельствъ. Въ его распоряженіи было только восемь недѣль, и какихъ недѣль? это для дѣла, которое требовало мѣсяцевъ и годовъ! и кромѣ того онъ пользовался только одною видимостью власти для такого труда, который требовалъ энергичнаго содѣйствія сознательной воли всего пролетаріата, т. е. диктатуры его.

О делегаціи префектуры Полиціи, мы уже говорили, какъ и о военной делегаціи, и можно-бы ограничиться этимъ краткимъ обзоромъ, если-бы важное значеніе нѣкоторыхъ переговоровъ, возникшихъ по иниціативѣ Риго и вытекавшихъ изъ его функцій, не вынуждало насъ еще разъ коснуться этой делегаціи. Дѣло идетъ о переговорахъ, имѣвшихъ въ виду обмѣнъ заложниковъ на Бланки.

Исполняя декретъ, принятый Коммуной въ засѣданіи 5-го апрѣля въ отвѣтъ на версальскія жестокости, Риго арестовалъ и заключилъ подъ стражу около сорока лицъ, главнымъ образомъ, духовныхъ, среди которыхъ были: архі-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

епископъ Дарбоа его главный викарій Лагардъ, кюре церкви Мадлены—Дегерри и много отцовъ іезуитовъ. Эти лица должны были, по мнѣнію Риго, отвѣчать за плѣнныхъ федералистовъ, въ случаѣ, если бы повторились военныя казни, подобныя растрѣлу Дюваля, Флуранса и ихъ товарищей. Однако, какъ на это и разсчитывали, въ Ратушѣ, одной угрозы оказалось достаточно, чтобы обуздать версальское неистовство. Благодаря такому обороту дѣла Риго и его товарищамъ по префектурѣ пришла мысль, нельзя ли воспользоваться этими „заложниками“ (которыхъ между прочимъ, добродушная Коммуна содержала очень хорошо, разрѣшивъ имъ получать пищу съ воли, бѣлье и разныя изданія)—для другого полезнаго дѣла, для освобожденія Бланки?

Бланки снова былъ плѣнникомъ реакціи. Будучи избранъ въ Коммуну отъ XVIII и XX округовъ, онъ не могъ явиться на свой постъ. Въ видѣ репрессіи за побѣдоносное возстаніе 18-го марта Тьеръ арестовалъ его уже 19-го марта въ Ло, у его родныхъ, куда онъ поѣхалъ для отдыха. Уставшаго и больного, его препроводили въ тюрьму въ Фижакъ и съ тѣхъ поръ никто не имѣлъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Риго былъ фанатическимъ поклонникомъ стараго революціонера и относился къ нему почти съ идолопоклонствомъ: онъ былъ убѣжденъ, что будь Бланки во главѣ Коммуны, онъ вдохнулъ бы въ нее жизнь и мужество и обезпечилъ-бы этимъ ея торжество. Благодаря этому Риго приложилъ всѣ усилія, чтобы при помощи обмѣна на заложниковъ освободить вѣчнаго узника, въ которомъ видѣлъ вѣрнаго спасителя инсуррекціоннаго движенія.

8-го апрѣля архіепископъ, посвященный въ эти планы, написалъ Тьеру письмо, въ которомъ, сообщая о разстрѣлѣ безъ суда плѣнныхъ федералистовъ, онъ „просилъ его предупредить повтореніе этихъ жестокихъ эксцессовъ“. На это частное письмо Тьеръ не отвѣтилъ. Его рѣшеніе хотя и было уже принято, но онъ не считалъ еще удобнымъ познакомить съ нимъ парижанъ. По тѣмъже причинамъ, черезъ день или два послѣ этого онъ выпроводилъ безъ отвѣта и стараго друга Бланки Флотта, который, не имѣя оффиціальнаго порученія, но съ согласія значительнаго числа членовъ Коммуны, явился предложить ему обмѣнъ заключеннаго въ Фижакѣ на многихъ изъ заложниковъ.

Послѣ этихъ первыхъ неудачныхъ попытокъ Риго рѣшилъ предпринять гласные и оффиціальные шаги. Архіепископъ поставленъ былъ въ извѣстность о происшедшихъ уже переговорахъ и согласился лично написать Тьеру письмо, въ которомъ излагалъ ему условія возможнаго соглашенія, къ которымъ лично вполнѣ присоединялся.

Вотъ содержаніе этого письма, познакомиться съ которымъ очень важно, чтобы имѣть возможность судить безпристрастно о томъ, что получило впослѣдствіи названіе „трагедія Заложниковъ“, и рѣшить, кто былъ истиннымъ виновникомъ разстрѣловъ въ Ла-Рокетъ и въ улицѣ Аксо.

„Тюрьма Мазасъ, 12-го апрѣля 1871 г.

„Господинъ Президентъ,

„Имѣю честь передать вамъ сообщеніе, полученное мною вчера вечеромъ, и прошу васъ отнестись къ нему такъ, какъ Вамъ подскажутъ Ваша мудрость и гуманность.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

„Вліятельная личность, тѣсно связанная съ г. Бланки извѣстными политическими идеями и особенно узами старинной и прочной дружбы, дѣятельно хлопочетъ о его освобожденіи. Съ этой цѣлью это лицо отъ себя предложило комиссарамъ, которыхъ это касается, такую сдѣлку: если г. Бланки выпустятъ, то получаютъ свободу парижскій архіепископъ и его сестра, г. предсѣдатель Банжанъ, г. Дегерри, кюре церкви Мадлены, и Лагардъ, главный парижскій викарій, тотъ самый, который передастъ вамъ настоящее письмо. Предложеніе это было принято и меня просятъ поддержать его передъ Вами.

„Хотя я и заинтересованъ лично въ этомъ дѣлѣ, но все-же осмѣливаюсь поручить его Вашей высокой благосклонности и надѣюсь, что мои мотивы покажутся Вамъ благовидными. Среди насъ и безъ того уже существуетъ черезчуръ много поводовъ къ несогласіямъ и раздраженіямъ. Въ виду этого, такъ какъ теперь представляется случай къ переговорамъ, которые, къ тому же, касаются личностей, а не принциповъ, то не благоразумно-ли было-бы пойти имъ на встрѣчу и содѣйствовать этимъ успокоенію умовъ? Общественное мнѣніе, пожалуй, использовало-бы отказъ въ этомъ случаѣ въ нежелательномъ смыслѣ. Въ острыхъ кризисахъ, какъ тотъ, который мы переживаемъ, репрессіи, казни за возмущеніе, хотя-бы онѣ коснулись только двухъ или трехъ лицъ, только усиливаютъ страхъ однихъ, ненависть другихъ и только еще болѣе ухудшаютъ положеніе. Позвольте мнѣ сказать Вамъ, не вдаваясь въ подробности, что этотъ вопросъ гуманности заслуживаетъ того, чтобы Вы обратили на него все Ваше вниманіе при настоящемъ положеніи вещей въ Парижѣ.

„Осмѣлюсь-ли я, г. Президентъ, высказать вамъ мой послѣдній мотивъ? Тронутая рвеніемъ того лица, о которомъ я уже писалъ, и его искренной дружбой къ г. Бланки, моя душа человѣка и священника не могла противиться его прочувствованнымъ просьбамъ, и я принялъ предложеніе просить Васъ о возможно скоромъ освобожденіи г. Бланки. Что и дѣлаю этимъ письмомъ.

„Я былъ-бы счастливъ, г. Президентъ, если-бы просьба моя не показалась вамъ невозможной. Я бы оказалъ ея исполненіемъ услугу многимъ лицамъ и даже всей моей странѣ“.

Письмо это, какъ это и упоминается въ немъ, вручено было главному викарію Лагарду, который долженъ былъ передать его въ собственныя руки главѣ исполнительной власти и привести отвѣтъ. Флоттъ провожалъ посланнаго до вокзала и взялъ съ него обѣщаніе вернуться, каковы-бы ни были результаты его миссіи. „Если-бы меня должны были разстрѣлять, я всетаки вернусь“, воскликнулъ Лагардъ. Въ этомъ-же онъ поклялся и архіепископу. Но, несмотря на это, онъ не вернулся, постаравшись соединиться съ своимъ архіепископомъ по возможности позднѣе, и то только въ раю.

Пять дней прошло безъ всякихъ извѣстій. Тьеръ отвѣтилъ, но только на первое письмо архіепископа, въ которомъ говорилось объ избіеніи плѣнныхъ федералистовъ и которое только что было обнародовано въ одной изъ парижскихъ газетъ, l'Affranchi Паскаля Груссе. Отвѣтъ былъ неблагоразуменъ, и притомъ полонъ наглой лжи! „Факты, на которые Вы обращаете мое вниманіе, осмѣливался писать циничный злодѣй, безусловно ложны, и я искренно удив-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ленъ, что такой просвѣщенный прелатъ, какъ Вы, монсеньеръ, могъ хотя на мгновеніе допустить, что въ нихъ могла быть доля истины. Никогда армія не совершала и не совершитъ позорныхъ преступленій, приписываемыхъ ей людьми, которые сами убиваютъ своихъ генераловъ и не страшатся въ дополненіе къ ужасамъ внѣшней войны вызвать ужасы гражданской.... Я отвергаю, монсеньеръ, ту клевету, которую передали Вамъ, я утверждаю, что никогда наши солдаты не разстрѣливали плѣнныхъ... Примите, монсеньеръ, выраженія моего уваженія и сожалѣнія, испытываемаго мною, видя Васъ жертвой ужасной системы заложниковъ, перенятой у режима Террора, которая казалась-бы никогда не должна была возобновиться у насъ."

Въ этомъ письмѣ Тьеръ дѣлалъ видъ, будто ему неизвѣстно, что онъ можетъ спасти жизнь архіепископа и его товарищей, что для этого ему слѣдовало сказать только простое „да" на предложеніе, уже переданное ему главнымъ викаріемъ заключеннаго. Что-же касается до послѣдняго, который тотчасъ-же понялъ злодѣйскія намѣренія правителей, выданныя типичнымъ восклицаніемъ простоватаго Бартелеми Сентъ-Илера: „Заложники! Заложники! Но мы ничего не можемъ сдѣлать! Что-же сдѣлать? Это уже ихъ несчастье",—то ему оставалось только подумать, какъ спасти себя. Поддѣльный Регулъ, какъ его послѣ окрестили въ ризницахъ, не мечталъ о вѣнцѣ мученика. Пять дней онъ сидѣлъ спокойно. 17-го Флоттъ получилъ, наконецъ, письмо, въ которомъ главный викарій сообщалъ, что дѣло все еще не рѣшено и требуетъ его присутствія въ Версалѣ; о томъ же онъ написалъ и архіепископу. Въ настоящее время мы знаемъ, что 15-го Тьеръ предупредилъ Лагарда, что черезъ два дня онъ передастъ ему отвѣтъ и что этотъ вопросъ дѣйствительно разсматривался въ Совѣтѣ министровъ и въ Коммиссіи Пятнадцати, которые постановили рѣшительно отказать. Тьеръ, его министры и Пятнадцать составляли одну голову, покрытую однимъ и тѣмъ-же колпакомъ. Лагардъ, бывшій въ курсѣ всего дѣла, тѣмъ не менѣе 17-го и 18-го послалъ два новыхъ письма своему архіепископу, въ которыхъ объ отвѣтѣ ничего не сообщалось. Тогда архіепископъ нашелъ, что шутка продолжается уже черезчуръ долго. 18-го его посѣтилъ вполнѣ основательно встревоженный Флоттъ, которому онъ и передалъ весьма категорически составленное письмо къ своему главному викарію, въ которомъ онъ приглашалъ этого господина не тянуть долѣе сутокъ своего пребыванія внѣ Парижа. На это письмо Лагардъ отвѣтилъ слѣдующей запиской, написанной карандашемъ на клочкѣ бумаги: „Г. Тьеръ все еще продолжаетъ задерживать меня, и я могу только ожидать его приказаній, какъ я уже неоднократно и писалъ монсеньеру. Какъ только узнаю что либо новое, тотчасъ же напишу."

Намѣренія бѣглеца становились очень прозрачными. Архіепископъ согласился въ этомъ съ Флоттомъ и передалъ черезъ посланника Соединенныхъ Штатовъ Лагарду слѣдующее требованіе: „По полученіи этого письма, независимо отъ того, въ какомъ положеніи находятся переговоры, на которыя онъ уполномоченъ, г. Лагардъ долженъ немедленно ѣхать въ Парижъ и вернуться въ Мазасъ. Безусловно недопустимо, чтобы недостаточно было десяти дней для правительства рѣшить вопросъ, принимаетъ оно или нѣтъ предложенный обмѣнъ. Задержка эта насъ сильно компрометируетъ и можетъ имѣть печальныя послѣдствія."

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Главный викарій ничего не отвѣтилъ на это требованіе выполнить свои обязательства. Впослѣдствіи, въ качествѣ извиненія, онъ приводилъ ту причину, что ниже его достоинства являлось привести своему архіепископу запечатанный отвѣтъ на письмо, которое имъ было передано открытымъ.

Нунцій Чиги и посланникъ Вашбёрнъ негласно возобновили прерванные переговоры. Архіепископъ Дарбоа съ своей стороны послалъ Тьеру меморандумъ, въ которомъ доказывалъ, что онъ можетъ выпустить на свободу Бланки безъ всякаго риска. Предсѣдатель Бонжанъ тоже написалъ старому плуту, который держалъ въ своихъ рукахъ его судьбу, а значительно позднѣе, 12-го мая, кюре Дегерри также обратился къ помощи пера, „пользуясь случаемъ напомнить о себѣ г-жѣ Тьеръ и М-ЦЕ Донъ.". Изъ всего этого ничего не вышло. Эти послѣдующія попытки имѣли тотъ-же результатъ, какъ и первыя, сдѣланныя подъ непосредственнымъ внушеніемъ Риго. Сопротивленіе Тьера было непреоборимо. Онъ не только не желалъ выпускать Бланки и дать основаніе думать, хотя-бы и по побочному поводу, что переговаривается съ „инсургентами" и этимъ какъ-бы признаетъ ихъ за воюющую сторону, что онъ отказывался допустить; для полноты его сценарія недоставало смерти нѣсколькихъ черныхъ и фіолетовыхъ сутанъ отъ пуль федералистовъ. Возможно, что лично онъ не толкнулъ-бы архіепископа и его товарищей въ западню, но разъ они туда уже попали, то онъ ихъ изъ нея не вытащитъ. „Заложники" по его волѣ превратятся въ славныхъ мучениковъ за дѣло Порядка и узаконятъ въ глазахъ буржуазной Франціи и всего міра примѣненіе всевозможныхъ репрессій, хотя-бы онѣ выражались въ народной бойнѣ.

Долготерпѣніе Коммуны чуть не разрушило этихъ надеждъ коварнаго прозорливца. Только въ самую послѣднюю минуту послѣдніе защитники революціоннаго дѣла рѣшили, что и имъ позволительно воздать око за око и зубъ за зубъ, примѣнивъ декретъ, остававшійся до этого времени мертвой буквой.

Если мы разсказали здѣсь нѣсколько подробно эти переговоры, то именно съ цѣлью уяснить отвѣтственность каждаго въ этомъ инцидентѣ. Безпристрастныя историческія данныя говорятъ, что Коммуна въ моментъ собственной агоніи исполнила только приговоръ, подписанный самимъ Тьеромъ и версальцами. Изслѣдованіе позволяетъ отнести только на счетъ реакціи и тѣ девяносто четыре трупа заложниковъ, павшихъ въ тюрьмѣ Ла-Рокетъ и въ саду улицы Аксо, прибавивъ ихъ къ тѣмъ 30.000 парижанамъ и парижанкамъ, которые убиты были той-же реакціей, подъ предлогомъ отмщенія за первыхъ.

XIV. Миротворцы.

Какъ мы уже говорили, неудача федеральныхъ батальоновъ 3-го и 4-го апрѣля глубоко и радикально видоизмѣнила отношенія къ Коммунѣ средняго парижскаго класса. Колеблясь въ теченіе послѣднихъ недѣль марта между тѣмъ, признать ли или не признавать инсуррекціонное правительство, буржуазные элементы, принадлежавшіе къ торговлѣ, промышленности и къ свободнымъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

профессіямъ, нѣкоторое время склонялись къ послѣднему рѣшенію и мы даже видѣли, что они являлись совѣтовать Коммунѣ походъ на Версаль съ цѣлью снятія блокады съ Парижа. Безъ сомнѣнія, побѣда удержала-бы ихъ подъ революціоннымъ знаменемъ; но Коммуна потерпѣла пораженіе, и вотъ внезапно чувства осторожности взяли верхъ, Коммуна сдѣлалась или снова стала для всего, что не принадлежало въ Парижѣ къ чисто и къ явно пролетарскимъ элементамъ, если не врагомъ, то во всякомъ случаѣ чѣмъ-то чуждымъ, отъ чего слѣдовало держаться на извѣстномъ разстояніи.

Съ этого дня охлажденіе буржуазіи продолжало усиливаться безпрерывно. Оно обнаружилось отставками послѣднихъ представителей центральныхъ кварталовъ, которые еще засѣдали въ Коммунѣ, гамбеттистовъ Ранка и Улисса Парана—5-го апрѣля, Гупиля—нѣсколько дней спустя. Оно обнаружилось также и въ перемѣнѣ тона вліятельной республиканской прессы: сначала Temps, затѣмъ Avenir national, Verité, Siècle, даже Rappel, покидаютъ свою выжидательную нейтральную позицію, почти симпатизирующую, и начинаютъ поддерживать пока что планы и попытки третьей партіи, только что народившейся партіи миротворцевъ, а затѣмъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, пристаютъ къ хору газетъ реакціи, которыя изъ Версаля позорили, унижали и затаптывали въ грязь возставшій народъ.

Миротворцы находятся всюду и всегда. Начиная съ вечера 18-го марта они встрѣчались въ Парижѣ на всѣхъ перекресткахъ, въ кабинетахъ всѣхъ мэрій и въ помѣщеніяхъ всѣхъ редакцій. Мы видѣли уже ихъ за работой. Безъ сомнѣнія, нѣкоторые изъ нихъ руководились наилучшими пожеланіями, но ихъ благочестивыя попытки повели только къ тому, что задержали дѣйствія Центральнаго Комитета и парализовали революцію на самой ея зарѣ. Въ апрѣлѣ вновь появились тѣ-же люди, или почти тѣ же, за исключеніемъ прямыхъ ставленниковъ Тьера въ родѣ Тирара или Мелина. Дѣло шло о томъ, чтобы мирнымъ путемъ получить отъ Версаля формальное признаніе республики и парижскихъ муниципальныхъ вольностей. Кромѣ того, такъ какъ на этотъ разъ революція имѣла въ лицѣ Коммуны свое законное выраженіе, они желали принудить Коммуну ограничить свою власть или даже, что казалось имъ наилучшимъ, совершенно отказаться отъ своихъ полномочій.

Иниціаторамъ подобнаго соглашенія, буржуазнымъ радикаламъ, какъ Клемансо, Локроа и Флоке, казалось, что въ Коммунѣ черезчуръ много рабочихъ и соціализма. Они думали, если и не выражали этого открыто, что между монархическимъ Національнымъ Собраніемъ и возставшимъ республиканскимъ Парижемъ найдется мѣсто и для ихъ котеріи, которую они уже величали партіей. По внѣшности радикальная, но по существу консервативная, эта буржуазная партія менѣе архаичная, чѣмъ однородныя ей другія партіи, должна была, по ихъ предположенію, сохранить неприкосновенными и даже еще болѣе укрѣпить всѣ соціальныя привилегіи, использовавъ съ наибольшей полнотой республиканскія и демократическія формы.

Могла ли Коммуна склоняться на подобныя предложенія? Нѣтъ. Хотя-бы по той простой причинѣ, что онѣ ставили вопросъ въ сущности о ея смерти. А затѣмъ вслѣдствіе еще болѣе рѣшительнаго довода, состоявшаго въ томъ,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

что признанія тѣхъ правъ, которыя третья партія выставила наравнѣ съ Коммуной, т. е. признанія республиканскихъ свободъ, коммунальныхъ вольностей, народнаго избранія начальниковъ національной гвардіи,—нельзя было просить у версальскаго Собранія въ видѣ милости, или милостивыхъ и великодушныхъ уступокъ, но можно было только разсчитывать завоевать силою оружія на полѣ битвы. Это было ясно, только слѣпой могъ не видѣть этого.

Такимъ образомъ, въ поведеніи Коммуны послѣ первой публичной манифестаціи миротворцевъ нѣтъ ничего удивительнаго. Произошло это 5-го апрѣля. Миротворцы созвали населеніе на митингъ въ Биржѣ и изложили свои цѣли въ воззваніи, широко распространенномъ прессой. Воззваніе требовало у Національнаго Собранія „вотировать республиканскія учрежденія и въ особенности отвергнуть, какъ поводъ къ гражданской распрѣ, проектъ муниципальнаго закона, по которому городамъ съ числомъ жителей болѣе 3.000 не полагалось имѣть мэра“, но вмѣстѣ съ тѣмъ это воззваніе энергично порицало „политическія поползновенія“ Коммуны и приглашало ее вернуться къ ея компетенціи муниципальнаго собранія. Коммуна возражала на это: „Реакція любитъ прикрываться всякими личинами. На этотъ разъ она выбрала маску примиренія. Примиреніе съ шуанами и монархистами, которые умерщвляютъ нашихъ генераловъ и избиваютъ нашихъ обезоруженныхъ плѣнныхъ, примиреніе при такихъ условіяхъ называется измѣной“. Она запретила собраніе и уполномочила военнаго делегата и коменданта разсѣять манифестантовъ—при необходимости даже силой.

Коммуна, дѣйствительно, и не могла дѣйствовать иначе, какъ бы искренны сами по себѣ не были намѣренія нѣкоторыхъ изъ миротворцевъ. Позднѣе Тейсъ писалъ по этому поводу *): „Въ борьбѣ народа съ недобросовѣстными людьми, эксплоатирующими его, примиреніе можетъ быть достигнуто только его побѣдой“. Таково было въ данный моментъ мнѣніе всѣхъ членовъ Коммуны и всѣхъ парижскихъ борцовъ.

Выгнанные съ улицы, миротворцы укрылись въ помѣщеніяхъ союзовъ.

Среди этихъ союзовъ, два играли особенно выдающуюся роль. Національный Союзъ Синдикальныхъ Палатъ и Республиканскій Союзъ правъ Парижа.

Національный Союзъ объединялъ до пятидесяти синдикальныхъ Палатъ, и число зарегистрированныхъ въ немъ торговцевъ и промышленниковъ превышало семь тысячъ человѣкъ. Союзъ уполномочилъ вести дѣло постоянную Комиссію, въ которую вошли извѣстные негоціанты: Лоазо Пенсонъ — предсѣдатель палаты красильщиковъ, Бараге—предсѣдатель палаты наборщиковъ-типографовъ, Жози—предсѣдатель палаты рабочихъ слесарей при постройкахъ, Левалоа—помощникъ предсѣдателя Палаты шерстяныхъ ткачей, Люлье предсѣдатель палаты басоннаго производства; главную-же роль играли въ этой Комиссіи два публициста Ш. Лимузенъ и Жюль Амигъ. Послѣдній нѣсколько лѣтъ спустя сталъ бонапартистомъ, но въ описываемое время онъ, повидимому, дѣйствовалъ, какъ истинно убѣжденный человѣкъ.

*) Письмо Тейса въ Constitution, 16 сентября 1871 г.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Національный Союзъ познакомилъ публику съ своими цѣлями при помощи манифеста, въ которомъ утверждалось, что обоюдныя несогласія какъ со стороны Національнаго Собранія, такъ и со стороны Коммуны вызываются главнымъ образомъ недоразумѣніемъ, разъяснить которое можетъ освѣщающее вопросъ и благонамѣренное вмѣшательство. Въ этой надеждѣ Союзъ готовъ вступить въ переговоры съ Собраніемъ и съ Коммуной, чтобы предложить имъ положить въ основу миролюбиваго соглашенія, „установленіе республики, внѣ которой возможно только ожидать цѣлаго ряда замѣшательствъ и бѣдствій", и „организацію муниципальныхъ вольностей города Парижа на самыхъ демократическихъ основаніяхъ, но не затрагивающихъ политической власти, которая всецѣло относится къ общимъ интересамъ Франціи".

Болѣе яркій политическій характеръ носилъ первый манифестъ отъ 3-го апрѣля, который обнародованъ былъ послѣ неудачнаго собранія въ Биржѣ Лигой Республиканскаго Союза правъ Парижа. Подписанъ онъ былъ тремя парижскими депутатами въ Національномъ Собраніи — Клемансо, Флоке и Локроа, только что отказавшимися отъ званій депутатовъ. Затѣмъ его-же подписали: Бонвале, эксъ-мэръ III окр., Корбонъ—эксъ-меръ XV окр., Моттю—эксъ-мэръ XI окр., Аллэнъ Тарже, Ж. Лешевалье—префекты національной Обороны, Лоранъ-Пиша, Изамберъ, Стюпьи, Жоббе-Дюваль. Однимъ словомъ, весь цвѣтъ радикализма вчерашняго и завтрашняго дней. Не будетъ безполезнымъ привести и самый манифестъ, потому что имъ закладывалось основаніе будущей партіи, многіе члены которой должны были сыграть впослѣдствіи крупную роль. Содержаніе манифеста слѣдующее:

„Избѣгнуть гражданской войны оказалось невозможно.

„Нежеланіе Версальскаго Собранія признать законныя права Парижа роковымъ образомъ повело къ пролитію крови.

„Въ настоящее время надо позаботиться, чтобы борьба, которая приводитъ въ отчаяніе всѣхъ гражданъ, не имѣла-бы своими послѣдствіями потерю республики и нашихъ свободъ.

„Въ виду этого необходимо, чтобы ясно составленная программа, объединяющая одной общей мыслью все громадное большинство парижскихъ гражданъ, положила бы конецъ смутѣ умовъ и разъединенности усилій.

„Нижеподписавшіеся, объединившись подъ именемъ Лиги Республиканскаго Союза Правъ Парижа, приняли слѣдующую программу, выражающую, по ихъ мнѣнію, желанія парижскаго населенія.

„Признаніе республики.

„Признаніе правъ Парижа на самоуправленіе и на самоопредѣленіе при помощи совѣта, свободно выбраннаго и автономнаго въ границахъ завѣдыванія имъ полиціей, финансами, общественной благотворительностью, образованіемъ и въ сферѣ осуществленія свободы совѣсти.

„Охрана Парижа поручается исключительно національной гвардіи, составленной изъ всѣхъ способныхъ къ военной службѣ избирателей.

„Защитѣ этой программы члены Лиги и желаютъ посвятить всѣ свои усилія и приглашаютъ всѣхъ гражданъ помочь имъ въ этомъ, присоединяясь къ Лигѣ, чтобы члены ея, опираясь на это согласіе, могли предпринять энер-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гичную попытку къ примиренію, которая способна была-бы повести къ возстановленію мира и къ сохраненію республики".

Параллельно съ Лигой Республиканскаго Союза тѣ-же идеи и сходныя же намѣренія сгруппировали еще другихъ лицъ, вышедшихъ къ тому-же изъ среды весьма близкой Лигѣ, а именно ученыхъ, художниковъ, учителей, публицистовъ. Въ ихъ числѣ были: Андре Лефевръ, Летурно, Луи Асселинъ, Кудро, Ивъ Гюйо, доктора Онимусы, Мерсье, Бургоань, Даньонъ и еще двадцать другихъ, которые въ опубликованной ими декларацiи, подъ именемъ „Республиканскаго Согласія", формулировали свою программу слѣдующими тезисами: 1. Неоспоримость республики, демократической и свѣтской; II. Автономная Коммуна, свободно избранная и часто возобновляемая, какъ—муниципальное, соціальное и политическое выраженіе интересовъ города; III. Федерація коммунъ, взаимная гарантія ихъ автономіи.

Затѣмъ, помимо всего этого, профессоръ медицинскаго факультета Ш. Пажоль, врачъ больницъ Деласіовъ, адвокаты, врачи, инженеры, художники—писали Тьеру: „Милостивый Государь... Вы предполагаете, что имѣете дѣло съ возмущеніемъ. Вы находитесь лицомъ къ лицу съ опредѣленными и общераспространенными убѣжденіями. Громадное большинство столицы стоитъ за республику, за фактическій образъ правленія въ данное время, который нельзя измѣнить безъ революціи, какъ высшее право, стоящее внѣ рѣшенія... Парижъ, справедливо или нѣтъ, видѣлъ во всемъ поведеніи Собранія затаенное желаніе возстановить монархію, источникъ всѣхъ нашихъ ужасныхъ бѣдствій. Многіе изъ гражданъ не согласны были въ своевременности матеріальнаго сопротивленія, но выводить изъ этого заключеніе о несогласіи и во взглядахъ на преимущества республиканскаго правленія, значило-бы съ Вашей стороны впасть въ грубую ошибку".

Эти цитаты и подписи показываютъ тѣ чувства и тенденціи, которыя господствовали въ это время среди состоятельной и просвѣщенной буржуазіи. Послѣдняя еще не перестала склоняться, въ теоріи, по крайней мѣрѣ, на сторону Коммуны, поскольку послѣдняя символизировала идеи приверженности къ республиканскому образу правленія и защиты муниципальныхъ вольностей; но склонность эта носила исключительно платоническій характеръ: чувствовалось, что за нею не послѣдуетъ никакого согласнаго дѣйствія. Буржуазія готова была утверждать, наравнѣ съ Коммуной, что необходимо сохранить республиканскій режимъ и ввести широкія муниципальныя вольности, но она твердо рѣшила не присоединяться къ пролетаріату съ цѣлью совмѣстнаго совершенія какого-либо насильственнаго дѣйствія. Она надѣялась на добрую волю Версаля. Она искала защиты отъ плохо освѣдомленнаго будто-бы Тьера у Тьера-же, но лучше освѣдомленнаго. Въ этомъ видна была, безъ сомнѣнія, трусость, но былъ также и разсчетъ. Дѣло въ томъ, что одна мысль безпокоила и смущала эту буржуазію, хотя это и не проявлялось открыто въ ея декларацiяхъ, и эта мысль заставляла даже опасаться скорѣе успѣха Коммуны, чѣмъ ея пораженія,—это пониманіе той соціалистической основы, которая проглядывала и разгадывалась въ этомъ движеніи, которое увлекло за собою рабочій Парижъ. Лучшимъ изъ буржуазныхъ республиканцевъ эти новые хо-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

зяева Ратуши, эти рабочіе, эти послѣдователи Интернаціонала или бланкизма, внезапно выплывшіе на первый планъ, ничего путнаго не сулили, потому что они черезчуръ откровенно олицетворяли собою доктрины и интересы другого класса, который уже возставалъ вчера при Имперіи, покровительствуемый ими, и который обнаруживалъ тенденцію все болѣе и болѣе обособляться въ особый классъ съ противоположными имъ интересами.

Въ виду этого, доброе намѣреніе и демократическое рвеніе самыхъ рѣшительныхъ и непоколебимыхъ сторонниковъ примиренія состояло въ томъ, чтобы осуществить съ одобренія Версаля, но противъ Коммуны нѣкоторыя изъ ея идей; до этого предѣла буржуазія согласна была идти, но не дальше.

Такого рода и такъ обусловленное вмѣшательство было уже заранѣе обречено на неуспѣхъ. Правая сторона Національнаго Собранія, сознавая свое всемогущество, не имѣла никакой нужды соглашаться и мириться съ революціей, она предпочитала побѣдить, такъ какъ имѣла для этого въ рукахъ вѣрныя средства. Изъ за какихъ соображеній должны были правые элементы соглашаться на переговоры, которые придали-бы совершенно иной видъ ихъ побѣдѣ и поставили-бы въ необходимость дѣлить плоды ея съ партіей, которая ничего еще серіознаго изъ себя не представляла въ то время и которую было выгодно держать въ томъ-же подчиненномъ положеніи? Что-же касается Тьера, который допускалъ только консервативную республику, т. е. такую, которая управлялась-бы людьми и правительственными пріемами старыхъ режимовъ, то онъ менѣе, чѣмъ кто-либо, расположенъ былъ видѣть что-либо серіозное въ этихъ посредникахъ и въ ихъ переговорахъ, и онъ имъ ясно далъ понять это при первомъ-же представившемся случаѣ.

8-го апрѣля Тьеръ принялъ делегатовъ Національнаго Союза синдикальныхъ Палатъ; это были Роль, Левалоа, Марестэнъ, Люилье, Жюль Амигъ, которыхъ представилъ ему его вѣрный Бартелеми Сентъ-Илеръ. Эти делегаты предварительно носили свой плохой федералистско-автономный товаръ на рынокъ, т. е. къ г.г. представителямъ правыхъ и лѣвыхъ группъ версальскаго Собранія, которые горячо обсуждали съ ними сравнительныя достоинства централизаціи и децентрализаціи. Тьеръ, однако, не пошелъ въ эти извилистые закоулки. Онъ прямо перешелъ къ фактамъ. „Онъ поклялся своей честью, что пока онъ живъ и у власти республика никогда не падетъ“. На второй пунктъ о вольностяхъ Парижа онъ заявилъ, что „Парижъ долженъ ждать отъ правительства примѣненія общаго муниципальнаго закона, того самого, который будетъ вотированъ Собраніемъ и ничего больше“. Что-же касается прекращенія военныхъ дѣйствій, вооруженія и организаціи національной гвардіи и общей амнистіи, т. е. тѣхъ пунктовъ, на которые делегація тоже обратила его вниманіе и которые были во всякомъ случаѣ настолько-же важны, потому что ихъ рѣшеніе вынуждало правительство стать на почву фактовъ, то Тьеръ не далъ себѣ труда даже отвѣтить на нихъ, и делегація вынуждена была удовольствоваться однимъ его краснорѣчивымъ молчаніемъ.

12-го произошелъ визитъ делегатовъ Лиги Республиканскаго Союза Правъ Парижа—А. Адама, Бонвале и Дезонна. Лига передъ отправкой своихъ уполномоченныхъ выпустила новое, возбуждающее воззваніе, въ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

которомъ говорила: „Если версальское правительство останется глухимъ къ этимъ законнымъ требованіямъ, пусть оно знаетъ, что весь Парижъ подымется на ихъ защиту“. Это было ясно, но Тьеръ не испугался этого ультиматума; онъ былъ освѣдомленъ и зналъ, что за словомъ дѣла не послѣдуетъ. 12-го онъ отвѣтилъ то-же самое, что говорилъ и 8-го, но еще болѣе кратко и съ еще меньшими умолчаніями. „Пока я у власти, я гарантирую существованіе республики. Муниципальныя вольности Парижа будутъ тѣ-же, что и всѣхъ другихъ городовъ и именно такія, какими ихъ опредѣлитъ законъ, выработанный Собраніемъ. Парижъ подчинится общему праву, не больше, ни меньше. Армія войдетъ въ Парижъ. Жалованье, назначенное національной гвардіи, будетъ выплачиваться еще нѣсколько недѣль“. По поводу амнистіи онъ сказалъ, что „тотъ, кто откажется отъ борьбы, будетъ освобожденъ отъ всякихъ преслѣдованій, за исключеніемъ убійцъ генераловъ Клемана Тома и Леконта“.

Такимъ образомъ, Лига потерпѣла пораженіе по всѣмъ пунктамъ. Она получила лишь увѣреніе Тьера, что пока онъ у власти, онъ гарантируетъ республику. Никто и не сомнѣвался въ томъ, что Тьеръ предпочтетъ режимъ, предоставлявшій ему полновластіе, монархіи, при которой онъ во всякомъ случаѣ могъ быть только вторымъ, пользуясь при этомъ невѣрной и случайной властью. Да и о какой республикѣ онъ говорилъ! о республикѣ только по имени, безъ республиканскихъ агентовъ, какъ онъ въ этомъ вскорѣ и самъ признается, а особенно-же безъ республиканскихъ принциповъ. Во всемъ остальномъ Тьеръ по прежнему былъ непреклоненъ и высказалъ даже мрачную угрозу, очень ясно все высказывавшую: „Армія войдетъ въ Парижъ“.

Послѣ этихъ переговоровъ, если бы парижскіе буржуа имѣли какія нибудь убѣжденія и мужество они взялись-бы за оружіе, какъ это обѣщали, они присоединились-бы къ пролетаріату ради общей борьбы. Но они не двинулись и продолжали свои тайные переговоры, прогуливаясь изъ Парижа въ Версаль и обратно, причемъ ихъ принимали и выслушивали все неохотнѣе. Но съ этого момента они уже не могли оправдываться невѣдѣніемъ. Если Тьеръ ясно высказался въ ихъ присутствіи, то еще болѣе яснымъ языкомъ онъ говорилъ, обращаясь къ Франціи. Въ телеграммахъ къ своимъ префектамъ онъ ясно указываетъ, что примиреніе и переговоры не занимаютъ мѣста въ его мысляхъ, что это все чушь, на которой честному и серіозному человѣку не стоитъ и останавливаться.

11-го апрѣля, послѣ свиданія съ делегатами Синдикальныхъ Палатъ, онъ пишетъ: „Ничего новаго... Противъ республики конспирируютъ только парижскіе инсургенты; но противъ нихъ подготавливаются непреоборимыя силы, и послѣднія стараются сдѣлать таковыми именно вслѣдствіе желанія избѣжать пролитія крови.“ 13-го апрѣля, послѣ посѣщенія делегатовъ Республиканскаго Союза, онъ воспользовался этимъ посѣщеніемъ для слѣдующаго заявленія: Инсуррекція проявляетъ много признаковъ усталости и истощенія. Въ Версаль являлось много посредниковъ для переговоровъ, не отъ имени Коммуны, конечно, такъ какъ они понимали, что, если-бы они явились отъ этого имени, ихъ даже-бы не приняли, но отъ имени искреннихъ республиканцевъ, требующихъ сохраненія республики и желающихъ, чтобы къ побѣжденнымъ инсургентамъ примѣнены были болѣе умѣренныя мѣры.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Отвѣтъ былъ прежній. „Никто не угрожаетъ республикѣ, кромѣ самихъ инсургентовъ; глава Исполнительной власти лойально исполнитъ то, что уже многократно заявлялось имъ въ его деклараціяхъ. Что-же касается инсургентовъ, то, за исключеніемъ убійцъ, всѣ, положившіе оружіе, сохранятъ свою жизнь. Бѣдствующіе рабочіе сохранятъ въ теченіе нѣсколькихъ недѣль субсидію, дававшую имъ возможность существовать. Парижъ, какъ Ліонъ, какъ Марсель, получитъ выборное муниципальное представительство и, какъ и другіе города Франціи, свободно будетъ завѣдывать городскими дѣлами, но для всѣхъ городовъ, какъ и для отдѣльныхъ личностей, будетъ существовать только одинъ законъ, единый, и пользоваться привилегіями никто не будетъ. Всякая попытка къ отдѣленію, предпринятая на любой части территоріи, будетъ энергично подавлена во Франціи, также точно, какъ она была подавлена въ Америкѣ.“

Одно обстоятельство всего болѣе помогло Тьеру пріобрѣсти подобную самоувѣренность и такое высокомѣріе: это та позиція, которую заняли республиканскіе и радикальные депутаты, представлявшіе Парижъ въ Національномъ Собраніи. За вычетомъ Делеклюза, Курне, Піа, Малона, Разуа, Мильера, которые болѣе или менѣе открыто перешли къ Коммунѣ, и Клемансо, Флоке и Локроа, только что отказавшихся отъ званія депутатовъ, чтобы имѣть возможность болѣе свободно дѣйствовать, какъ они полагали нужнымъ, всѣ остальные депутаты имѣли такой видъ, какъ будто-бы они даже и не знаютъ, что ихъ городъ и ихъ избиратели подвергаются бомбардировкѣ. Эти депутаты назывались: Луи Вланъ, Эдгаръ Кине, Нейра, Эдманъ Адамъ, Доріанъ, Бриссонъ. Они были извѣстны всей французской демократіи и пользовались у нея авторитетомъ. Достаточно было-бы, чтобы, даже не присоединяясь къ коммунальному движенію, они дали только свои имена и оказали поддержку Республиканской Лигѣ, чтобы придать вѣсъ и значеніе этому буржуазному вмѣшательству въ пользу правъ столицы и вынудить этимъ центральную власть выслушать делегатовъ и начать переговоры. Ихъ присоединеніе неизбѣжно повлекло-бы за собою и участіе всѣхъ большихъ городовъ, взоры которыхъ обращены были именно на нихъ, т. к. въ нихъ они видѣли естественныхъ вождей демократіи, и отъ нихъ ждали совѣта и руководства. Эти лица могли вызвать умиротворяющее и сильно импонирующее теченіе, которому пришлось-бы, можетъ быть, уступить. Тьеръ хорошо понималъ это. Поэтому, когда онъ увидѣлъ, что они умываютъ руки въ уже состоявшемся кровопролитіи и заботятся только о томъ, чтобы завѣрить всякаго встрѣчнаго, что въ Версалѣ имѣется на лицо еще достаточная доза вѣрности республики и что парижане уже черезчуръ требовательны, онъ облегченно вздохнулъ, рѣшивъ, что спокойно можетъ заняться расправой.

Лежалъ-ли въ основѣ этого формальный договоръ или это было просто молчаливое соглашеніе? Это безразлично. Но слѣдуетъ, во всякомъ случаѣ, замѣтить, что послѣ 28-го или 30-марта представители Парижа уже не появлялись на парламентской трибунѣ. Храня молчаніе на своихъ скамьяхъ, они невозбранно позволяютъ правымъ вопить во всю мочь о „разбойникахъ-парижанахъ“, т. е. о своихъ избирателяхъ; они не препятствуютъ Тьеру и его министрамъ разсѣивать ядъ ихъ клеветы, позволяютъ обманывать департаменты и лгать, сколько влѣзетъ. Своимъ друзьямъ парижанамъ, которые или протестуютъ про-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тивъ нихъ, или настаиваютъ и умоляютъ, они корректно заявляютъ, что Тьеръ перемѣнился, что само Собраніе присоединяется къ новому режиму. Единственный разъ, когда они еще разъ выступили публично, они сдѣлали это, чтобы повторить и засвидѣтельствовать передъ своими избирателями посредствомъ документа, подъ которымъ подписались-бы одновременно и Жокриссъ и Тартюфъ, что всѣ въ Версалѣ, или почти всѣ—республиканцы.

„Обращаясь къ парижскому населенію, мы ему скажемъ, что въ концѣ концовъ республика существуетъ фактически, что она имѣетъ въ Собраніи энергичныхъ и бдительныхъ защитниковъ; что еще ни одинъ членъ большинства не поставилъ открыто вопроса о республиканскомъ принципѣ.“ И послѣ этихъ прекрасныхъ—завѣреній они убѣждали своихъ согражданъ сложить оружіе. „Что же касается насъ“, прибавляли они и это слѣдуетъ въ особенности отмѣтить во всемъ этомъ позорномъ фактѣ, „мы останемся на посту, на который послало насъ голосованіе нашихъ согражданъ, какъ ни трагично положеніе, созданное для насъ событіями. Мы останемся, пока не изсякнутъ наши силы. Если республикѣ будутъ угрожать опасности, то это обстоятельство явилось-бы для насъ еще лишнимъ поводомъ защищать ее тамъ, гдѣ она всего больше нуждается въ защитѣ и гдѣ это возможно сдѣлать съ помощью дѣйствительно плодотворнаго оружія: свободнаго обсужденія и разума.“ *)

Послѣ этого, ничѣмъ неприкрытаго заявленія, контръ-революціи нечего уже было стѣсняться. Она получила оправданіе, и глава Исполнительной власти могъ по желанію досыта напоить ложью и алкоголемъ ту армію, которая превратитъ избирателей Луи Блана и ему подобныхъ въ трупы для удобренія ими земли, или въ каторжниковъ для транспортировки ихъ въ тюрьмы Новой Каледоніи.

Поэтому, надо-ли удивляться въ настоящее время, что миротворцы Республиканской Лиги могли добиться и то только однажды, а именно 25-го апрѣля всего на всего перемирія на 16 часовъ, которое позволило жителямъ несчастнаго мѣстечка Нейльи покинуть погреба, гдѣ они спасались отъ бомбардировки уже цѣлыя недѣли и удалиться, смотря по желанію, или въ Парижъ или въ Версаль?

Масонскія ложи, равнымъ образомъ старавшіяся о миролюбивомъ соглашеніи между сражающимися, не достигли даже и этого. Представители ложъ пытались также дойти до Тьера и смягчить его; но онѣ приписывали себѣ вліяніе и значеніе, которыми не пользовались. Глава Исполнительной власти познакомилъ ихъ съ этимъ: онъ ихъ принялъ на ходу и отвѣтилъ однѣми угрозами. Это произошло въ концѣ апрѣля, когда время разговоровъ и ораторскихъ выступленій уже миновало, а армія Порядка была готова къ аттакѣ и бойнѣ. „Что же вы намѣрены дѣлать?“—спросила масонская депутація.—„Защищать Собраніе противъ всѣхъ и вся, отвѣтилъ Тьеръ, и для этого мы будемъ разрушать дома и убивать людей, пока право не останется за силой.“

Но масонскіе умиротворители были во всякомъ случаѣ настолько честны и мужественны, что послѣ этой неудавшейся попытки примиренія, они исполнили данное ими обѣщаніе и предписали всѣмъ своимъ „братьямъ“ присоединиться къ

---

[1]) Документъ этотъ появился 8-го апрѣля и его подписали: представители Парижа, находящіеся въ Версалѣ—Луи Бланъ, Анри Бриссонъ, Эдмонъ Адамъ, Ж. Тираръ, Э. Фарси, А. Пейра, Эдгаръ Кинэ, Ланглоа, Доріанъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Коммунѣ. 26-го апрѣля они явились въ Ратушу и заявили: „Исчерпавъ всѣ средства примиренія съ версальскимъ правительствомъ, франкъ-масонство рѣшило поднять свои знамена на укрѣпленіяхъ Парижа и если ихъ коснется хотя-бы одна пуля, франкъ-масоны пойдутъ единодушно противъ общаго врага.“

И дѣйствительно, 29-го, съ бѣлыми и красными знаменами они направились за десять миль къ воротамъ Майльо, подъ предводительствомъ брата Тирифока, торжественной процессіей, въ сопровожденіи многочисленныхъ членовъ Коммуны. Масонскія знамена были водружены на укрѣпленіяхъ, и вслѣдъ за этимъ на цѣлые 28 часовъ наступилъ періодъ отдыха и иллюзій. Но 30-го апрѣля вечеромъ пушки вновь затянули свою хриплую пѣсню и разстрѣляли въ *клочья полотнища символическихъ хоругвей.* Вѣрные своему обѣщанію, масоны призвали братьевъ къ *оружію. „Братья масоны и братья товарищи, говорили* они въ своемъ воззваніи отъ 5-го мая, мы не можемъ предпринять никакого иного рѣшенія, кромѣ рѣшенія сражаться и прикрыть нашимъ священнымъ щитомъ сторону права. Вооружимся же для защиты! Спасемъ Парижъ! Спасемъ Францію! Спасемъ человѣчество!“

Но они преувеличивали свои силы. Изъ числа 10.000 масоновъ, ходившихъ на укрѣпленія, всѣ, которые способны были сражаться на сторонѣ пролетаріата, уже раньше пристали къ нему и не нуждались въ новомъ призывѣ. Что-же касается провинціальныхъ масоновъ, то время было уже упущено для того, чтобы увлечь ихъ на этотъ рискованный шагъ.

Побѣда Версаля уже являлась черезчуръ несомнѣнной, чтобы они могли *рискнуть на безполезную жертву. Они присоединятся—и это все,* что они способны будутъ сдѣлать,—къ послѣдней попыткѣ, предпринятой муниципальными совѣтами большихъ городовъ съ цѣлью добиться примиренія, и во многихъ отношеніяхъ будутъ направлять это движеніе. Но этимъ все и ограничится.

XV. Политика коммуны.

Такимъ образомъ, изолированность Коммуны все болѣе и болѣе усиливалась по мѣрѣ того, какъ текло время. Съ середины апрѣля между различными классами населенія разрывъ былъ уже непоправимый. Съ этого времени за дѣло революціи сражались и боролись только одни пролетаріи, одни соціалисты. Сторонники буржуазныхъ партій окончательно покинули поле дѣйствія. Одни изъ нихъ еще нѣкоторое время продолжали работать надъ примиреніемъ борющихся сторонъ, но дѣлали это безъ всякой вѣры и страсти, чувствуя безполезность своихъ усилій, другіе прямо клюнули и пошли на приманку Версаля, по примѣру своихъ вождей, старыхъ бородачей демократіи, „славъ“ и „полу-славъ“ выборовъ 8-го февраля. Лѣвая пресса, начиная отъ Siècle и кончая Temps, точно отмѣчаютъ эту репрессивную эволюцію состоятельнаго класса и „интеллигенціи“, какъ удачно выражаются на нѣкоторыхъ иностранныхъ языкахъ.

Не совершала ли Коммуна въ данный моментъ ошибки, не порвавъ своими мѣрами и своей общей политикой съ тѣми, кто самъ рвалъ съ нею отно-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

шенія? Это возможно; но практически осуществить это было не такъ легко, какъ это можетъ показаться. Фактически грани между классами въ парижской средѣ въ то время были выражены не рѣзче, чѣмъ въ настоящее время; можетъ быть, даже онѣ не были такими рѣзкими. Поэтому затруднительно было въ полной мѣрѣ помочь экономическимъ интересамъ различныхъ категорій работниковъ, живущихъ на заработную плату, не затрагивая при этомъ одновременно привычекъ и интересовъ цѣлаго сословія мелкихъ производителей, еще владѣвшихъ орудіями своего труда. Съ другой стороны систематическая экспропріаторская политика была невозможна и потому еще, что сами наемные рабочіе въ массѣ съ трудомъ способны были усвоить самую возможность функціонированія общества на иныхъ началахъ, чѣмъ традиціонныя, и еще не имѣли, какъ мы уже выше указывали на это, ни одного синдикальнаго или кооперативнаго учрежденія, которое способно было-бы обезпечить нормальное функціонированіе производства и обмѣна при условіи уничтоженія всѣхъ капиталистическихъ учрежденій. Новый порядокъ вещей, особенно соціальный порядокъ, нельзя вводить при помощи декретовъ; декреты и законы должны только санкціонировать уже существующія отношенія. Пытаясь на этой почвѣ опередить время, Коммуна, по всей вѣроятности, достигла бы только того результата, что обратила-бы противъ себя часть своихъ собственныхъ силъ, и притомъ лучшихъ, не вызвавъ въ средѣ наемныхъ рабочихъ болѣе энергичнаго подъема и болѣе горячей преданности. Такимъ образомъ, Коммунѣ оставалось только одно: работать подъ видомъ демократизаціи политическихъ учрежденій надъ подготовкой общаго соціальнаго преобразованія; она этимъ и занялась.

Были-ли предпринятые ею въ этомъ направленіи шаги удачны или нѣтъ? Скорѣе они были неудачны и недостаточны; но причина этого лежала въ людяхъ и зависѣла отъ состава самой Коммуны. Мы уже указали на это и не будемъ возвращаться къ этому вопросу. Та-же неувѣренность, то-же смущеніе, то-же отсутствіе опредѣленнаго рѣшенія и смѣлости, которыя мы видѣли въ Комиссіяхъ и особенно въ Комиссіи Труда и Обмѣна, мы встрѣчаемъ, но въ еще болѣе сгущенномъ видѣ, въ самой Коммунѣ. Мѣропріятія и рѣшенія никогда не достигаютъ высоты добраго желанія и намѣреній.

Вопросъ о квартирахъ былъ довольно радикально урегулированъ, начиная съ 29-го марта. Декретъ этотъ могъ-бы быть лучше формулированъ во многихъ пунктахъ и могъ-бы обратить вниманіе на нѣкоторыя частности положенія, но онъ этого не сдѣлалъ; во всякомъ случаѣ, каковъ-бы онъ ни былъ, онъ дѣйствовалъ, а такъ какъ при этомъ на рабочій классъ въ его цѣломъ, онъ дѣйствовалъ благодѣтельно то и привлекъ къ революціи многочисленныя симпатіи. Но окончательный декретъ о срокахъ платежей появился черезчуръ поздно. Его обсуждали въ Коммунѣ около 1-го апрѣля, но въ Officiel онъ появился только 16-го. Декретъ этотъ установлялъ, что уплата по всякаго рода срочнымъ долгамъ должна быть произведена въ теченіе трехъ лѣтъ, считая съ 15-го іюля 1871 г., безъ начисленія процентовъ и по третямъ. Если-бы этотъ декретъ изданъ былъ мѣсяцемъ ранѣе, то онъ, вѣроятно, удержалъ-бы на сторонѣ Коммуны значительное число торговцевъ и промышленниковъ, которыхъ Версаль, настаивая на немедленномъ погашеніи долговъ, толкалъ въ банкротство и разореніе. Но 16-го апрѣля у тор-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

говой буржуазіи Парижа было уже достаточно времени, чтобы она перестала видѣть въ Коммунѣ жизнеспособное правительство.

Черезчуръ поздно вышелъ и декретъ, касавшійся операцій по залогамъ (Mont-de-Piété). Безъ сомнѣнія, вопросъ былъ сложный; онъ непосредственно затрагивалъ городскіе финансы и можно до извѣстной степени понять оппозицію Журда. Но развѣ нищета можетъ ждать? Декретъ 29-го марта, просто отмѣнявшій продажу заложенныхъ вещей, не возвращалъ одежды ни женамъ, ни дѣтямъ солдатъ Коммуны. Поэтому—на него въ рабочихъ семьяхъ смотрѣли какъ на несуществимый и съ нетерпѣніемъ ожидали слѣдующаго декрета, который вернулъ-бы наиболѣе необходимыя вещи ихъ несчастнымъ собственникамъ. Но этотъ декретъ, послѣ безконечныхъ и тяжелыхъ преній, появился только въ Officiel 6-го мая. Но и онъ разрѣшалъ безвозмездную выдачу залоговъ только на сумму до 20 франковъ, совершенныхъ до 25-го апрѣля и касался предметовъ одежды, домашней утвари, бѣлья, постельныхъ принадлежностей и орудій труда. Операція эта касалась около 2 милліоновъ предметовъ и ихъ подраздѣлили на 48 серій, которыя должны были опредѣляться по жребію. Первый тиражъ происходилъ 12-го мая, второй—20-го, а 21-го версальцы были уже въ Парижѣ. Коммуна вполнѣ могла отнестись съ большимъ вниманіемъ въ этихъ декретахъ къ своимъ защитникамъ. Не задерживая обнародованіе декретовъ и поступая болѣе рѣшительно, Ратуша, безъ сомнѣнія, дала-бы колеблющимся и инертнымъ элементамъ національной гвардіи новый и хорошій поводъ сложить головы на фортахъ и на аванпостахъ; она придала-бы великой битвѣ, начавшейся между капиталомъ и трудомъ болѣе ясный характеръ, болѣе осязаемый и популярный. Хорошій декретъ, появившійся около 5-го или даже 10-го апрѣля, стоилъ-бы побѣды, одержанной надъ версальцами.

Событія выдвинули еще одинъ вопросъ того-же порядка, что и предыдущіе, не столь общаго интереса, но имѣвшій тѣмъ не менѣе важное значеніе, потому что отъ рѣшенія его отчасти зависѣло возобновленіе работъ, которое несло съ собою и ежедневный хлѣбъ для значительнаго числа рабочихъ семей. Дѣло идетъ о мастерскихъ, брошенныхъ ихъ хозяевами и, конечно, закрытыхъ, причемъ ихъ рабочіе выкинуты были на мостовую. Объ этихъ мастерскихъ, подъ вліяніемъ Авріаля, руководившагося совѣтами Вальяна, и съ одобренія Комиссіи Труда и Обмѣна, Коммуна издала декретъ съ тенденціями чисто экспропріаторскими и соціалистическими, единственный декретъ или почти единственный, который она обнародовала въ этомъ направленіи.

Декретъ этотъ уполномачивалъ Синдикальныя Палаты составить статистическія данныя о покинутыхъ мастерскихъ, а также и о ихъ инвентарѣ, о состояніи находящихся въ нихъ орудіяхъ труда, и представить докладъ о „практическихъ условіяхъ, при которыхъ возможно было-бы быстро пустить въ ходъ и въ эксплоатацію эти мастерскія, но уже не покинувшими ихъ хозяевами, а кооперативной ассоціаціей рабочихъ, которые работали въ нихъ“. Помимо этого синдикальнымъ Палатамъ предложено было выработать проектъ учрежденія подобныхъ новыхъ обществъ и образовать третейскій судъ, который долженъ былъ опредѣлить при возвращеніи хозяевъ мастерскихъ „условія окончательной уступки мастерскихъ рабочимъ обществамъ и сумму вознагражденія, которое обязаны будетъ выпла-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

тить общество прежнимъ хозяевамъ" *). Къ сожалѣнію, этотъ декретъ почти цѣликомъ остался мертвой буквой. Всѣ заботы его авторовъ, а также и тѣхъ синдикалистовъ, которые могли-бы провести его въ жизнь, были въ это время въ другомъ мѣстѣ—на полѣ битвы. Кто можетъ кинуть имъ за это упрекъ?

Коммуну упрекали также и за то, что она не опредѣлила въ какомъ либо документѣ, который остался-бы и указывалъ ея программу, не выгравировала для потомства того, что составляло ея сущность, тѣхъ цѣлей, къ которымъ она стремилась, того новаго міра, который она несла въ своихъ нѣдрахъ. Здѣсь умѣстно будетъ разсмотрѣть этотъ упрекъ. Коммуна ничего не говоритъ въ этомъ отношеніи, или говоритъ мало, потому что ей нечего было сказать, или очень мало

Слѣдуетъ-ли повторять, что Коммуна представляла собою собраніе чрезвычайно смѣшаннаго состава, въ которомъ авторитарно якобинскіе элементы засѣдали рядомъ съ элементами интернаціонально-федералистическими и прудонистскими, въ которомъ было мало лицъ, ясно сознававшихъ существовавшее положеніе, и еще менѣе такихъ, которыя обладали-бы интуиціей будущихъ событій, подготовлявшихся и возвѣщавшихся революціей 18-го марта. Изъ дебатовъ Коммуны не могъ создаться документъ, въ родѣ истинной характеристики эпохи и направленія, а тѣмъ болѣе не могла создаться учредительная хартія общества завтрашняго дня. Къ тому-же тѣ изъ лицъ, засѣдавшихъ въ Ратушѣ, которыя обладали наиболѣе живымъ представленіемъ о дѣйствительности, отрицали необходимость обнародованія какого-бы то ни было доктринерскаго credo. Они сознавали, что ни время, ни мѣсто не соотвѣтствовали тому, чтобы объяснять направленіе и значеніе движенія, что къ движенію этому слѣдовало лишь пристать, стараясь внести въ него больше активности и углубить его. Въ ихъ глазахъ всякая прокламація, всякое воззваніе имѣли значеніе лишь какъ простое объясненіе событій, которое давало-бы массамъ простое и краткое объединяющее и всѣмъ понятное слово.

Такимъ образомъ, этотъ пробѣлъ очевиденъ и, конечно, не „Декларація Коммуны къ французскому народу" заполнитъ его. Дѣйствительно, надо смотрѣть глазами вѣры, чтобы видѣть въ этомъ стилистическомъ упражненіи, какъ это удавалось кое-кому ясное и сознательное изложеніе того смутнаго желанія, которое воодушевляло на битву возставшихъ парижскихъ рабочихъ. Авторы этого стилистическаго упражненія почти и сами не разсчитывали на подобное значеніе его, а тѣмъ менѣе сама Коммуна, когда она одобрила его. Во всякомъ случаѣ, такъ какъ эта Декларація занимаетъ въ большинствѣ исторій революціи 18-го марта, три страницы, а то и больше, неудобно будетъ обойти ее полнымъ молчаніемъ.

Мы не будемъ приводить ее дословно, напомнимъ только, что составленіе ея поручено было тремъ, весьма несогласнымъ въ своихъ мнѣніяхъ лицамъ,—Делеклюзу, Тейсу и Жюлю Валлесу. Валлесъ разсказалъ по поводу этой совмѣстной работы очень сантиментальный маленькій анекдотъ, въ которомъ фигурируетъ совершенно больной Делеклюзъ, съ трясущимися пальцами и блѣд-

*) Запрещеніе ночного труда въ булочныхъ, декретированное по предложенію Тридона, относится къ тому же разряду распоряженій.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ный, который, явившись, глухимъ и печальнымъ голосомъ сказалъ ему и Тейсу: „Старики должны стушеваться передъ молодежью. Составьте декларацію безъ меня, не считаясь со мной. Я увѣренъ, что вы вложите въ нее все ваше убѣжденіе, всю вашу душу... Только, слушайте, постарайтесь втиснуть въ вашу редакцію кое-что изъ того, что я набросалъ на этой бумажкѣ. Найдите мою мысль въ этомъ черновикѣ... Вы, можетъ быть, правы, говоря, что я представляю идеи другого вѣка. Но, вѣрьте мнѣ, не слѣдуетъ во всякомъ случаѣ ломать въ данный моментъ душу отечества. Это было-бы все равно, что сломить мою собственную!“ Анекдотъ прелестенъ, но, фактически, если и не Делеклюзъ составилъ эту декларацію, то написалъ ее не Тейсъ и даже не самъ Валлесъ. Послѣдній, лѣнивый, какъ артистъ, поручилъ написать ее четвертому лицу, своему соредактору по Cri du Peuple Пьеру Дени, который безъ устали копался въ различныхъ программахъ, конституціяхъ и хартіяхъ. Пьеръ Дени, влюбленный въ автономизмъ и въ федерализмъ, набросалъ ихъ полными пригоршнями въ это свое произведеніе.

Если-бы Коммуна думала, что она должна полемизировать, то можно предположить, что документъ этотъ подвергнутъ былъ-бы значительнымъ исправленіямъ; но Коммуна уже не находилась въ такомъ положеніи, когда спорятъ и разглагольствуютъ. Предложенная редакція принята была почти безъ обсужденія, какъ принята была-бы, вѣроятно, всякая иная, даже противоположнаго направленія. Только Лефрансэ, привыкшій къ ювелирной работѣ, немного придрался къ ней. Для тѣхъ, кому былъ понятенъ весь трагизмъ положенія, эта прокламація стоила столько-же, сколько и всякая другая; сущность состояла не въ томъ, чтобы научно опредѣлить движеніе, а чтобы дать ему возможность продолжаться и развиваться. Повторяемъ, декларація прошла въ Коммунѣ, какъ какое-нибудь отправляемое по почтѣ письмо, причемъ никто не думалъ, что толковники будущаго сочтутъ этотъ документъ за завѣщаніе революціи и будутъ усиливаться прочесть между его строками соціалистическую тенденцію, которая почти отсутствуетъ въ немъ *). Напрасно было-бы искать соціализма Коммуны въ дебатахъ ея членовъ въ Ратушѣ, въ ихъ заявленіяхъ и даже въ ихъ дѣйствіяхъ, когда его можно найти только въ ея вооруженной борьбѣ; эта борьба, которую вскорѣ поддерживали единственно только одни пролетаріи, вслѣдствіе удаленія всѣхъ другихъ элементовъ, становилась неизбѣжно рабочей борьбой и не могла, слѣдовательно, завершиться ничѣмъ инымъ, какъ только соціалистическимъ измѣненіемъ всѣхъ старинныхъ отношеній капитала и труда и радикальнымъ ихъ обновленіемъ.

Безъ сомнѣнія, люди, осуждающіе Коммуну за то, что она не говорила о соціализмѣ, не ошибаются. Упрекъ согласуется съ истиной. Остается оцѣнить этотъ упрекъ и его стоимость. Можетъ быть, въ результатѣ окажется, что настоящимъ революціонерамъ приходится иной разъ дѣлать и иное дѣло,

*) При буквальномъ пониманіи ее можно найти выраженной, но зато какъ осторожно, въ слѣдующихъ мѣстахъ: „Парижъ оставляетъ за собою право создать учрежденія, которыя могли-бы .... сдѣлать общимъ достояніемъ власть и собственность, сообразно потребностямъ момента, желаніямъ заинтересованныхъ и даннымъ, доставленнымъ практикой“.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чѣмъ издавать credo, приходится жить скромнѣе программъ. Имъ прежде всего слѣдуетъ дѣйствовать, и только по ихъ дѣятельности надлежитъ судить о нихъ. Разсматривая вопросъ съ этой точки зрѣнія, и я полагаю, что она будетъ самой вѣрной, существенная ошибка Коммуны заключалась не въ томъ языкѣ, съ которымъ она должна была обратиться къ странѣ и не обратилась, а въ той дѣятельности, которую она должна была проявить, но не проявила. Если Коммуну и можно въ чемъ упрекнуть по праву, то именно въ неумѣніи воспользоваться на дѣлѣ удивительной энергіей сорока или пятидесяти тысячъ пролетаріевъ, которые пристали къ ней и до конца прошли весь путь самопожертвованія; можно упрекнуть ее въ томъ, что она была слаба, непредусмотрительна, несплочена и въ политическомъ отношеніи стояла ниже обстоятельствъ, надъ которыми должна была-бы господствовать, но которыя, наоборотъ, управляли ею самою.

Мы уже указывали на причины этой слабости и несплоченности, излишне будетъ еще болѣе подробно останавливаться на этомъ пунктѣ. Теперь мы перейдемъ къ ходу событій и увидимъ, какъ развивались тѣ печальныя и непоправимыя послѣдствія, которыя неизбѣжно вытекали изъ создавшагося благодаря всему этому положенія.

XVI. На пути къ гибели.

Со времени неудачной вылазки 3-го и 4-го апрѣля версальская армія безпрерывно овладѣвала все новыми и новыми пунктами, суживая съ каждымъ днемъ все тѣснѣе кругъ блокады. На сѣверо-западѣ, не смотря на отчаянное сопротивленіе храбрецовъ, которыми командовалъ Домбровскій, уже съ 20-го апрѣля войска Порядка овладѣли всѣмъ берегомъ Сены до Женневилье и все настойчивѣе аттаковывали Нейльи, представлявшее изъ себя уже однѣ груды развалинъ. На югѣ форты Ванвъ и Исси, и особенно послѣдній, подвергались непрерывной и ужасной бомбардировкѣ.

Къ концу апрѣля Версаль мобилизировалъ 120.000 человѣкъ, раздѣленныхъ на три корпуса, находившихся подъ командой генераловъ Ладмиро, Сесса и Дю-Барайля. Первые два корпуса состояли каждый изъ трехъ пѣхотныхъ дивизій, бригады легкой кавалеріи, шести баттарей и трехъ саперныхъ батальоновъ. Третій корпусъ составленъ былъ исключительно изъ кавалеріи, поддержанной тремя конными батареями. Главное начальство надъ всею арміей поручено было маршалу Макъ-Магону. Сначала Тьеръ подумывалъ было поручить этотъ отвѣтственный постъ маршалу Конроберу, но послѣдній показался Національному Собранію черезчуръ ярымъ бонапартистомъ, и этотъ планъ былъ оставленъ. Конроберу предпочли болѣе тусклаго и нейтральнаго Макъ-Магона. Макъ-Магонъ или Конроберъ—это въ сущности было одно и то-же, первый стоилъ второго и обратно; имя, какъ того, такъ и другого одинаково напоминало объ измѣнѣ и неспособности противустоять внѣшнему непріятелю, и о неумолимой же стойкости по отношенію къ внутреннему врагу—къ народу. Войска по своему

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

настроенію почти могли соотвѣтствовать своимъ генераламъ и офицерамъ; онѣ были доведены до бѣлаго каленія, одурманены ложью и алкоголемъ въ казармахъ, гдѣ ихъ дрессировали для предстоявшей имъ позорной работы.

„Офицеры и солдаты! говорилъ генералъ Дюкро въ своей прокламаціи къ войскамъ, стоявшимъ въ Шербургѣ, отечество ждетъ отъ насъ новаго усилія... сбродъ негодяевъ пытается на развалинахъ нашей несчастной страны доставить торжество лѣности, разврату, разбою и убійству. Благодаря моральному паденію, неимѣющему примѣровъ въ исторіи, Парижъ сталъ добычей этихъ людей, являющихся накипью несчастной войны. Солдаты! пойдемъ и прогонимъ ихъ!.. Идемъ, чтобы навсегда выбросить изъ нашей столицы этихъ безумцевъ и злодѣевъ“. Эти плоскія подстрекательства, къ сожалѣнію, падали на подготовленную почву. Онѣ обращены были къ солдатамъ, сражавшимся при Седанѣ и Мецѣ, вернувшимся изъ нѣмецкаго плѣна и разсчитывавшимъ послѣ тяжелой неволи на немедленный отпускъ и на возвращеніе домой; солдаты были страшно озлоблены, рѣшивъ своимъ простымъ пониманіемъ, что Парижъ и парижане виновны въ этой новой компаніи, которую приходилось имъ совершать, виновны въ тѣхъ новыхъ лишеніяхъ и опасностяхъ, которыя имъ предстояло испытать вмѣсто страстно ожидавшагося отдыха.

Таково было настроеніе нападавшихъ. Посмотримъ теперь на взаимное положеніе сражавшихся. Вотъ что говоритъ на этотъ счетъ одинъ изъ высшихъ офицеровъ версальской арміи въ Guerre des Communeux, которую мы уже неоднократно цитировали:

„Въ то время, какъ собирались наши войска, а инженерное искусство дѣлало свое дѣло, наша артиллерія тоже не бездѣйствовала. Умѣло воспользовавшись счастливыми и печальными случайностями войны, артиллерія расположила свои силы по большей части за земляными насыпями, воздвигнутыми незадолго до этого пруссаками, и съ этой стороны (съ юга) болѣе 150 орудій выставлено было противъ орудій обороны парижской инсуррекціи... Въ то-же время, когда пущенъ былъ въ дѣло весь этотъ матеріалъ (на позиціяхъ между Муленъ де-Пьеръ, Меданской террасой, Севрскимъ мостомъ и Терассой Сенъ-Клу), въ Монтрету заложены были баттарея на 70 орудій крупнаго калибра, и разрабатывался планъ сооруженія баттарей въ паркѣ Исси на 20 орудій 24 калибра.

„Съ открытіемъ огня 25-го апрѣля наши баттареи стрѣляли главнымъ образомъ въ фортъ Исси и тотчасъ-же вынудили его замолчать... На слѣдующій день, 26-го апрѣля, фортъ буквально засыпанъ былъ нашими снарядами. Но, несмотря на это, наши противники старались изо всѣхъ силъ. Монружъ и Ванвъ энергично поддерживали Исси. Поанъ дю Журъ, не переставая, безпокоилъ насъ. Бастіонъ 65, куртина 65—66, бастіонъ 68 и баттарея октроа состязались въ соревнованіи съ Трокадеро, стрѣляя въ Монъ-Валерьенъ. Орудія октроа громили одновременно Медонъ и Фонарь Демосфена. Четыре блиндированныхъ локомотива, помѣщенные на мосту, безпрерывно стрѣляли въ нашу баттарею въ Бретейлѣ. Наконецъ, канонерка Farcy, поддерживаемая четырьмя другими канонерками и пловучей баттареей, безпрерывно осыпала снарядами Севръ, Бретейль и Бримборіонъ. Пловучая баттарея, спустившись до Билланкура, однажды осмѣлилась даже остановиться тамъ для бомбардировки Медона. На сѣверо-западѣ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

огонь поддерживался съ такимъ же оживленіемъ. Аньеръ подвергался обстрѣлу снарядами съ баттареи, установленной въ типографіи Поля Дюпона, и съ блиндированнаго локомотива, безпрерывно двигавшагося по путямъ. Беконъ бомбардировался изъ Левалоа и съ вокзала Сентъ-Уэна, Курбевоа—фронтальнымъ огнемъ укрѣпленій 50-53 крѣпостной стѣны. Инсургенты снова стали вооружать Монмартръ, чтобы защитить артиллерійскимъ огнемъ полуостровъ Женневилье.

„Несмотря на эту ожесточенную защиту и на значительное количество угрожающихъ пунктовъ, наши артиллеристы разрушили Исси, и саперныя работы энергично подвигались къ форту... Въ ночь съ 26-го на 27-е, когда наши траншеи подвинулись настолько впередъ, что не позволяли врагу перейти въ наступленіе, рѣшено было произвести аттаку на Мулино“.

Общій планъ, принятый и приписываемый себѣ Тьеромъ, который ежедневно по утрамъ предсѣдательствовалъ въ военномъ совѣтѣ и игралъ въ сущности роль генералиссимуса, состоялъ въ томъ, чтобы немедленно начать траншейныя работы и подступить обычными пріемами къ самому рву; но вмѣстѣ съ тѣмъ рѣшено было направить по примѣру пруссаковъ, усиленный огонь на юго-западный наиболѣе уязвимый уголъ укрѣпленій. Тьеръ былъ увѣренъ, что подъ защитой этого огня траншейныя работы можно будетъ вести скорѣе и что, можетъ быть, доведя укрѣпленія до невозможности гарнизону въ нихъ держаться, возможно будетъ совсѣмъ остановить эти работы. Такимъ образомъ, бомбардировка прежде всего должна была заставить замолчать бастіоны Поань дю Журъ, огонь которыхъ весьма невыгодно скрещивался съ огнемъ форта Исси, а затѣмъ заставить очистить равнину Биланкуръ; послѣ этого возможно было-бы разрушить и самый фортъ Исси, а также форты Ванвъ и Монружъ, и взять самыя укрѣпленія, пробивъ въ нихъ одновременно нѣсколько брешей.

Какъ мы видѣли, уже 25-го апрѣля планъ этотъ началъ широко осуществляться. Съ этого числа операціи продолжались, все усиливаясь и достигая все большихъ результатовъ. 26-го вечеромъ бригада генерала Фарона взяла карьеры, возведенные передъ кладбищемъ Исси, и продвинулась до мѣстечка Мулино. Ночью генералъ Фаронъ возобновилъ наступленіе и взялъ самое мѣстечко. Немедленно-же была заложена траншея въ паркѣ Исси. 27-го и 28-го артиллерія съ высотъ Медона и Севра усилила огонь противъ форта Исси. Въ этотъ день въ немъ командовалъ Межи, пламенный революціонеръ, безъ сомнѣнія, но очень неопытный военноначальникъ и притомъ человѣкъ, лишенный всякихъ военныхъ способностей. Передъ этой надвинувшейся опасностью Межи потерялъ голову. Появленіе въ теченіе дня 28-го Клюзере придало нѣсколько болѣе устойчивости защитѣ; но этотъ день 28-го окончательно привелъ осажденныхъ въ разстройство. Версальцы, артиллерія которыхъ дѣйствовала безъ перерывовъ, довели свои траншеи на право отъ форта почти до въѣзда въ мѣстечко Исси, а на лѣво — почти до станціи Кламаръ. Ночью 29-го три аттакующія колонны бросились на кладбище, заняли его, а также и паркъ. При этомъ столкновеніи погибло много федералистовъ убитыми и ранеными, а сто изъ нихъ попали въ плѣнъ къ побѣдителю; взято было также восемь пушекъ. Въ то-же время 80 федералистовъ взяты были въ плѣнъ на фортѣ Бонами, около форта Ванва, въ разстояніи нѣсколькихъ ружейныхъ выстрѣловъ отъ Исси.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Утромъ, когда защитники форта увидѣли вокругъ себя траншеи, занятыя непріятелемъ, ихъ охватило безпокойство. Версальскіе снаряды продолжали падать, разрушая казематы, подбивая орудія и покрывая платформу убитыми и ранеными. Межи собралъ совѣтъ и несмотря на приказы, полученные отъ Клюзере, рѣшилъ оставить фортъ. Орудія были забиты и триста человѣкъ гарнизона отступили въ Парижъ. Остался одинъ только юноша 16-17 лѣтъ—Дюфуръ, рѣшительно отказавшійся покинуть фортъ и оставшійся въ пороховомъ погребѣ, заявивъ, что онъ взорветъ его, если непріятель займетъ фортъ.

Этотъ юноша одинъ оказался правымъ. Боялись-ли версальцы хитрости, или-же они опасались взрыва, но они не показались, и когда черезъ нѣсколько часовъ явился Клюзере во главѣ батальона XI округа съ намѣреніемъ вновь занять фортъ, онъ нашелъ его во власти героя-юноши, который послѣ этого вновь скромно занялъ свое мѣсто въ рядахъ новаго гарнизона.

Фортъ Иссѝ попалъ въ руки версальцевъ только на слѣдующей недѣлѣ, но волненіе, вызванное въ столицѣ очищеніемъ форта и его виновниками, не улеглось. Этотъ инцидентъ открылъ всѣмъ глаза на безпечность Коммуны, обнаружилъ неспособность ея военноначальниковъ, указалъ ту бездну, куда стремился Парижъ и которая должна была поглотить его вмѣстѣ съ революціей. Первой жертвой всеобщаго возбужденія оказался Клюзере. Обвиненный въ измѣнѣ, онъ арестованъ былъ въ Ратушѣ въ тотъ самый моментъ, когда вернулся изъ Исси, впрочемъ вновь занятаго его стараніями, и препровожденъ въ Мазасъ. Второю жертвою была сама Исполнительная Комиссія.

Когда корабль, лишившись мачтъ и руля, несется прямо на скалы, роковые силуэты которыхъ выступаютъ на горизонтѣ, всѣ взоры инстинктивно обращаются къ капитану; индивидуальная воля подавляется и отдается въ руки того, кто руководитъ всѣми дѣйствіями: необходимость въ одномъ единомъ и всевластномъ руководствѣ обнаруживается ясно и признается всѣми. Коммуна дожила до такого трагическаго момента. Избранники народа въ Ратушѣ въ началѣ своего правленія могли предаваться федералистическимъ мечтаніямъ, увлекаться автономизмомъ и провозглашать прудонизмъ, уступая Пьеру Дени, но событія, болѣе сильныя, чѣмъ мечты и системы, привели ихъ въ концѣ апрѣля къ необходимости оглянуться на самихъ себя, задать себѣ боязливый вопросъ о причинахъ безпрерывныхъ неудачъ, постигавшихъ ихъ на ихъ пути и съ каждымъ днемъ все болѣе приближавшихъ ихъ къ конечной катастрофѣ, неизбѣжность которой уже выступала съ этого времени съ очевидностью. Самые взбалмошные и самые тупоумные спрашивали себя, какою цѣною и какъ предупредить опасность, избѣжать водоворота, который собирался поглотить ихъ утлый челнъ. Кто предупредитъ бѣдствіе? Кто спасетъ ихъ? Власть сильная, безъ сомнѣнія, власть, диктатура, которая сломитъ всякое противодѣйствіе, подчинитъ себѣ всѣ энергіи, возсоздастъ въ 1871 г. революціонное чудо 1793 г. Благодаря такому настроенію умовъ и народился Комитетъ Общественнаго Спасенія.

Мы говорили уже о второй Исполнительной Комиссіи, учрежденной 20-го апрѣля, что она не являлась правительствомъ и не могла даже имъ и быть въ силу самого своего функціонированія. Фактически у Коммуны было только одно правительство—это ея первая Исполнительная Комиссія, которую она уничтожила,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

или, вѣрнѣе, которую уничтожили событія. Членами второй Исполнительной Комиссіи были главы отдѣльныхъ службъ; они ни въ какомъ отношеніи не являлись руководителями, которые могли бы столковаться и дѣйствовать на свою отвѣтственность, имѣя въ виду общія цѣли. Зародившаяся анархія на мгновеніе было подавленная, но не побѣжденная, только еще сильнѣе развилась и распространилась подъ сѣнью этой власти, которая никогда и не была властью. Въ этотъ моментъ анархія захватила все и проникала всюду. Не установивъ постояннаго органа координаціи и контроля, Коммуна потеряла всякое вліяніе на группы и отдѣльныя личности, которыя боролись или должны были бороться за дѣло революціи.

Необходима была полная реорганизація всей системы, усиленіе или скорѣе возстановленіе центральной власти, которая, удержавъ усиливавшійся безпорядокъ и увеличивавшееся замѣшательство, придала-бы сопротивленію единство единаго импульса. Эта передѣлка и реставрація были законны и настолько-же спасительны.

Но, даже допуская, что такая задача вообще была для Коммуны когда-либо по силамъ, въ данное время было уже черезчуръ поздно залѣчивать недостатки положенія. То, чего Коммуна не могла выполнить на зарѣ своего существованія, на другой день послѣ побѣды и бѣгства непріятеля, она не могла разсчитывать исполнить въ дни своего заката, когда реакція, перейдя въ наступленіе, оцѣпила ее въ Парижѣ и держала подъ огнемъ своихъ непрерывно грохотавшихъ орудій. А, кромѣ того, однѣ слова никогда не вызывали событій, развѣ только въ волшебныхъ сказкахъ. Коммуна могла сколько угодно вспоминать о героическихъ дѣлахъ прошлаго вѣка и прошлой революціи, но эти воспоминанія могли привести лишь къ неумѣстнымъ анахронизмамъ, которые вмѣсто того, чтобы придать движенію новый толчекъ, только извращали его духъ, компрометировали его характеръ и разрушали тѣ остатки жизненности которые еще сохранились въ немъ.

Повидимому, въ этотъ моментъ сама Коммуна хорошо понимала, что она зашла въ тупикъ и не обладаетъ даже достаточными средствами, чтобы выдвинуть изъ своей собственной среды эту высшую диктатуру, передъ которой она могла-бы сложить свои полномочія ради общаго спасенія. Это видно изъ того колебанія, которое заставило ее посвятить три засѣданія обсужденію предложенія Міо учредить диктатуру; если бы то предложеніе вполнѣ и точно соотвѣтствовало всѣми сознаваемой необходимости, это обсужденіе его могло продолжаться развѣ четверть часа. Это замѣтно также и по голосованію, почти поровну разбившему сторонниковъ и противниковъ, а еще болѣе по спеціальнымъ оговоркамъ меньшинства, въ рядахъ котораго мы встрѣчаемъ людей въ родѣ Тридона, а также и членовъ большинства въ родѣ Вальяна.

Послѣдній очень вѣрно опредѣлилъ положеніе, когда, мотивируя свою подачу голоса, какъ это сдѣлало большинство въ этомъ случаѣ, сказалъ: „Я не раздѣляю иллюзій Собранія, которое думаетъ, что создало новый руководящій политическій Комитетъ, Комитетъ Общественнаго Спасенія, тогда какъ фактически оно подновило лишь новымъ названіемъ свою Исполнительную Комиссію первыхъ дней. Если бы Собраніе желало имѣть истинный Исполнительный Комитетъ, ко-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

торый дѣйствительно могъ бы взять въ свои руки руководительство положеніемъ, парировать политическія случайности, то оно должно было-бы начать съ преобразованія самого себя, оно должно было-бы перестать быть говорливымъ парламентомъ, разрушающимъ назавтра по случайной фантазіи то, что оно создало наканунѣ и препятствующимъ всѣмъ рѣшеніямъ Исполнительной Комиссіи. Коммуна должна была-бы быть только Собраніемъ Комиссій для обсужденія рѣшеній и докладовъ, представленныхъ каждой изъ нихъ, для выслушиванія политическаго доклада своего Исполнительнаго Комитета и для сужденія о томъ, выполняетъ ли Комитетъ свой долгъ, обладаетъ-ли онъ единствомъ дѣйствія и директивы, энергиченъ-ли онъ и существуютъ ли въ немъ необходимыя свойства, нужныя для блага Коммуны... Однимъ словомъ, надо организовать Коммуну и ея дѣятельность, надо дѣлать дѣло „революціи, а не заниматься агитаціей и подражаніемъ."

Въ концѣ концовъ предложеніе Міо, поддержанное только Феликсомъ Піа, Режеромъ, Урбэномъ, Везинье и нѣкоторыми другими людьми того-же закала, было принято 45 голосами противъ 23. За названіе „Комитетъ Общественнаго Спасенія" голосовало всего 34 члена, противъ—28, вотировавшихъ за названіе „Исполнительный Комитетъ" *). Большинство было, очевидно, черезчуръ слабое, чтобы оно могло придать новому учрежденію ту силу и заслужить то довѣріе, которыя необходимы были при его функціонированіи. Черезчуръ недостаточны были также и тѣ мотивы, которые выставлены были въ пользу его необходимости.

Инціаторъ этого предложенія—Жюль Міо—прекрасная голова съ почтенной бородой, но недостаточнымъ количествомъ мозга, ограничился только заявленіемъ: „Необходимъ Комитетъ, который придалъ-бы новое вдохновеніе защитѣ и имѣлъ бы мужество при надобности рубить головы измѣнникамъ".

Это воззваніе къ террору могло, конечно, пріятно порадовать тѣхъ, которые совмѣстно съ Міо питались тщетными надеждами на слова и на формулы, но оно ни съ чѣмъ не согласовалось и не вызвало даже и тѣни содраганія у буржуа-реакціонеровъ Парижа, которые только получили лишній поводъ кричать о тираніи и еще болѣе склоняться на сторону Версаля. Дѣйствительно,

---

*) Текстъ декрета былъ слѣдующій:

„Въ виду серіозности обстоятельствъ и необходимости немедленнаго принятія самыхъ радикальныхъ и энергичныхъ мѣръ, Коммуна постановляетъ:

Статья первая.—Комитетъ Общественнаго Спасенія организуется немедленно.

Статья вторая.—Онъ составленъ будетъ изъ пяти членовъ, избранныхъ Коммуной.

Статья третья.—Этому Комитету даны самыя широкія полномочія по отношенію ко всѣмъ Комиссіямъ; отвѣтственъ Комитетъ только передъ Коммуной".

Голосованіе первой статьи дало слѣдующіе результаты:

За образованіе Комитета Общественнаго Спасенія голосовали: Амуру, Ант. Арно, Бержере, Бильорэ, Бланше, Шампи, Шардонъ, Э. Клеманъ, Ж. Б. Клеманъ, Демэ, Дюпонъ, Дюранъ, Ферре, А. Фортюне, Гамбонъ, Жерезмъ, Груссе, Жоганнаръ, Ледроа, Лонкла, Л. Мелье, Міо, Уде, Паризель, Пильо, Филиппъ, Ф. Піа, Ранье, Режеръ, Риго, Тренке, Урбэвъ, Везинье, Віаръ, Вердюръ—всего 34 голоса.

За Исполнительный Комитетъ: Андріё, Арт. Арну, Авріаль, Алликсъ, Бабикъ, Беслэй, Клемансъ, В. Клеманъ, Курбе, Френкель, Жерарденъ, Журдъ, Ла жвенъ, Лефрансэ, Лонге, Остенъ, Пинди, Потьэ, Растуль, Сераль, Сикаръ, Тридонъ, Тейсъ, Вальянъ, Валлесъ, Варленъ, Верморель—всего 28 голосовъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

терроръ безъ террористовъ — пустой звукъ, а какъ до 1-го мая, такъ и послѣ него террористовъ не было. Пять членовъ новаго диктаторскаго Комитета не годились для того, чтобы пустить его въ ходъ. Только одинъ изъ нихъ, можетъ быть, обладалъ темпераментомъ—Антоанъ Арно, а второй, Ранвье, былъ человѣкомъ увлеченія; трое остальныхъ были Лео Мелье, Шарль Жерарденъ, Феликсъ Піа. Піа одинъ способенъ былъ все спутать и скомпрометировать, если бы его коллеги обнаружили хоть какое нибудь покушеніе на активность. Въ довершеніе всего всѣ они получили только незначительное количество голосовъ, что доказываетъ отсутствіе и довѣрія, и энтузіазма. Значительная часть членовъ Коммуны воздержалась отъ голосованія и голосовало всего 37 членовъ; Арно получилъ 33 голоса Мелье—27, столько-же Ранвье, Феликсъ Піа—24 и Ж. Жерарденъ—21 голосъ. 23 неголосовавшіе члены Коммуны, вскорѣ образовавшіе ядро фракціи, извѣстной подъ названіемъ меньшинства Коммуны, были: Артуръ Арну, Андріе, Лефрансэ, Лонге, Остенъ, Журдъ, Малонъ, Сералье, Беслэй, Бабикъ, Клемансъ, Курбе, Э. Жерарденъ, Ланжвенъ, Растуль, Валлесъ, Варленъ, Авріаль, В. Клеманъ, Верморель, Тейсъ, Тридонъ, Пинди; они мотивировали свое воздержаніе отъ голосованія въ почти оскорбительныхъ выраженіяхъ. Такимъ образомъ, Комитетъ Общественнаго Спасенія былъ дискредитированъ во всѣхъ отношеніяхъ уже съ самого момента своего возникновенія; онъ былъ отмѣченъ печатью безсилія и осужденъ на плачевный неуспѣхъ. Онъ не будетъ въ силахъ рубить головъ, не предприметъ никакихъ революціонныхъ мѣръ, даже болѣе, онъ не предприметъ вообще никакихъ мѣръ. Онъ не попытается даже схватить руль, чтобы избѣжать скалъ и достигнуть болѣе спокойныхъ водъ; съ самаго начала подавленный черезчуръ большой отвѣтственностью, призванный исполнить задачу, значительно превышавшую рѣшимость и способности его членовъ, онъ пуститъ свой корабль болѣе чѣмъ когда-либо плыть по произволу вѣтра, какъ игрушку стихіи и какъ жертву слѣпого случая.

Въ то время, когда мишурные „террористы“, вызванные на сцену дѣйствія Міо-Мефистофелемъ, дѣлали видъ, что берутъ въ свои крѣпкія руки общее руководство дѣлами революціи, въ военномъ министерствѣ распоряжалась новая личность—Россель.

Арестъ Клюзере и его отрѣшеніе отъ должности были послѣдними актами Исполнительной Комиссіи. Почему она не сдѣлала этого еще ранѣе? Этимъ, казалось-бы, могли быть предупреждены многія ошибки и заблужденія. Намѣчая кандидатовъ для замѣщенія Клюзере, Комиссія тотчасъ-же подумала объ офицерѣ, который исполнялъ при немъ обязанности начальника главнаго штаба и за котораго говорило его хладнокровное и пуританское поведеніе. Россель извѣстенъ былъ многимъ членамъ Коммуны, которые выдвигали его впередъ, особенно-же Малону и Ш. Жерардену, а также и Делеклюзу. Исполнительная Комиссія призвала его въ свое засѣданіе, происходившее вечеромъ 30-го апрѣля. Онъ явился и изложилъ свои планы. Журдъ задалъ ему вопросъ: „Что вы будете дѣлать, если васъ поставятъ на мѣсто Клюзере?“ Хорошо даже краснорѣчиво, излагавшій свои мысли, Россель объяснилъ свой планъ; онъ говорилъ о неиспользованныхъ еще громадныхъ средствахъ, о неприступности Парижа, о необходимости революціи. Дѣло Росселя было выиграно, а кто могъ отнестись враждебно—тотъ промолчалъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Россель во всякомъ случаѣ представлялъ собою извѣстную цѣнность. Не подлежитъ сомнѣнію, что, получивъ власть мѣсяцемъ ранѣе, онъ систематически и активно поставилъ-бы дѣло организаціи защиты и вооружилъ-бы Коммуну, если и не для побѣдоноснаго наступленія, то, по крайней мѣрѣ, для долгой обороны, которая, можетъ быть, могла-бы утомить нападающаго.

Мы, однако, не хотимъ сказать этимъ, что молодой офицеръ не имѣлъ своихъ слабостей и недостатковъ. Онъ также былъ вполнѣ подчиненъ своему прошлому. Онъ непосредственно перешелъ изъ регулярной арміи, которую покинулъ при извѣстіи о событіи 18-го марта, чтобы явиться въ столицу; въ своемъ патріотическомъ возбужденіи онъ принялъ своеобразно смѣшанную и сложную пролетарскую парижскую инсуррекцію за простое національное возстаніе, за возобновленіе войны противъ иностраннаго врага. Будучи инженернымъ капитаномъ въ Мецѣ при Базенѣ, онъ бѣжалъ изъ нѣмецкаго плѣна и, получивъ чинъ полковника, назначенъ былъ Гамбеттой начальникомъ лагеря въ Неверѣ; онъ былъ солдатъ и только солдатъ, въ узкомъ значеніи этого слова, весь пропитанный предразсудками своей профессіи и касты. Какъ Клюзере, и настолько-же, какъ и Клюзере, онъ былъ убѣжденъ, что армія въ рукахъ своего начальника должна быть неразсуждающимъ орудіемъ, которое должно ограничиваться однимъ дѣйствіемъ, не понимая его смысла. Онъ даже и не подозрѣвалъ, что именно это желаніе сознательно дѣйствовать и способность пониманія одни только и могутъ придать революціоннымъ войскамъ порывъ и энтузіазмъ. Россель по самому существу своему неспособенъ былъ, слѣдовательно, управлять мыслящей силой и былъ безсиленъ установить между своими подчиненными и собою то духовное общеніе, которое стоитъ больше, чѣмъ всякія дисциплины, потому что именно оно вызываетъ ту самоотверженность, порождаетъ ту иниціативу и создаетъ то взаимное довѣріе, которыя являются матерью побѣды. Прибавьте, что по своей природѣ Россель былъ рѣзокъ, высокомѣренъ и мало доступенъ.

При самомъ началѣ враждебныхъ дѣйствій, при первомъ воодушевленіи эти недостатки могли-бы еще быть не замѣчены. Но въ разбираемое нами время, они должны были тотчасъ-же проявиться безъ прикрасъ и вызвать грубое разногласіе между начальникомъ и солдатами. Первымъ-же его поступкомъ была неловкость, которая вполнѣ его характеризуетъ. *Начальникъ версальской траншеи* передъ фортомъ Исси послалъ къ коменданту этого форта требованіе о сдачѣ, въ которомъ говорилось, что если въ теченіе четверти часа не получится отвѣта, то весь гарнизонъ будетъ разстрѣлянъ. Россель отвѣтилъ слѣдующимъ заявленіемъ: „Гражданину Лепершу, начальнику траншеи передъ фортомъ Исси. Дорогой товарищъ, слѣдующій разъ, когда вы позволите себѣ послать намъ такое-же наглое требованіе, какъ то, которое содержалось въ вашемъ вчерашнемъ письмѣ, я разстрѣляю вашего парламентера согласно обычаямъ войны. Преданный вамъ товарищъ Россель, делегатъ Парижской Коммуны.“. Надѣляя названіемъ „дорогого и преданнаго товарища“ одного изъ исполнителей низкихъ версальскихъ дѣлъ, новый делегатъ ясно обнаруживалъ, что онъ ничего не понималъ въ этой войнѣ, руководительство въ которой онъ только что на себя принялъ, и что онъ былъ совершенно

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

чуждъ, какъ чувствамъ, такъ и идеалу парижскаго народа, вести за собою который лежало на его обязанности. Могли-ли Дюваль, Эдъ и даже Клюзере написать нѣчто подобное?

Единственной и главной мыслью Росселя было превращеніе коммунальной арміи въ такую армію, которая-бы во всѣхъ отношеніяхъ была подобна профессіональной арміи, которую онъ зналъ, къ которой принадлежалъ ранѣе и которой и въ данное время принадлежали еще всѣ его симпатіи и мысли. Муниципальную организацію національной гвардіи по батальонамъ и по легіонамъ, которые непосредственно сами избирали своихъ начальниковъ, Россель хотѣлъ замѣнить организаціей по полкамъ, командировъ которыхъ онъ желалъ назначать своей личной властью. Съ этой цѣлью 1-го мая онъ предписалъ своимъ генераламъ выбрать изъ числа ихъ войскъ пять бодрыхъ батальоновъ, численностью отъ 300—400 человѣкъ въ каждомъ, которые онъ и собирался надѣлить пушкой или митральезой, взамѣнъ ихъ знаменъ или флаговъ кварталовъ. Эти батальоны должны были вслѣдъ затѣмъ образовать полки по 2000 человѣкъ въ каждомъ, всего въ общемъ восемь полковъ, которые образовали-бы всѣ вмѣстѣ подвижной корпусъ въ 16 т. человѣкъ. Россель разсчитывалъ въ очень скоромъ будущемъ дать съ этой арміей битву подъ Парижемъ.

Какъ и слѣдовало ожидать, военный делегатъ натолкнулся при этой попыткѣ на инстинктивное сопротивленіе самой національной гвардіи, которая ясно чувствовала, что новое устройство кореннымъ образомъ противорѣчитъ самому духу ея, создавшему ее и сдѣлавшему ее милиціей, а не арміей.

Онъ встрѣтилъ также сознательное и намѣренное противодѣйствіе и со стороны Центральнаго Комитета національной гвардіи, который не переставалъ бороться за возстановленіе своего прошлаго вліянія и также мало склоненъ былъ подчиняться Росселю, какъ ранѣе Клюзере. Россель встрѣтилъ, наконецъ, сопротивленіе и со стороны Комитета Общественнаго Спасенія, онасавшагося военной диктатуры и сильно подозрѣвавшаго молодого полковника въ желаніи совершить въ свою пользу нѣчто въ родѣ новаго 18-го брюмера. Извѣстно было, что къ этому смѣлому шагу Росселя побуждали многія безпокойныя головы, и, повидимому, онъ лично не прочь былъ-бы разыграть роль Бонапарта. Но по существу онъ былъ черезчуръ нерѣшителенъ, несмотря на всю показную его внѣшность и поведеніе, чтобы твердо вступить на такой смѣлый путь.

Къ тому-же событія тоже не благопріятствовали такому шагу и иначе не могло и быть. На укрѣпленіяхъ неудача слѣдовала за неудачей. Федералисты, тѣснимые по всему фронту, отступали на всѣхъ пунктахъ, всюду теряя свои позиціи. Въ ночь съ 1-го на 2-е мая версальцы аттакой въ штыки взяли станцію Кламаръ и послѣ кровопролитнаго сраженія заняли также и замокъ Исси. Двѣсти пятьдесятъ національныхъ грардейцевъ остались на мѣстѣ, четыреста попали въ плѣнъ. 3-го мая вечеромъ 55-й и 120-й батальоны были врасплохъ аттакованы въ Муленъ-Саке, впереди Вильжьюфа, колонной дивизіи Лакретеля. Это была простая бойня. Федералисты спали въ палаткахъ. Преданные, по всей вѣроятности, однимъ изъ своихъ офицеровъ, который сообщилъ непріятелю пароль, они

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

не имѣли даже времени броситься къ оружію для защиты. Немногіе избѣжали смерти или плѣна; ихъ пушки и знамена также попали въ руки побѣдителя.

Форты Исси и Ванвъ держались съ большимъ трудомъ, несмотря на чудеса энергіи и храбрости гарнизоновъ и ихъ комендантовъ и начальниковъ: Брюнеля, Ветцеля, Лисбонна, Жюльена и инженеровъ: Риста въ Исси, Дюрасье въ Ванвѣ. Позицію уже нельзя было дольше удерживать. Подъ градомъ снарядовъ и бомбъ, безпрерывно надавшихъ, какъ дождь, стѣны фортовъ рушились и обваливались въ рвы; въ образовавшіяся бреши можно было въѣхать въ экипажѣ. Коммунары канониры должны были стрѣлять безъ прикрытія и представляли собою вѣрную цѣль для непріятельскихъ стрѣлковъ. Трупы, наваленные въ подвалахъ и корридорахъ, составляли груды высотою до двухъ метровъ. Роковой исходъ былъ несомнѣненъ. 4-го мая Дюрасье могъ еще отбить жестокую аттаку на Ванвъ; но въ ночь на 5-е его сообщенія съ Исси были окончательно отрѣзаны. Наконецъ, 8-го мая, подъ ударами грозныхъ баттарей въ Монтрету, присоединившихъ и свой огонь къ огню болѣе чѣмъ 200 орудій, гремѣвшихъ съ высотъ Севра, Бельвю и Медона, палъ фортъ Исси. Одна изъ бомбъ, брошенныхъ изъ Мулетъ-де Пьеръ, убила однимъ ударомъ шестнадцать человѣкъ. Собравшіеся офицеры признали, что дальнѣйшее сопротивленіе невозможно, и подъ выстрѣлами версальцевъ отступленіе совершено было подъ начальствомъ Лисбона.

Въ тотъ самый вечеръ, когда палъ фортъ Исси, Россель имѣлъ бурное объясненіе съ представителями Центральнаго Комитета національной гвардіи. Разбитый генералъ, который могъ отмѣчать съ того момента, какъ всталъ у власти, однѣ только бѣдствія, преслѣдуемый въ Коммунѣ желчной злобой Піа, котораго онъ уличилъ во лжи, къ тому-же подозрѣваемый многими, Россель сознавалъ, что его пѣсня спѣта. Рѣшивъ открыто порвать съ Центральнымъ Комитетомъ, онъ явился съ намѣреніемъ разстрѣлять его делегатовъ, и собралъ уже въ военномъ министерствѣ отрядъ солдатъ съ заряженными ружьями, — но внезапно онъ передумалъ и объясненіе, начавшееся бурно, закончилось добродушно. Хотите-ли вы и можете-ли, сказалъ Россель, въ заключеніе, собрать завтра на площади Согласія 12.000 вооруженныхъ людей? Обѣщавъ это сдѣлать, делегаты Центральнаго Комитета удалились.

Что разсчитывалъ предпринять съ этими силами Россель? Онъ говорилъ, конечно, о вылазкѣ на Версаль черезъ Кламаръ. Но не было ли это только предлогомъ и не имѣлъ-ли онъ другой цѣли, приписываемой ему нѣкоторыми, а именно пойти во главѣ этихъ 12.000 штыковъ на Ратушу, прогнать Коммуну и объявить въ Парижѣ военную диктатуру, а себя диктаторомъ, чтобы продолжать борьбу, или чтобы попытаться вступить въ переговоры съ Версалемъ. Вопросъ этотъ до сихъ поръ еще не ясенъ. И трудно сказать, выяснится-ли онъ вообще когда нибудь?

Какъ бы тамъ ни было, но на слѣдующій день, въ полдень, Россель явился на площадь Согласія. Онъ объѣхалъ верхомъ фронтъ войскъ, прокричалъ начальникамъ: „по моему счету не выходитъ!“—и уѣхалъ обратно. Онъ вернулся послѣ этого въ военное министерство, гдѣ узналъ объ очищеніи форта Исси. Россель взялъ перо и написалъ слѣдующія строки: „Трехцвѣтное знамя развѣвается на фортѣ Исси, оставленномъ вчера его гарнизономъ“. И не сообщая ничего ни Коммунѣ, ни Комитету Общественнаго Спасенія, онъ приказалъ не-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

медленно отпечатать это странное сообщеніе въ 10.000 экземплярахъ. Послѣ этого онъ написалъ мотивированный отказъ отъ должности, являвшійся настоящимъ обвинительнымъ актомъ противъ Коммуны, Комитета Общественнаго Спасенія, Центральнаго Комитета, Комитета артиллеріи, національной гвардіи, однимъ словомъ, противъ всѣхъ, кромѣ только себя самого.

„Граждане, члены Коммуны, писалъ онъ, будучи уполномоченъ вами временно завѣдывать военной делегаціей, я считаю себя неспособнымъ нести далѣе отвѣтственность за командованіе тамъ, гдѣ всѣ уклоняются и никто не желаетъ повиноваться. Когда необходимо было организовать артиллерію, Центральный Комитетъ артиллеріи уклонился и ничего не предпринялъ... Коммуна уклонилась и не пришла ни къ какому рѣшенію... Центральный Комитетъ уклоняется и не сумѣлъ до сихъ поръ еще ничего сдѣлать... Въ теченіе этого времени непріятель предпринялъ на фортъ Исси рядъ рискованныхъ и неблагоразумныхъ аттакъ, за которыя я наказалъ-бы его, если-бы имѣлъ въ своемъ распоряженіи хотя-бы незначительныя военныя силы“. Россель разсказывалъ затѣмъ, какъ очищенъ былъ фортъ, потомъ онъ указалъ, что утромъ на площади Согласія вмѣсто обѣщанныхъ ему 12.000 людей, онъ нашелъ всего 7 тысячъ, и кончалъ такъ: „Такимъ образомъ, ничтожество артиллерійскаго Комитета помѣшало организаціи артиллеріи; неувѣренность Центральнаго Комитета федераціи мѣшаетъ администраціи; жалкія предубѣжденія начальниковъ легіоновъ парализуютъ мобилизацію войскъ... Мой предшественникъ напрасно старался бороться съ этимъ нелѣпымъ положеніемъ. Наученный его опытомъ, я знаю, что сила революціонера заключается только въ ясности положенія; для меня существуютъ лишь двѣ линіи поведенія: мнѣ остается или уничтожить препятствія, мѣшающія моей дѣятельности, или удалиться. Я не уничтожу этихъ препятствій, т. к. они въ васъ и въ вашей слабости; я не хочу покушаться на народное верховенство. Я удаляюсь и имѣю честь просить васъ дать мнѣ камеру въ Мазасѣ“.

Кому-же онъ послалъ этотъ обвинительный актъ? Коммунѣ? Нѣтъ. Онъ послалъ его въ газеты, знакомя такимъ образомъ Парижъ, Версаль, врага съ этими злобными выходками и съ тайной слабостью возстанія.

Коммуна поступила подъ впечатлѣніемъ оскорбленія. Піа торжествовалъ: „Я вамъ говорилъ, что это измѣнникъ, восклицалъ онъ, но вы не хотѣли мнѣ вѣрить. Вы еще молоды, вы не научились, какъ наши учителя въ Конвентѣ, не довѣрять военной власти.“ Единодушно всѣми, кромѣ Малона и Жерардена, постановлено было арестовать Росселя и поручено было военной Комиссіи привести это въ исполненіе. Затѣмъ Коммуна занялась переизбраніемъ своего Комитета Общественнаго Спасенія, который вслѣдствіе того-же инцидента потерялъ довѣріе. На этотъ разъ въ голосованіи участвовало и меньшинство, но, несмотря на это, ни одинъ изъ его кандидатовъ не прошелъ. Большинство провело весь свой списокъ, въ который вошли Арно, Делеклюзъ, Эдъ, Гамбонъи Ранвье.

Оставалось арестовать Росселя. Делеклюзъ и другіе члены военной комиссіи—Арнольдъ, Авріаль, Жоганнаръ, Тридонъ и Варленъ—отправились съ этой цѣлью въ военное министерство. Старый якобинецъ чувствовалъ нѣкоторую нѣжность къ молодому делегату. Послѣ длиннаго разговора онъ оста-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

вилъ его на свободѣ, подъ честное слово, и поручилъ его надзору двухъ своихъ товарищей Авріаля и Жоганнара.

На слѣдующій день Россель явился въ Ратушу, въ сопровожденіи обоихъ своихъ тѣлохранителей, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда собравшаяся Коммуна выбрала 42 голосами изъ 46 замѣстителемъ ему Делеклюза и замѣнила послѣдняго въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія, назначивъ туда Бильорэ. Предложено было ввести Росселя въ засѣданіе, но 26 голосами противъ 16 это было отвергнуто и рѣшено немедленно заключить его въ Мазасъ. Въ Мазасъ! Арестованный въ тотъ моментъ, когда Коммуна рѣшала его судьбу, успѣлъ уже улизнуть. Воспользовавшись минутнымъ отсутствіемъ Авріаля, которому онъ, впрочемъ, «далъ слово солдата не бѣжать», и, оставшись одинъ на одинъ съ своимъ пріятелемъ Шарлемъ Жерарденомъ, Россель уступилъ просьбамъ послѣдняго, покинулъ квестуру, вскочилъ въ фіакръ и исчезъ.

О немъ не слышно было больше въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, когда наконецъ сыщики Версаля открыли его убѣжище и отправили его въ тюрьму. Затѣмъ, послѣ тяжелаго заключенія онъ предсталъ передъ комиссіей торжествующей реакціи и очень доблестно заплатилъ своей жизнью за участіе въ революціи, въ которую онъ замѣшался, хотя и игралъ въ ней первую роль, *только по недоразумѣнію, какъ человѣкъ, искавшій совершенно иного*. Истинный политикъ-фанатикъ, онъ не воспринялъ ничего отъ того движенія, въ которое бросился изъ-за отвращенія къ генераламъ-измѣнникамъ и негодяямъ, приведшимъ Францію къ потерѣ территоріи и къ гибели; онъ надѣялся, что война противъ завоевателя возобновится вмѣстѣ съ возставшимъ Парижемъ и при его посредствѣ и что изъ этой войны онъ, Россель, можетъ выйти вторымъ Бонапартомъ. Только уже на опытѣ онъ убѣдился, что фантазировалъ; въ своихъ попыткахъ организовать военную силу, онъ натолкнулся на нѣчто болѣе сильное, чѣмъ онъ самъ, потому что въ Коммунѣ живыми элементами были только тѣ, которые были коммунарами; тогда онъ удалился, въ самый моментъ битвы убѣгая и отрекаясь отъ среды и отъ дѣятельности, которыя, какъ онъ убѣдился, были ему чужды.

Паденіе Росселя произошло 10-го мая. Съ этого момента Коммунѣ суждено было существовать всего 10 дней. Начиналась ея агонія.

Второй Комитетъ Общественнаго Спасенія, хотя и болѣе удачно составленный, чѣмъ первый—въ немъ отсутствовалъ Піа,—точно также ничѣмъ не проявилъ себя и тоже оказался неспособнымъ. Насталъ, дѣйствительно, такой моментъ, когда всякое усиліе оказывалось уже заранѣе осужденнымъ на неуспѣхъ. Комитету, конечно, удалось раскрыть кое-какіе заговоры, направленные противъ Коммуны; онъ арестовалъ многихъ виновныхъ, задержалъ, между прочимъ, вдохновителей заговора „трехцвѣтныхъ нарукавниковъ“, которые, впрочемъ, дѣйствовали почти открыто, захватилъ шпіона Вэйссе *) и нѣкоторыхъ другихъ. Комитетъ положилъ также предѣлъ дѣятельности полу-

*) Вэйссе получилъ порученіе подкупить Домбровскаго деньгами. Геройскій конецъ польскаго офицера черезчуръ ясно доказалъ, что Версаль попалъ въ данномъ случаѣ впросакъ. Что-же касается Вэйссе, то попавъ въ руки Коммуны, онъ былъ разстрѣлянъ въ теченіе кровавой недѣли на площадкѣ Понъ-Нефъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

сумашедшихъ, въ родѣ Люллье, или авантюристовъ, въ родѣ Биссона и Ганье д'Абена, которые разсчитывали спасти революцію, конфисковавъ ее въ свою пользу при содѣйствіи и съ помощью денегъ Версаля. Но зато онъ не сумѣлъ и не могъ побѣдить другой заговоръ, неизмѣримо болѣе опасный, разнородный и распространенный, который гнѣздился во всѣхъ редакціяхъ буржуазныхъ газетъ, за столами всѣхъ бульварныхъ кафе и безъ устали создавалъ вокругъ Коммуны атмосферу подозрѣнія и непріязви. Мѣры, предпринимавшіяся противъ газетъ, которыя ежедневно оскорбляли федеральные батальоны и извращали пренія, происходившія въ Ратушѣ, не достигали цѣли; не помогъ и декретъ 15-го мая, предписывавшій гражданамъ имѣть при себѣ удостовѣреніе о личности (carte civique), которое они должны были лично получать отъ полицейскаго комиссара своего квартала по удостовѣреніи ихъ личности двумя свидѣтелями. Запрещенныя газеты переселились въ Версаль, откуда ежедневно пересылали въ Парижъ свои номера, переполненные тѣми-же самыми грязными, желчными и яростными нападками. Удостовѣренія личности сдѣлались темами для остроумныхъ шутокъ и шансонетокъ, и никто не запасался ими. Для того, чтобы эти мѣры и декреты оказались осуществимыми, Комитетъ Общественнаго Спасенія долженъ былъ-бы обладать исполнительной властью, которая опиралась-бы на рѣшительную и активную волю всѣхъ революціонныхъ элементовъ, т. е. такою властью, которою Коммуна никогда не располагала, а еще менѣе въ этотъ моментъ агоніи и замѣшательства, когда всѣ, друзья и недруги, уже чувствовали приближеніе конца.

Безпорядокъ и безпечность, парившіе повсюду, достигли своего максимума въ военномъ министерствѣ, куда только что назначенъ былъ Делеклюзъ. Старый якобинецъ принесъ съ собою свой стоицизмъ, свою самоотверженность и вѣру, но все это ни къ чему не привело, а ему дало лишь возможность умереть героемъ. Ему, болѣе чѣмъ другимъ, недоставало техническихъ знаній, здоровья, юношеской силы, которая позволяетъ пренебрегать усталостью и увлекаетъ другихъ, подымая ихъ до себя. Онъ не былъ тѣмъ человѣкомъ, который могъ наэлектризовать остатки тѣхъ военныхъ силъ, которыми еще располагала Коммуна, и принять мѣры, необходимыя въ виду послѣдней битвы. Ему приходилось безпрерывно бороться противъ захватовъ со стороны Центральнаго Комитета, ставшаго такимъ-же надменнымъ, какъ и въ первые дни; а въ главномъ штабѣ, наполненномъ ставленниками Клюзере или старыми товарищами Росселя, никто не помогалъ ему. Безсильный что-либо сдѣлать, Делеклюзъ присутствовалъ при постоянныхъ усиѣхахъ версальской арміи, все болѣе приближавшейся къ укрѣпленіямъ, а во многихъ мѣстахъ подошедшей къ нимъ вплоть. 13-го мая фортъ Ванвъ былъ обойденъ и въ теченіе ночи гарнизонъ очистилъ его, отступивъ по казематамъ, соединявшимся съ каменоломнями, выходившими на Шатильонскую дорогу. 14-го утромъ солдаты Порядка подняли трехцвѣтное знамя на разрушенномъ фортѣ и перевооружили, его со стороны Парижа. Въ этотъ-же несчастный день 13-го мая флотилія весьма энергично поддерживавшая своими демонстраціями на рѣкѣ военныя операціи федералистовъ, потерпѣла значительный уронъ; одна изъ ея канонирокъ Estok была пущена ко дну, и вся флотилія вынуждена была отступить

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ниже моста Согласія. На западѣ Домбровскій принужденъ былъ также отойти назадъ. Часть Левалоа и Клиши были оставлены. Орудія съ Монмартра, на которыя такъ сильно разсчитывали, плохо установленныя благодаря неопытности или намѣренно, осыпали ядрами самихъ парижскихъ милиціонеровъ вмѣсто того, чтобы вредить осаждавшимъ. Въ Булонскомъ лѣсу версальцы, перейдя Сену по понтонному мосту, прочно укрѣпились подъ защитой деревьевъ, окопались и заложили параллель позади озеръ, которая доходила до высотъ воротъ Мюеттъ.

Такимъ образомъ, положеніе все болѣе и болѣе осложнялось и изъ критическаго, какимъ оно было еще вчера, превратилось въ безнадежное.

Но, несмотря на все это, въ Коммунѣ происходили прежніе раздоры. Конфликтъ принялъ чрезвычайно острую форму. Большинство своей нелѣпой и узкой злобой преслѣдовало меньшинство, смѣнило въ Комиссіи Общей Безопасности Верморель, изгнало изъ Officiel'я Лонге, замѣнивъ его Везинье, а въ Военной Комиссіи замѣнило Авріаля, Тридона, Варлена, Жоганнара вздорными неспособностями. Меньшинство, оскорбленное этими увольненіями и еще болѣе общимъ остракизмомъ, которому оно подвергалось со стороны большинства, съ своей стороны также потеряло благоразуміе. Оно рѣшило прочесть въ засѣданіи 15-го мая свой мотивированный протестъ, но большинство, не присутствуя на засѣданіи, какъ это вошло въ его обыкновеніе, помѣшало этому намѣренію. Тогда, повторяя ошибку Росселя, меньшинство рѣшило перенести вопросъ прямо на судъ народа. 16-го парижскія газеты обнародовали документъ, въ которомъ указывалось, что Коммуна отказалась отъ власти и попала въ руки диктатуры Комитета Общественнаго Спасенія, которую, какъ заявляло меньшинство, оно не можетъ ни признать, ни принять. „Преданные нашему великому дѣлу Коммуны, за которое столько гражданъ кладутъ ежедневно свои головы, говорилось въ заявленіи, мы возвращаемся въ наши округа, которыми до сихъ поръ, можетъ быть, мы черезчуръ пренебрегали. Убѣжденные, кромѣ того, что вопросъ военный имѣетъ въ данный моментъ первенствующее значеніе надъ всѣми остальными, мы будемъ проводить все время, которое останется въ нашемъ распоряженіи отъ муниципальныхъ функцій, въ средѣ нашихъ братій національной гвардіи и примемъ участіе въ этой рѣшительной борьбѣ, предпринятой во имя правъ народа.“. Подъ заявленіемъ подписались 22 члена Коммуны: Беслэй, Журдъ, Тейсъ, Лефрансэ, Эж. Жерарденъ, Верморель, Клемансъ, Андріе, Серральe, Лонге, Артуръ Арну, В. Клеманъ, Авріаль, Остенъ, Френкель, Пинди, Арнольдъ, Жюль Валлесъ, Тридонъ, Варленъ, Курбе и Малонъ.

Это былъ открытый и безповоротный разрывъ, несмотря на предосторожности, соблюденныя со стороны его формы. Отказъ участвовать въ засѣданіяхъ равнозначущъ былъ прямому расколу. Но дѣло было еще хуже: этимъ нанесенъ былъ ударъ Коммунѣ, какъ заправляющему организму, тѣми самыми людьми, которые хорошо понимали, что только врагъ, и только онъ одинъ, используетъ плоды ихъ гнѣва и оппозиціи и что они рискуютъ, если-бы ихъ послушались, расколоть на двое рабочій и революціонный Парижъ какъ разъ наканунѣ рѣшительнаго штурма, къ которому готовился Версаль.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Правда, меньшинство не остановилось на своемъ рѣшеніи *). Уже на другой день оно увидѣло свою ошибку и вернулось; но ударъ все-же былъ нанесенъ. Вопреки стараніямъ Делеклюза, неуклонно проповѣдовавшаго примиреніе, Гамбона, который также горячо возставалъ противъ братоубійственныхъ интригъ, Вальяна, не допускавшаго, чтобы можно было отстраниться отъ товарищей въ тотъ моментъ, когда они сами отказывались отъ своихъ намѣреній, „какъ будто бы для того, какъ онъ говорилъ, чтобы они укрѣпились въ своемъ заблужденіи", —большинство отказалось отъ примиренія. Предложеніе о примиреніи, внесенное въ засѣданіе 17-го мая, на которомъ присутствовало 66 членовъ Коммуны, все большинство и все меньшинство, было отвергнуто, и якобинцы и федералисты братьями-врагами пошли на послѣднюю битву, на баррикады, на смерть.

Въ тотъ моментъ, который мы теперь описываемъ, дѣло было дѣйствительно окончательно проиграно. Спасеніе не явится со стороны Парижа, гдѣ Коммуна терзаетъ себя собственными руками, гдѣ Центральный Комитетъ пытается и будетъ пытаться до послѣдняго дня утолить свою жажду былой власти, гдѣ генералы, предоставленные самимъ себѣ, не имѣя никакого общаго плана, который объединялъ бы и усиливалъ-бы ихъ дѣйствія, отбиваются отъ врага, какъ всякій считалъ удобнымъ, съ тѣми людьми, которые случайно оказываются въ ихъ распоряженіи; гдѣ крупная, средняя и мелкая буржуазія окончательно отступилась, предоставивъ одному пролетаріату, уже истекавшему кровью, сводить послѣдніе счеты съ Версалемъ. Спасеніе не явится ни извнѣ, ни со стороны Франціи.

Правда, былъ моментъ, когда появилась было на это надежда. Муниципальные выборы 30-го апрѣля торжественно подтвердили преданность страны порядку вещей, вытекшему изъ революціи 4-го сентября. Въ большихъ городахъ, въ промышленныхъ и торговыхъ центрахъ, на сѣверѣ и на югѣ, прошли безъ исключенія чисто демократическіе и республиканскіе списки кандидатовъ. Это было настолько ясно, что тотчасъ-же послѣ своего избранія новые муниципалитеты рѣшили сговориться и созвать общій конгрессъ, который долженъ былъ-бы вмѣшаться въ борьбу между Національнымъ Собраніемъ и Коммуной для заключенія мира на условіяхъ признанія республики и широкихъ коммунальныхъ вольностей. Конгрессъ долженъ былъ собраться въ Бордо въ теченіе первой половины мая.

При извѣстіи объ этихъ намѣреніяхъ Національное Собраніе и Тьеръ пришли въ ужасъ, и министръ внутреннихъ дѣлъ Пикаръ немедленно обнародовалъ въ Officiel'ѣ категорическое и самое угрожающее запрещеніе этого конгресса.

„Заявленія и программа, обнародованныя Комитетомъ департаментовъ, говорила нота министра, показываютъ, что цѣль Союза состоитъ въ томъ, чтобы явиться судьей между возстаніемъ съ одной стороны и правительствомъ съ другой и замѣнить такимъ образомъ авторитетомъ Лиги авторитетъ Націо-

*) Оно получило тайное, но рѣшительное указаніе со стороны своихъ друзей, игравшихъ руководящія роли. Федеральный Совѣтъ Интернаціонала, вполнѣ признавая лояльность своихъ членовъ, составлявшихъ часть меньшинства, „пригласилъ ихъ соблюдать единство Коммуны.".

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нальнаго Собранія. Долгъ правительства состоитъ въ томъ, чтобы воспользоваться властью, предоставленною ему закономъ. Можно быть увѣреннымъ, что правительство воспользуется ею. Оно измѣнило-бы Собранію, Франціи и цивилизаціи, если-бы позволило учредиться на ряду съ законной властью, вышедшей изъ всеобщаго избирательнаго права, съѣзду коммунизма и возмущенія.".

Это грубое нападеніе заставило примирителей отступить, Конгрессъ муниципалитетовъ не состоялся, онъ видоизмѣнился въ съѣздъ отдѣльныхъ гражданъ, собравшійся въ Ліонѣ 15-го мая, на которомъ присутствовали делегаты 16-ти департаментовъ юга, юго-востока и центра. Собраніе это не могло имѣть никакого авторитета, потому что делегаты представляли только самихъ себя, а республиканцы Собранія, во главѣ съ самими избранниками Парижа, которыхъ делегаты тщетно умоляли присоединиться къ нимъ, открыто отказались отъ нихъ.

Такимъ образомъ, у Версаля оказались руки развязанными, особенно благодаря отказу парламентской лѣвой Собранія, и Тьеръ получилъ полную возможность завершить свое дѣло репрессіи и бойни.

Что же касается Парижа, то ему оставалось только готовиться къ смерти; но передъ этимъ онъ все-же совершилъ еще одинъ изъ тѣхъ актовъ, которые обнаруживаютъ глубокій смыслъ революціи 18-го марта и неизгладимы, какъ и многіе другіе славные этапы того пути, который пройденъ былъ въ эти дни, предварявшіе будущее, парижскимъ пролетаріатомъ, авангардомъ международнаго пролетаріата.

16-го мая Коммуна разрушила при аплодисментахъ громадной толпы бронзовую статую Человѣка Вандомской Площади, Наполеона Аустерлица и Іены, Ваграма и Эйлау, который въ теченіе пятнадцати лѣтъ топталъ націи, растирая ихъ въ порошокъ. Гордая колонна пала и разбилась въ куски, на глазахъ съ одной стороны французской арміи, осаждавшей Парижъ, подъ начальствомъ бонапартистскихъ генераловъ, а съ другой прусскихъ армій, которыя два мѣсяца тому назадъ блокировали и взяли этотъ самый Парижъ. Коммуну гнусно обвиняли въ томъ, что въ этомъ случаѣ она сознательно или безсознательно уступила бисмарковскимъ и нѣмецкимъ внушеніямъ. На эту низость не стоитъ даже отвѣчать. Въ дѣйствительности Коммуна—выразительница всемірной совѣсти—не различала между прежними побѣдителями и побѣдителями вчерашняго дня, между національными завоевателями и иностранными поработителями; тѣхъ и другихъ она объединяла въ одномъ осужденіи, въ одномъ отвращеніи, низвергая на одну и ту-же соломенную подстилку славу Вильгельма вмѣстѣ съ славой Бонапарта и со всякой иной военной славой. Если кто сомнѣвается въ этомъ, то достаточно прочитать ту страницу Journal Officiel, на которой на слѣдующій день помѣщена была статья объ этой грандіозной и символической манифестаціи.

„Декретъ Парижской Коммуны, предписывавшій уничтоженіе Вандомской Колонны, приведенъ былъ вчера въ исполненіе при привѣтственныхъ крикахъ громадной толпы, которая серіозно и сознательно присутствовала при крушеніи ненавистнаго памятника, созданнаго въ честь ложной славы честолюбиваго чудовища".

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

„Число 26-го флореаля будетъ славнымъ въ исторіи, потому что оно знаменуетъ собою нашъ разрывъ съ милитаризмомъ, этимъ кровавымъ отрицаніемъ всякихъ правъ человѣка“.

„Первый Бонапартъ принесъ въ жертву своей ненасытной жаждѣ господства милліоны дѣтей народа; онъ задушилъ республику, поклявшись защищать ее. Сынъ революціи, онъ окружилъ себя привиллегіями и смѣшной высокопарностью королевской власти; своей местью онъ преслѣдовалъ всѣхъ, кто еще рѣшался мыслить или разсчитывалъ быть свободнымъ; онъ хотѣлъ заклепать ошейникъ на шеѣ народа, чтобы тщеславно царствовать одному среди всеобщаго приниженія. Вотъ его дѣла въ теченіе патнадцати лѣтъ.“

„Дѣла эти начались 18-го брюмера нарушеніемъ присяги, поддерживались бойней, завершились двумя нашествіями, послѣ нихъ остались лишь развалины, долговременный духовный упадокъ, уменьшеніе территоріи Франціи, наслѣдство, въ видѣ второй имперіи, начавшейся 2-го декабря, чтобы дойти до позора Седана.

„На обязанности Коммуны лежалъ долгъ свергнуть этотъ символъ деспотизма: она исполнила его. Она доказываетъ этимъ, что ставитъ право выше силы, и предпочитаетъ справедливость убійству, даже когда послѣднее приводитъ къ торжеству.

„Пусть каждый твердо знаетъ: колонны, которыя Коммуна можетъ воздвигнуть, никогда не прославятъ какого нибудь историческаго разбойника, но запечатлѣютъ въ памяти потомства какія либо славныя побѣды въ наукѣ, въ достиженіи свободы.

„Съ этого времени Вандомская Площадь носитъ названіе Международной Площади.“ *)

Послѣдняя черта особенно характерна. Ищутъ соціализма въ Коммунѣ; просѣиваютъ сквозь сито ея прокламаціи и декреты, чтобы найти его; намъ кажется, что онъ проявился именно въ этомъ актѣ; если только въ этомъ антимилитаристскомъ его видѣ и вслѣдствіе этой именно его формы не пожелаютъ усмотрѣтъ простое отклоненіе отъ нормы безъ всякой этикетки. Во всякомъ случаѣ, ни Версаль, ни Берлинъ не ошиблись въ значеніи этого акта и доказали это.

11-го мая, въ засѣданіи Національнаго Собранія Тьеръ, вынужденный легкой кавалеріей легитимизма дать объясненія о своихъ сношеніяхъ съ миротворцами республиканскихъ муниципалитетовъ—а мы знаемъ, что эти попытки дѣлались уже не въ первый разъ—воскликнулъ: „Среди васъ есть неблагоразумные люди, которые черезчуръ торопятся. Пусть подождутъ еще восемь дней. Черезъ восемь дней опасности уже не будетъ, и дѣло будетъ стоять такъ, какъ этого желаютъ ихъ рвеніе и мужество.“ Послѣ этого напутственнаго замѣчанія, которымъ сказано было очень много, какъ объ отвратительныхъ планахъ главы

*) Декретъ объ уничтоженіи колонны, изданный 12-го апрѣля, говорилъ еще болѣе ясно, что колонну слѣдуетъ разрушить, „т. к. она является исключительно памятникомъ варварства, символомъ грубой силы и ложной славы, утвержденіемъ милитаризма, отрицаніемъ международнаго права, постояннымъ оскорбленіемъ побѣдителями побѣжденныхъ, вѣчнымъ покушеніемъ на одинъ изъ трехъ великихъ принциповъ французской революціи — на братство.“

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Исполнительной Власти, такъ и о прирожденной глупости его противниковъ правой стороны, Палата 490 голосами изъ 499 вновь выразила довѣріе тому, кто господствовалъ надъ нею своимъ неоспоримымъ превосходствомъ въ ясности предвидѣнія и въ злодѣйскихъ замыслахъ. И со стороны внѣшней уже три или четыре дня, какъ у Тьера были развязаны руки, т. к. мирный трактатъ былъ подписанъ во Франкфуртѣ, и на основаніи его побѣдитель получалъ двѣ провинціи и пять милліардовъ. Такимъ образомъ, Тьеру нечего уже было опасаться встрѣтить въ своемъ великомъ предпріятіи какую либо помѣху со стороны дипломатическихъ продѣлокъ Бисмарка, который еще 7-го мая требовалъ у него посредствомъ ультиматума отозванія версальской арміи за Лоару, съ тѣмъ чтобы прусскія войска могли дѣйствовать противъ Парижа.

Въ виду всего этого президентъ деревенщиковъ никогда еще не былъ такъ силенъ, такъ свободенъ, не имѣлъ такой полной возможности жонглировать по своему усмотрѣнію событіями и людьми. Въ этотъ моментъ онъ уже былъ увѣренъ въ своемъ успѣхѣ. Еще восемь дней, и Парижъ будетъ его; онъ свалитъ задыхающуюся революцію, на цѣлые годы раздавитъ пролетарское и соціалистическое движеніе. Какъ онъ войдетъ въ Парижъ? Хитростью или силой? Это ему было безразлично; въ теченіе этихъ дней онъ пуститъ въ ходъ всѣ пріемы и всѣ средства.

Въ его распоряженіи были соумышленники въ Парижѣ, многочисленные и дорого стоившіе, хотя и не пользовавшіеся вѣсомъ; это были бывшіе военные или лавочники, жаждавшіе придать себѣ значеніе: Домалэнъ, Шарпантье, Дюрошу, Демэ, Галвимаръ, которые добивались приказанія и получили его сгруппировать въ различныхъ округахъ людей порядка съ цѣлью изнутри помочь въ рѣшительный моментъ версальской аттакѣ; къ тому-же разряду лицъ относились и гражданскіе или военные чиновники Коммуны, въ родѣ Бараля де Монто, командовавшаго 7 легіономъ, который, благодаря поблажкѣ недальновиднаго Урбэна, игралъ весьма пагубную роль. Затѣмъ въ распоряженіи Тьера были цѣлыя дюжины шпіоновъ и полицейскихъ, которые болѣе или менѣе ловко проникали въ различныя службы съ цѣлью дезорганизовать ихъ, или-же, какъ Арансонъ или Вэйссе, о которомъ мы уже упоминали, пытались подкупить начальниковъ національной гвардіи. Тьеръ не пренебрегалъ также собирать свѣдѣнія при посредствѣ интригановъ изъ высшаго общества у такихъ союзниковъ или такихъ кондотьери, какъ Люллье, Дю Биссонъ, Ганье д'Абенъ и др. Особенно-же онъ старался подкупить тѣхъ изъ начальниковъ федералистовъ, которые командовали на укрѣпленіяхъ, расположенныхъ противъ Булонскаго лѣса, въ двухъ шагахъ отъ подземныхъ галлерей версальскихъ войскъ. Подобная-же попытка сдѣлана была и по отношенію къ Домбровскому, но оказалась неудачной. Повидимому, онъ былъ счастливѣе съ его подчиненными. У воротъ Дофинъ командовалъ нѣкій Лапортъ, по чину полковникъ, который несомнѣнно пытался два или три раза сдать ворота, которыя охранялъ. Первая попытка произошла въ ночь со 2-го на 3-е мая. Нѣсколько дивизій, собранныхъ за лѣсомъ, готовы были ринуться въ Парижъ, а самъ Тьеръ лично наблюдалъ изъ Севра; но условленныхъ сигналовъ дано не было. Вторая попытка произошла въ ночь съ 12-го на 13-е. Все было готово для штурма, но и на этотъ разъ не удалось, потому что, если Лапортъ и былъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

измѣнникомъ, то онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и глупецъ. Онъ и въ третій разъ повторитъ свою попытку, но также безуспѣшно.

Такимъ образомъ, способъ дѣйствія открытой силой все таки оказывался наилучшимъ, въ этомъ въ сущности и увѣренъ былъ генералиссимусъ Тьеръ. Вслѣдствіе этого онъ безпрерывно усиливалъ огонь, направленный на столицу. Онъ ежедневно посѣщалъ грозныя баттареи Монтрету, вооруженныя морскими орудіями, проводилъ тамъ многіе часы среди канонировъ съ подзорной трубой въ рукахъ, слѣдя за дѣйствіемъ снарядовъ, фамильярно бесѣдуя съ офицерами и солдатами и повторяя: „Въ вашихъ рукахъ ключи отъ Парижа". Разсказываютъ, что однажды флотскій лейтенантъ спросилъ его: „этотъ грохотъ долженъ утомлять васъ, г-нъ президентъ?" „Нѣтъ, отвѣтилъ тщеславный карликъ, я отдыхаю здѣсь отъ шума Собранія."

Въ Версалѣ этотъ зловѣщій старикъ подогрѣвалъ энтузіазмъ. Бывало великое веселіе—„патріотическій праздникъ"—всякій разъ, когда послѣ удачной схватки или взятія форта, возвращался какой нибудь полкъ, ведя съ собою, какъ скотъ на убой, запыленныхъ, оборванныхъ, угрюмыхъ плѣнныхъ, которыхъ Виноа или Галлифе не успѣли разстрѣлять въ пути или на мѣстѣ сраженія. Товарищъ предсѣдателя Національнаго Собранія, предсѣдатель, а и иногда и самъ „Маленькій буржуа" привѣтствовали полкъ рѣчью, и подъ звуки веселой музыки и при виватахъ сбѣгавшейся на зрѣлище раззолоченной сволочи праздновалась побѣда эксплоатирующей и владѣющей буржуазіи надъ низкой чернью, разыгрывался прологъ ожидавшейся великой гекатомбы, которая была уже не за горами.

Тьеръ обѣщалъ „черезъ восемь дней". Можетъ быть, онъ нѣсколько поторопился, обѣщавъ это. Макъ-Магонъ на основаніи результатовъ бомбардировки назначилъ послѣ совѣщанія рѣшительный штурмъ на 23-е мая. На укрѣпленіяхъ Парижа уже невозможно было держаться; федералистовъ уже не видно было на нихъ; часъ пробилъ, когда можно было отважиться штурмовать, не подвергаясь большому риску. Случай помогъ арміи войти въ Парижъ на 48 часовъ раньше назначеннаго срока и начать свою позорную бойню.

Мы уже сказали, что для федералистовъ было выше человѣческихъ силъ занимать укрѣпленія, непрерывно осыпаемыя урагапомъ снарядовъ на всемъ протяженіи отъ Вожирара до Нейльи. Батальоны, расположенные на этомъ пространствѣ, вынуждены были, чтобы укрыться отъ снарядовъ, отступить за желѣзнодорожный віадукъ окружной дороги, приблизительно на триста метровъ отъ линіи укрѣпленій.

Въ воскресенье, 21-го, около 3-хъ часовъ дня, въ тотъ моментъ, когда версальскія батареи сконцентрировали весь свой огонь на воротахъ Сенъ-Клу, почти уже обращенныхъ въ развалины, на бастіонѣ № 64 появился человѣкъ съ бѣлымъ платкомъ и закричалъ солдатамъ Порядка, засѣвшимъ на нѣкоторомъ разстояніи въ своихъ траншеяхъ: «входите, никого нѣтъ!». Этотъ человѣкъ былъ Жюль Дюкатель; онъ былъ служащимъ общественнаго управленія и предавалъ Парижъ ради забавы. Его сигналъ вскорѣ былъ замѣченъ на аванпостахъ.

На мгновеніе, говорится въ оффиціальномъ рапортѣ, возникла мысль, не слѣдуетъ ли опасаться одной изъ тѣхъ измѣнъ, отъ которыхъ уже неодно-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

кратно страдали версальцы; однако, сейчасъ-же флотскій капитанъ Тревъ, запретивъ солдатамъ слѣдовать за собою, одинъ пошелъ къ укрѣпленіямъ и убѣдился, что Дюкатель говорилъ правду. Капитанъ вернулся въ траншеи и отдалъ приказъ двигаться впередъ. Безъ всякаго сопротивленія версальцы заняли ворота Сенъ-Клу и два сосѣднихъ бастіона. Между тѣмъ, генералъ Дуэ, предупрежденный по телеграфу, явился въ свою очередь съ болѣе значительными силами, захватилъ мѣстность между укрѣпленіями и віадукомъ и послѣ довольно горячей схватки завладѣлъ воротами Отейль. Въ то-же время сильныя колонны пѣхоты, минуя віадукъ Поань дю Журъ, бѣглымъ шагомъ направились черезъ ворота Сенъ-Клу къ южнымъ воротамъ и открыли ихъ войскамъ дивизіи Сиссэ. Такимъ образомъ къ вечеру воскресенья 21-го мая въ городъ уже вошли четыре корпуса генераловъ Дуэ, Сиссэ, Ладмиро и Виноа. Версальскихъ войскъ оказалось достаточно для общаго движенія впередъ.

Федералисты, захваченные врасплохъ и обойденные, не оказали почти никакого сопротивленія. Въ предшествующіе дни много говорилось о необходимости устроить вторую передвижную линію укрѣпленій, центръ которой долженъ былъ находиться въ треугольникѣ, образуемомъ Трокадеро, Площадью Эйлау, Тріумфальной Аркой и Ваграмской Площадью. Если бы эти важныя работы были исполнены согласно этому плану, вторгнувшіяся войска были-бы, безъ сомнѣнія, остановлены и вынуждены были-бы начать новую осаду. Къ несчастью, ничего не было сдѣлано, или-же очень мало. Городъ, зіяющій и безоружный, открывался передъ капитулянтами и побѣжденными при Мецѣ и Седанѣ, которые на немъ отомстятъ за свое униженіе и за свой стыдъ!

Безъ сомнѣнія, въ этотъ прекрасный воскресный майскій день, народный и революціонный Парижъ даже и не подозрѣвалъ, что настали его послѣдніе дни. Послѣ полудня въ Тюльерійскомъ саду давался концертъ-монстръ въ пользу сиротъ и вдовъ Коммуны; на этомъ концертѣ Агаръ, артистка Французскаго Театра, и Борда, любимая пѣвица, заставили толпу плакать и растрогали слушателей. По окончаніи концерта офицеръ главнаго штаба взошелъ на эстраду и сказалъ: „Граждане! Тьеръ обѣщалъ войти вчера въ Парижъ; онъ не вошелъ и не войдетъ. На слѣдующее воскресенье я приглашаю васъ сюда-же, на нашъ большой концертъ въ пользу вдовъ и сиротъ!“. Когда наступила ночь, обычная жизнь текла на бульварахъ, театры были полны зрителей.

Въ Ратушѣ засѣдала Коммуна; она судила Клюзере; въ засѣданіи присутствовали и большинство и меньшинство. Валлесъ предсѣдательствовалъ, а Міо подробно излагалъ роль, которую игралъ обвиняемый въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Ирландіи. Въ 7 часовъ, когда явился Бильорэ, Коммуна еще ничего не знала. Онъ прервалъ оратора Верморeля, потребовалъ тайнаго засѣданія и прочелъ телеграмму, которая только что была получена въ Комитетѣ Общественнаго Спасенія: „Домбровскій—Военному Комитету и Комитету Общественнаго Спасенія. Версальцы вошли черезъ ворота Сенъ-Клу. Принимаю мѣры, чтобы отбросить ихъ. Если можете прислать подкрѣпленія, отвѣчаю за все.“—„Подкрѣпленія посланы, прибавилъ Бильорэ, Комитетъ Общественнаго Спасенія бодрствуетъ“. Этимъ все и ограничилось, и вновь возобновились пре-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нія о великихъ и малыхъ дѣлахъ Клюзере въ Соединенныхъ Штатахъ и въ Ирландіи. Въ 8 часовъ Валлесъ закрылъ засѣданіе, какъ будто-бы не случилось ничего особеннаго.

Въ сущности извѣстіе было такъ неожиданно, оно разразилось такъ внезапно, что никто ему не вѣрилъ. Къ тому-же всѣ остальныя свѣдѣнія, полученныя въ военномъ министерствѣ, противорѣчили этой телеграммѣ Домбровскаго.

Командовавшій въ секціи Поань-дю Журъ заявилъ Делеклюзу: „все по прежнему.“ Завѣдывавшій обсерваторіей на Тріумфальной Аркѣ Звѣзды утверждалъ то-же самое и, основываясь на его свидѣтельствѣ, Делеклюзъ въ 8 часовъ приказалъ расклеить болѣе чѣмъ успокоительное извѣщеніе: „Обсерваторія Тріумфальной Арки отрицаетъ вторженіе версальцевъ. По крайней мѣрѣ, она не замѣтила ничего похожаго. Комендантъ той секціи, Рено, только что бывшій у меня, утверждаетъ, что возникла лишь паника и что ворота Отейль не были взяты, что если и ворвалось нѣсколько версальцевъ, то они были отброшены. Я послалъ одиннадцать офицеровъ главнаго штаба за одиннадцатью батальонами подкрѣпленій, офицеры получили приказанія не покидать батальоны, пока не доведутъ ихъ до мѣстъ, которыя они должны занять.“ Версальцы получили благодаря всему этому хорошіе шансы въ игрѣ: въ теченіе всей ночи они захватывали все новыя позиціи и укрѣпляли ихъ за собою. Сначала были заняты Пасси и Отейль почти безъ выстрѣла. Въ улицѣ Бетховена произошло короткое столкновеніе, причемъ былъ взятъ въ плѣнъ Асси. Затѣмъ, захватывая недостроенныя баррикады, возведенныя по набережной и въ сосѣднихъ улицахъ, войска Порядка направились къ Трокадеро, которое было уже взято, когда тревога еще не успѣла распространиться въ лагерѣ федералистовъ. Національные гвардейцы позволили войскамъ Порядка проникнуть на ихъ позиціи, даже не замѣчая этого. Тоже случилось и у Тріумфальной Арки. Федералисты заняты были установкой баттареи на парапетѣ полукруглыхъ баррикадъ, они работали, не спѣша, методически, какъ люди увѣренные, что имъ не грозитъ никакая опасность. Но вдругъ мимо ихъ ушей засвистали пули; у федералистовъ хватило времени только на то, чтобы галопомъ увезти орудія черезъ Елисейскія поля. Солдаты слѣдовавшіе по ихъ пятамъ, повернули оставленныя орудія и направили ихъ на террасу Тюльери. Орудія Трокадеро тоже были переставлены и дула ихъ обращены въ томъ-же направленіи.

Съ своей стороны генералъ Сиссэ захватилъ на лѣвомъ берегу весь XV округъ и дошелъ до Монпарнасскаго вокзала. На самомъ разсвѣтѣ онъ занялъ Марсово поле, Военную школу и завладѣлъ Гренельскимъ и Альмскимъ мостами, соединившись такимъ образомъ съ войсками Виноа, которыя двигались вдоль праваго берега Сены.

За баррикадами.

Нельзя было не признать очевидность. Укрѣпленія взяты, непріятель въ стѣнахъ Парижа. Въ городъ вошло уже болѣе 50.000 войскъ и они уже успѣли захватить пятую часть столицы. Лучезарное солнце заливаетъ улицы, наполнен-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ныя возбужденной и напуганной толпой. На всѣхъ колокольняхъ бьютъ въ набатъ, барабаны бьютъ во всѣхъ кварталахъ, а пушечные выстрѣлы заглушаютъ своимъ грознымъ ревомъ всѣ эти звуки. Вновь настало время уличной борьбы. Парижанинъ привыченъ къ ней уже давно. Можетъ быть, послѣднее слово еще не сказано, несмотря на неурядицу перваго момента, неизбѣжную въ виду стремительности аттаки?

Но куда же направляются всѣ эти вооруженные національные гвардейцы, готовые и рѣшившіеся своею грудью защитить во что-бы то ни стало революцію? Конечно, на линію огня, въ кварталы захваченные и занятые врагомъ, на Ваграмскую Площадь, къ дворцу промышленности, на Монпарнасскій вокзалъ, на встрѣчу бандамъ версальцевъ? Нисколько. Всякій, торопясь порвать связь съ цѣлымъ, которую впрочемъ онъ всегда переносилъ съ нетерпѣніемъ, стремился вернуться въ свой кварталъ, въ свою улицу, на свой перекрестокъ съ цѣлью возвести тамъ баррикаду изъ камней мостовой, которая бы преграждала подступъ, не заботясь болѣе объ окружающемъ, особенно же о всемъ полѣ сраженія. Тщетно болѣе дальновидные офицеры умоляли и просили этихъ безумцевъ оставаться въ рядахъ, держаться отрядами и массой встрѣтить нападающихъ въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ они наступаютъ или грозятъ наступленіемъ. Просьбы эти были безсильны остановить всеобщее разложеніе, общее распаденіе частей.

При этомъ разложеніи лично присутствовалъ военный делегатъ Делеклюзъ. Но онъ не только присутствовалъ, онъ его санкціонировалъ, онъ приказывалъ совершать его. Делеклюзомъ провозглашено было спасеніе въ дезорганизаціи въ его извѣстномъ воззваніи, въ которомъ онъ восклицалъ: „Довольно милитаризма; не нужно болѣе никакого главнаго штаба, обшитаго по всѣмъ швамъ галунами и мишурой! Мѣсто народу! Борцамъ съ обнаженными руками! Часъ революціонной борьбы насталъ. Народъ ничего не смыслитъ въ ученыхъ маневрированіяхъ, но когда у него въ рукахъ ружье, а мостовая подъ ногами, онъ не боится стратеговъ монархической школы. Къ оружію! граждане, къ оружію!... Если вы хотите, чтобы великодушная кровь, пролитая какъ вода въ теченіе шести недѣль, не оставалась безплодной... вы встанете, какъ одинъ человѣкъ, и передъ вашимъ грознымъ сопротивленіемъ непріятель, хвастающій покорить васъ, самъ покорится подъ вліяніемъ стыда за тѣ преступленія, которыми онъ запятналъ себя въ теченіе двухъ мѣсяцевъ... Коммуна разсчитываетъ на васъ, разсчитывайте и вы на Коммуну!“

Этимъ совершена была послѣдняя и непоправимая ошибка. Делеклюзъ однимъ почеркомъ пера уничтожилъ все то, что еще сохранилось у солдатъ революціи въ смыслѣ дисциплины и взаимной связи. Онъ отмѣнялъ вмѣстѣ съ дисциплиной и всякій общій планъ дѣйствія. Этотъ якобинецъ прославлялъ и предписывалъ такъ сказать федералистическій методъ дѣйствія и именно тамъ, гдѣ его примѣненіе являлось болѣе чѣмъ вреднымъ,—гдѣ оно было убійственно. Заботы о защитѣ города предоставлены были имъ иниціативѣ, усмотрѣнію, вдохновенію группъ и отдѣльныхъ личностей. Не оставалось никакого высшаго руководства для координированія и направленія дѣйствій. Все это привело къ роковому результату, и вмѣсто систематическаго и по военному организованнаго сопротивленія, которое, внѣ всякаго сомнѣнія, на долгое время задержало бы

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

противника и несомнѣнно причинило бы ему тяжелыя потери, повсюду произошли лишь частныя и безрезультатныя стычки, въ которыхъ инсургенты маленькими группами были послѣдовательно уничтожены и раздавлены въ неравныхъ и безнадежныхъ столкновеніяхъ. Коммуна кончила также, какъ въ іюньское возстаніе,— безнадежной борьбой, тогда какъ централизованная и согласованная борьба была возможна и, кто знаетъ? неизвѣстно чѣмъ могла еще кончиться.

Коммуна, собравшись утромъ на засѣданіе, еще и съ своей стороны помогла этой нелѣпой тактикѣ, постановивъ, чтобы ея члены отправились каждый въ свой округъ для ускоренія постройки баррикадъ и для защиты кварталовъ. Этимъ она сама себя распускала, т.-е. разрушала послѣдній центръ объединенія, въ которомъ борющаяся революція могла-бы еще найти совѣтъ и поддержку. Комитетъ Общественнаго Спасенія, всѣ члены котораго, за исключеніемъ Бильорэ, бѣжавшаго ночью и уже потомъ не появлявшагося, были въ линіи огня, отдались тому-же теченію и ограничивались, какъ и Делеклюзъ, одними возгласами: „Къ оружію, на баррикады!“ никакихъ иныхъ приказаній они не давали и не руководили никакою диспозиціею силъ.

Въ теченіе этого понедѣльника версальская армія, находясь еще въ аристократическихъ западныхъ кварталахъ, встрѣтила только слабое сопротивленіе; но и черезъ нѣсколько километровъ далѣе сопротивленіе не было болѣе энергичнымъ, и мы объяснимъ причины этого. Въ настоящее время доказано, что если-бы въ этотъ день всѣ пять уже вошедшихъ въ городъ дивизій прямо двинулись впередъ, то онѣ почти безпрепятственно завладѣли-бы центромъ города, взяли-бы или обошли-бы баррикады, только еще воздвигавшіяся, и загнали-бы тотчасъ-же революцію въ ея убѣжища на Монмартрѣ, въ Бельвилѣ и въ Бютъ о Кайль. Повидимому, это и совѣтовали сдѣлать болѣе гуманные или менѣе трусливые генералы, напримѣръ Клиншанъ; но это не входило въ намѣренія Тьера. Такимъ способомъ, одержанная побѣда не была бы кровавой побѣдой, въ особенности-же она не давала бы повода къ избіенію и бойнѣ, которыя входили въ программу наконецъ-то восторжествовавшей реакціи и составляли въ сущности всю ея программу. Наоборотъ, надо было дать время коммунарамъ прійти въ себя, организовать оборону въ каждомъ кварталѣ, чтобы повсюду была борьба или кажущаяся борьба, и чтобы повсюду возможно было въ достаточной мѣрѣ пустить кровь жителю-парижанину, безразлично— сражающемуся или несражающемуся. Согласно съ этими гнусными намѣреніями Тьеръ и приказалъ, насколько это было вообще исполнимо, пріостановить движеніе впередъ, чтобы войска въ своемъ замедленномъ движеніи не продвигались далѣе первыхъ откосовъ Монмартра и Дворца Промышленности на правомъ берегу и Монпарнасскаго вокзала на лѣвомъ.

Эти 24 часа посвящены были выработкѣ окончательнаго плана дѣйствія или точнѣе—бойни. Одинъ изъ довѣренныхъ людей Тьера, сотрудникъ газеты „Temps“ Луи Езерскій такъ объясняетъ эту задержку въ движеніи арміи: „Сена описываетъ въ Парижѣ полукругъ, на обоихъ склонахъ берега расположенъ городъ въ видѣ периметра; но лѣвый берегъ значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ правый; кромѣ того склонъ лѣваго берега ниже, чѣмъ праваго... Такимъ образомъ, съ перваго взгляда наступательныя дѣйствія должны

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

были бы совершаться параллельно гребнямъ обоихъ береговъ Сены; однако, аттака лѣваго берега, встрѣтивъ меньшія препятствія и меньшій периметръ, должна была совершиться скорѣе, чтобы участвующія въ ней войска могли послужить резервомъ для главнаго наступленія на правой сторонѣ противъ самого центра сопротивленія. Что-же касается центра арміи, двигавшагося противъ ряда баррикадъ, то ему приходилось согласовать свое движеніе съ успѣшностью движеній боковыхъ крыльевъ, которыя, высылая впередъ вспомогательные отряды, отрѣзали, изолировали баррикады и заходили съ тыла всей ихъ сѣти. Такимъ образомъ, всѣ операціи взаимно поддерживали другъ друга и, отбрасывая инсуррекцію своими комбинированными и сходящимися въ одну точку движеніями, онѣ имѣли цѣлью общимъ и послѣднимъ усиліемъ подавить послѣдній очагъ сопротивленія *)".

Въ виду этого армія раздѣлена была на пять колоннъ; первая подъ начальствомъ генерала Сиссэ дѣйствовала на лѣвомъ берегу, имѣя цѣлью Пантеонъ и Итальянскую Заставу; въ центрѣ, на Сенѣ, дѣйствовали двѣ колонны подъ командой Виноа и Дуэ; на правомъ берегу—двѣ другихъ колонны подъ начальствомъ Клиншана и Ладмиро, имѣя цѣлью прежде всего Монмартръ. Каждая изъ этихъ колоннъ должна была двигаться на обоихъ берегахъ вдоль кривыхъ, образуемыхъ внѣшними бульварами, по большимъ внутреннимъ бульварамъ и по улицѣ Риволи съ ея продолженіями до предмѣстій.

Охота на парижанъ, какъ мы видимъ, организована была, какъ настоящая охота съ загонщиками въ какомъ нибудь Марли или Рамбулье. Приняты были малѣйшія предосторожности, чтобы никакая дичь не ускользнула, ни звѣрь, ни птица. Оставалось только зарегистровывать убитую дичь. Къ концу недѣли число ея уже превысило 50.000. Главный ловчій, Тьеръ, уже заранѣе наслаждался, предвкушая это ужасное улюлюканье. Въ засѣданіи Національнаго Собранія, происходившемъ въ тотъ-же день, Тьеръ, при бѣшеномъ ревѣ правой и еще болѣе отвратительныхъ аплодисментахъ лѣвой, произнесъ слѣдующую рѣчь: „Судя по тому сопротивленію, которое мы встрѣчаемъ, можно думать, что вскорѣ Парижъ возвращенъ будетъ своему верховному владыкѣ, т. е. Франціи. Мы—честные люди; правосудіе совершится, пользуясь своими обычными путями. Мы прибѣгнемъ только къ закону, но онъ будетъ примѣненъ во всей его строгости. При помощи закона необходимо поразить мерзавцевъ, которые разрушали частныя имущества и, превзойдя дикарей, разрушили національные памятники. Искупленіе будетъ полное; оно произойдетъ именемъ закона, при помощи закона и на основаніи закона."

Между тѣмъ версальская предусмотрительность произвела ожидаемое дѣйствіе. Въ понедѣльникъ днемъ и слѣдующую ночь федералисты предмѣстій вновь спустились въ центръ Парижа, направившись къ Ратушѣ, которая во время этой бури еще представлялась, какъ-бы свѣточемъ революціи. Брюнель, получивъ снова командованіе, взялъ на себя руководство защитою баррикадъ на Площади Согласія. Онъ возвелъ здѣсь три сильныхъ редута—на Тюльерійской Террасѣ, при въѣздѣ въ улицу Кенъ Флорентенъ и при въѣздѣ въ улицу

*) Louis Iezierski.—La Bataille des sept jours, стр. 14 и 15.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Рояль. На этомъ самомъ мѣстѣ онъ болѣе 50 часовъ съ непреклонной твердостью выдерживалъ приступы цѣлой арміи и оставилъ позицію только послѣ того, какъ она была уже обойдена и удерживать ее было безусловно невозможно.

За этимъ укрѣпленнымъ раіономъ, который казался неодолимымъ, возвышались другія баррикады по улицѣ Риволи, въ узкихъ переулкахъ квартала Сенъ-Жервэ, у подножія башни Сенъ-Жакъ. Надъ постройкой ихъ съ мрачной настойчивостью трудились мужчины, женщины, дѣти. Всякаго прохожаго, какого-нибудь тщеславнаго буржуа, или разряженную даму они приглашали помочь нѣсколько минутъ. „Поработайте, гражданинъ или гражданка, говорили импровизированные землекопы, за вашу вѣдь свободу мы идемъ на смерть.“ Мостовыя были взрыты и вскопаны вплоть до аристократическихъ кварталовъ, и даже на враждебной почвѣ у Оперы, у Биржи, въ Сенъ-Жерменскомъ предмѣстьѣ, гдѣ затѣмъ всюду происходили кровопролитныя столкновенія: въ улицѣ дю Бакъ, особенно на склонахъ Монмартра, на Площади Бланшъ, на Площади Пигаль, на Монмартрѣ, который, какъ это предвидится послѣ взятія Батиньоля, будетъ аттакованъ на слѣдующій же день. Сто тысячъ пролетаріевъ, работая и карауля, находились на ногахъ въ эту ночь всеобщаго ожиданія, въ которую непріятель остановился, съ разсчетомъ, конечно, но также и изъ опасенія; въ эту ночь, надежда на побѣду еще теплилась въ сердцахъ.

На разсвѣтѣ 23-го началось жестокое сраженіе. Всѣ версальскія силы введены были въ дѣйствіе.

Наканунѣ колонны Клиншана и Ладмиро произвели совмѣстныя подготовительныя движенія къ аттакѣ Монмартра, но батальоны XVII округа, руководимые Малономъ и Жакларомъ рѣшительно остановили ихъ наступленіе. Въ 4 часа утра битва возобновилась въ этой мѣстности, и послѣ пятичасовой перестрѣлки батиньольцы вынуждены были отступить. Они отступили на Монмартръ, разсчитывая собраться съ силами подъ защитой его пушекъ. Но пушки молчали и, казалось, Монмартръ уклонялся отъ битвы. Въ эту ночь многіе делегаты Коммуны явились на Монмартръ съ цѣлью вывести изъ летаргіи эту революціонную цитадель—Лефрансэ, Верморель, Жоганнаръ, Ла Цециліа и Клюзере, но Клюзере исчезъ. Начальствованіе взялъ на себя Ла Цециліа, но онъ могъ располагать всего лишь 200—300 человѣкъ. Монмартрцы, преданные Коммунѣ, сражались внизу, около Ратуши, остальные, которыхъ, надо сознаться, было большинство, вслѣдствіе утомленія и упадка энергіи вернулись въ свои дома. Начальникъ XVIII легіона Мильеръ *), оказался неспособнымъ человѣкомъ, лишеннымъ всякой энергіи. Но самымъ худшимъ было то, что грозная артиллерія, поставленная на вершинѣ, продолжала молчать. Среди артиллеристовъ были предатели, и это продолжалось уже многія недѣли —это несомнѣнно; большинство орудій оказалось испорченными.

Такимъ образомъ, для версальцевъ путь былъ свободенъ, или вскорѣ оказался свободнымъ. Въ 9 часовъ Клиншанъ захватилъ баррикаду на Пло-

*) Этотъ Мильеръ не имѣлъ ничего общаго кромѣ фамиліи съ Мильеромъ, который три дня спустя былъ разстрѣлянъ у Пантеона.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

щади Клиши и его солдаты взошли съ западной стороны вверхъ по склонамъ къ вершинѣ, тогда какъ войска бригады Монтодона, которыхъ пруссаки пропустили черезъ нейтральную зону, направились туда-же съ сѣвера. Къ двумъ часамъ все было кончено; трехцвѣтное знамя развѣвалось на Мулень де ла Галетъ; мэрія XVIII округа была также взята. Революціонная цитадель, на которую разсчитывалъ весь Парижъ, сдалась почти безъ боя. Битва шла лишь ниже, за Монмартромъ и въ окрестностяхъ. На Бульварѣ Орнано федералисты оспаривали позицію шагъ за шагомъ. На Авеню Трюдэнъ регулярныя войска тоже долгое время сдерживались кучкой храбрыхъ людей. На улицѣ Мирра равнымъ образомъ происходили кровавыя стычки, во время которыхъ Домбровскій, находясь рядомъ съ Верморелемъ, былъ смертельно раненъ пулей въ пахъ. На Площади Бланшъ батальонъ женщинъ подъ командой героической Луизы Мишель и русской Дмитріевой, уже наканунѣ сражавшійся въ Батиньолѣ, обнаружилъ чудеса храбрости. Когда позицію уже невозможно было удерживать, батальонъ отбѣжалъ на нѣсколько сотенъ метровъ далѣе, на Площадь Пигаль, гдѣ вновь боролся съ непріятелемъ; и такъ, отступая съ одной баррикады, чтобы возобновить эту жестокую борьбу на слѣдующей, батальонъ этотъ сражался до послѣдняго дня.

Какъ бы тамъ ни было, но взятіемъ Монмартра революціи нанесенъ былъ роковой ударъ. Владѣя самой высокой позиціей Парижа, версальцы могли громить своей артиллеріей высоты Шомона и Перъ-Лашезъ, а моральное впечатлѣніе отъ этой потери было еще значительнѣе. Съ этого момента реакція могла считать себя побѣдительницей. Объ этомъ и извѣстилъ Тьеръ провинцію торжествующей телеграммой.

За побѣдой должны были слѣдовать избіенія. Конечно, уже наканунѣ убивали въ Батиньолѣ и на лѣвомъ берегу и безпощадно разстрѣливали за взятыми баррикадами всѣхъ еще оставшихся въ живыхъ, на тротуарахъ тоже избивались, на авось, безобидные прохожіе; бойня, однако, не приняла еще въ этотъ день систематическаго характера, который указывалъ-бы на общій планъ, на руководящую волю. Войска, сопровождаемыя и направляемыя полиціей, не обыскивали еще домъ за домомъ завоеванныхъ кварталовъ, не очищали ихъ съ подваловъ до чердаковъ и не ставили къ стѣнѣ всѣхъ живущихъ, потому только, что въ одной изъ комнатъ найдены были штаны, куртка національнаго гвардейца, или пара башмаковъ. Когда палъ Монмартръ, бойня систематизировалась такъ, что ни одинъ парижанинъ - пролетарій не избѣжалъ ея, а „волчицы“ и „волчата“, т. е. жены и дѣти, избивались вмѣстѣ съ „волками“. Первая бойня устроена была поутру въ Паркѣ Монсо, вторая—въ домѣ подъ № 6 улицы Розье, въ томъ самомъ палисадникѣ, гдѣ два мѣсяца тому назадъ толпой разстрѣляны были генералы Леконтъ и Клеманъ Тома.

„Когда явилась армія, разсказываетъ Камиль Пельтанъ, который менѣе всего былъ коммунаромъ, она какъ-бы вообразила, въ силу неизвѣстно какого секрета реакціи, что самая улица преступна и что каждый изъ ея жителей забрызганъ кровью Клемана Тома и Леконта. Разстрѣливали безъ пощады и массами. Затѣмъ расположились въ № 6; тѣнямъ обоихъ генераловъ принесены

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

были ужасныя жертвы, и садъ былъ свидѣтелемъ сценъ пытокъ и смерти, ухищренія которыхъ были вполнѣ достойны варварской суевѣрной изобрѣтательности XI вѣка. Плѣнныхъ сводили сюда со всѣхъ концовъ: но кто-же были эти плѣнные? Это были всѣ тѣ, которыхъ подозрѣнія или доносы отдавали въ руки озвѣрѣвшихъ войскъ, всѣ, арестованные за какую нибудь куртку, штаны, пару башмаковъ, всѣ жители тѣхъ домовъ, которые очищались съ подвала до чердака, всѣ, которые изъ за слѣпого гнѣва какого-нибудь унтера схвачены были за косой взглядъ; всѣ, на которыхъ личная месть сосѣда указала, какъ на преступника, въ такой моментъ, когда достигали своей цѣли всевозможные доносы. Плѣнные набиты были въ этомъ саду, и тутъ они должны были просить о прощеніи за преступленіе, котораго не совершали. Просить прощенія, но у кого-же? У стѣнъ, у штукатурки, у сломанныхъ деревьевъ, у выбоинъ отъ пуль!

„...Плѣнный, простершись на землѣ, долженъ былъ лежать лицомъ въ пыли, и не одно мгновеніе, а цѣлыми часами, цѣлый день. Два ряда несчастныхъ, среди которыхъ были старики, дѣти и женщины, подвергнуты были этому мученію въ видѣ публичнаго покаянія передъ штукатуркой. Щебень рѣзалъ ихъ колѣни, пыль набивалась въ ихъ рты и глаза, ихъ напряженные члены нѣмѣли нестерпимая жажда сжигала ихъ пересохшій ротъ и пустой желудокъ, майское жгучее солнце обжигало ихъ обнаженные затылки, а если кто-либо изъ нихъ плохо лежалъ, если приподымалась голова, если отекшее колѣно пробовало выправиться, то удары прикладами принуждали мятежника вновь принять приказанное положеніе. Когда наказаніе оканчивалось, то нѣкоторая часть этихъ несчастныхъ отдѣлялась и ихъ отводили на пригорокъ, гдѣ и разстрѣливали. Остальныхъ отправляли въ Сатори.“

Съ нѣкоторыми варіантами эти наказанія и убійства повторялись въ теченіе этого утра и этого дня во всемъ завоеванномъ Парижѣ. Арестованный или просто попавшій въ руки солдатъ человѣкъ—могъ считать себя человѣкомъ конченнымъ. Какъ ищейки, солдаты охотились и выслѣживали побѣжденныхъ, они вырывали ихъ изъ ихъ жилищъ, изъ объятій женъ и дѣтей, волочили на дворъ на улицу, ставили къ ближайшей стѣнѣ, такъ какъ времени было мало и требовалось исполнять службу, и разстрѣливали ихъ на глазахъ ихъ семей. И это совершалось, когда еще не прошло и двухъ сутокъ послѣ вступленія въ городъ войскъ Тьера. Конечно, мы увидимъ еще и большіе ужасы; бойня станетъ болѣе грандіозной и ужасной, когда она распространится на всю задавленную столицу. Если мы уже теперь привели эту страницу потрясающей картины общаго положенія, написанную Пельтаномъ, то, конечно, потому что она въ нѣсколькихъ живыхъ штрихахъ воспроизводитъ одинъ изъ худшихъ ужасовъ, которые освѣщались этимъ майскимъ солнцемъ; а въ особенности еще и потому, что она доказываетъ, что съ первыхъ-же своихъ шаговъ версальская армія, когда еще ни одна экзекуція со стороны Коммуны, ни одинъ пожаръ не подавали ей никакого повода, и притомъ въ кварталахъ, которые почти что не оказали никакого сопротивленія, что эта армія начала уничтожать парижское населеніе. Очевидно, она руководилась высшимъ приказомъ и являлась лишь пассивнымъ орудіемъ жестокаго плана.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Тотъ, кто знакомъ съ фактами, какъ мы знакомы съ ними въ настоящее время, кто констатировалъ эту холодную жестокость солдата, эту жажду убійства, тотъ можетъ лишь съ грустной усмѣшкой читать тѣ воззванія Комитета Общественнаго Спасенія и Центральнаго Комитета, которыя расклеены были въ этотъ-же день.

„Солдаты версальской арміи, писалъ Комитетъ Общественнаго Спасенія, парижскій народъ никогда не повѣритъ, чтобы вы могли обратить противъ него ваше оружіе, когда его грудь встрѣтится съ вашей; ваши руки отступятъ передъ актомъ, который былъ-бы истиннымъ братоубійствомъ. Какъ и мы, вы тоже пролетаріи; какъ и у насъ, у васъ тотъ-же интересъ: не давать больше заговорщикамъ монархистамъ пить вашу кровь также, какъ они уже высасываютъ ваши труды. То, что вы сдѣлали 18-го марта, вы сдѣлаете и теперь... Придите къ намъ, братья, придите,—наши объятія открыты вамъ“.

А Центральный Комитетъ писалъ: „Мы отцы семействъ... Вы также когда нибудь будете ими. Если вы сегодня будете стрѣлять въ народъ, ваши сыновья проклянутъ васъ, какъ мы проклинаемъ солдатъ, которые растерзали дѣтей народа въ іюнѣ 1848 и въ декабрѣ 1851 г. Два мѣсяца тому назадъ 18-го марта, ваши братья побратались съ народомъ; возьмите съ нихъ примѣръ! Когда отданный приказъ позоренъ, непослушаніе является долгомъ“.

Упорная иллюзія, которая разсѣется только тогда, когда самъ человѣкъ очутится въ присутствіи ненавистной дѣйствительности и увидитъ, въ какихъ безпощадныхъ звѣрей дисциплина и казарма превращаютъ дѣтей народа, одѣтыхъ въ военные мундиры.

Мартовскіе дни, увы! уже миновали. Изъ арміи, братавшейся съ возстаніемъ, Тьеръ сдѣлалъ новую армію или, вѣрнѣе, превратилъ ее въ старую традиціонную армію, у которой нѣтъ ни сознанія, ни сердца, которая является только послушнымъ и гибкимъ орудіемъ въ рукахъ начальствующихъ лицъ и власти. Отчаяннымъ воззваніямъ Коммуны не поколебать и не удержать этой арміи. Слѣпая и глухая ко всему, она не читаетъ и ничего не слышитъ. Задушивъ уже въ этотъ моментъ Батиньоль, Монмартръ и Гренель, она послѣдовательно захватитъ затѣмъ въ свои смертельныя объятія всѣ рабочіе кварталы столицы и исполнитъ до конца злобный приказъ объ ихъ уничтоженіи.

Безъ содроганія невозможно слѣдить въ это время за этимъ громаднымъ спрутомъ, какъ онъ медленно, но вѣрно ползетъ впередъ по всему фронту и, безпрерывно забирая все далѣе своими щупальцами, подвигается къ центру города. На правомъ флангѣ паденіе Монмартра отдало въ руки арміи многочисленные пути, которые ведутъ къ Оперѣ и къ Мадленѣ; Дуэ завладѣлъ храмомъ Троицы. На лѣвомъ флангѣ армія въ 5 часовъ дня взяла Монпарнасскій Вокзалъ, открывъ себѣ этимъ путь къ Пантеону. Она оттѣснила федералистовъ и съ большой баррикады на Орлеанскомъ Шоссе, опиравшейся на вокзалъ окружной желѣзной дороги и на церковь Св. Петра, и открыла себѣ этимъ путь для движенія на слѣдующій день къ Butte aux Cailles.

Правда, въ центрѣ армія встрѣтила болѣе упорное сопротивленіе со стороны Брюнеля, который энергично сопротивлялся на Площади Согласія, несмотря на огонь шестидесяти орудій, громившихъ его редуты

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

съ Набережной Орсэй, съ Марсова Поля и съ Арки; такое-же энергичное сопротивленіе оказалъ и Варленъ, храбрецъ изъ храбрецовъ, воодушевлявшій своей непоколебимой вѣрой сражавшихся въ VI округѣ на баррикадахъ перекрестка улицъ Кроа-Ружъ, Реннъ и Вавенъ. Но и здѣсь конечный результатъ былъ внѣ сомнѣнія. Брюнель и Варленъ, угрожаемые съ фланговъ, чтобы не быть обойденными, вынуждены были очистить свои позиціи въ теченіе ночи—и на другой день, тамъ гдѣ еще съ вечера развѣвалось красное знамя, взвивалось трехцвѣтное. Въ рукахъ убійцъ была уже цѣлая половина Парижа.

Въ Ратушѣ собралось все, что еще оставалось отъ Коммуны и уже рѣшено было перебраться въ мэрію XI округа. Телѣги и омнибусы, нагруженные военными запасами, начали перевозку. Непріятель находился уже не дальше, какъ на два или на три ружейныхъ выстрѣла. Завтра утромъ онъ, можетъ быть, появится и здѣсь. Послѣ того, какъ по приказанію военной делегаціи, но вопреки совѣтамъ Брюнеля, разсчитывавшаго держаться еще долѣе, были очищены баррикады Тюльери, ничто уже серіозно не могло задержать наступленія нападающихъ, ничто, кромѣ пожаровъ, охватившихъ всю эту часть города, находившуюся между обѣими арміями. Пожаръ министерства финансовъ, начавшійся наканунѣ, еще продолжался. Горѣло также вдоль всего берега Сены; гигантскіе языки пламени вздымались къ черному небу и снопы искръ разносились повсюду; горѣли Тюльери, Почетный Легіонъ, Государственный Совѣтъ, Государственный Контроль. Ослѣпительный свѣтъ отъ этого пожарища отсвѣчивалъ въ рѣкѣ, казавшейся огненной. Улицы Рояль, Бакъ, Лилль, Кроа Ружъ тоже представляли изъ себя очаги пламени. Взрывы слѣдовали за взрывами, наполняя воздухъ грохотомъ. Зрѣлище было фантастичное, грандіозное по красотѣ и ужасу. Казалось, что весь городъ хочетъ, по примѣру Москвы, скорѣе превратиться въ огонь и пепелъ, чѣмъ сдаться побѣдителю.

Кто зажегъ эти пожары? Тьеръ и реакція впослѣдствіи создали изъ нихъ одно изъ наиболѣе тяжкихъ обвиненій противъ коммунаровъ, противъ этихъ варваровъ, которые не оставляли въ покоѣ даже камней и думали уничтожить вмѣстѣ съ собою и славные памятники прошлаго. Но какъ возможно было опредѣлить, при непрерывномъ перекрестномъ огнѣ съ обѣихъ сторонъ, какой снарядъ принесъ съ собою разрушительную искру, версальская граната или парижское ядро? И развѣ для бывшихъ ранѣе у власти бонапартистовъ и даже для республиканцевъ не выгодно было уничтожить до тла, со всѣми документами, зданія Министерства Финансовъ, Контроль, Государственный Совѣтъ, гдѣ находились свидѣтельства ихъ позора, ихъ продажности и хищеній? Впрочемъ за одинъ изъ этихъ пожаровъ Коммуна съ гордостью приняла на себя отвѣтственность, именно за сожженное по ея приказу Тюльери съ цѣлью уничтожить до тла зданіе, въ которомъ въ теченіе 18 лѣтъ находила пріютъ имперія съ ея сатурналіями; но кто скажетъ, что въ настоящее время недостаетъ этого зданія для украшенія Парижа? Что-же касается поджоговъ частныхъ домовъ, то, какъ мы знаемъ, они совершались въ стратегическихъ цѣляхъ, чтобы или прекратить или задержать движеніе непріятеля, или-же, чтобы охранить защитниковъ баррикадъ отъ обходнаго движенія. Это обычный

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

классическій пріемъ всякой войны, а между парижанами и версальцами велась настоящая война.

Въ этотъ-же вечеръ произошла и первая экзекуція заложниковъ. Рауль Риго явился въ тюрьму Сенъ-Пелажи и потребовалъ выдачи Шодэй, который 22 января разстрѣливалъ народъ на площади Ратуши, и трехъ другихъ заключенныхъ жандармовъ. Эти четыре человѣка были разстрѣляны; Шодэй умеръ очень мужественно.

Сраженіе продолжалось всю ночь, хотя и не такъ энергично.

Съ разсвѣтомъ оно приняло бѣшеный характеръ. Цѣлью версальскихъ силъ являлась Ратуша, которая уже была окружена съ трехъ сторонъ. Съ лѣвой стороны корпусъ Сиссе, взявъ баррикады Понъ-Нефъ, дошелъ до набережной Нотръ-Дамъ; справа корпусъ Дуэ велъ наступленіе на баррикады у св. Евстафія; въ центрѣ, колонна подъ командой Виноа поднялась по улицѣ Риволи и уже прошла Лувръ. Каждую минуту Ратуша и всѣ централизованныя въ ней управленія могли быть взяты; поэтому отданъ былъ приказъ о перемѣщеніи, несмотря на протестъ Делеклюза противъ этого отступленія. Коммуна перешла въ мэрію XI округа. Какъ только зданіе Ратуши было очищено, оно тотчасъ-же загорѣлось. Пламя поднялось со всѣхъ сторонъ и охватило все зданіе. Поджогъ его былъ лично сдѣланъ комендантомъ Пинди. Было 10 часовъ утра, но версальцы, благодаря ряду баррикадъ, которыя перерѣзали кварталъ я всѣ оказали отчаянное сопротивленіе, могли добраться до разрушенной Ратуши только къ утру слѣдующаго дня.

Занятіе Ратуши и центральныхъ кварталовъ положили предѣлъ дѣтскимъ и наивнымъ переговорамъ, которые велъ въ это время Центральный Комитетъ съ Лигою для Защиты Правъ Парижа съ цѣлью предложить Версалю соглашеніе. Центральный Комитетъ простодушно предлагалъ Національному Собранію, чтобы оно сложило свои полномочія, Коммуна должна была сдѣлать то-же самое, вновь избранныя, съ иголочки такъ сказать, Собранія должны были приступить послѣ этого къ общему умиротворенію. Эти безумные проекты попали даже въ печать и соотвѣтствующіе плакаты были расклеены по городу.

Коммуна, по крайней мѣрѣ, не раздѣляла этихъ безумствъ. Она сдѣлала, правда, ошибку, разсѣявъ и раздробивъ оборону вмѣсто того, чтобы сконцентрировать ее подъ своимъ руководствомъ, но она всетаки не настолько потеряла голову, чтобы мечтать о томъ, что торжествующая реакція добровольно позволитъ лишить себя добычи. Коммуна отдавала себѣ ясный отчетъ въ обстоятельствахъ и фактическомъ положеніи дѣла, она знала, что врагъ будетъ безпощаденъ и что, слѣдовательно, парижанамъ не остается ничего другого, какъ бороться за свою жизнь, продать ее подороже и устроить уже осужденной съ этого момента революціи достойныя ея похороны.

Дѣйствительно, всякая надежда была уже потеряна. Съ каждымъ часомъ новый кварталъ захватывался нападавшими. На лѣвомъ берегу палъ Пантеонъ, послѣ взятія баррикадъ въ улицахъ Суфло и Гей-Люссакъ, отважно защищавшихся кучкою инсургентовъ, которые всѣ были перебиты на мѣстѣ. На правомъ берегу мы уже говорили о наступательномъ движеніи арміи Порядка въ теченіе утра; взяты были Вандомская Площадь, Тюльери, Площадь Согласія, Лувръ, Биржа,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Банкъ, Пале-Рояль, Рынокъ—они были „освобождены", выражаясь языкомъ Тьера. Къ концу дня на лѣвомъ берегу у федералистовъ оставался только клочекъ—XIII округъ, и часть праваго берега между Сеной, Бульварами Севастопольскимъ и Страсбургскимъ, линіей Восточной желѣзной дороги и укрѣпленіями. Солдаты революціи отброшены были изъ всѣхъ буржуазныхъ и богатыхъ кварталовъ и были загнаны въ ихъ собственные кварталы: здѣсь они будутъ защищаться съ мрачной энергіей.

Въ XIII округѣ Дюваля, пролетарскія когорты котораго пролили уже столько крови за общее дѣло въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, нѣсколько тысячъ коммунаровъ сплотились на Butte aux Cailles. Командовалъ ими Врублевскій. Польскій эмигрантъ, соединившій въ себѣ военныя знанія съ холоднымъ мужествомъ, укрѣпилъ артилеріей гребень своей позиціи, и на флангахъ ея расположилъ своихъ стрѣлковъ. Сообщенія съ правымъ берегомъ онъ обезпечилъ сильными баррикадами на Площади Жанъ Даркъ и у Аустерлицкаго Моста; командованіе ими поручено было надежнымъ лицамъ. Въ этотъ вечеръ среды Врублевскій былъ аттакованъ цѣлымъ армейскимъ корпусомъ. Онъ отбилъ четыре аттаки. Федералисты, мужественно перейдя въ наступленіе, спустились даже до Бьевра, и Врублевскій сохранилъ свои позиціи въ теченіе всей ночи. Если бы повсюду имѣлись такіе-же начальники, уличная борьба продолжалась-бы не недѣлю, а мѣсяцъ.

На правомъ берегу на слѣдующій день ожидалась аттака Шато До и Бастиліи. Въ виду этого спѣшно укрѣплялись подступы къ этимъ важнымъ стратегическимъ позиціямъ, по сосѣдству съ которыми выходятъ главные пути, ведущіе въ самое сердце рабочихъ кварталовъ X, XI, XIX, и XX округовъ, также и въ ту мэрію XI округа, которая служила въ этотъ моментъ убѣжищемъ для всего, что еще оставалось отъ Коммуны и ея службъ.

Къ этому-то центру, къ этой мэріи и приливали ежеминутно остатки батальоновъ, отбрасываемые версальцами со всѣхъ пунктовъ. Съ извѣстіями объ общемъ пораженіи они приносили съ собою также и свѣдѣнія о военныхъ расправахъ, которыя заливали въ этотъ часъ кровью всѣ кварталы, „освобожденные" войсками порядка. Они разсказывали другъ другу объ ужасахъ и звѣрствахъ, которымъ нѣтъ имени и которымъ они были личными свидѣтелями, спасшимися какимъ-то чудомъ. И вотъ среди побѣжденныхъ вырастаетъ и разражается чувство бѣшенства, они отступаютъ съ однѣхъ баррикадъ только для того, чтобы вновь занять слѣдующія. Ихъ мужество воспламеняется и становится жестокимъ. Они сознаютъ, что все кончено, что они осуждены, что одна изъ пуль, безпрерывно свистящихъ у ихъ ушей, что одна изъ гранатъ, разрывающихся надъ ихъ головами, принесетъ имъ вѣчный покой. Они знаютъ, что врагъ безпощаденъ, что у него не будетъ ни милости, ни пощады, что онъ избиваетъ раненыхъ, разстрѣливаетъ плѣнныхъ, убиваетъ жену и ребенка рядомъ съ мужемъ. Въ этихъ ужасныхъ обстоятельствахъ федералисты не дрожатъ и не отступаютъ, но желаютъ, по крайней мѣрѣ, передъ гибелью воздать ударъ за ударъ, отомстить передъ тѣмъ, какъ самимъ сойти со сцены.

Изъ этой возбужденной среды отдѣляется взводъ; онъ подъ командой Жентона, стараго инсургента съ сѣдой бородой, видѣвшаго іюньскіе дни

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

1848 г. и затѣмъ конспирировавшаго противъ всемогущей Имперіи. Этотъ взводъ направляется въ Ла Рокетъ съ цѣлью разстрѣлять нѣкоторыхъ изъ заложниковъ, переведенныхъ туда наканунѣ. Жентонъ спрашиваетъ: „Кто хочетъ идти?".—„Я, отвѣтилъ одинъ, я хочу отомстить за брата". „Я, сказалъ второй, я отомщу за отца". Третій: „Я тоже имѣю право, они разстрѣляли мою жену". Вызвалось такимъ образомъ сто человѣкъ; Жентонъ взялъ изъ нихъ тридцать, и они отправились. Смотритель тюрьмы отказался выдать заключенныхъ, не получивъ письменнаго приказа. Жентонъ вернулся въ XI мэрію, нашелъ тамъ Ферре и возвратился съ приказомъ. Въ спискѣ значились: архіепископъ Дарбоа, предсѣдатель Бонжанъ, кюре Мадлены — Дегерри, отцы іезуиты—Алларъ, Клеркъ, Дюкудрэ. Ихъ вывели изъ камеръ и на дворѣ для прогулокъ заключенныхъ поставили къ стѣнѣ. Сикаръ скомандовалъ „пли!", и пять человѣкъ тотчасъ-же упали, на ногахъ остался одинъ только архіепископъ. Онъ упалъ послѣ второго залпа.

Отвратительная усмѣшка, вѣроятно, искривила тонкія губы Тьера, когда онъ узналъ объ этомъ фактѣ. Наконецъ-то, революція давала ему эти такъ долго ожидаемые трупы, увѣнчанные мученическими вѣнками. Теперь онъ ими воспользуется. Онъ будетъ кричать—и цѣлыми недѣлями, а вслѣдъ за нимъ будетъ повторять это и лицемѣрная буржуазія, что если въ Парижѣ льютъ кровь и давятъ, если въ Сатори казнятъ и разстрѣливаютъ изъ пушекъ, то дѣлается это съ цѣлью отомстить за эти святыя, благородныя жертвы. Низкопробная шутка! Армія Порядка избивала уже въ теченіе трехъ дней. Если-бы не было этой экзекуціи, а также и послѣдующей въ улицѣ Гаксо, армія избила-бы столько-же народа. Для правящаго класса нужно было получить головы по своему собственному счету; ему нужны были головы всѣхъ революціонеровъ и всѣхъ соціалистовъ, которые на мгновеніе подвергли опасности его классовыя привилегіи.

Никто не станетъ отрицать, что въ тотъ моментъ, когда пали эти шесть духовныхъ или свѣтскихъ представителей реакціи, которыхъ къ тому-же самъ Тьеръ обрекъ на смерть, отказавшись обмѣнить ихъ на Бланки, что въ этотъ моментъ уже тысячи парижскихъ рабочихъ покрывали землю своими застывшими тѣлами. Кромѣ того дѣйствовала уже не одна армія. Ее возбуждали и ей помогали всѣ родственные Дарбоа и Бонжану элементы, всѣ буржуа, находившіеся до этого въ бѣгахъ въ Версалѣ или притаившіеся въ своихъ погребахъ, пока управляла Коммуна, а теперь вновь вынырнувшіе на поверхность при видѣ трехцвѣтнаго знамени; они изображали собою какихъ-то шакаловъ и гіенъ, съ воемъ слѣдующихъ за крупными хищными животными во время ихъ охоты. Происходила истинно безпощадная война, классовая битва, перипетіи которой развертывались на улицахъ и на бульварахъ. Раззолоченная и посеребренная каналья въ своей ничѣмъ не сдерживаемой теперь ненависти проклинала пролетарскую и соціалистическую Коммуну въ ея агоніи и тѣмъ сильнѣе она отдавалась этому чувству, чѣмъ сдержаннѣе она могла проявлять его въ дни торжества и мощи Коммуны.

Кто-же утверждаетъ это? Писатели коммунары, историки, симпатизирующіе задавленной Коммунѣ? Да, но также и тѣ, которые, изо дня въ день

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

описывая событія, не имѣли иной цѣли, кромѣ прославленія реакціи и ея арміи. Вотъ, напримѣръ, свидѣтельство объ ужасахъ, отмѣтившихъ эту среду, данное, ничто-же сумняшеся, версальскимъ публицистомъ Езерскимъ, редакторомъ газеты Temps и другомъ Тьера:

„Несмотря на падающіе снаряды, толпа направилась на площадь Французскаго Театра; надъ Тюльери взвивались густые клубы дыма, своды уже рушились; изъ оконъ помѣщенія бывшаго министерства вылетали тяжелые и маслянистые языки пламени; несомнѣнно, это было пламя петролеума... Тогда толпою овладѣла ярость; до этихъ поръ она испытывала скорѣе чувство счастливаго освобожденія; но это чувство радости прошло и замѣнилось чувствомъ непримиримой мести и жаждой репрессій... Эти пожары заволокли небо тучами чернаго дыма, а въ сердцахъ они зажгли иной, не менѣе яростный пожаръ. „Разстрѣляйте плѣнныхъ! Никого не щадить! Смерть петролейщикамъ!“ кричали обезумѣвшія группы солдатамъ... Тогда то и организовалась охота на подозрительныхъ, на мущинъ и женщинъ; арестуютъ и разстрѣливаютъ на мѣстѣ; толпа апплодируетъ. Въ домахъ консьержи и лавочники старательно закрывали всѣ выходы, даже люки въ погребахъ и окна въ подвальныхъ помѣщеніяхъ.

„Новые пожары, безпрерывно вспыхивавшіе вплоть до субботы, вмѣстѣ съ разстрѣломъ заложниковъ въ тюрьмахъ, даютъ новую пищу и до крайности усиливаютъ эту безпорядочную и дикую расправу. Чѣмъ больше, и особенно ночами, съ Бютъ-Шомонъ и съ Перъ-Лашеза посылалось снарядовъ съ петролеумомъ въ кварталы центра, тѣмъ все болѣе умножались и усиливались эти экзекуціи по требованію общественнаго мнѣнія, на перекресткахъ улицъ и на набережныхъ. У тѣхъ, которые были невольными свидѣтелями, какъ эти несчастные съ помутившимися глазами и сведенными судорогой лицами падали подъ пулями, это воспоминаніе останется навсегда ужаснымъ кошмаромъ“ *).

Доказательство на лицо. Не будемъ распространяться. Нужны были бы страницы и страницы, чтобы описать всѣ преступленія, въ изобиліи совершенныя арміей и буржуазіей, которыя обѣ впали въ бѣшенство и взаимно помогали одна другой въ эти ужасные дни.

Настала снова ночь со всѣми ея ужасами. Для послѣдней схватки, ненадолго прерванной наступившей тьмой, оба противника оттачивали оружіе. Ружейная пальба прекратилась, но кононада все продолжалась, и казалась еще болѣе зловѣщей и звучной при наступившемъ общемъ затишьѣ. Съ высотъ Бютъ-Шомонъ, съ Перъ-Лашеза и съ Бисетра, съ Пантеона, Трокадеро и съ Монмартра канониры—федералисты и версальцы обмѣнивались адскимъ огнемъ, осыпавшимъ городъ желѣзнымъ дождемъ. Новые начавшіеся пожары своимъ краснымъ заревомъ озаряли глубину небесъ. Наряду съ Тюльери, Контролемъ, Почетнымъ Легіономъ, все продолжавшими еще пылать, загорѣлись Ратуша, Пале-Рояль, Лирическій Театръ, Церковь Св. Евстафія, Ворота Сенъ-Мартенъ, Префектура полиціи, Дворецъ юстиціи и выбрасывали къ небу, какъ вулканы при изверженіи, багряные языки пламени.

---

*) L. Iezierski. La Bataille de sept jours, стр. 55—57—53.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

По мѣткому выраженію Лиссагарэ, свидѣтеля всего происходившаго, „Парижъ казался, какъ-бы скручивающимся въ громадную спираль пламени и дыма.“

Съ 6 часовъ утра версальцы возобновили наступленіе по всей линіи. На сѣверѣ федералисты сами очистили въ теченіе ночи большую часть X округа и отступили подъ командой Брюнеля на Площадь Шато-До. Въ центрѣ Ратуша была обойдена вслѣдствіе занятія Вогезской Площади и Сенъ-Антоанской улицы, и вся эта мѣстность была захвачена. Благодаря этому аттака угрожала непосредственно Площади Бастиліи. На лѣвомъ берегу Сены Сиссэ получилъ сильныя подкрѣпленія. Онъ въ пятый разъ аттаковалъ двумя бригадами, поддержанными сильной артиллеріей, Бютъ о Кайль и, наконецъ, взялъ эту позицію. Врублевскій отбивалъ всѣ аттаки въ теченіе 36 часовъ. Совершивъ удачное отступленіе, онъ перешелъ Сену по Аустерлицкому мосту съ тысячью храбрецовъ XIII округа, увозя съ собою часть своихъ пушекъ. Всѣ остальные федералисты остались на лѣвомъ берегу и были убиты на мѣстѣ, защищая баррикады. Сиссэ, завладѣвъ всѣмъ лѣвымъ берегомъ, а также и фортами Бисетромъ и Иври, гарнизоны которыхъ, чтобы не быть отрѣзанными, пробились въ Гобелены, двигался шагъ за шагомъ за отступавшими побѣжденными героями и наткнулся при этомъ наступленіи на сильныя позиціи Аустерлицкаго Моста, на которыя съ другой стороны наступали войска Виноа. Обоимъ генераламъ удалось взять Мостъ только послѣ битвы, продолжавшейся нѣсколько часовъ и цѣною значительныхъ потерь. Къ концу дня они подошли къ укрѣпленіямъ Площади Бастиліи.

На площади Шато-До аттака уже началась. Баррикады возведены были при выѣздахъ всѣхъ семи широкихъ улицъ, выходящихъ на эту обширную площадь, и битва приняла здѣсь чисто эпическій характеръ. Сюда сошлись, въ поискахъ защищеннаго пункта, самые горячіе и рѣшительные защитники революціи и они искали скорѣе не защиты, а новаго поля битвы, послѣдняго, безъ сомнѣнія. Рѣшившись отдать свою жизнь, они сплотились вокругъ Коммуны, вокругъ того, что оставалось еще отъ нея и что засѣдало въ мэріи X-го округа, среди всего этого грохота, среди предсмертнаго хрипѣнія умирающихъ, стоновъ раненыхъ, свиста пуль и рева кононады. Делеклюзъ, удрученный годами и болѣзнью, потерявъ голосъ и держась на ногахъ только силою воли, продолжалъ исполнять свою обязанность военнаго делегата. Рядомъ съ нимъ находился Журдъ, положивъ руку на шкатулку, въ которой находились послѣдніе 500.000 франковъ, которые онъ заставилъ Французскій Банкъ выдать въ среду; онъ провѣрялъ длинные ряды списковъ и выдавалъ жалованье, углубившись въ свое дѣло и спокойный, какъ будто-бы онъ до сихъ поръ еще находился въ министерствѣ финансовъ. Въ сосѣдней комнатѣ Ферре невозмутимо допрашивалъ шпіоновъ и измѣнниковъ, которыхъ безпрерывно приводили къ нему. Гамбонъ и Арно, члены Комитета Общественнаго Спасенія, находились тутъ-же. Ранвье командовалъ на Бютъ-Шомонъ. Только одинъ Бильорэ исчезъ съ самого вечера воскресенья. Ни его, ни Феликса Піа, его соперника по свирѣпости въ тѣ времена, когда версальцы находились еще по ту сторону валовъ, никто уже больше не видѣлъ. Какъ тотъ, такъ и другой сидѣли въ это время, спрятавшись въ укромныхъ мѣстахъ. Но надо громко заявить въ честь избранниковъ 26-го марта, что этому печальному примѣру никто изъ нихъ не послѣдовалъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Изъ ихъ товарищей, которые не были взяты въ плѣнъ или убиты, какъ Рауль Риго, разстрѣлянный наканунѣ въ улицѣ Гей-Люссакъ послѣ взятія баррикадъ Пантеона, почти всѣ находились на лицо, на посту опасности и долга, какъ изъ меньшинства, такъ и изъ большинства. Тутъ были Курне, Мортье, Вердюръ, Мартле, Шами, Ж. Б. Клеманъ, Вальянъ, Жоганнаръ, Віаръ, Шардонъ, Жерезмъ, Дерёръ, Тренке, Потье, Алликсъ, Эдъ, Брюнель; и тутъ-же были Валлесъ, Лонге, Арнольдъ, Френкель, Пинди, Серралье, Авріаль, Э. Жирарденъ, Лефрансэ, Вермо-рель, Тейсъ, Остенъ, Варленъ, Малонъ. Уже четверо сутокъ на ногахъ, не отдыхая ни минуты, они переходили отъ баррикады къ баррикадѣ, подвозя подкрѣпленія, доставляя орудія, снаряды, стараясь укрѣпить защиту; многіе изъ нихъ, сами взявъ ружья, стрѣляли наравнѣ и бокъ о бокъ съ національными гвардейцами, нѣкоторые обнаружили выдающуюся храбрость, какъ напримѣръ Вермо-рель: верхомъ на конѣ, когда до этого онъ никогда и не садился на лошадь, опоясанный краснымъ шарфомъ, онъ подставлялъ грудь всякой пулѣ.

Въ четвергъ, въ полдень, они всѣ собрались на общее засѣданіе. Созыва этого засѣданія потребовалъ Арнольдъ. Онъ объяснилъ, что секретарь посланника Соединенныхъ Штатовъ Вашборна явился къ нему предложить отъ имени посланника посредничество нѣмцевъ. Делеклюзъ и Вальянъ указали на невозможность этого предложенія и протестовали противъ него. Развѣ-же неизвѣстно, что уже съ понедѣльника между версальскимъ правительствомъ и принцемъ Саксонскимъ заключена конвенція, въ силу которой войска Порядка могутъ пользоваться нейтральной зоной? Развѣ всѣ парижане, безразлично мущины или женщины, пытавшіеся, оставляя городъ, укрыться за прусскими линіями, не были безпощадно разстрѣляны? Однако, несмотря на эти возраженія, большинство высказалось сочувственно этому предложенію, и рѣшено было, что Арнольдъ вмѣстѣ съ Делеклюзомъ, Верморелемъ и Вальяномъ отправятся въ Венсеннъ для переговоровъ съ такъ называемыми посредниками.

Делегація отправилась. Въ 3 часа они достигли Венсеннскихъ Воротъ, но занимавшіе караулы федералисты отказались пропустить ее; они потребовали пропуска отъ Комиссіи Безопасности. Одинъ изъ делегатовъ вернулся въ мэрію XI участка и привезъ приказъ, подписанный Ферре. Но, несмотря на это, караулъ уперся на своемъ отказѣ. Федералисты боялись измѣны, бѣгства, и делегація, не будучи въ состояніи убѣдить этихъ раздраженныхъ и упорныхъ людей, принуждена была вернуться въ Парижъ.

Положеніе въ XI округѣ делегація нашла еще болѣе ухудшившимся. Баррикады улицы Маньянъ были взяты, и оттуда принесли Брюнеля, тяжело раненаго въ бедро. Консерваторія Искусствъ и Ремеслъ была окружена, и вся верхняя часть III округа попала въ руки непріятеля, который подошелъ уже къ баррикадамъ Театра Дежазе и Бульвара Вольтера. Вѣсти съ Площади Бастиліи были не лучшія. Оттуда привозили и приводили раненыхъ и между ними была Дмитріева; она поддерживала Френкеля, который былъ раненъ еще тяжелѣе ея.

Тогда Делеклюзъ принялъ рѣшеніе. „Прощайте, сказалъ онъ, покидая мэрію XI округа, пойду, пусть меня убьютъ“, и онъ пошелъ внизъ по Бульвару Вольтера; его сопровождали нѣсколько федералистовъ, нѣсколько друзей—Журдъ, Лиссагарэ. На площади Шато-До смерть неистовствовала. По дорогѣ, пройдя

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

немного церковь Св. Амвросія, они встрѣтили раненаго Лисбонна, котораго поддерживали Тейсъ, Верморель и Жакларъ. Въ этотъ моментъ упалъ тяжело раненый Верморель; отъ этой раны онъ и умеръ. Его подняли Журдъ и Тейсъ и унесли на носилкахъ. Делеклюзъ ножалъ руку раненому и продолжалъ свой путь къ выходу съ бульвара; его компаньоны отстали, онъ—одинъ. Здѣсь мы передаемъ слова Лиссагарэ, такъ хорошо описавшаго эти дни кровавой недѣли, которую онъ пережилъ, какъ очевидецъ, пренебрегая всѣми опасностями, чтобы лично все видѣть.

„Солнце садилось за площадью. Делеклюзъ, не оборачиваясь, чтобы посмотрѣть, слѣдуетъ-ли кто за нимъ, подвигался впередъ тѣмъ-же шагомъ; онъ былъ единственнымъ живымъ существомъ на всей улицѣ. Подойдя къ баррикадѣ, онъ съ лѣвой ея стороны взошелъ на нее. Въ послѣдній разъ появилось передъ нами обращеннымъ къ смерти это строгое лицо, обрамленное короткою бѣлою бородою. Внезапно Делеклюзъ пропалъ, онъ упалъ, пронизанный пулями, на Площади Шато До“ *).

Федералисты не могли взять его тѣло; версальцы на слѣдующій день келейно похоронили его. На мертвомъ найдено было слѣдующее письмо, въ которомъ отразилась его великая и стоическая душа. „Дорогая сестра, я не хочу и не могу быть игрушкой и жертвой торжествующей реакціи. Прости, что я удаляюсь ранѣе тебя, посвятившей мнѣ всю свою жизнь, но я не чувствую въ себѣ мужества еще разъ перенести новое пораженіе послѣ столькихъ уже бывшихъ ранѣе. Цѣлую тебя тысячекратно, какъ и люблю. Воспоминаніе о тебѣ будетъ моей послѣдней мыслью передъ тѣмъ, какъ я найду покой. Благословляю тебя, горячо любимая сестра, тебя, которая была всей моей семьей послѣ смерти нашей бѣдной матери. Прощай, прощай! Цѣлую еще разъ. Твой братъ, любящій тебя до своего послѣдняго момента“.

Въ теченіе ночи Коммуна рѣшила перенести свою главную квартиру въ мэрію XX округа. Съ наступленіемъ дня обнаружились новые значительные успѣхи, достигнутые версальцами. Федералисты занимали уже только едва пятую часть столицы, да и эта часть утрачивалась ими ежеминутно по кускамъ. Виноа, двигаясь вдоль Сены, зашелъ въ тылъ XII округу съ цѣлью отъ Тронной Площади подойти къ Бастиліи. Послѣдняя капитулировала около двухъ часовъ дня послѣ геройскаго сопротивленія. Груды труповъ навалены были у подножія баррикадъ, которыми федералисты усѣяли всѣ выходы съ площади. На одной только баррикадѣ улицы Шароннъ поднято было 105 труповъ. Предмѣстье Сенъ-Антоанъ тоже было окружено; версальцы бросились въ него и произвели ужасающую бойню. Въ это время уже давно замолчали баррикады Шато-До, оставленныя ихъ защитниками, которые отступили до Канала, еще открытаго въ то время на всемъ его протяженіи и представлявшаго такимъ образомъ естественную линію обороны. На сѣверѣ корпусъ Ладмиро, захвативъ Шапель, дошелъ до Вилеттъ. Такимъ образомъ, кольцо смерти все болѣе и болѣе стягивалось вокругъ федералистовъ. На востокѣ, въ единственномъ пунктѣ, гдѣ федералисты еще опирались на укрѣпленія, они могли наблюдать пруссаковъ, построенныхъ въ боевой

*) Lissaguaray—Histoire de la Commune, стр. 365.

ЭлектронныйАрхивБиблиотекиМГУ имени А.А. Кулешова

порядокъ на равнинѣ и готовыхъ разстрѣлять ихъ, если бы они рискнули отступить въ этомъ направленіи.

Выхода болѣе не было, не было и надежды: всюду смерть. Реакція поклялась, что не останется камня на камнѣ въ этихъ проклятыхъ кварталахъ въ Бельвилѣ и въ Менильмонтанѣ, въ этой колыбели мартовской инсуррекціи, гдѣ усиленно билась душа революціи, гдѣ она билась всего еще нѣсколько часовъ тому назадъ. Коммунары, жившіе тамъ или явившіеся туда для послѣдняго привала, хорошо знали это, они знали также, что всѣ они погибнутъ тамъ подъ развалинами. Можно ли послѣ этого удивляться, что передъ своимъ изчезновеніемъ они постарались отомстить тѣмъ способомъ, который еще былъ въ ихъ распоряженіи, и отвѣтить безпощадному Версалю разстрѣломъ бывшихъ въ ихъ рукахъ заложниковъ, всего 48 человѣкъ, изъ которыхъ 36 были ранѣе жандармами, полицейскими агентами или сыщиками, а 12 принадлежали къ духовенству. Кто-же убивалъ? Анонимная толпа, кровь которой буржуазія и армія уже въ теченіе пяти дней лила, какъ простую воду. Кто убивалъ? Сбѣжавшіеся, сражавшіеся люди, которыхъ трехцвѣтная пресса слѣдующими словами приговаривала къ смерти въ этотъ самый день: „Напримѣръ, федералистамъ нечего уже разсчитывать на пощаду; простой гвардеецъ или офицеръ въ галунахъ, всѣ захваченные будутъ разстрѣляны. Возбужденные солдаты не хотятъ болѣе брать въ плѣнъ. Гражданское населеніе озлоблено, можетъ быть, даже еще въ большей степени. Подавленное игомъ Коммуны и ея тайными убійцами, это населеніе обнаруживаетъ по отношенію къ нимъ такое ожесточеніе, которое можно было-бы даже назвать жестокостью, но возможно-ли вообще говорить о жестокости, когда вопросъ касается злодѣевъ, на которыхъ обрушивается эта ненависть? *) И что-же не у этихъ-ли людей, которыхъ реакція осуждала прямо на смерть, они разсчитывали встрѣтить гуманность и хладнокровіе! Пусть всякій, кто пожелаетъ, возмущается царапиной, нанесенной рукѣ палача осужденнымъ на смерть. Но намъ кажется, что пролетаріатъ долженъ оплакивать только своихъ и интересоваться только ими.

Сколько погибло въ эти дни со стороны народа? Мы знаемъ имена только знаменитыхъ и извѣстныхъ людей. Мильеръ былъ разстрѣлянъ на ступеняхъ Пантеона, поставленнымъ на колѣни, „чтобы попросить прощенія у Бога и людей“; Трейларъ, неподкупный директоръ Общественной Благотворительности. Но остальные, просто люди, неизвѣстные, женщины, дѣти, старики, раненые, схваченные съ больничныхъ коекъ, такіе-же великіе, такіе-же герои, умиравшіе молча, безъ криковъ, кто можетъ знать ихъ имена, кто вызоветъ ихъ кровавые призраки!.

Ночь еще не пришла. Безпрерывная канонада вызвала свой обычный эффектъ: она образовала и сгустила тучи. Льетъ дождь. Но вотъ темное небо освѣщается багровымъ заревомъ. Это загорѣлись доки въ Ла-Вилетъ съ ихъ складами горючихъ матеріаловъ, минеральнаго масла, смолы и петролеума.

Въ эту ночь въ Версалѣ подумали, что пылаетъ весь Парижъ. Мрачное и отчаянное затишье битвы. На высотахъ XIX и XX округовъ всѣ храбрецы,

(1) Petite Presse, № 26 мая 1871 г.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

которые еще хотятъ бороться передъ смертью, нашли свое послѣднее пристанище. Остатки батальоновъ расположились подъ открытымъ небомъ, на улицахъ, прямо на размокшей почвѣ. Насталъ грязный и пасмурный день. Положеніе сражавшихся было слѣдующее: федералисты, скучившіеся главнымъ образомъ на высотахъ Бельвиля и Перъ-Лашеза, занимали полукругъ, оба крыла котораго опирались на укрѣпленія около воротъ Ла-Вилеттъ и Баньоле, а фронтъ шелъ по Вилетскому каналу къ Бастиліи и терялся въ сѣти улицъ на право отъ предмѣстія Сенъ Антоанъ и квартала Шароннъ, захваченнаго уже наканунѣ.

Версальцы вновь начали свое наступленіе. Въ 9 часовъ утра Виноа завладѣлъ всѣми укрѣпленіями Тронной Площади и зашелъ въ тылъ къ Бульвару Вольтера. Дуэ подвигался впередъ по предмѣстью Тампль, встрѣчая всюду отчаянное сопротивленіе, по Клиншану и бульвару принца Евгенія. Не будучи въ состояніи взять съ фронта грозную баррикаду на бульварѣ Ришаръ-Леноаръ онъ зашелъ ей въ тылъ черезъ Площадь Бастиліи. Кольцо смерти сжалось еще болѣе. Коммунары были окончательно оттѣснены къ Шомонскимъ Высотамъ и на Перъ-Лашезъ, гдѣ еще продолжали гремѣть ихъ орудія. Оффиціально Делеклюза замѣстилъ нѣкто Ипполитъ Паранъ, но фактически командовали Ранвье и Пассдуе: они были душою этого послѣдняго сопротивленія. Въ улицѣ Гаксо еще находилось около пятнадцати членовъ Коммуны: Журдъ, Вальянъ, Варленъ, Валлесъ и другіе.

Но эпилогъ великой драмы былъ уже близокъ. Въ Бельвилѣ ежеминутно падала сотня снарядовъ; всѣ не сражающіеся жители его, попрятались въ погребахъ. Три четверти арміи Порядка, 100,000 человѣкъ были тутъ, чтобы покончить однимъ ударомъ и раздавить горсть героевъ, предпочитавшихъ смерть сдачѣ. Оба крыла арміи почти что уже сошлись. Въ 8 часовъ вечера Виноа взялъ приступомъ кладбище Перъ-Лашезъ, здѣсь сражались даже въ склепахъ и на памятникахъ. Ладмиро, несмотря на наступившую ночь, продолжалъ свое охватывающее движеніе, онъ занялъ скотобойню въ Вилеттѣ, перешелъ каналъ и дошелъ до подножія Шомонскихъ Высотъ, орудія которыхъ должны были, наконецъ, замолчать вслѣдствіе отсутствія снарядовъ. Аттакой въ штыки онъ взялъ эти высоты и послѣ шестичасового сраженія выбилъ находившихся на нихъ послѣднихъ федералистовъ.

4 часа ночи. Наступило дождливое утро. Это воскресенье 28-го мая увидѣло послѣднія судороги задавленной и затоптанной ногами революціи. Сражаются еще въ верхней части улицы Ангулемъ и въ предмѣстіи Тампль; Гамбонъ, Ж. Б. Клеманъ, Варленъ, Ферре, Жерезмъ еще продолжаютъ распоряжаться на баррикадахъ. Однако стрѣльба становится все болѣе рѣдкой и прерывистой. Патроновъ не стало хватать раньше, чѣмъ людей. Въ два часа дня въ улицѣ Рампонно прозвучалъ послѣдній выстрѣлъ... Все кончено. Революція умерла.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

XVIII. Трехцвѣтный терроръ.

Въ былые годы, когда варваръ-побѣдитель врывался черезъ проломъ въ осаждаемый городъ, онъ, не взирая на возрастъ и полъ, рубилъ своимъ мечемъ всѣхъ жителей, которые въ эти первые моменты попадались подъ его удары. Оставшіеся въ живыхъ, въ цѣпяхъ и подъ градомъ оскорбленій и ударовъ, длинными вереницами прогонялись въ далекія страны, въ рабство. Горькая насмѣшка! Столица Франція, взятая французами „во имя закона и въ силу закона", должна была испытать ту-же судьбу.

Мы не можемъ сказать, что репрессіи начались только послѣ прекращенія революціи, потому что уже цѣлую недѣлю шасно дѣйствовали въ рукахъ солдатъ-убійцъ. Но теперь, когда репрессіи ничего уже не могло ни противиться, ни мѣшать, она расширилась еще больше, она раздулась и систематизировалась съ цѣлью все перемолоть своими тяжелыми жерновами. Парижъ раздѣленъ былъ на четыре участка, и завѣдываніе ими поручено было генераламъ Виноа, Дуэ, Сиссэ и Ладмиро. Провозглашено было осадное положеніе. Армія, расположившись прямо на улицахъ, поставивъ ружья въ козла, правитъ всѣмъ, какъ верховный владыка. Жандармъ, судья и палачъ—она одновременно арестуетъ, производитъ дознаніе, выноситъ рѣшеніе и казнитъ. Противъ ея рѣшеній не существуетъ ни аппеляціи, ни защиты. Вся процедура состоитъ только изъ этихъ четырехъ моментовъ. Въ стѣнахъ города солдатчина явилась единственнымъ правительствомъ, и никакого другого не существуетъ. Гражданская власть отсутствуетъ, она стерлась и улетучилась. И для этого у нея были свои причины.

Причины низкія! Тьеръ отдалъ возжи военнымъ начальникамъ, предоставилъ Парижъ въ ихъ полное распоряженіе, потому что былъ увѣренъ, что ихъ слѣпая и животная ненависть достигнетъ лучшихъ результатовъ, чѣмъ его собственная ненависть сознательная и обдуманная, и болѣе вѣрно исполнитъ операцію политическаго хирурга, которая, по его мнѣнію, была необходима для оздоровленія соціальнаго организма. Онъ былъ черезчуръ опытенъ, чтобы не знать, что широкое кровопролитіе возможно было только при общемъ замѣшательствѣ, въ азартѣ аттаки, что съ прекращеніемъ военныхъ дѣйствій страсти постепенно улягутся и онъ вскорѣ вынужденъ будетъ услышать голоса милосердія и успокоенія. Но этого кровопусканія онъ желалъ теперь всѣми своими помыслами, онъ вѣдь и раньше стремился къ нему и приложилъ для этого всѣ свои способности. Онъ желалъ этого, потому что для него дѣло шло не о господствѣ и не о приниженіи рабочаго класса, но о его децимированіи, объ уничтоженіи въ немъ всего, что внушало подозрѣніе въ смыслѣ идеи или поведенія, и это съ тою цѣлью, чтобы въ результатѣ господство буржуазнаго режима явилось неоспоримымъ и не могло быть даже оспариваемо. Случай былъ подходящій, и онъ счелъ бы себя безумнымъ, если-бы упустилъ изъ рукъ практическіе результаты, барыши его долгой, терпѣливой и умѣлой стратегіи въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Несомнѣнно, случай былъ очень подходящій, онъ былъ даже единственный въ своемъ родѣ. Дѣйствительно, можетъ быть никогда еще не обнаруживалось у побѣдителей подобной разнузданной ярости и бѣшенства, такой жажды убійства, такой страсти къ мщенію. Чувства состраданія и элементарной гуманности совершенно испарились и проявились самые низкіе инстинкты; они получили преобладающее значеніе и, не стѣсняясь, вышли откровенно на свѣтъ. Казалось, что общество вернулось къ чисто животному состоянію. И кто-же задавалъ всему этому тонъ? „Честные люди", образованныя заправила, просвѣщенныя и утонченныя, тѣ, которыя говорили именемъ Бога о милосердіи и идеалѣ будущей жизни и чванились, что они представляли собою въ противоположность разбойникамъ умирающей Коммуны нравственность и цивилизацію. Все это произошло отъ того, что эти „честные люди" испытали страхъ; тонкая политура, покрывавшая у нихъ, какъ и у всѣхъ другихъ, грубую природу, слѣзла, и они мстятъ, ѣдко и сладострастно, за свой вчерашній страхъ, за то, что на мгновеніе они затрепетали передъ пролетарскимъ пробужденіемъ и испугались за свои барыши и блага жизни. Трусливый буржуа, сидѣвшій цѣлыя недѣли, притаившись, у себя дома, появился теперь среди солдатъ со всею своею наглостью; онъ царитъ на улицахъ, съ трехцвѣтною кокардою въ петлицѣ, съ этимъ значкомъ союза сторонниковъ Порядка. За нимъ идутъ: его кліентура, его прислужники, всѣ тѣ, кто живетъ крошками, падающими съ капиталистическаго стола, еще болѣе низкіе и безчестные, чѣмъ ихъ господа. По сторонамъ его, его пасынки, вернувшіеся изъ Версаля съ своими кокотками въ „рыжихъ шиньонахъ", всѣ они вновь располагаются въ кафе на бульварахъ и возобновляютъ свои кутежи въ ночныхъ ресторанахъ. Здѣсь вся эта истинная сволочь, вся жизнерадостная каналья, каналья добычи, всѣ паразиты и эксплоататоры. Эти жалкіе синьоры являются указателями и поставщиками для взводовъ солдатъ, занятыхъ разстрѣливаніемъ. По ихъ мнѣнію, армія черезчуръ мягка и великодушна. Они руководятъ разслѣдованіями и направляютъ ихъ, они доносятъ на рѣдкихъ подозрительныхъ, которымъ какъ-то удалось проскользнуть черезъ ячейки версальской сѣти, они создаютъ въ своихъ кварталахъ „комитеты чистки", предварительныя пріемныя боенъ-военныхъ судовъ. Пресса являлась зеркаломъ всей этой низости и всего этого позора. Она старалась поддержать это бѣшенство и эту буржуазную панику Если она не изобрѣтаетъ сама разныхъ низкихъ басенъ, то служитъ эхомъ этихъ легендъ, созданныхъ для того, чтобы ввести въ заблужденіе общественное мнѣніе, чтобы вызвать негодованіе, обмануть Францію и Европу, чтобы къ мертвымъ и умиравшимъ не проявлялось даже чувства простой жалости. Со столбцевъ газетъ слетѣла басня о петролейщицахъ, которая стоила жизни столькимъ несчастнымъ, а также и басня о батальонахъ поджигателей, о наклеенныхъ записскахъ съ надписями: „подлежитъ сожженію"; о водосточныхъ каналахъ, водопроводахъ и катакомбахъ, начиненныхъ минами и соединенныхъ электрическими проводами, объ отравленныхъ напиткахъ для солдатъ. Одна газета описываетъ спеціальный приборъ, которымъ пользовались коммунары для выбрасыванія петролеума. Другая разсказываетъ исторію поджигателя, на которомъ нашли „сто сорокъ метровъ зажигательнаго фитиля". Эти нелѣпыя и чудовищныя выдумки служатъ пищей для арміи и для всего города, онѣ ежедневно все сильнѣе по-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

догрѣваютъ ярость солдатъ-разстрѣливателей, и ненависть реакціонеровъ, которые доносятъ, ругаютъ и мучаютъ.

Въ эти дни всеобщей подлости, самую большую подлость совершила, можетъ быть, пресса, и васъ охватываетъ отвращеніе и стыдъ при мысли, что вы—человѣкъ и умѣете читать, когда вы просматриваете статьи этихъ литераторовъ-убійцъ, которые называются иной разъ Александромъ Дюма-сыномъ, Францискомъ Сарсе или Гектаромъ Пессаромъ, статьи сантиментальныя или звѣрскія, смотря по темпераменту авторовъ. Всѣ эти статьи являются однимъ длиннымъ рядомъ подстрекательствъ къ бойнѣ. Въ первое время тема была одна и та же во всѣхъ газетахъ, начиная съ газетъ клерикальныхъ, полицейскихъ, бонапартистскихъ и кончая болѣе степенными и доктринерскими газетами профессіональнаго либерализма хорошаго тона, въ томъ числѣ и Officiel. У нѣкоторыхъ изъ нихъ только тогда проснутся проблески стыда, когда главная часть работы будетъ уже исполнена, да и то онѣ постараются замаскировать свое рабское вмѣшательство ссылками на гигіену и на санитарныя требованія. Пока-же, когда одна газета кричитъ: „на колѣни!", другая поддерживаетъ ее ревомъ: „пли!"—и обѣ вмѣстѣ требуютъ усиленія разстрѣловъ и еще большаго числа труповъ. Но почему же не процитировать подлинниковъ? Обзоръ этотъ будетъ поучителенъ, онъ объединитъ одною преступной провокаціей всѣ органы различныхъ политическихъ фракцій господствующаго класса, уже и безъ того самостоятельно объединившихся своимъ участіемъ въ величайшемъ избіеніи пролетаріата, которое когда-либо происходило.

Bien Public: „На коммунаровъ надо устроить охоту... Намъ не улыбается оскорблять побѣжденныхъ враговъ, но, по правдѣ говоря, развѣ эти негодяи—враги? Это—бандиты, которые сами себя поставили внѣ законовъ гуманности".

Opinion National: „Царство злодѣевъ окончилось. Намъ никогда не удастся узнать „какими ухищреніями звѣрства и дикости они завершили эту оргію преступленія и варварства... Два мѣсяца варварства, грабежа, убійствъ и поджоговъ!"

Patrie: „Если Парижъ хочетъ сохранить за собою привиллегію быть сборнымъ пунктомъ честнаго и фешенебельнаго бомонда, то это зависитъ отъ него самого: онъ обязанъ доставить своимъ гостямъ, которыхъ онъ приглашаетъ на свои празднества, безопасность, которой ничто не могло бы угрожать... Примѣры неизбѣжны. Роковая необходимость, но—необходимость! Этимъ людямъ, которые убивали, чтобы убивать и грабить, а теперь схваченнымъ можно ли отвѣтить за ихъ дѣянія словомъ: пощада! Эти гнусныя женщины, которыя ударами ножей разрывали груди умиравшихъ офицеровъ, теперь взяты, и имъ ли сказать: пощада!"

Moniteur Universel: „Ни одинъ изъ злодѣевъ, въ рукахъ которыхъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ находился Парижъ, не будетъ разсматриваться какъ политическій преступникъ; къ нимъ отнесутся какъ къ разбойникамъ, каковыми они и являются, какъ къ самымъ ужаснымъ чудовищамъ, которыхъ когда-либо видѣла исторія человѣчества. Многія газеты говорятъ о возстановленіи эшафота, уничтоженнаго ими, чтобы не предоставлять имъ даже чести быть разстрѣлянными".

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Gaulois, статья подписана: Сарсэ: „Смерть—не наказаніе... Она—предосторожность. Мы видимъ тысячи людей, охваченныхъ принадкомъ ужаснаго бѣшенства. Они грабятъ, убиваютъ, поджигаютъ. Это—умопомѣшательство, я допускаю. Но безумные этого рода и въ такомъ громадномъ количествѣ, сговорившіеся другъ съ другомъ, представляютъ такую чрезмѣрную опасность для того общества, къ которому они принадлежатъ, что не существуетъ иныхъ карательныхъ мѣръ, кромѣ радикальнаго ихъ уничтоженія".

Figaro: „Мы должны обложить, какъ дикихъ звѣрей, тѣхъ, которые попрятались: безпощадно, безъ гнѣва, но съ твердостью, которую порядочный человѣкъ вкладываетъ въ исполненіе своего долга".

И въ другомъ номерѣ: „На г. Тьерѣ лежитъ еще важная задача: очистить Парижъ... Никогда еще не представлялось подобнаго случая для излеченія Парижа отъ моральной гангрены, которая разъѣдаетъ его уже въ теченіе двадцати лѣтъ. Армія вошла черезъ брешь, по баррикадамъ и по дымившимся развалинамъ; слѣдовательно, парижане должны подлежать дѣйствію законовъ войны, какъ бы ужасны они не были. Пощада была-бы въ данное время безуміемъ".

Independnce Fracaise: „Наконецъ-то! Наконецъ, Парижъ освобожденъ отъ банды разбойниковъ, грабителей, поджигателей, воровъ, которые заражали его въ теченіе двухъ мѣсяцевъ... Въ моментъ, когда мы можемъ свободно вздохнуть, когда свѣжій воздухъ вновь проникаетъ въ наши легкія, спавшіяся вслѣдствіе грязнаго дыханія этихъ гнусныхъ чудовищъ, только одинъ крикъ можетъ сорваться съ нашихъ губъ, и крикъ этотъ будетъ крикомъ всѣхъ французовъ: никакой пощады этимъ подлецамъ! Только одна кара можетъ искупить подобныя преступленія: смерть!"

Казалось, что дальше этихъ низостей некуда уже было и идти. Однако, одна изъ газетъ пошла и дальше. Какая же это газета? Самъ правительственный органъ, Journal Officiel, который писалъ и высказывалъ эти кровожадныя пожеланія, конечно, въ видѣ послѣдняго напутствія главы исполнительной власти своей арміи: „Поступите такъ, какъ въ подобномъ случаѣ поступили-бы великіе энергичные народы: не берите въ плѣнъ. Если въ толпѣ окажется честный человѣкъ, дѣйствительно увлеченный силой, вы его легко отличите. Среди этого народа честный человѣкъ выдѣляется своимъ величіемъ. Предоставьте храбрымъ солдатамъ свободу отомстить за своихъ товарищей; пусть они совершатъ на театрѣ дѣйствія и въ пылу битвы то, что на завтра, когда вернется хладнокровіе, они не пожелаютъ уже совершить: пли!" Армія, однако, едва ли уже нуждалась въ этой провокаціи и подуськиваніяхъ. Стадо еще, можетъ быть, но не начальники. Командовавшіе генералы твердо знали свое ремесло, заслуживъ первые свои галуны во время іюньскихъ разстрѣловъ и декабрьскихъ залповъ. Они, а, конечно, и всѣ подчиненные имъ офицеры низшихъ чиновъ, были креатурами имперіи, рубаками по призванію и традиціи, они были настолько же полицейскими, насколько и солдатами. Благодаря этому Парижъ въ ихъ глазахъ былъ вдвойнѣ виновенъ. Парижъ, будучи коммунальнымъ, произвелъ 18-е марта, но такъ какъ онъ былъ также и республиканскимъ городомъ, то онъ еще раньше произвелъ 4-е сентября, а

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ретрограды-бонапартисты скорѣе прощали ему изгнаніе Тьера и его банды, чѣмъ сверженіе трона Наполеона и Евгеніи. Такимъ образомъ, они шли и дѣйствовали настолько-же ради павшей имперіи, на скорое возстановленіе которой они питали надежду, насколько и во имя версальскаго парламентскаго правительства.

Глава исполнительной власти имѣлъ, слѣдовательно, полное основаніе разсчитывать на этихъ профессіональныхъ палачей. Несомнѣнно, ихъ не посѣтятъ сомнѣнія о какой-то пустой законности. Тѣмъ болѣе, что ихъ злоба имѣла еще и другіе источники; они должны были поквитаться съ парижанами за личную обиду, за то, что парижане заклеймили ихъ въ дни Седана и Меца кличкой трусовъ и капитулянтовъ, какими они фактически и являлись, а затѣмъ доказали имъ примѣромъ въ теченіе героической пятимѣсячной осады, чѣмъ могутъ и должны быть передъ лицомъ непріятеля смѣлые и честные люди. Такихъ вещей не забываютъ, когда носятъ имена Макъ-Магона, Сиссэ, Виноа, или болѣе простыя, въ родѣ Галлифе, Лавокупе или Гарсена. Зато и бойня будетъ на славу, она будетъ въ своемъ родѣ образцовая! Армія и буржуазія упьются кровью и остановятся только тогда, когда этотъ приторный напитокъ будетъ грозить задушить ихъ самихъ, когда мертвые, мстя самой своей смертью, пригрозятъ чумой лагерю побѣдителей.

Мы не будемъ касаться подробностей избіенія. Это уже сдѣлано другими лицами, посвятившими этой бойнѣ цѣлыя страницы и страницы, не успѣвъ, впрочемъ, исчерпать предмета. Достаточно сказать, что около 2.500 мущинъ и женщинъ убито было за баррикадами, тогда какъ послѣ битвы умерщвлено было въ десять разъ больше, по меньшей мѣрѣ. Макъ-Магонъ признался въ 14.000 трупахъ; разрѣшеній хоронить на парижскихъ кладбищахъ дано было 17.000; но сколько было зарыто безъ всякихъ формальностей около тѣхъ самыхъ стѣнъ, гдѣ падали разстрѣлянные федералисты, сколько было зарыто въ казематахъ укрѣпленій, сколько было разстрѣляно на дорогѣ изъ Парижа въ Версаль и закопано тамъ-же, на мѣстѣ!

Приведемъ нѣсколько цифръ. Въ Ла-Рокетъ, съ воскресенья 28-го по утро понедѣльника 29-го мая, убито было 1.907 жертвъ по свидѣтельству очевидца, который чудеснымъ образомъ спасся и вмѣстѣ съ пятьюдесятью другими товарищами нагружалъ трупы послѣ экзекуцій на телѣги, употребляемыя обыкновенно для перевозки мебели. 400 человѣкъ разстрѣляно было въ Мазасѣ по утвержденію Дюма, прикомандированнаго правительствомъ Порядка въ мэрію XII округа; этотъ Дюма, не позаботясь нисколько о томъ, чтобы установить личность убитыхъ, разрѣшилъ бросать трупы въ общую яму на кладбищѣ Берси. Такого-же рода избіенія происходили въ Военной Школѣ, въ Паркѣ Монсо, въ улицѣ Розье, гдѣ онѣ начались еще со вторника 23-го мая и продолжались безостановочно, въ Политехнической Школѣ, на Восточномъ и Сѣверномъ вокзалахъ, въ казармѣ Дюпле, въ Ботаническомъ Саду, въ мэріи Пантеона и въ двадцати другихъ мѣстахъ. Всякій начальникъ корпуса, подчинивъ и захвативъ кварталъ, оставлялъ позади себя двоихъ или троихъ офицеровъ, къ которымъ тотчасъ-же присоединялось нѣсколько добровольцевъ изъ національной гвардіи, и, такимъ образомъ, образовывался военный судъ, который немедленно и приступалъ къ работѣ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Изъ этихъ судовъ главнымъ образомъ два отмѣчены въ лѣтописяхъ преступленій, именно засѣдавшіе въ Люксенбургѣ и въ Шатле. Въ первомъ орудовалъ Гарсепъ. Передъ этимъ судомъ предстали: въ среду Мильеръ, Тони Моаленъ въ воскресенье, также и Улиссъ Паранъ и вмѣстѣ съ ними многія тысячи обвиненныхъ, изъ которыхъ очень немногимъ удалось избѣжать разстрѣла. Въ концертномъ залѣ Шатле засѣдалъ профосъ, печальной памяти полковникъ національной гвардіи Вабръ. Бойня, которою онъ руководилъ, превзошла всѣ другія. Сами палачи признались, что здѣсь произнесено было болѣе трехъ тысячъ смертныхъ приговоровъ. Обвиняемые дефилировали передъ судилищемъ рядами; допросъ каждаго продолжался развѣ $^1/_4$ минуты. „Сражались-ли вы? Служили-ли Коммунѣ? Покажите ваши руки". На этомъ все и оканчивалось. Не дожидаясь отвѣтовъ, судья по лицу обвиняемаго, по своему впечатлѣнію и капризу произносилъ приговоръ. Какой-же приговоръ? Gaulois знакомитъ насъ съ нимъ: „Послѣ рѣшенія, судья направляетъ ихъ въ правую или въ лѣвую дверь, въ зависимости отъ степени ихъ виновности. Выходящихъ изъ правой двери направляютъ въ Версаль подъ конвоемъ солдатъ для заключенія въ Сатори. Выходящихъ изъ лѣвой двери волокутъ въ казармы Лобау и немедленно разстрѣливаютъ" *).

Вабръ говорилъ также: «препроводить въ бригаду!»—въ этомъ случаѣ, говоритъ Nation Française, осужденному оставалось лишь поручить свою душу Господу". Въ Люксенбургѣ осужденные раздѣлялись на „обыкновенныхъ" и на „классифицированныхъ". „Обыкновенные"—это значило Сатори, „классифицированные"—разстрѣлъ. Такимъ образомъ, какъ мы видимъ, палачи избѣгали называть смерть ея именемъ, какъ будто-бы у нихъ смутно шевелилась мысль о позорности ихъ дѣла. „Классифицированные" Шатле приводились толпами въ Лобау, связанные и осыпаемые проклятіями и свистками „порядочныхъ" людей; здѣсь ихъ передавали жандармамъ, которые загоняли ихъ во дворъ и, не выстраивая даже у стѣнъ, начинали стрѣлять въ нихъ прямо въ кучу, какъ на какой-нибудь охотѣ. Многіе, будучи только ранены, подымались и бѣгали около стѣнъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь пуля не укладывала ихъ. Тутъ-же постоянно присутствовалъ священникъ и провожалъ всякую приводимую толпу религіозными напутствіями, „какъ-бы освящая эту низкую бойню Евангеліемъ". Въ одной изъ этихъ поставокъ находились Эдуардъ Моро изъ Центральнаго Комитета и Жакъ Дюранъ—членъ Коммуны. Проходили женщины, молодыя дѣвушки, юноши и даже маленькія дѣти. „Я видѣлъ, говоритъ очевидецъ, котораго приводитъ Камиллъ Пельтанъ, какъ вышли изъ военнаго суда (въ воскресенье, 28-го мая въ 2 часа дня) шесть дѣтей, которыхъ вели четыре городовыхъ. Старшему было едва-ли 12 лѣтъ, а самому меньшему не болѣе 6. Бѣдныя дѣти плакали, проходя черезъ толпу, образуемую этими негодяями (зрителями)... „На казнь! на казнь!" кричали эти дикіе звѣри, „изъ нихъ потомъ вырастутъ инсургенты". Самый маленькій былъ босой—въ сабо, на немъ были только панталоны и рубашка, и онъ заливался горькими слезами. Я видѣлъ, какъ они вошли въ казарму Лобау. Въ

*) Gaulois отъ 29-го мая.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

моментъ, когда ворота за ними захлопнулись, я произнесъ: „преступно убивать дѣтей". Послѣ этого я едва-едва успѣлъ спастись, въ противномъ случаѣ я попалъ бы въ Шатле, какъ и всѣ другіе" *). Послѣ каждой экзекуціи дворъ казармы очищался отъ труповъ; ихъ временно хоронили въ скверѣ Сенъ-Жакъ. По свѣдѣніямъ газеты Siècle отъ 29-го мая на этомъ небольшомъ пространствѣ похоронено было уже болѣе тысячи человѣкъ.

А теперь, когда мы видѣли, какъ ихъ убивали, не слѣдуетъ-ли разсказать вкратцѣ, какъ они умирали? Безъ сомнѣнія! И это будетъ только справедливостью. Эти мущины, эти женщины и эти юноши, которыхъ армія принесла въ жертву торжествующимъ реакціи и капиталу, умерли героями, умирая вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ мученики. Въ послѣдніе ихъ моменты сіяніе соціалистическаго идеала освѣтило ихъ сознаніе и возбудило ихъ мужество. Они сознавали, хотя многіе изъ нихъ, можетъ быть, и смутно, но всѣ они сознавали превосходство и возвышенность того дѣла, за которое они погибали; они чувствовали, что кровь ихъ проливается не напрасно, что она впитается въ глубокія вены земли и оплодотворитъ будущее, и поэтому они стояли передъ дулами ружей спокойно и твердо, почти радостно. Тѣ, которые противились,—тѣ отбивались, какъ малодушные Валлесы или Бильорэ, но эти люди не были борцами революціи, они стояли нейтрально, часто даже симпатизировали побѣдителямъ, и войско и толпа въ своемъ слѣпомъ раздраженіи только по ошибкѣ бросали ихъ въ толпу разстрѣливаемыхъ. Истинные коммунары и отличались именно тѣмъ, что не блѣднѣя и безтрепетно смотрѣли въ глаза смерти. Всѣ свидѣтельства вполнѣ сходятся въ этомъ пунктѣ.

Petit Moniteur отъ 29-го мая: „осужденные держатъ себя настолько-же беззаботно, насколько и энергично. Когда имъ приходится переходить черезъ трупы разстрѣлянныхъ ранѣе ихъ, они перепрыгиваютъ черезъ нихъ и, обернувшись къ солдатамъ, сами командуютъ: „пли".—Въ Gaulois, отъ 13 іюля, Сарсэ, говоря главнымъ образомъ о женщинахъ, писалъ: „Всѣ женщины, которыхъ казнили раздраженные солдаты, умерли съ проклятіями на устахъ, съ презрительной усмѣшкой, какъ мученицы, которыя, принося себя въ жертву, выполняютъ этимъ высшій долгъ".—Etoile, одна изъ бельгійскихъ газетъ, наиболѣе возстановленная противъ Коммуны: „Большинство не боялось смерти; какъ арабы послѣ битвы, оно встрѣтило ее спокойно, съ пренебреженіемъ, безъ ненависти и гнѣва, не оскорбляя разстрѣливавшихъ солдатъ. Солдаты, принимавшіе участіе въ этихъ экзекуціяхъ, которыхъ я распрашивалъ, единодушны въ своихъ разсказахъ. Одинъ изъ нихъ сказалъ мнѣ: „Въ Пасси мы разстрѣляли человѣкъ сорокъ этихъ каналій. Всѣ они умерли, какъ солдаты. Нѣкоторые скрещивали руки на груди и высоко держали свои головы. Другіе, разстегивали свои мундиры и кричали намъ: „стрѣляйте! Мы не боимся смерти"!

Смущенная реакція боязливо задавала себѣ вопросъ, откуда у побѣжденныхъ это высокомѣріе, которое бьетъ ее по щекамъ? Слѣды этого недо-

*) Camille Pelletan. La Semaine de Mai, стр. 224.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

умѣнія мы находимъ даже и въ показаніяхъ, данныхъ годъ спустя Слѣдственной Комиссіи о 18 мартѣ. Графъ де Мюнъ, стараясь отыскать въ своей совѣсти благочестиваго католика какое нибудь позорящее объясненіе этого явленія, по уснѣвъ только подчеркнуть свое собственное недоумѣніе и недоумѣніе своей касты, утверждалъ, что „ихъ твердымъ намѣреніемъ было отказаться работать. Этимъ, по мнѣнію графа, и объясняется тотъ цинизмъ, съ которымъ эти люди встрѣтили разстрѣлы: не то, чтобы они оказали энергичное сопротивленіе, оно могло быть еще большимъ, но всѣ они умерли съ извѣстнаго рода заносчивостью, а, такъ какъ ее нельзя приписать какому нибудь моральному чувству, то ее слѣдуетъ объяснить только однимъ желаніемъ скорѣе раздѣлаться съ жизнью, чѣмъ жить трудясь". Труды благороднаго графа пропали даромъ, но константированный имъ фактъ остался на лицо. Онъ указываетъ, на чьей сторонѣ, въ какомъ лагерѣ была дѣятельная и животворная вѣра, та вѣра, которая покоритъ весь міръ.

Разсказать конецъ каждой изъ этихъ благородныхъ жертвъ невозможно, а ихъ было тридцать тысячъ, можетъ быть, даже больше. О большинствѣ не сохранилось никакихъ свѣдѣній, даже именъ, т. к. убійца довелъ свое пренебреженіе до такой степени, что не установилъ даже именъ убитыхъ. По поводу одной изъ этихъ жертвъ, которая показалось ему болѣе заслуживающей вниманія, побѣдитель оказался, впрочемъ, менѣе молчаливымъ. Разскажемъ и мы эту исторію; разсказъ стоитъ всѣхъ остальныхъ, тѣмъ болѣе, что дѣло касается Варлена, т. е. человѣка, который всего вѣрнѣе, можетъ быть, олицетворялъ въ себѣ все, что въ это время въ рабочемъ классѣ, изъ котораго онъ вышелъ, было сильнаго, здороваго и великодушнаго.

Эженъ Варленъ до послѣдней минуты сражался на баррикадахъ. Въ воскресенье, въ полдень, онъ еще стрѣлялъ въ улицѣ Фонтенъ-о-Роа. Въ 4 часа, когда онъ сидѣлъ на терассѣ кафе на площади Каде, онъ былъ узнанъ переодѣтымъ въ штатское платье попомъ, который указалъ на него проходившему мимо лейтенанту 67-го пѣхотнаго полка — Спкру. Сикръ схватилъ заподозреннаго и съ помощью нѣсколькихъ буржуа-добровольцевъ связалъ ему за спиной руки; затѣмъ онъ повелъ его на Монмартръ. Здѣсь мы предоставимъ слово роялистской газетѣ Tricolore, которую никто не заподозритъ въ сочувствіи и разсказъ которой во всѣхъ своихъ деталяхъ былъ впослѣдствіи подтвержденъ и даже превзойденъ въ теченіе судебныхъ разбирательствъ, происходившихъ въ Версалѣ.

„Толпа все прибывала и съ большимъ трудомъ удалось добраться до подножія Монмартскихъ Высотъ, гдѣ задержаннаго привели къ генералу, имени котораго намъ не удалось узнать (это былъ Лавокупе). Дежурный офицеръ приблизился къ генералу и нѣсколько мгновеній говорилъ съ нимъ. Генералъ тихо но твердо отвѣтилъ: „здѣсь, за этой стѣной".

„Мы слышали только эти четыре слова, и хотя не сомнѣвались въ ихъ значеніи, но хотѣли всетаки видѣть конецъ одного изъ авторовъ той ужасной драмы, которая развертывалась передъ нашими глазами въ теченіе, болѣе чѣмъ двухъ мѣсяцевъ; но приговоръ толпы рѣшилъ иначе. Когда мы пришли на указанное мѣсто, раздался голосъ (неизвѣстно, кто закричалъ), тотчасъ-же подхва-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ченный многими другими: „надо еще его поводить, черезчуръ рано!“ Кто-то прибавилъ: „правосудіе должно совершиться въ улицѣ Розье, гдѣ эти негодяи убили генераловъ Клеманъ Тома и Леконта“. Тогда печальное шествіе направилось въ путь въ сопровожденіи толпы приблизительно въ 2000 человѣкъ, изъ которыхъ большинство принадлежало къ населенію Монмартра.

„Когда оно прибыло въ улицу Розье, то штабъ войскъ, имѣвшій свою главную квартиру въ этой улицѣ, воспротивился экзекуціи. Такимъ образомъ, пришлось вернуться обратно къ Высотамъ Монмартра, все въ сопровожденіи той же громадной толпы, все увеличивавшейся съ каждой минутой. Шествіе принимало все болѣе зловѣщій характеръ, потому что, несмотря на всѣ преступленія, совершенныя этимъ человѣкомъ, онъ шелъ такъ спокойно, зная уже болѣе часа ожидавшую его судьбу, что невольно такая долгая агонія заставляла васъ страдать. Но, наконецъ, пришли. Его приставили къ стѣнѣ. Въ то время, какъ офицеръ выстраивалъ своихъ людей, собираясь скомандовать: „пли“, одинъ изъ солдатъ нечаянно выстрѣлилъ въ воздухъ. Тотчасъ же раздались выстрѣлы другихъ солдатъ, и Варленъ уже не существовалъ. Солдаты бросились было къ нему, чтобы докончить его ударами прикладовъ, въ случаѣ если-бы онъ еще былъ живъ, но офицеръ остановилъ ихъ, сказавъ: „Оставьте его, вы видите, что онъ мертвъ“.

Tricolore позабылъ упомянуть объ одномъ обстоятельствѣ, которое, однако не слѣдуетъ предавать забвенію. Лейтенантъ Сикръ взялъ часы убитаго и оставилъ ихъ у себя. Убійство сопровождалось воровствомъ.

Вотъ, слѣдовательно, какими пріемами Версаль осуществлялъ правосудіе порядокъ, гуманность и цивилизацію. Вотъ какимъ образомъ, „во имя законовъ, законами и при помощи законовъ“ онъ производилъ „очищеніе отъ грѣховъ“. Пусть читатель множитъ на многія тысячи ту каннибальскую сцену которую мы только что описали, и тогда онъ получитъ нѣкоторое представленіе объ агоніи умиравшаго города въ эту недѣлю, которую народъ окрестилъ ужаснымъ именемъ „Кровавой Недѣли“.

Парижъ превращенъ былъ въ бойню. Убивали повсюду, во дворахъ военныхъ и профосныхъ судовъ и внѣ ихъ—у баррикадъ, въ траншеяхъ, подъ мостами, въ домахъ, у водосточныхъ канавъ, въ катакомбахъ. Всякій офицеръ унтеръ или солдатъ — имѣлъ право судить собственною властью и убить парижанина или парижанку. Убивали за слово, за жестъ, за имя, за сходство, даже ни за что, просто по указанію обезумѣвшей толпы. Убивали тѣхъ, кто сражался, и тѣхъ, кто не сражался; тѣхъ, которые прятали свое оружіе, и тѣхъ, кто отдавалъ его; тѣхъ наконецъ, у которыхъ оставались еще отъ первой осады форменные штаны, пара штиблетъ; прохожихъ, у которыхъ руки оказывались черными или лоснилось то мѣсто на одеждѣ, куда прикладывается ложа ружья. Женщинъ убивали, потому что онѣ петролейщицы и купоросницы, дѣтей, потому что они—сѣмя коммунаровъ, а слѣдовало, конечно, уничтожить и приплодъ вмѣстѣ, съ производителями. Убивали съ наслажденіемъ, играючи, все то, что имѣло рабочую внѣшность, что казалось республиканскимъ.

И эта бойня вызвала, наконецъ, необходимость въ устройствѣ складовъ для трупъовъ. Фургоновъ, безпрестанно двигавшихся по улицамъ, телѣгъ, мебельныхъ

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

платформъ, перегруженныхъ кровавымъ мясомъ, оказалось недостаточно для вывозки въ ямы всѣхъ труповъ, разбросанныхъ на тротуарахъ, въ тюремныхъ дворахъ, въ казармахъ, въ школахъ, въ мэріяхъ. Сами ямы оказались не достаточно многочисленными, глубокими и широкими, чтобы вмѣстить въ себя всю эту человѣческую говядину, которую старались впихнуть въ нихъ. Между тѣмъ этихъ ямъ понарыли повсюду, въ скверахъ, на откосахъ, на склонахъ укрѣпленій, а когда недоставало земли, то переходили къ помощи даже воды. Сена уносила десятки разстрѣлянныхъ изъ ружей и митральезъ. Многія сотни гнили въ тинѣ озера на Бютъ-Шомонъ. Но ничто не помогало, все еще оставалось много неприбранныхъ труповъ и всегда не хватало могилъ. Въ садахъ Политехнической Школы можно было видѣть насыпь изъ труповъ длиною въ 100 метровъ и высотою въ 3 метра. Въ Люксенбургѣ зеленѣющія аллеи были завалены трупами. „Въ Сенъ-Антоанскомъ Предмѣстьи, по словамъ газетъ „Порядка", трупы встрѣчались всюду, наваленные кучами, какъ навозъ". Тьеръ прежде всего потребовалъ, чтобы ради примѣра ихъ не убирали. Что сказать о кладбищѣ Перъ-Лашезъ, о тюрьмѣ Ла-Рокетъ и ея окрестностяхъ, объ улицахъ Бельвиля и Менильмонтана, объ этомъ театрѣ послѣдней битвы?

Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ, какъ въ паркѣ Монсо, на лугу Трокадеро, въ скверѣ у башни Сенъ-Жакъ, хоронили съ большей поспѣшностью, недостаточно глубоко вырытыя ямы не вмѣщали всего содержимаго. Кто говоритъ объ этомъ? Пресса, сочувствующая Коммунѣ? Ея уже болѣе не существуетъ. Объ этомъ разсказываютъ буржуазныя газеты, органы наиболѣе благонамѣренные и осторожные: Siécle, Temps, Moniteur Universel. Вотъ что писали въ послѣдней газетѣ, въ номерѣ отъ 1-го іюня: „Что особенно поражало—это зрѣлище, представляемое башней Сенъ-Жакъ. Ворота сквера были заперты и въ скверѣ расхаживали часовые. Сломанныя вѣтви свѣшивались съ деревьевъ; громадныя ямы всюду пестрѣли на газонѣ, углубляясь въ почву. Изъ этихъ влажныхъ заплатъ, только что закопанныхъ лопатами, кое гдѣ высовывались то головы и руки, то ноги и руки. На уровнѣ почвы вырисовывались профили труповъ, одѣтыхъ въ форму національной гвардіи: зрѣлище было ужасно... отвратительный запахъ несся изъ этого сада; минутами и на иныхъ мѣстахъ онъ насыщался зловоніемъ." Газеты прибавляли даже, что ночью глухіе стоны и мучительные крики вырывались изъ этихъ гніющихъ нагроможденій. Черезчуръ поспѣшно очищали телѣги, и не одинъ, похороненный заживо, еще бился и хрипѣлъ въ общей могилѣ!

Тьеръ, ликуя по поводу такого полнаго осуществленія своего желанія, сообщалъ своимъ префектамъ: „Земля усѣяна ихъ трупами; это ужасное зрѣлище да послужитъ урокомъ." Однако, самое буржуазію охватилъ страхъ передъ головокружительнымъ нагроможденіемъ всѣхъ этихъ ужасовъ. Отвратительныя мясныя мухи заражали воздухъ, и улицы покрылись стрижами, умершими вслѣдствіе укусовъ этихъ мухъ. Заправилы испугались заразы и газеты забили тревогу. „Не слѣдуетъ допускать, писала одна изъ нихъ, чтобы эти мерзавцы, причинившіе намъ столько бѣдъ живыми, могли-бы еще повредить намъ и послѣ своей смерти." Груды гніющаго мяса, которыя представляли собою все, что осталось отъ этихъ „мерзавцевъ," обсыпаны были хлоромъ, но отъ этого заразительныя испаренія не уменьшились. Попробовали тогда залить эти трупы не-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

гашенои извѣстью и сжечь ихъ при помощи петролеума. Но все было напрасно, потому что убійства продолжались попрежнему. Трупы все прибывали. Нужно было остановиться, или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать „передышку“, какъ это требовалъ Paris-Journal. Только теперь раздались первые призывы къ милосердію. „Довольно казней, довольно крови, довольно жертвъ!“ воскликнулъ National; Temps изрекъ: „Настало время различать вождей отъ слѣпыхъ исполнителей и простыхъ солдатъ.“ А Opinion National писалъ: „Народу съ осуществленіемъ правъ правосудія требуется серіозное разслѣдованіе преступленій, совершенныхъ обвиняемыми. Желательно было-бы, чтобы смертной казни подверглись только истинно виновные.“ Такимъ образомъ, залпы экзекуціонныхъ взводовъ могли поутихнуть, и могла начаться очистка. Вслѣдствіе той-же причины удлинились и вереницы плѣнныхъ, направлявшихся по дорогѣ къ Версалю.

Столица реакціи была уже переполнена заключенными. Съ понедѣльника 22-го мая туда направлены были сначала сотни, а затѣмъ тысячи плѣнныхъ: „обыкновенные“ военныхъ судовъ, схваченные солдатами, которымъ послѣдніе, утомившись стрѣльбой, случайно даровали жизнь, наконецъ тѣ мущины и женщины, которые, будучи схвачены, оказались случайно въ рукахъ менѣе свирѣпыхъ воинскихъ отрядовъ, такъ какъ все зависѣло въ этотъ моментъ отъ простой случайности, и спасался отъ разстрѣла иногда такой человѣкъ, который, если бы былъ схваченъ въ сосѣдней улицѣ или даже въ какомъ либо зданіи на другой сторонѣ той-же улицы, былъ-бы уже десять разъ разстрѣлянъ.

Что-же было, однако предпочтительнѣе въ эти жестокіе дни: стѣна или тюрьма? Этотъ вопросъ задавала себѣ женщина великой души, которая была участницей и борцомъ въ только что совершившихся событіяхъ и непосредственно наблюдала все происходившее: Андре Лео.

„Но въ концѣ концовъ, замѣчаетъ она, говоря объ убитыхъ, они уже не существовали. Ужасъ, отвращеніе и горечь потухли въ ихъ сердцахъ, переставшихъ биться, они перестали страдать. Но какую долгую муку предстояло вынести плѣннымъ! А въ заключеніе—иногда какую смерть! Всѣхъ женщинъ, какъ и мужчинъ, въ Версаль конвоировали пѣшкомъ; они проходятъ Парижемъ среди ревущей, сопровождающей ихъ толпы; она надѣляетъ ихъ ударами, ругаетъ, свиститъ и время отъ времени кричитъ: на колѣни! и это приказаніе солдаты заставляютъ плѣнныхъ исполнять, прицѣливаясь въ нихъ изъ ружей. Въ эти послѣдніе дни мая, подъ палящимъ солнцемъ, плѣнныхъ заставляютъ идти цѣлыя мили съ открытой головой. Почему? Потому, что бандитамъ неприсгойно быть въ шапкахъ передъ честными людьми! Такъ выражается Figaro“. *)

Около укрѣпленій плѣнныхъ принимали и окружали кавалерійскіе отряды и, ускореннымъ шагомъ кавалерійской лошади, гнали ихъ въ Версаль. Они шли въ пыли, подъ палящимъ небомъ, съ окровавленными ногами, пересохшимъ горломъ, оглушенные, обезумѣвшіе, полусумашедшіе; печальный и жалкій кортежъ, составленный изъ всѣхъ тѣхъ, кого, не разбирая, бросили въ него бѣшенство и страхъ, подозрѣніе и месть, или простая случайность.

*) André Léo. Les Défenseurs de l'Ordre à Paris en mai 1871.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Тутъ были федералисты въ формѣ гвардейцевъ, но ихъ было очень мало, такъ какъ большинство было перебито на мѣстѣ; тутъ были солдаты, перешедшіе на сторону возстанія, которые выдѣлялись своими плащами, вывернутыми на изнанку по спеціальному приказу; были пожарные Коммуны; люди въ блузахъ или въ пиджакахъ; были тутъ старыя и молодыя женщины, нѣкоторыя въ скромныхъ платьяхъ работницъ, другія одѣты были въ костюмахъ горожанъ, нѣкоторыя въ глубокомъ траурѣ, многія съ грудными дѣтьми на рукахъ и болѣе старшими, цѣплявшимися за ихъ юбки. Все это въ цѣломъ составляло одну массу, гуртъ плѣнныхъ мущинъ и женщинъ, связанныхъ другъ съ другомъ по рукамъ въ одинъ рядъ, а ряды между собою соединены были однимъ канатомъ, который протянутъ былъ вдоль лѣваго фланга толпы. Горе тому, который спотыкался, пріостанавливался на пути, падалъ, не выдержавъ столькихъ мученій и пытокъ; ударъ штыкомъ подымалъ его на ноги; если-же онъ падалъ снова, то револьверная пуля оканчивала его крестный путь.

Какъ-бы случайно, генералы или офицеры высшихъ ранговъ находились на пути этапа, и онъ долженъ былъ платить имъ кровавую подать. Галлифе, котораго самъ Тьеръ, какъ утверждаютъ, считалъ болѣе благоразумнымъ держать въ аріергардѣ, въ сторонѣ отъ немедленныхъ репрессій, игралъ роль главнаго мастера въ этого рода упражненіяхъ. Онъ появлялся внезапно, называлъ себя по имени и облегчалъ колонну, глядя по фантазіи момента, выбирая то самыхъ юныхъ, то самыхъ старыхъ, то самыхъ усталыхъ, то самыхъ бодрыхъ, то наиболѣе оборванныхъ, то всего лучше одѣтыхъ. Его удальство подробно описывалось во французской и иностранной прессѣ, и онъ никогда не опровергалъ этихъ извѣстій. „Въ воскресенье утромъ, писалъ Tricolore въ № отъ 30-го мая, изъ числа болѣе чѣмъ 2000 федералистовъ 111 были разстрѣляны во рвахъ Пасси, и притомъ при условіяхъ, которыя ясно говорили, что побѣда воспользовалась въ полной мѣрѣ своимъ положеніемъ. „Всѣ сѣдые, выходите изъ рядовъ! произнесъ Галлифе, распоряжавшійся экзекуціей. Число сѣдыхъ оказалось 111. Отягчавшимъ ихъ вину обстоятельствомъ являлось то, что они были современниками 1848 г.“ Большая торійская газета Standart въ № отъ 1-го іюня сообщала о 150 плѣнныхъ, перебитыхъ во вторникъ, 30-го мая, у воротъ Майльо при аналогичныхъ условіяхъ.

Когда колонны достигали Версаля, ихъ встрѣчалъ весь бомондъ, сбѣгавшійся, какъ на спектакль, всѣ распутники и распутницы „хорошаго общества“. Господа въ перчаткахъ и дамы въ платьяхъ съ оборками набрасывались на обезумѣвшее и мрачное стадо, которое держала въ повиновеніи солдатчина съ обнаженными саблями и заряженными ружьями. Они ругали и гнусно оскорбляли несчастныхъ, лишенныхъ возможности сопротивляться; господа своими тросточками, а дамы своими зонтиками били, по чему попало, стараясь, впрочемъ, попасть въ глаза. Жены жандармовъ и городовыхъ, смѣшавшись съ людьми изъ высшаго общества, плевали плѣннымъ въ лицо, давали имъ пощечины, вырывали у нихъ бороды и волоса, и не одна кумушка, не одна кокотка подражали имъ. Эти безобразныя сцены вызвали негодованіе очевидцевъ ихъ, корреспондентовъ иностранныхъ газетъ, даже самыхъ консервативныхъ, какъ Times и Standart. „Какая-же разница послѣ этого существуетъ, писалъ Times,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

между партизанами Коммуны и сторонниками версальскаго правительства?“ Послѣ Версаля—конечнымъ пунктомъ, т. е. временнымъ пунктомъ въ ожиданіи понтонъ, каторжныхъ работъ или поля экзекуціи,—былъ Сатори, имъ завершалось это шествіе, въ сто разъ болѣе мучительное и скорбное, чѣмъ легендарное шествіе Христа на Голгофу. Въ Сатори или въ Оранжереѣ уляжется, наконецъ, подъ дулами пушекъ и заряженныхъ митральезъ это печальное стадо, отданнымъ подъ надзоръ еще худшихъ палачей, чѣмъ его прежніе конвойные. Счастливы мертвецы!—какъ говоритъ Андре Лео, они, по крайней мѣрѣ, не испытываютъ больше мученій.

Пережившіе и избѣгнувшіе этого ада и теперь еще, спустя тридцать пять лѣтъ, говорятъ о немъ съ чувствомъ непреодолимаго отвращенія, ужаса и почти страха. Сатори не было тюрьмой, это былъ хлѣвъ, въ которомъ кишѣли облѣпленные червями, а вскорѣ и покрытые гнойными язвами тысячи мужчинъ, женщинъ и дѣтей; пищей имъ служила корка хлѣба, и питьемъ—рѣдкая вода, загрязненная испражненіями.

Въ этотъ хлѣвъ палачъ спускался во всѣ часы дня и ночи и отмѣчалъ по своему выбору жертвы для казни, которыхъ тотчасъ-же и казнили.

Кто желаетъ болѣе точно познакомиться съ судьбой, уготованной Версалемъ для своихъ военноплѣнныхъ, съ тѣмъ, что Тьеръ и его сотрудники по репрессіи называли „искупленіемъ“, тотъ пусть прочтетъ слѣдующій разсказъ. Разсказъ этотъ, независимо отъ того, что онъ знакомитъ съ сущностью положенія, отличается еще и тѣмъ достоинствомъ, что напечатанъ онъ былъ въ самой реакціонной газетѣ того времени—въ Gaulois и написанъ рабочимъ, наборщикомъ въ типографіи Gaulois, который самъ не безъ гордости заявляетъ, что онъ былъ противникомъ Коммуны, и хвастаетъ, что съ 18-го марта по 21-ое мая онъ прятался, чтобы не служить революціонному правительству. Бѣдняга! въ тотъ самый моментъ, когда онъ считалъ себя „освобожденнымъ“, онъ былъ схваченъ въ типографіи Gaulois патрулемъ версальцевъ, отведенъ въ паркъ Монсо, а оттуда препровожденъ въ Сатори. Мы опускаемъ начало разсказа, гдѣ весьма трогательно описывается, какъ автора разъединили съ его юнымъ сыномъ, и переходимъ прямо къ нашей темѣ. Вотъ, какъ разсказываетъ этотъ несчастный о томъ, что онъ видѣлъ и вытерпѣлъ, а съ нимъ и тысячи другихъ.

„Насъ загнали въ огороженное пространство; передъ нами были зубчатыя стѣны, а за ними вооруженные солдаты. Съ другой стороны на насъ направлены были митральезы; ихъ я никогда ранѣе не видалъ. Сосѣдъ спросилъ, „что это такое“? Жандармъ, зѣвая, отвѣтилъ: Это? это—кофейныя мельницы! ими завтра очистятъ все мѣсто“... Жандармы приказали намъ лечь, мы повиновались. Тѣ, которые было замѣшкались, тоже упали, но чтобы уже не вставать: ихъ разстрѣляли...

...Слѣдующій день не принесъ намъ никакой перемѣны. Мы продолжали лежать. Какъ только кто-либо изъ насъ приподымался, пули свистѣли надъ нашими головами. Днемъ еще было сносно, но ночью полилъ крупный дождь и лилъ не прекращаясь. Скоро земля размокла, положеніе наше стало невыносимымъ. Наша одежда, прилипшая сначала къ тѣлу, уходила въ почву: грязь и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

люди составляли теперь, какъ-бы одно цѣлое. Наиболѣе смѣлые пытались было встать, но при каждомъ движеніи смертоносныя орудія изрыгали свинецъ и раздавались проклятія пьяныхъ солдатъ; и пули, пущенныя на угадъ, попадали „въ кучу“, какъ выразился одинъ изъ офицеровъ.

...Когда разсвѣло, представившаяся нашимъ глазамъ картина была ужасна: среди всей этой грязи видны были кровавыя лужи; мертвые и раненые лежали въ перемежку, послѣдніе безъ всякой помощи; это было страшно! Меня вывелъ изъ моего оцѣпененія какой-то сильный шумъ, онъ все усиливался, а ему вторилъ какой-то другой шумъ. Вскорѣ я поступилъ какъ и другіе: я смотрѣлъ. Приближалась подъ конвоемъ толпа женщинъ и дѣтей. Дѣтей!

Женщины шли всю ночь и благодаря дождю, лившему съ промежутками, черезчуръ тонкія ткани ихъ платій разорвались, многія женщины были почти обнажены до пояса, что же касается до ихъ обуви, то дорожная грязь съѣла ее; женщины шли босыми. Такихъ можно было отличить отъ другихъ, потому что онѣ хромали.

...Это повторялось пять разъ въ теченіе сутокъ. Наконецъ, очередь по алфавиту дошла до меня и я предсталъ передъ офицеромъ. Я не помню, что я ему сказалъ; я говорилъ о холодѣ, о голодѣ, о дождѣ и особенно о ребенкѣ... Онъ отправилъ меня обратно. На слѣдующій день меня втолкнули въ скотскій вагонъ и везли въ теченіе 22 часовъ! Я потерялъ всякое представленіе о днѣ и ночи. Когда я вышелъ изъ вагона, то не зналъ, разсвѣтъ-ли это или закатъ.“ *)

Эта картина перенесенныхъ страданій, нарисованная мущиной, позволяетъ представить себѣ, какова была судьба женщинъ и дѣтей, изъ которыхъ нѣкоторыя должны были провести въ этомъ аду цѣлые мѣсяцы. Но какое дѣло было палачамъ до этихъ женщинъ и до ихъ дѣтей? Figaro, забѣгая впередъ въ виду возможнаго проявленія чувства жалости, говорилъ: „Пусть успокоятся, вспомнивъ, что всѣ дома терпимости столицы открыты были протежировавшими имъ національными гвардейцами, и что большинство изъ этихъ дамъ были ранѣе обитательницами этихъ учрежденій.“ А Дюма-сынъ, патентованный моралистъ театра и алькова, заявилъ, утаптывая ногами трупы: „Мы ничего не скажемъ о ихъ самкахъ (подругахъ федералистовъ) изъ за уваженія къ женщинамъ, на которыхъ онѣ походятъ, когда мертвы“. Вспомните при этомъ, въ видѣ контраста, свободный отъ всякихъ притѣсненій и дурного отношенія арестъ, практиковавшійся съ соблюденіемъ уваженія къ личности и достоинству, которому Коммуна подвергала своихъ собственныхъ заключенныхъ, даже и самихъ заложниковъ, и скажите: на чьей сторонѣ были варвары и на какой цивилизованные люди?

Сколько же было этихъ несчастныхъ, страданія которыхъ мы только что пытались описать? Въ данномъ случаѣ Версаль даетъ всетаки нѣкоторыя цифры: только мертвецы лишены были статистики. По оффиціальнымъ документамъ значилось: арестовано мущинъ—36.859, женщинъ—1.058, дѣтей—651. Но эти цифры несомнѣнно ниже дѣйствительныхъ ,такъ какъ генералъ Апперъ и его сотоварищи,

*) Gaulois 21-го сентября 1871 г. Выписка изъ статьи: Quatre mois de captivité.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

военные статистики, не помѣстили въ это число 5 или 6.000 арестованныхъ, которымъ удалось доказать свою полную непричастность къ движенію и которые содержались только незначительное время. 45.000 арестованныхъ вотъ та цифра, которая, на основаніи различныхъ, заслуживающихъ довѣрія данныхъ, кажется болѣе точной и нисколько непреувеличенной. 20.000 съ 21-го по 29-е мая, 25.000 въ теченіе слѣдующихъ двухъ мѣсяцевъ. Въ началѣ главная масса арестована была прямо на улицахъ и во время обысковъ, произведенныхъ въ домахъ подъ видомъ отобранія оружія. Отсюда происходили неизбѣжныя недоразумѣнія, въ родѣ, напримѣръ, того, жертвою котораго сталъ наборщикъ газеты Gaulois, печальныя похожденія котораго мы только что разсказали. Нѣкоторое число переодѣтыхъ въ штатское платье священниковъ и типичныхъ реакціонеровъ также были благодаря такому способу арестовъ захвачены въ первые этапы плѣнныхъ, туда-же попадали и дамы „изъ лучшаго общества," которыя на улицахъ Парижа и Версаля очень легко сошли за „низкихъ петролейщицъ," о которыхъ трубили ихъ газеты. Но, спустя нѣсколько дней, аресты приняли болѣе методичный характеръ. Войска были руководимы въ своихъ поискахъ „комитетами чистки", составленными изъ буржуа, жившихъ въ кварталахъ, а также доносчиками-добровольцами. Для послѣднихъ полицейскія книги заявленій были всегда братски открыты, и число доносовъ съ 24-го мая по 13-е іюня достигло баснословной цифры 379.828. Одна уже эта черта говоритъ, болѣе, можетъ быть, чѣмъ все другое, о низости побѣдившаго класса и о характерѣ той безпощадности, которую онъ желалъ внести въ репрессіи.

Весьма понятно, что правительство не могло судить такое громадное число арестованныхъ съ соблюденіемъ всѣхъ законныхъ формъ правосудія, даже пользуясь упрощеннымъ производствомъ военныхъ судовъ. Оно не могло этого сдѣлать еще и потому, что не предприняло заранѣе никакихъ шаговъ, и кажется несомнѣннымъ, что оно просто не желало имѣть плѣнныхъ и разсчитывало, что армія не будетъ брать въ плѣнъ.

Но эти плѣнные были все-таки теперь на лицо. Невозможно было разстрѣлять ихъ всѣхъ, этого нельзя было сдѣлать на глазахъ волнующейся Франціи и внимательно слѣдившей за всѣмъ Европы. Этому приходилось подчиниться, и поэтому съ августа эра юридическаго возмездія наслѣдовала эрѣ военныхъ экзекуцій. Но, несмотря на это, мученія побѣжденныхъ продолжались еще въ теченіе долгихъ недѣль. 30.000 изъ нихъ, на которыхъ уже заранѣе смотрѣли, какъ на осужденныхъ, были эвакуированы на понтоны и въ форты Ламанша и берега Атлантическаго океана, гдѣ они встрѣчали послѣ переѣзда въ скотскихъ вагонахъ, тянувшагося 25, 30 и 32 часа, тѣ-же насилія и тѣ-же мученія, которыя они уже испытали ранѣе въ Сатори. Изъ ихъ числа 1179 человѣкъ умерли.

Благодаря такому размѣщенію арестованныхъ, версальская юстиція употребляла большую часть своего времени на доставку своихъ жертвъ въ засѣданія суда. Но, эти жертвы были такъ мало виновны даже въ глазахъ самихъ этихъ кровожадныхъ звѣрей, призванныхъ рѣшить ихъ судьбу, доказательства ихъ преступленій такъ основательно отсутствовали, что всѣ эти Гаво, Мерлины, Боаденеме, Жобеи, Делапорты и подобные имъ могли въ об-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

щемъ произнести всего 10.137 противорѣчивыхъ приговоровъ, изъ которыхъ 9.285 только за вооруженное возстаніе и незаконное отправленіе общественныхъ должностей. Такимъ образомъ, противъ 30.000 человѣкъ обвиненіе было просто на просто прекращено, но только послѣ предварительнаго заключенія, и какого еще заключенія! которое тянулось порой цѣлые мѣсяцы, а иногда и годы.

Эти процессы, которые велись, какъ какія-то аттаки въ штыки, судьями-офицерами, унтеръ-офицерами и солдатами, у которыхъ сапоги еще не просохли отъ крови и которые судили,—о, насмѣшка!—плѣнныхъ, которыхъ не смогли убить до битвы, въ теченіе ея или во время бойни, эти процессы все-таки доказали отсутствіе тѣхъ обвиненій, тяжестью которыхъ надѣялись подавить побѣжденныхъ и опозорить ихъ въ глазахъ исторіи. Дѣло о петролейщицахъ — а ихъ было организовано подъ начальствомъ Ферре до восьми тысячъ, какъ утверждали газеты Порядка! — свелось на процессъ пяти мужественныхъ женщинъ Ретифъ, Сюэтанъ, Маршэ, Напавоанъ и Бокэнъ, присужденныхъ первыя три къ смертной казни не за поджогъ общественныхъ зданій, который не могъ быть доказанъ, а за то, что онѣ сражались на баррикадахъ.

Дѣло о поджогахъ окончилось не менѣе плачевно. Въ общемъ ни одна изъ клеветъ, направленныхъ противъ всего революціоннаго движенія или противъ наиболѣе извѣстныхъ его участниковъ въ частности, не могла быть подкрѣплена ни малѣйшимъ доказательствомъ и не дошла даже до судебнаго разбирательства. Ни одинъ изъ хитроумныхъ судей въ галунахъ не рѣшился взять на себя смѣлость обвинять коммунаровъ въ лихоимствѣ, въ кражѣ и въ грабежѣ, т. е. въ преступленіяхъ, въ которыхъ ихъ такъ щедро обвиняла буржуазная пресса. При разборѣ дѣла это грозное возстаніе, которое, по словамъ газетъ, рекрутировало своихъ адеитовъ среди обитателей всѣхъ тюремъ Франціи и всего свѣта, на всѣхъ 40.000 арестованныхъ и 13.000 осужденныхъ дало всего 2.381 человѣкъ, справки о которыхъ подтвердили ихъ прежнюю судимость за преступленія и проступки, характеризовать которые, впрочемъ, оффиціальный отчетъ, появившійся 1-го января 1875 г., воздержался. Надо еще добавить, что эта цифра получилась, несмотря на значительное число рецидивистовъ, намѣренно припутанныхъ къ слѣдствію. Наконецъ, эта инсуррекція, которую возбудили якобы иностранцы на иностранное золото, и въ которую якобы бросились съ цѣлью разжечь ея пламя всякіе авантюристы обоихъ міровъ, дала только 396 осужденныхъ—не французовъ.

Многіе изъ этихъ процессовъ разбирались съ большой помпой, особенно тотъ, который происходилъ въ 3-мъ военномъ судѣ и тянулся съ 7-го августа по 2-е сентября 1871 г. Въ числѣ обвиняемыхъ были пятнадцать членовъ Коммуны, попавшихъ въ руки непріятеля: Асси, Бильорэ, Шампи, Викторъ Клеманъ, Курбе, Деканъ, Ферре, Паскаль Груссе, Журдъ, Улиссъ Паранъ, Растуль, Режеръ, Тренке, Вердюръ и Урбэнъ, затѣмъ Ферра и Люллье изъ Центральнаго Комитета. Процессъ не далъ, однако, того, на что разсчитывалъ Версаль. Приказные въ эполетахъ были, правда, жестоки, но еще болѣе они были смѣшны. Обвиняемые также, надо признать это, не держали себя на

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

должной высотѣ. Журдъ и Груссе держали себя твердо и смѣло, но черезчуръ замкнулись въ сферѣ своей личной дѣятельности. Никто изъ обвиняемыхъ, за исключеніемъ Тренке и Ферре, не попытался поставить вопросъ на почву великаго соціальнаго состязанія, т. е. не сдѣлалъ того, что являлось единственно подходящимъ, особенно при общей слабости защиты.

Но дали-ли бы имъ говорить? Въ этомъ можно сомнѣваться, если мы припомнимъ пріемъ, который краткая „защита" Ферре встрѣтила у судей, у обвиненія и у публики. Изъ своего заявленія, которое не содержитъ въ себѣ и пятидесяти строкъ, делегатъ Коммуны въ Комиссіи Общественной Безопасности могъ прочитать только первыя и послѣднія строки. Изъ этихъ пятидесяти несчастныхъ строкъ онъ могъ произнести только то, что мы съ полной точностью сейчасъ приведемъ вмѣстѣ съ злобными перерывами предсѣдателя суда Мерлина и правительственнаго комиссара Гаво, которые помѣшали чтенію заявленія Ферре. Этотъ эпизодъ лучше всего рисуетъ судебныя пренія въ этомъ судѣ убійцъ, а также и въ другихъ судахъ, функціонировавшихъ по сосѣдству съ нимъ.

Мерлинъ. Слово принадлежитъ защитнику Ферре.

Маршанъ. — Господа, чтобы исполнить требованія закона, необходимо было назначить Ферре защитника и г. предсѣдатель назначилъ имъ меня. Мой кліентъ заявилъ о нежеланіи имѣть защитника. Прошу во имя свободы его защиты, чтобы ему самому предоставлено было слово.

Мерлинъ (обращаясь къ Ферре). — Прежде, чѣмъ дать вамъ слово, я долженъ васъ предупредить, что не потерплю ничего, что служило-бы къ прославленію Коммуны. Вамъ нечего здѣсь восхвалять, а слѣдуетъ лишь защищаться и отвѣтить на выставленныя противъ васъ обвиненія.

Ферре.—Съ цѣлью сообразоваться съ этимъ требованіемъ я и написалъ нѣсколько словъ, которыя желалъ-бы прочитать. (Читаетъ). Господа, послѣ заключенія Парижскаго Трактата, явившагося слѣдствіемъ позорной капитуляціи Парижа, республикѣ грозила опасность. Люди, унаслѣдовавшіе имперіи, павшей въ грязи и крови...

Мерлинъ. — Павшей въ грязи и крови... Я васъ останавливаю. Развѣ ваше правительство не было въ такихъ-же точно условіяхъ?

Ферре.—...эти люди цѣплялись за власть, и хотя и находились подъ гнетомъ общественнаго презрѣнія, но подготовляли въ тиши государственный переворотъ; они отказывали Парижу въ избраніи имъ своего Муниципальнаго Совѣта.

Гаво.—Это неправда.

Ферре.—18-го марта не было еще закона, разрѣшавшаго выборы.

Мерлинъ.—Я предупреждаю васъ во второй разъ; если въ третій разъ я васъ остановлю, то лишу слова.

Ферре. — (продолжая). Честныя и искреннія газеты были запрещены, лучшіе патріоты осуждены были на смертную казнь...

Мерлинъ.—Садитесь, я лишаю васъ слова и передаю его вашему защитнику, если онъ имѣетъ что-либо сказать.

Ферре.—Мнѣ осталось прочесть всего нѣсколко строкъ, и я въ особенности хотѣлъ бы прочесть послѣднія, которыя касаются исключительно меня.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Мерлинъ.—(послѣ просьбы адвоката Маршана). Пусть прочтетъ.

Ферре.—Я—членъ Парижской Коммуны и нахожусь въ рукахъ ея побѣдителей. Они хотятъ моей головы, пусть они ее берутъ. Никогда я не спасу своей жизни низостью. Свободнымъ я жилъ, такимъ-же желаю и умереть. Добавлю только одно слово. Судьба капризна. Будущему завѣщаю я вспомнить обо мнѣ и отомстить.

Мерлинъ.—Вспомнить убійцу!

Гаво.—Подобному манифесту мѣсто на каторгѣ.

Мерлинъ. — Все это не относится къ дѣйствіямъ, благодаря которымъ вы находитесь здѣсь.

Ферре. — Это доказываетъ, что я принимаю судьбу, которая мнѣ уготована.

Отвѣтомъ на эти благородныя и гордыя слова былъ смертный приговоръ. Люллье былъ вынесенъ такой же приговоръ, но только для формы, т. к. тотчасъ-же онъ былъ помилованъ. Другіе, кромѣ оправданныхъ Декана и Парана, и Курбе и Виктора Клемана, присужденныхъ къ тремъ и къ шести мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, осуждены были къ каторжнымъ работамъ безъ срока и къ ссылкѣ.

Но 30.000 труповъ, подаренныхъ реакціи ея арміей, и 45.000 заключенныхъ, агонировавшихъ на понтонахъ и въ тюрьмахъ, были еще недостаточны для утоленія жажды крови и репрессіи, охватившей реакцію. Она хотѣла-бы, чтобы ни одинъ изъ побѣжденныхъ не избѣжалъ ея рукъ, и одна мысль, что нѣкоторые изъ нихъ, перейдя границу, могутъ найти убѣжище въ гостепріимной странѣ, отравляла ея торжество и ликованье.

Уже 26-го мая Жюль Фавръ, обуреваемый подобными-же жестокими чувствами, обратился ко всѣмъ дипломатическимъ агентамъ Франціи при иностранныхъ дворахъ съ циркуляромъ, который является памятникомъ истинной низости Фавръ писалъ: „Гнусное дѣло злодѣевъ, которые въ данный моментъ надаютъ подъ героическимъ натискомъ нашей арміи, не можетъ быть смѣшиваемо съ политическими актами. Оно представляетъ собою рядъ преступленій, предусмотрѣнныхъ и наказываемыхъ уголовными законами всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Убійство, грабежъ и поджоги, систематически организованные съ адскимъ искусствомъ, не могутъ предоставить ихъ виновникамъ ничего иного, кромѣ законной кары за ихъ совершеніе. Ни одна нація не можетъ считать этихъ злодѣевъ неотвѣтственными, и присутствіе ихъ на всякой территоріи было-бы постыдно и опасно. Въ виду этого, если вы узнаете, что какое либо лицо, скомпрометированное въ парижскомъ покушеніи, перешло границы того государства, у котораго вы аккредитованы, я уполномачиваю васъ потребовать у мѣстныхъ властей его немедленнаго задержанія и тотчасъ-же извѣстить меня, чтобы я могъ оформить дѣло, пославъ требованіе о выдачѣ преступника“. Послѣ этого Фавръ еще нѣсколько разъ возобновлялъ оффиціально и оффиціозно такого-же рода попытки у разныхъ дворовъ, съ цѣлью добиться тѣхъ-же результатовъ. Буржуазная Франція, столь униженная и сговорчивая передъ европейскими монархіями, послѣ своего пораженія въ этомъ случаѣ становилась упорной, горделивой и почти вызывающей: твердо и настойчиво она требовала выдачи бѣглецовъ во имя международнаго права и всемірной нравственности.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Однако, только Испанія и Бельгія унизились до того, что сначала склонились было на эти позорныя представленія. Англія въ лицѣ своего премьера Гладстона отвѣтила, „что ея правительство должно будетъ еще изслѣдовать вопросъ, въ какомъ отношеніи и насколько лица, выдачи которыхъ требуютъ французскія власти, могутъ быть разсматриваемы, какъ политическіе преступники". Это попросту означало отказъ и урокъ, данный республиканскимъ правителямъ опустившимся еще ниже, чѣмъ бандиты Брюмера и Декабря. Этотъ отказъ британскаго правительства опредѣлилъ и рѣшенія другихъ державъ. Одна за другою большинство державъ, даже Бельгія, на которую, можетъ быть, подѣйствовалъ также и полный достоинства протестъ Виктора Гюго, открыто или-же фактически отказалась играть роль загонщиковъ для французской реакціи; въ виду этого эмигранты могли мирно поселиться на чужбинѣ.

Это мужественное и гуманное поведеніе Англіи спасло жизнь и свободу не одной тысячѣ парижскихъ работниковъ. Нѣкоторые изъ нихъ, болѣе смѣлые или болѣе счастливые, успѣли проскользнуть сквозь ячейки военной и полицейской сѣти и на другой же день послѣ пораженія Коммуны имъ удалось перейти границу. Въ іюнѣ и въ іюлѣ къ нимъ присоединились и всѣ тѣ, которымъ удалось получить паспорта и запастись необходимыми на дорогу средствами; до этого же они прятались, скрывались, бродили съ квартиры на квартиру, подвергаясь постояннымъ преслѣдованіямъ и находясь подъ угрозой быть выданными благодаря попрежнему неистовавшимъ доносамъ. Такихъ эмигрантовъ былъ легіонъ. Большинство изъ нихъ направилось прямо за Ламаншъ, гдѣ общество, которое газеты ознакомили довольно вѣрно съ парижской бойней, относилось привѣтливо къ изгнанникамъ и готово было доставлять имъ работу и занятія. Нѣкоторые остались на континентѣ, кто въ Швейцаріи, кто въ Бельгіи, даже въ Германіи, въ только что присоединенныхъ провинціяхъ, т.-е. тамъ, гдѣ еще слышался родной языкъ и, слѣдовательно, разлука съ родиной не казалась такой тяжкой и рискованной.

Какъ тѣ, такъ и другіе, были свободны, или почти свободны, ихъ уже не преслѣдовали, какъ дикихъ звѣрей; они получили право имѣть осѣдлость и возможность устроиться, и, во всякомъ случаѣ, были живы.

Къ концу іюля въ Парижѣ не было уже, можно сказать, ни одного коммунара. Изъ 100.000 человѣкъ, изъ 100.000 республиканцевъ и соціалистовъ, до самаго конца поддерживавшихъ движеніе 18-го марта, всѣ тѣ, которые не были убиты и разстрѣляны во время и послѣ битвы, или которые не гнили въ тюрьмахъ побѣдителей, всѣ бѣжали и направились въ изгнаніе безъ надежды на возвращеніе.

Именно въ этотъ моментъ затишья и оцѣпенѣнія, наступившій вслѣдъ за послѣдними судорогами, положеніе представилось въ своемъ истинномъ свѣтѣ, и реакція могла точно опредѣлить размѣры своего торжества. Цѣлые кварталы лишились своего населенія; жизнь какъ бы замерла въ нихъ. На нѣкоторыхъ улицахъ, на которыхъ ранѣе работники кишѣли, какъ муравьи, остались только старухи и самыя маленькія дѣти. 100.000 избирателей не явились къ урнамъ при муниципальныхъ выборахъ въ іюлѣ мѣсяцѣ, т.-е. черезъ два мѣсяца послѣ Кровавой Недѣли. Въ нѣкоторыхъ округахъ эта убыль обнаружилась осо-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

бенно сильно; напримѣръ, въ XX округѣ число вотировавшихъ въ апрѣлѣ— 16.300 — спустилось въ іюнѣ до 6.700 человѣкъ. Такимъ образомъ, около 10.000 избирателей, болѣе трехъ пятыхъ взрослаго мужского населенія погибло въ теченіе шторма.

Но вскорѣ одинъ еще болѣе краснорѣчивый документъ ярко и рѣшительно установилъ размѣръ потерь, нонесенныхъ инсуррекціей, и поднялъ завѣсу съ результатовъ той ужасной бойни, которая совершена была арміей по приказанію Тьера и буржуазіи. Документомъ этимъ является изслѣдованіе промышленности и торговли Парижа, предпринятое въ началѣ осени 1871 г. членами новаго Муниципальнаго Совѣта и производившееся подъ руководствомъ вождей молодого буржуазнаго радикализма—Ранка, Локроа и Аллэнъ-Тарже.

Уже генералъ Апперъ въ своемъ отчетѣ слѣдственной комиссіи о 18-мъ мартѣ далъ нѣкоторыя внушительныя статистическія данныя, указывавшія на профессіи осужденныхъ коммунаровъ. Вотъ эти данныя: писатели—2.901, слесаря-механики—2.664, каменщики—2.293, столяры—1.659, торговые прикащики—1.598, сапожники—1.491, служащіе—1.065, маляры—863, типографскіе рабочіе—819, каменотесы—766, портные—681, столяры-полировщики—636, ювелиры—528, плотники — 382, кожевники — 347, скульпторы—283, жестяники—227, литейщики—224, шапочники—210, портнихи—206, басонщики — 193, часовыхъ дѣлъ мастера — 179, позолотчики — 172, печатники обоевъ—159, формовщики—157, картонажники — 124, переплетчики — 106, преподаватели—106, инструментальщики—98 и т. д. Но эти цифры, какъ мы видимъ, относились только къ осужденнымъ военными судами, т.-е. всего къ 20.000 лицъ изъ общаго числа 100.000. Муниципальное изслѣдованіе указало на общее число исчезнувшихъ, мертвыхъ, арестованныхъ и эмигрировавшихъ, и наглядно обнаружило ужасныя потери, произведенныя реакціей въ рядахъ класса пролетаріевъ.

Оно обнаружило слѣдующее: сапожное производство, въ которомъ до 18-го марта заняты были 24.000 французскихъ рабочихъ, потеряло 12.000 убитыми, арестованными или эмигрировавшими. Въ производствѣ готоваго платья число недостававшихъ французскихъ рабочихъ превысило 5.000. Потери мебельнаго производства въ предмѣстьѣ Сенъ-Антоанъ достигли по меньшей мѣрѣ 6.000 человѣкъ, и хозяева умоляли, чтобы имъ вернули ихъ рабочихъ (конечно, не тѣхъ, которые были убиты!), такъ какъ они съ ужасомъ ожидаютъ октября, мѣсяца заказовъ, и не знаютъ, какъ имъ обойтись безъ этихъ рабочихъ. Въ строительномъ дѣлѣ потери не могли быть еще точно установлены, но изслѣдованіе указывало, что всѣ мастера маляры должны были быть замѣщены учениками и что 3.000 кровельщиковъ, свинцовыхъ и цинковыхъ дѣлъ мастеровъ отсутствуютъ. Производство бронзы недосчитывалось 1.500 своихъ лучшихъ рабочихъ. Такія же потери отмѣчены были среди механиковъ и рабочихъ по металлу. Маляры вывѣсокъ обычно изобиловавшіе, продолжаетъ отчетъ, совершенно отсутствуютъ. Такого-же рода данныя констатированы были и по отношенію ко всѣмъ отраслямъ промышленности, производящимъ такъ называемыя парижскія издѣлія (article de Paris), въ которыхъ въ предыдущіе годы работало болѣе, чѣмъ 20.000 рабочихъ. Наконецъ, фабриканты

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

швейныхъ машинъ заявили, что ихъ производству грозитъ полное разореніе, такъ какъ работницы, покупавшія раньше ихъ машины, совершенно исчезли. Одинъ изъ этихъ фабрикантовъ утверждалъ, что у него на рукахъ на 400.000 франковъ подписокъ, выданныхъ этими работницами взамѣнъ машинъ, взятыхъ ими на выплату, и что изъ этой суммы только четвертая часть будетъ выплачена, такъ какъ три четверти остальныхъ, выдавшихъ росписки, не даютъ о себѣ знать и исчезли.

Версаль, однако, еще меньше заботился о Парижѣ, уже разбитомъ, чѣмъ ранѣе онъ заботился о Парижѣ, еще полномъ силы. Его мало трогали вопли и жалобы столицы, даже если они исходили и отъ собственныхъ его кліентовъ. За революцію, совершенную или допущенную городомъ, онъ долженъ былъ отвѣчать весь цѣликомъ. Тьеръ даже насмѣшливо предлагалъ мебельнымъ фабрикантамъ предмѣстья Сенъ-Антоана своихъ пѣхотинцевъ и артиллеристовъ, чтобы замѣнить ими отсутствовавшихъ рабочихъ, а для оттѣненія этого отвѣта военные суды еще болѣе усилили экзекуціи и свои обвинительные приговоры.

Теперь этихъ фабрикъ убійствъ функціонировало уже 26: въ Версалѣ, въ Парижѣ, въ Венсеннѣ, въ Сенъ-Клу, въ Монъ-Валерьенѣ, въ Севрѣ, въ Сенъ-Жермэнѣ, въ Рамбулье, въ Шартрѣ; остальные суды засѣдали въ мѣстахъ расположенія главныхъ военныхъ округовъ. Обвиняемыхъ спѣшно приводили цѣлыми дюжинами; ихъ вводили въ судъ въ наручникахъ; многіе изъ нихъ лишены были даже оффиціальныхъ защитниковъ, но зато лжесвидѣтелей было сколько угодно:— полицейскихъ, сыщиковъ; судьи ободряли ихъ жестомъ или словомъ; свидѣтелей защиты не было, т. к. они не осмѣливались являться на судъ изъ опасенія въ свою очередь подвергнуться аресту. Обвиненіе, допросъ и рѣшеніе, все вмѣстѣ тянулось не болѣе десяти минутъ.

Такимъ образомъ вынесено было 270 смертныхъ приговоровъ, изъ которыхъ 8 пришлось на долю женщинъ. Къ срочнымъ и пожизненнымъ каторжнымъ работамъ присуждены были 410 обвиняемыхъ, въ томъ числѣ 29 женщинъ. Въ ссылку въ крѣпость осуждены были 3.989 человѣкъ, изъ нихъ 20 женщинъ; въ простую ссылку послано было 3.507 чел., въ томъ числѣ 16 женщинъ и 1 подростокъ; къ тюремному заключенію присуждены были 1.629 чел., изъ нихъ 8 женщинъ; къ простому заключенію— 64, въ томъ числѣ 10 женщинъ; къ общественнымъ работамъ присуждены были 29. Къ аресту болѣе, чѣмъ на годъ присуждены были 1.344 чел., изъ нихъ 15 женщинъ и 4 подростка; къ аресту отъ 3 мѣсяцевъ до 1 года—1.622, въ томъ числѣ 50 женщинъ и 1 подростокъ; къ аресту менѣе, чѣмъ 3 мѣсяца — 432. Къ изгнанію присуждены были 322 человѣка, а 117, въ томъ числѣ 1 женщина, присуждены были къ отдачѣ подъ полицейскій надзоръ. Вотъ мрачный балансъ къ 1 января 1875 г. по отчету министра юстиціи третьей республики, въ правленіе Макъ-Магона. Надо еще отмѣтить, что это краткое сведеніе счетовъ одержанной побѣды не коснулось приговоровъ, произнесенныхъ по поводу событій, совершенныхъ въ провинціи.

Ничто не противодѣйствовало приведенію въ исполненіе этихъ низкихъ приговоровъ. Знаменитая Комиссія Помилованія, назначенная 17 іюня Націо-

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

нальнымъ Собраніемъ по предложенію самого Тьера, который лицемѣрно сваливалъ съ себя на нее заботу объ отпускѣ по капелькамъ буржуазнаго милосердія, не постановила даже и въ пятидесяти случаяхъ смягченія наказаній. Общественная совѣсть и заклеймила ее заслуженнымъ названіемъ Комиссіи Убійцъ. 28-го ноября эта Комиссія позволила разстрѣлять или, вѣрнѣе, разстрѣляла Росселя, Ферре и сержанта Буржуа, отведенныхъ въ наручняхъ на Саторійское поле; ихъ спокойное мужество заставило поблѣднѣть самихъ палачей. 22-го февраля 1872 г. та же Комиссія разстрѣляла трехъ якобы убійцъ генераловъ Леконта и Клемана Тома — Герпинъ-Лакроа, Лагранжа и Верданье, явно невиновныхъ; они умерли при крикахъ „да здравствуетъ Коммуна!" 19-го марта она разстрѣляла Про и Веделя, осужденныхъ за то, что они держали фонари во время ночной экзекуціи въ улицѣ Шодэ, совершенной по распоряженію Рауля Риго въ тюрьмѣ Сенъ-Пелажи. 30-го апрѣля они убили мужественнаго, раненнаго на баррикадахъ Жентона, который притащился на мѣсто экзекуціи на своихъ костыляхъ. 25-го марта очередь настала для кожевника Серизье, начальника знаменитаго 101-го батальона XIII округа, для Буена и Будена, замѣшанныхъвъ убійствѣ доминиканцевъ Аркейля; своимъ хладнокровіемъ они пристыдили солдатъ экзекуціоннаго взвода. 6-го іюля двѣ новыя жертвы разстрѣляны были на томъ же полѣ: Бодоань и Рульякъ. 24-го іюля Комиссія казнила сразу четверыхъ: Франсоа-смотрителя тюрьмы Ла-Рокетъ при Коммунѣ, Обри, Даливу и де Сентъ-Смера, приговоренныхъ къ смерти за дѣло улицы Гаксо. 18-го сентября Комиссія ограничилась тройнымъ разстрѣломъ: Денивелля и Дешана, обвиненныхъ въ убійствѣ офицера федералистовъ Бофора, и Лолива, заподозрѣннаго въ участіи въ разстрѣлѣ заложниковъ въ Ла-Рокетъ. 22-го января совершена была послѣдняя, тоже тройная, казнь члена коммуны Филиппа изъ XII округа, взятаго съ оружіемъ въ рукахъ, Бено и Декана — поджигателей, по словамъ обвинительнаго акта.

Осужденные въ ссылку тоже не были забыты. Правительство долго колебалось въ выборѣ такого мѣста для далекой каторги, гдѣ бы возможно было навсегда схоронить мужественныхъ людей, которые осмѣлились возстать и бороться противъ него; рѣшено было наконецъ избрать Новую-Каледонію, недоступный и пустынный утесистый островъ у антиподовъ въ шести тысячахъ миль отъ матери-родины. Осужденные ожидали, впрочемъ, отправки въ мѣсто ссылки, уже находясь на каторжныхъ работахъ, и на какихъ еще работахъ! Нужно только почитать описанія ихъ въ автобіографіяхъ тѣхъ, которымъ пришлось испытать ихъ *); — фортъ Бояръ, Сенъ-Мартенъ де Ре, островъ Олеронъ, островъ Э, фортъ Келернъ, Тулонскій Арсеналъ видѣли этихъ осужденныхъ—съ ядромъ, прикованнымъ къ ногѣ, и бичи и плети свистѣли въ ихъ ушахъ. Наконецъ день отправки наступилъ; 3-го мая 1872 г. Danaé съ тремя стами ссыльными открыла шествіе. За ней послѣдовали: Guerrière, Garonne, Var, Rhin, Sybille, Orne, Calvados, Virginie — зловонныя клѣтки, очаги заразы и пловучія подобія ада. Ссылаемые, къ которымъ относились хуже, чѣмъ къ уголовнымъ преступникамъ, подвергались всякаго рода оскорбленіямъ и му-

*) Справьтесь въ Memoires d'un Communard, Iean Allemane.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ченіямъ въ теченіе этого переѣзда, продолжавшагося по меньшей мѣрѣ пять мѣсяцевъ и доставившаго акуламъ обильную трапезу.

Тутъ были мущины: члены Коммуны — Паскаль, Груссе, Журдъ, Растуль, Вердюръ, Тренке, Амуру; агенты революціоннаго правительства — Фонтэнъ, Анри Бриссакъ, Люципіа, Дакоста, Рокъ де Филоль, Бальсанъ; борцы, которымъ не удалось получить пулю-освободительницу на полѣ битвы — Лисбоннъ, Чипріани, братья Аллеманы, Анри Плясъ; писатели — Рошфоръ, Альфонсъ Гюмберъ, изъ Pere Duchêne — Марото, Альберъ Грандье; изъ Rappel—Оливье Пэнъ. Были и женщины; еще болѣе выносливыя и болѣе твердыя, чѣмъ мущины; напримѣръ, Луиза Мишель, требовавшая отъ судей смерти, но они отказали ей. „Я не желаю защищаться, сказала она этимъ рубакамъ, когда предстала передъ ними, и не хочу, чтобы меня защищали! Я вся цѣликомъ принадлежу соціальной революціи и заявляю, что готова принять отвѣтственность за всѣ мои дѣйствія. Я принимаю эту отвѣтственность безъ всякихъ ограниченій. Вы обвиняете меня, что я участвовала въ разстрѣлѣ генераловъ? На это я заявляю: Да, если-бы я находилась на Монмартрѣ, когда они собирались стрѣлять въ народъ, то ни одной минуты не поколебалась-бы заставить стрѣлять въ тѣхъ, кто отдавалъ подобныя приказанія. Что-же касается парижскихъ пожаровъ, то я участвовала въ нихъ, я хотѣла противопоставить нападающимъ преграду изъ огня. У меня нѣтъ соучастниковъ; я дѣйствовала по собственнымъ побужденіямъ... И я прошу у васъ, которые выставляютъ себя военнымъ судомъ и которые выдаютъ себя за моихъ судей, и не прячутся, какъ Комиссія Помилованія, я прошу у васъ, Саторійскаго поля, гдѣ уже пали наши братья. Вамъ говорятъ: надо выкинуть меня изъ общества. Ну, что-же! Комиссаръ республики правъ. Такъ какъ, повидимому, всякое сердце, бьющееся за свободу, имѣетъ право лишь на кусочекъ свинца, то я требую и своей доли! Если вы оставите меня жить, я не перестану кричать о мести и передамъ убійцъ Комиссіи Помилованія мести моихъ братій. Я кончила... если вы не трусы, — убейте меня“. И военные суды задрожали передъ этой женщиной, которая вызывала ихъ съ такимъ спокойнымъ мужествомъ; они не осмѣлились приговорить ее къ смерти и осудили ее на медленную смерть, — на ссылку въ крѣпостяхъ. Она отнеслась къ своей участи стоически, и на палубѣ Virginie, которая увозила ее далеко отъ Франціи, отъ матери, отъ всего, что ей было дорого, она утѣшала своихъ сотоварищей по неволѣ, какъ она будетъ утѣшать и поддерживать ихъ и въ концѣ переѣзда, на землѣ изгнанія, всегда сохраняя въ своей несокрушимой душѣ надежду и вѣру, вѣру въ великое дѣло пролетаріата, надежду на неизбѣжное отмщеніе.

Вотъ и все. Въ эти дни искупленіе было завершено, и оно было полное. Законами, посредствомъ законовъ, посредствомъ своихъ законовъ буржуазная реакція, какъ этого и требовалъ Тьеръ, приложила печать къ своему торжеству. Она совершила этотъ ударъ грандіознѣе, чѣмъ въ іюнѣ и въ декабрѣ. Она сломила рабочій классъ, выпустила изъ него всю кровь, выбросила изъ его среды на цѣлые годы его наиболѣе смѣлые и мятежные элементы. Передъ этимъ ея послѣднимъ преступленіемъ всѣ предыдущія ея преступленія, бывшія въ исторіи, въ ея, по крайней мѣрѣ, исторіи, умаляются и блѣднѣютъ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Варфоломеевская ночь не унесла съ собой и 5000 жертвъ, терроръ 93 и 94 г. г. считаетъ свои жертвы развѣ только вдвое большимъ числомъ; но, какъ Варфоломеевская ночь, такъ и терроръ захватили всю территорію страны. Въ іюнѣ 48 г. убитыхъ было, можетъ быть, 10,000. На этотъ разъ ихъ надо считать въ 30000, вмѣстѣ съ другими 70000, такъ или иначе вычеркнутыми, если не изъ жизни, то изъ общества: это были посаженные въ склепы, которые не должны были возвращать разъ попавшую въ нихъ добычу, или, наконецъ, это были выброшенные изъ родного края на безконечныя скитанія въ изгнаніи. Чтобы найти въ исторіи такіе-же разительные и чудовищные примѣры, слѣдуетъ вернуться къ временамъ Рима, Мидіи и Ассиріи, къ страшнымъ избіеніямъ варварскихъ временъ, когда человѣкъ былъ для человѣка волкомъ, когда онъ это сознавалъ и открыто говорилъ объ этомъ.

Въ данномъ случаѣ столкнулись не два народа, а два класса, настолько же чуждые другъ другу, какъ ассирійцы и евреи, карфагеняне и римляне, настолько же непримиримо враждебные, какъ угнетатели и угнетаемые, какъ грабители и обираемые, какъ господа и рабы; и если существуетъ международное право и народное право между однимъ кабинетомъ и другимъ, между однимъ правительствомъ и другимъ, между одной націей и другой, то этихъ правъ нѣтъ и не можетъ быть для классовъ, которые борются въ границахъ одной и той-же страны и оспариваютъ другъ у друга не клочокъ какой-нибудь провинціи, а право на жизнь и на пользованіе плодами труда. Въ этомъ случаѣ дѣйствуетъ только одно правило, одинъ законъ — это законъ болѣе сильнаго, и горе побѣжденному!

XIX. Нѣсколько замѣчаній.

Самое затруднительное—это судить о неудавшемся движеніи. Побѣжденные всегда виновны, даже въ глазахъ людей, любящихъ ихъ и раздѣляющихъ ихъ убѣжденія. Кто наиболѣе страстно надѣялся на ихъ побѣду, тотъ весьма часто склоненъ и отнестись къ нимъ наиболѣе сурово. Въ этомъ, можетъ быть, лежитъ причина того, что Коммуна такъ мало встрѣчала и до сихъ поръ еще такъ мало встрѣчаетъ снисхожденія въ глазахъ даже симпатизирующихъ ей ученыхъ, пожелавшихъ заняться ею. Въ общемъ Коммуна получила прощеніе и полное и открытое признаніе только у пролетаріата, который, игнорируя детали и случайности, а слѣдовательно и слабость, неспособность и индивидуальныя погрѣшности ея, вспоминаетъ только объ одной баррикадѣ, картину которой онъ рисуетъ на экранѣ прошлаго, какъ эпизодъ самый героическій изъ бывшихъ до сихъ поръ и наиболѣе извѣстный въ его вѣковой борьбѣ противъ владѣющихъ Капиталомъ и Властью. Можетъ быть, это представленіе—упрощенный миражъ, не передающій ни противорѣчій, ни оттѣнковъ. Но, принимая во вниманіе общій ансамбль не является ли такое пониманіе наиболѣе вѣрнымъ и даже единственно вѣрнымъ?

Правда, — объ этомъ уже много говорилось, и мы сами старались доказать это,—Коммуна при своемъ возникновеніи явилась движеніемъ поразительно

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

спутаннымъ и смутнымъ, и ея бурное теченіе прорѣзано было различными и сложными потоками. Правда, очень многіе патріоты заблудились въ этомъ движеніи и, какъ Россель, напримѣръ, думали, что черезъ него и съ его помощью возможно было наэлектризовать истекающую кровью и умирающую Францію и бросить ее на пруссаковъ. Мечта безумная, нелѣпая надежда, но она все-таки возбуждала, несомнѣнно, не мало головъ. Правда также и то, что республиканцы, и притомъ всѣ республиканцы столицы, на одно мгновеніе явно или молчаливо присоединились къ инсуррекціонному правительству, потому что видѣли въ немъ гарантію противъ заговоровъ, замышляемыхъ въ Національномъ Собраніи и во всей странѣ выходцами реакціи и направленныхъ противъ режима, созданнаго революціей 4-го сентября. Да, все это вѣрно, и возможно даже утверждать, что, какъ республиканское движеніе Коммуна достигла нѣкотораго успѣха, что именно подъ ея давленіемъ Тьеръ, чтобы успокоить волнующіеся большіе города провинціи, долженъ былъ дать обѣщаніе сохранить республику, а затѣмъ, не могъ уже и не хотѣлъ измѣнить то, что вынужденъ былъ сдѣлать по необходимости. Можно еще прибавить, что Коммуна являлась коммунальнымъ движеніемъ, что она задавалась цѣлями децентрализаціи, широкой административной и политической автономіи, и многіе доходили даже до черезчуръ смѣлаго заключенія, что въ этомъ-то именно и заключалась ея главная мысль, ея руководящая идея и какъ-бы духовное ея завѣщаніе.

Да, всѣ эти утвержденія заключаютъ въ себѣ долю и иной разъ значительную долю истины. Надо еще добавить, что Коммуна, какъ, впрочемъ, и всякая иная революція, не развивалась сообразно какой-либо предвзятой схемѣ, по какому либо идеальному плану, въ какой-то абстрагированной пустотѣ. Сдавленная, хаотичная и подвижная, какъ сама жизнь и тѣ исключительныя условія, при которыхъ она возникла, Коммуна даетъ зрителю возможность охарактеризовать себя очень различно и иной разъ очень противорѣчиво. Конечно, она являлась патріотической, республиканской, коммунальной, но вмѣстѣ съ тѣмъ она представляла собою нѣчто иное. Прежде всего и главнымъ образомъ она была пролетарской, слѣдовательно, соціалистической, потому что пролетаріатъ, разъ двинувшись, можетъ дѣйствовать и бороться только ради соціалистической цѣли. Коммуна была—и народное сознаніе ясно видѣло и чувствовало это — рабочей инсуррекціей, которая поставила противъ эксплоататоровъ эксплоатируемыхъ вначалѣ съ цѣлью сохранить оружіе, которое желали у нихъ отнять, а затѣмъ въ цѣляхъ собственнаго ихъ освобожденія. По своей сущности и по основамъ она была первымъ крупнымъ генеральнымъ сраженіемъ Труда съ Капиталомъ. И именно потому, что Коммуна носила прежде всего этотъ характеръ, что ея республиканство являлось лишь безсознательнымъ соціализмомъ, который угрожаетъ самимъ основамъ стараго соціальнаго порядка и провозглашалъ новый порядокъ,—она и была побѣждена,, а будучи побѣждена,—задушена.

Мы уже сказали, и не отказываемся отъ этой мысли, что, еслибы революціонная Коммуна случайно захватила власть въ теченіе осады, если бы ей удались ея 31-е октября или 22-е января, она могла бы укрѣпиться и продержаться. Почему? Потому что она казалась-бы истинно патріотической и

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

была-бы дѣйствительно таковой, даже если бы и не желала этого. Оказавшись противъ завоевателя, она до извѣстной степени чисто механически явилась-бы національнымъ средоточіемъ и спаяла-бы во всякомъ случаѣ на нѣкоторое время съ вооруженнымъ пролетаріатомъ среднюю и мелкую буржуазію. Она увлекла-бы въ битву, овладѣла-бы и, слѣдовательно, подчинила-бы себѣ такія соціальныя категоріи, которыя при иныхъ обстоятельствахъ должны были избѣгнуть ея воздѣйствія, и благодаря этому она имѣла-бы возможность осуществить, даже вопреки желанію самихъ этихъ соціальныхъ категорій, глубокія реформы, которыя узаконивались-бы наличными условіями, но несомнѣнно пережили-бы сами эти условія. Такимъ образомъ, она прошла-бы одинъ изъ этаповъ по пути эволюціи и создала-бы по меньшей мѣрѣ демократическую республику, пришествіе которой и до сихъ поръ составляетъ лишь предметъ нашихъ надеждъ.

Но, когда капитуляція была уже подписана, когда миръ былъ заключенъ, а законное Собраніе уже засѣдало отъ имени страны, подобное развитіе событій становилось невозможнымъ. Буржуазія должна была роковымъ образомъ сначала ускользнуть, а вскорѣ и открыто выступить противъ Коммуны. Это и случилось въ дѣйствительности. Двумысленное положеніе продолжалось всего недѣлю. Коммуна 18-го марта почти немедленно проявила себя, какъ чисто пролетарское движеніе; чувствовалось и чуялось, что она именно такова, и вокругъ нея автоматически создалось пустое пространство. Не прошло и двухъ недѣль, какъ въ Парижѣ и внѣ его противъ Коммуны заключенъ былъ союзъ всѣхъ буржуазныхъ элементовъ, заинтересованныхъ въ сохраненіи существующаго экономическаго порядка, и она встрѣтила на своемъ пути республиканцевъ и радикаловъ въ родѣ Луи Блана, Клемансо или Бриссона, настолько-же озлобленныхъ, ядовитыхъ и безпощадныхъ, какъ самые худшіе изъ истинныхъ реакціонеровъ, желавшихъ унизить, опозорить и уничтожить ее. Въ распоряженіи Коммуны, какъ для защиты, такъ и для управленія, оставались одни только пролетаріи и рѣдкіе перебѣжчики изъ буржуазіи, потерявшіе связь съ нею, какъ съ классомъ, которые принесли съ собою только одну свою личность.

Но въ эти мартовскіе и майскіе дни 1871 г. рабочій классъ не дозрѣлъ еще для подобнаго колоссальнаго дѣла. Ясное самосознаніе еще отсутствовало среди него. Главнымъ же образомъ онъ не обладалъ въ то время даже и зародышевыми формами тѣхъ учрежденій, которымъ суждено замѣстить учрежденія капиталистическаго порядка и обезпечить и упорядочить въ обновленномъ мірѣ круговоротъ производства и обмѣна; онъ не имѣлъ еще своихъ собственныхъ профессіональныхъ и кооперативныхъ учрежденій, появленіе и развитіе которыхъ должно предшествовать пролетарскому движенію, а не слѣдовать за нимъ, потому что именно эти учрежденія, эти образующіе элементы общества завтрашняго дня являются въ наше время цѣлымъ обществомъ въ потенціи и уже заранѣе представляютъ собою самое революцію.

Такимъ образомъ, даже если мы допустимъ эфемерную гипотезу о кратковременномъ торжествѣ Коммуны, то пришлось бы сказать, что она могла-бы демократизировать существующія политическія учрежденія, проложить рабочему классу его путь, облегчить его поступательное движеніе, освободивъ его отъ нѣкоторыхъ оковъ, которыя опутываютъ его ноги, какъ какія-то каторжныя

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

ядра. Но, помимо этого, Коммуна очевидно ничего бы не дала, и ея побѣда съ точки зрѣнія чисто пролетарской и соціалистической явилась-бы безъ сомнѣнія, какъ мы уже говорили, только иною формой пораженія.

Пораженіе Коммуны въ то время, можетъ быть, имѣло еще большую цѣнность. Послѣдовавшая вслѣдъ за нимъ жестокая репрессія придала инсуррекціи, къ которой при иныхъ условіяхъ могло-бы выработаться безразличное отношеніе, трагическое величіе. Пораженіе это вырыло между правящими и управляемыми, между эксилоататорами и эксплоатируемыми, экспропріаторами и экспропріируемыми ту пропасть, черезъ которую съ тѣхъ поръ не могъ быть перекинутъ и не будетъ перекинутъ никакой мостъ. Оно глубоко отозвалось и до сихъ поръ еще отзывается въ сердцѣ всемірнаго пролетаріата и вызвало во всѣхъ странахъ автономное соціалистическое и рабочее движеніе, стремящееся все болѣе и болѣе обособиться отъ всѣхъ буржуазныхъ партій съ тѣмъ, чтобы реализовать свои собственныя цѣли и осуществить полную и абсолютную переплавку общества, осужденнаго до самыхъ своихъ основъ.

КОНЕЦЪ.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А. А. Кулешова

Важнѣйшія опечатки:

Стр.			напечатано	надо
5	6	строка снизу	иниціативъ	иниціативѣ
6	2	„ „	подписались	подписаны
„	„	„ „	11 лицъ	11 принадлежащихъ лицамъ
10	19	„ сверху	генеральнаго	главнаго
„	25	„ „	идущаго	идущимъ
12	18	„ снизу	Трошю Жюль Фавра	Трошю-Жюль-Фавра
13	10	„ „	матрацами	матрацами,
17	19	„ „	въ каретахъ	фургонахъ.
19	11	„ сверху	Bauche de Fer	Bouche de Fer.
25	5	„ „	Шоманскія	Шомонскія
28	13	„ снизу	осознано	потребовано
29	11	„ сверху	федеративные	федеральные
42	6	„ „	успѣшно	усиленно
46	3	„ „	200.000	20.000.
50	8	„ снизу	будто-бы	какъ будто-бы
54	14	„ „	Журъ	Журдъ
56	6	„ сверху	Алексъ	Алликсъ.
58	10	„ снизу	скрываемыя	скрытыя
66	8	„ сверху	Бежеръ	Режеръ.
„	21	„ „	Билорэ	Бильорэ.
„	23	„ „	вторичное	второе
81	12	„ снизу	безвозвратныхъ	безповоротныхъ
95	2	„ сверху	Ланжюлэ	Ланжюилэ
97	18	„ „	пушекъ:	пушекъ;
101	11	„ снизу	Ganlois	Gaulois
102	13	„ сверху	толкали	толкала
104	17	„ „	2 часовъ	24 часовъ
106	24	„ „	французской	Парижской
109	7	„ снизу	провинціальныя	правильныя
115	21	„ „	торжество	тождество
118	20 и 21	„ сверху	и его вице-директоръ...	при вице-директорѣ г. Маркизѣ де Плецъ, назначенномъ...
120	6	„ „	Вольми	Вальми
126	18	„ снизу	Жантили	Жантильи
„	14	„ „	Ла Вециліа	Ла-Цециліа.
127	4	„ сверху	состовшимъ	состоявшимъ
141	14	„ „	Avenir national	Avenir National
146	10	„ „	выплачиватъся	выплачиваться
147	22	„ „	Эдманъ	Эдмонъ
149	5	„ снизу	отмѣчаютъ	отмѣчаетъ
155	16	„ „	Меданской	Медонской
160	4	„ „	Хорошо	Хорошо,

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

Соціалистическая исторія

(1789—1900).

Подъ редакціей Ж. ЖОРЕСА.

I. **Ж. Жоресъ.** Учредительное Собраніе.
II. „ „ Законодательное Собраніе.
III и IV „ Конвентъ.
V. **Г. Девилль.** Термидоръ и Директорія.
VI. **П. Бруссъ и А. Тюро.** Консульство и Имперія.
VII. **Р. Вивіани.** Реставрація.
VIII. **Е. Фурньеръ и Руанэ.** Царствованіе Людовика Филиппа.
IX. **Мильеранъ и Ж. Ренаръ.** Республика 1848 г.
X. **А. Тома и Ж. Жоресъ.** Исторія второй Имперін.
XI. **Ж. Жоресъ.** Франко-Прусская война.
XII. **Л. Дюбрейль.** Коммуна.
XIII. **Ж. Лабюскьеръ.** Третья республика (1871-1885).
XIV. **Ж. Ришаръ.** 1885-1900.
XV. **Ж. Жоресъ.** Соціальные итоги XIX в.

Электронный архив библиотеки МГУ имени А.А. Кулешова

3848